

Предисловие

Полтора десятилетия, прошедшие после краха СССР, стали годами развала советской науки: как в «географическом» смысле — институционального распада ее на отдельные «суверенные» национальные Академии наук, исследовательские, аналитические, университетские центры, — так и в смысле разрушения ее потенциала. Российская наука была обескровлена прежде всего в финансовом отношении: государство «младореформаторов» по сути бросило ее на произвол судьбы, а вернее — «рынка». Особенно пострадали от этого фундаментальные естественно-научные и общественно-научные дисциплины, которые в силу самой своей сути не способны приносить сиюминутную прибыль — будь то повышение надоев молока или пополнение казны валютными поступлениями. При этом, что касается общественно-научных и гуманитарных дисциплин, то главная проблема, с которой они сразу же столкнулись — освоение мирового интеллектуального богатства социальной науки и нахождение своего места в международном сообществе ученых-гуманитариев — должна была решаться в условиях негативных изменений в структуре и составе кадрового потенциала, связанных с резким снижением социального статуса научно-образовательного сообщества страны. Ухудшения материального положения основной массы его представителей ставило их на грань выживания. Зато довольно быстро «преуспели» многочисленные отряды политтехнологов, выбросивших на рынок свой (явно незрелый) товар в виде различного рода консалтинговых фирм, PR-центров, институтов прогнозирования, анали-

тических структур и т.п. Впрочем, относительно быстро выяснилось, что технологии сами по себе обладают довольно ограниченными аналитическими возможностями, а сколько-либо действительно научное прогнозирование невозможно без фундаментальных исследований теоретического характера. Постепенно от многочисленной армии «профессиональных политологов», мелькавших на экранах телевидения и готовых выдать прогноз на любую тему — от сроков отделения Чечни от России до распада страны на самостоятельные политические образования, — фактически ничего не осталось. Сегодня их сменила (правда, все еще не в полной мере) довольно узкая группа профессиональных экспертов, владеющих информацией и — что еще более важно — способных анализировать ее на основе фундаментальных знаний науки и динамики политической практики.

И все же это был «параллельный» процесс, особенности которого вытекают прежде всего из того, что он не может быть массовым. Наряду с ним в сфере научно-образовательного сообщества наблюдались и продолжают происходить иные явления. Основными субъектами, стоящими в центре развития науки, являющимися ее основной движущей силой, продолжают оставаться рядовые представители научно-образовательного сообщества, символическими фигурами которых являются университетский преподаватель и академический исследователь (часто в одном лице). Именно их усилиями в первую очередь происходил и продолжает происходить зачастую мучительный и драматический переход от прежней — советской парадигмы развития социальной науки — к новой, свободной от официальных предписаний и запретов, заимствующей все лучшее у Запада, но и бережно сохраняющей собственные, проверенные временем и подтвердившие свою значимость традиции, осознающей свою ответственность перед студенчеством и обществом в целом.

В теории международных отношений этот процесс перехода характеризуется своими особенностями. Во-первых, данная дисциплина в условиях СССР не была массовой. Напротив, ее фундаментальные и прикладные аспекты разрабатывались ограниченным числом лиц лишь в нескольких ака-

демических институтах (ИМЭМО, ИЭМСС, ИСКАН и др.) и партийных структурах (иные из которых носили «закрытый» характер), а преподавалась она лишь в нескольких элитных вузах Москвы и Ленинграда, доступ в которые внеомклатурным путем был затруднен (а фактически невозможен) не только абитуриентам, но и преподавателям.

Во-вторых, введение в учебные планы ряда региональных вузов соответствующей дисциплины, а еще более — создание факультетов, отделений и кафедр международных отношений нередко происходило на базе кафедр и отделений иностранных языков, достаточно далеких по содержанию своего предмета от международных отношений, а в лучшем случае — на базе отделений исторических факультетов. Поэтому в числе первых перед массовым сообществом международников встала задача освоения достижений российской и мировой науки МО — задача далеко непростая, учитывая уровень обеспечения отечественных вузов научной литературой, техническими средствами, не говоря уже о финансовых возможностях обеспечения «внутренних» и зарубежных командировок. В этой связи нельзя не отметить того вклада, который внесли в создание указанной инфраструктуры зарубежные и российские фонды, выделявшие коллективные и индивидуальные гранты вузам, научным работникам и преподавателям на создание компьютерных классов, оплату пользования сетью Интернет, приобретение оргтехники, проведение конференций, финансирование научных командировок, издание научных трудов и учебных пособий и т.п. Как бы ни относиться к политическим взглядам руководства тех или иных зарубежных фондов — Сороса, Макартуров, Карнеги и др. — нельзя не признать, что ими было сделано достаточно много для выживания и развития российской науки, и в частности, науки международных отношений. Конечно, не обошлось и без некоторых негативных последствий. Одним из них стало то, что исключительная ориентация на регионы, «точечная» поддержка отдельных региональных коллективов через программу поддержки кафедр привела к фактическому разрыву отечественного научно-образовательного пространства: так,

например, адресность финансирования командировок приводила к тому, что ученому из региона гораздо легче было попасть на симпозиум или семинар в одну из столиц Европы или в американские университетские центры, чем в Москву и Санкт-Петербург.

В-третьих, вышеуказанные особенности обусловили то обстоятельство, что российская наука, а вернее говоря, ее новое массовое пополнение, влившееся в сообщество отечественных международных, по некоторым наблюдениям, несколько «подзадержалось» на стадии освоения зарубежных, прежде всего англо-саксонских достижений в исследовании международных отношений. Это не могло не наложить отпечатка на тематику и содержание отечественных разработок в данной области, так же как и на содержание учебных программ и соответствующих курсов. Некоторые из них фактически мало отличаются от своих американских аналогов, трактуя те или иные проблемы через призму взглядов и подходов зарубежных коллег.

Между тем в мировой науке МО (прежде всего американской и западной в целом) в настоящее время идет процесс самокритической ревизии собственных достижений и проблем. Одним из его результатов стало признание того факта, что западная наука не отражает в полной мере особенностей положения, потребностей, ценностей, интересов, а следовательно, условий и контекста формирования внешнеполитических взглядов представителей других стран и регионов мира. Более того, обнаружилось, что в самой западной науке существуют разные подходы к анализу и оценке одних и тех же международных событий, имеют место неодинаковые предпочтения относительно использования тех или иных исследовательских программ, опоры на те или иные теоретические парадигмы. Положение и место той или иной страны в системе международных отношений, возможности ее воздействия на мировую политику, отношение к ней со стороны других стран и прежде всего — со стороны великих держав и единственной супердержавы — внутренние и внешние проблемы и вызовы, с которыми она сталкивается — все это не может не влиять на ее внешнеполитические потребности и интересы, как и на восприятие окружающего мира ее представите-

лями, в том числе и сообществом международных. В свою очередь, различие ценностей, потребностей, интересов и восприятий не может не отражаться как на практике международных отношений, так и на теоретических взглядах. В этой связи возрос интерес к национальным школам международных отношений. Оказалось, что ТМО — это не только совокупность соперничающих методологических подходов, теоретических парадигм, научных школ, но и национальных, социокультурных восприятий и предпочтений. В одних случаях такие предпочтения облечены в относительно стройные теоретические концепции и доктрины — как, например, американская теория (и доктрина) «демократического мира», или британская теория «международного общества». В других случаях, в том числе и в нашем такого развития (пока?) не наблюдается. В более широком смысле происходит кристаллизация западной и становление восточной науки международных отношений (последняя, правда, еще не стала столь разветвленной и не получила пока сколь либо завершенного оформления — есть лишь единичные попытки ее создания, впрочем, весьма интересные и небезуспешные) нащупывающих пути плодотворного диалога друг с другом.

Годы, прошедшие после распада СССР были трудными для становления и развития отечественной науки МО. Бесспорно, однако, что за эти годы пройден большой путь. Теория международных отношений вошла в учебные планы всех вузов, в которых существуют соответствующие факультеты, отделения и кафедры, получив тем самым статус относительно самостоятельной дисциплины. Появилось и довольно динамично развивается сообщество международных со своей профессиональной Ассоциацией (РАМИ), своими журналами (Космополис, Международные процессы), ежегодными конгрессами, собирающими значительное количество как российских, так и зарубежных коллег. Издан ряд значимых работ научного и учебно-методического характера, авторы которых получили заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом...

Вместе с тем обнаружился ряд проблем, мешающих дальнейшему развитию отечественной науки МО. О некоторых из них уже говорилось выше. К ним можно добавить усталость от

официального марксизма, с которым невольно ассоциируются стремления найти общий знаменатель российских международных исследований, все еще бытующие политические пристрастия в оценке тех или иных научных выводов, оказывающие нередко негативное влияние на академические дискуссии. Выявилась и группа вопросов, связанных с нынешним состоянием российских международных исследований.

Почему одной из наиболее популярных ветвей российской ТМО стала геополитика? Каковы перспективы евразийских исследований? По какому пути стоит идти становящейся дисциплине ТМО — западному, восточному, «почвенническому» или же удастся найти собственную дорогу, создать свою национальную школу, которая впитывала бы все лучшее из мировой науки в целом и из других национальных школ и одновременно вносила бы свой незаменимый вклад в развитие мировой теории международных отношений? Как преодолеть излишнюю политизированность российской науки МО и дискуссий, происходящих в ее рамках? Возможно ли появление более-менее четко артикулированных отечественных научных школ?

Книга создавалась долго и трудно. На то есть свои объективные и субъективные причины. В самом начале нашего проекта мы нередко встречались с мнением о его полной бесперспективности. Чаще всего выдвигалось два аргумента. Первый носил эпистемологический характер. Нам говорили, что в России нет теории международных отношений, а тем более — сложившихся, и даже складывающихся национальных школ, отличающихся от западных в восприятии и анализе международно-политических реалий. Более того, такой теории не может (не должно быть) по определению: ведь не существует же российский физики или национальной математики. Наука только тогда достойна своего звания, когда она в подлинном смысле этого слова космополитична, т.е. когда она опирается на мировые исследовательские традиции и достижения, принадлежащие всему человечеству, на законы, одинаково проявляющие себя в любой части света, независимо от страны, в которой они были открыты и сформулированы. В этом свете попытки обнаружить и сформулировать некие особенно-

сти, призванные способствовать конституированию российской ТМО, воспринимаются как некое ретроградство, лжепатриотизм, рецидив стремления отгородиться от внешнего мира, замкнуться в его незнании, изобрести свою собственную теорию «для внутреннего употребления» — наподобие «теории развитого социализма» (и с теми же неминуемыми последствиями).

Второе возражение — политико-идеологического характера — основывалось на универсальности важнейших социально-экономических и политических ценностей (рыночная экономика, демократия, гражданское общество, индивидуальные права и свободы), лучше всего развитые в западных («цивилизованных») странах и быстро распространяющихся по всему миру. Стремление к осмыслению международных отношений через призму собственных, специфических реалий, традиций и ценностей воспринимались как попытки изоляции от «генеральной линии» мирового развития, возглавляемой США и Западом в целом, или еще хуже — как попытки конфронтации с ним.

На самом деле, как можно понять из ее содержания, данная работа не ставила своей целью ни противопоставление российской науки МО западным разработкам, ни старательное копирование этих последних. Цель предлагаемой вниманию читателя книги состоит в том, чтобы рассмотреть нынешнее состояние российской науки МО, оценить ее место в мировой науке, заглянуть в ее будущее, и может быть, в меру наших скромных сил, попытаться оказать какое-то влияние на это будущее. Исходя из укоренившихся в мировой науке международных отношений подходов к структуре ТМО, а также наиболее распространенных в сегодняшней России исследовательских направлений, мы сформировали структуру работы и обратились к известным отечественным ученым-международникам с просьбой высказать свое мнение по вопросам о том, в чем состоят особенности российского реализма, в каком состоянии находятся марксистские подходы к анализу международных отношений, как развиваются исследования проблем безопасности, переговорная проблематика, анализ этнополитических конфликтов и т.п.

Мы стремились охватить по возможности наиболее широкий круг авторов, работающих как в столице, так и в дру-

гих крупных университетских центрах страны, как в вузах, так и в институтах Российской академии наук, и известных своими публикациями по соответствующим вопросам.

Не все из тех, к кому мы обращались нашли время написать для этой книги соответствующий материал. Самым удивительным и вызывающим наибольшее сожаление фактом для нас оказалось то, что нам не удалось получить материала по либерализму в российской науке о международных отношениях от представителей этого, достаточно развитого, сплоченного и четко артикулированного направления. Важно, однако, отметить, что никто — в том числе и те, кто не принял участия в создании данной книги, — не ответил нам отказом, не подверг сомнению саму идею такой работы. Напротив, все сочли ее своевременной и полезной, чем очень нам помогли, и мы за это искренне им благодарны. Другая сторона вопроса состоит в том, что не все из представленных материалов могли быть включены в данную работу: одни из них не полностью вписывались в проблематику, другие не отвечали иным критериям. Сожалея об этом, мы вместе с тем благодарны этим авторам за проявленный ими интерес к основной идее данной работы и сохраняем надежду на плодотворное сотрудничество в будущем.

Хорошо известно, отношения между коллегами, не всегда выдерживают испытание коллективными работами, причем наибольшему риску подвергаются отношения между редакторами и авторами. Мы сохраняем искреннюю и смиренную надежду на то, что в нашем случае этот риск останется минимальным.

Мы не имели никакой грантовой поддержки и соответственно — возможности материального вознаграждения авторского труда. Работа создавалась на энтузиазме, что еще более увеличивает нашу признательность всем тем, кто в ней участвовал.

В заключении мы хотели бы выразить особую благодарность издателям книги и всему коллективу издательства «ПЕР СЭ» за внимание к проблематике российских отношений и своевременную публикацию данной работы.

Глава 1

Постсоветские исследования международных отношений в России: плюрализация, вестернизация, изоляционизм

И если теории, находящиеся в нашем распоряжении, являются почти исключительно западными по своему происхождению и ориентации, могут ли они способствовать адекватному пониманию преимущественно незападной мировой политической системы?

Хедли Булл (1972)

1. Введение

Драматические изменения, связанные с распадом Советского Союза и формированием новой России, ее социального и политического облика, стали предметом анализа и многочисленных публикаций как в самой стране, так и на Западе. В попытках описать социальную и политическую систему, которая появилась после СССР, эксперты изобрели множество новых концептуальных ярлыков и теорий — таких, как «электоральная монархия», «рыночный большевизм», или «нелиберальная демократия» (См., например: Клямкин, Шевцова. 1999; Reddaway и Glinski 2001; Sakwa, R. 2002, p. 455). *Действительно, Однако* даже в самом смелом полете фантазии постсоветское российское общество уже не может быть представлено как «тоталитарное», «коммунистическое», или «деспотичное». Это касается всех его сфер, в том числе и сферы общественных наук, ранее находившихся под жестким прессингом официальной идеологии — советского марксизма-ленинизма.

Но если реалии самого постсоветского российского общества привлекают довольно значительное внимание отечественной и зарубежной исследовательской мысли, то этого

нельзя сказать о тех — не менее драматических — изменениях, которые произошли и продолжают происходить в содержании российской социальной науки. До сих пор еще не было предпринято сколько-нибудь заметных систематических усилий, имеющих целью осмыслить содержание и пути накопления академического знания, появляющегося в новом российском обществе и формирующего его социокультурные и интеллектуальные основы.

Первая задача, которую мы преследуем в данной статье, состоит в том, чтобы обратить внимание отечественного академического сообщества на необходимость ликвидации указанного пробела — в данном случае в такой отрасли постсоветской социальной науки в России, как международно-политические исследования¹.

В самом деле, новая российская наука МО² продолжает оставаться малоизученной областью не только за рубежом, но и в нашей стране. На Западе, за исключением немногочисленных индивидуальных статей³, она — по контрасту с богатством исследований внешнеполитической мысли Советского Союза⁴ — не занимает сколько-нибудь заметного места в академической науке⁵. Наиболее приоритетные области исследования западных ученых далеки от изучения междуна-

¹ Мы надеемся, что подобные исследования будут предприняты представителями других социальных: лингвистики, политологии, новейшей истории, социологии. Междисциплинарный анализ посткоммунистических преобразований *был недавно предпринят* Bonker, F., K. Muller, and A. Pickel. 2002.

² В дальнейшем термины «наука МО» и «международно-политические исследования» употребляются нами как тождественные.

³ В эти исключения входят, в частности: Kubalkova, V. 1992; Patomdki, H. and C. Pursiainen. 1999; Sergounin, A. A. 2000; Tsygankov, A. P. 2003.

⁴ Подробнее о советских исследованиях МО см., в частности: Zimmerman, W. 1969; Kubalkova, V. and A. A. Cruickshank. 1985; Hough, J. F. 1986; Lynch, A. 1987; Shenfield, S. 1987; Light, M. 1988.

⁵ Со своей стороны, представители российского научного сообщества очень тщательно изучают западную науку МО. Из недавних обзоров западных теорий МО см., в частности: Международные отношения: социологические подходы. Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998; *Цыганков П.А. Теория международных отношений*. М., 2002; Теория международных отношений. Хрестоматия. Под ред. и с комментариями П. Цыганкова. М., 2002; Лебедева, 2003.

родного поведения нашей страны и ее внешнеполитической мысли. Отчасти это связано с тем, что постсоветская Россия не представляет угрозы для Запада. *Далеко не все в западной международно-политической науке осознают*, что неугрожающая Россия — не менее интересный предмет научного анализа, чем бывший СССР, и что сам по себе факт падения «железного занавеса» еще не приводит к лучшему пониманию российской внешнеполитической мысли. За небольшими исключениями (См., например, статьи А. Богатурова (2000), А. Сергунина (2000), И. Тюлина (1999)), современное состояние и перспективы российской науки МО пока еще не стали предметом анализа академического сообщества и в нашей стране. Это связано с тем, что международно-политические исследования в новой России имеют пока еще довольно короткую историю. По сути, речь идет лишь о становлении этой отрасли отечественной науки. За множественностью существующих в ней мало совместимых теоретических подходов и идеологических позиций некие общие тенденции ее дальнейшего развития едва различимы, что дает основания для широко распространенных утверждений о фактическом отсутствии российской национальной школы в мировой науке МО. Вместе с тем эти же самые причины и актуализируют важность «инвентаризации» того состояния, в котором находятся сегодня международно-политические исследования в России. Его анализ необходим для обобщения накопленного за прошедшие почти полтора десятилетия исследовательского материала, с тем чтобы осмыслить достигнутое, выявить неиспользованные резервы, а главное — попытаться найти «точки роста» отечественно науки МО.

Более того, анализ формирующейся новой российской науки МО имеет и более широкое значение. Он призван помочь нам ответить на некоторые из ключевых вопросов, касающихся постсоветской России. Как новая Россия видит себя в мире? Как она воспринимает новую международную среду? Насколько адекватны новым международным реалиям социальные и политические институты, появившиеся в стране после окончания Холодной войны? Эти вопросы яв-

ляются центральными не только для осмысления нового содержания российской науки МО, но важны и для осмысления самого нового российского общества. Ответ на них, прослеживающий процессы накопления знания в российской науке МО, может внести вклад в понимание того, насколько и в каком направлении наше общество изменилось с 1991.

Вторая задача, которую мы ставим при анализе содержания и основных ориентаций постсоветских исследований МО, имеет отношение к развитию ТМО как мировой науки. Как известно, в течение длительного времени ТМО развивалась (а во многом развивается и сейчас) как преимущественно западно-центричная и прозападная отрасль исследований. Как отмечают многие ученые, ТМО все еще слишком часто отражает политические, идеологические и эпистемологические предубеждения западной, в частности американской, цивилизации⁶. В итоге такого восприятия внешнего мира западная ТМО — как и западная социальная наука в целом — *нередко воспринимается является* не иначе ~~мым~~, как ~~изош-~~ *идеологией* и набором концептуальных инструментов, используемых в качестве средств для оправдания глобальной гегемонии Запада. Не секрет, что в различных регионах планеты западно-центричные проекты мирового порядка часто воспринимаются как неспособные установить справедливую и стабильную международную систему из-за их исключительно прозападных ориентаций и недостатка чуткого понимания других культур. По мнению ряда ученых, подобные проекты не столько способствуют продвижению диалога, необходимого для формирования новой — более эффективной и более справедливой — международной системы, сколько ведут к дальнейшему росту изоляционизма и недоверия между субъектами мировой политики (Alker, Amin, Biersteker, and Inoguchi. 1998; Rajaei, 2000; Tsygankov). Настала пора отказаться от вышеуказанного этноцентризма ТМО, который служит инструментом оправдания культурной гегемонии Запада, и выйти за его пределы. Для того чтобы сделать шаг в этом направлении, российская наука МО должна быть воспринята всерьез. Мы надеемся, что исследова-

ние ее аналитических импульсов и особенностей российского восприятия внешнеполитических реалий при отходе от чрезмерной западно-центричности ТМО поможет установлению диалога культур и тем самым — обогащению мирового международно-политического знания.

Ключевыми тенденциями современного этапа российской науки МО являются, по нашему мнению, плюрализация, вестернизация и изоляционизм. Сами по себе они еще не говорят о возникновении каких-то относительно целостных теоретических парадигм и отражают переходный характер в развитии отечественных международно-политических исследований. В отличие от Соединенных Штатов, Великобритании, или Китая, Россия еще не сформировала свой собственный идеологический «майнстрим», или свою собственную «Большую идею» в международных исследованиях. Если для указанных стран роль таких «Больших идей» играют, соответственно, теории «демократического мира», «международного общества», и «великой гармонии»¹, то российская наука МО пока еще остается испытательным полигоном идеологического и теоретического соперничества. Примерами такого соперничества являются непрекращающиеся острые дебаты между евразийцами и западниками, демократами и державниками, этнонационалистами и защитниками гражданской идентичности.

Российское академическое и экспертное сообщество отказалось от «советского марксизма», но еще не пришло к постсоветской «Большой идее». Ответом на упадок «советского марксизма» стала *плюрализация* российских международно-политических исследований, что выразилось в росте многообразия взглядов при отсутствии каких-то общих подходов к накоплению и дальнейшему развитию научного знания. В

¹ О теории международных отношений как этноцентричной дисциплине, отражающей американские/западные цивилизационные предпочтения, см.: Hoffmann, S. 1977. International Relations; Alker, H. R. and T. J. Biersteker. 1984; Holsti, K.J. 1985; Inayatullah, N. and D. L. Blaney. 1996; Crawford and Jarvis 2001. Этноцентризм, конечно, может иметь широкое распространение и в незападном культурном контексте: российском, китайском, иранском и т.д. Речь идет о проблеме, которая все еще ждет своего более полного исследования.

отсутствие таких подходов российская наука МО может быть описана в терминах соперничества между двумя другими ключевыми тенденциями — *вестернизацией* и *изоляция* — каждая из которых представляет собой своеобразную реакцию на вышеуказанный общеидеологический и общетеоретический вакуум. *Вестернизация*, например, отражает зависимость развития российской науки МО от господствующих на Западе теоретических концепций и способов накопления знания. В свою очередь, *изоляция* выражает их неприятие и по существу представляет собой реакцию на присущий американской международно-политической науке неумеренный позитивизм. При этом первая из двух вышеуказанных тенденций помогает российской науке МО быть в курсе событий, происходящих на Западе, но одновременно склонна недооценивать отечественные традиции в развитии знания. Вторая же тенденция, напротив, отстаивая особенности и преимущества российских традиций, нередко игнорирует необходимость диалога с другими культурами, что не может не приносить ущерба социальному знанию. Каждая из них в настоящее время имеет достаточно широкое распространение и оказывает существенное влияние на российские международные исследования.

Идеологическая и теоретическая неопределенность отечественной науки МО в значительной мере связана с нерешенными вопросами российской национальной идентичности. Пока Россия не определится, чем она является, пока она не достигнет ясности относительно своих постсоветских ценностей и международных ориентаций, отечественная наука МО не может не оставаться сферой идеологического соперничества. Корни кризиса российской идентичности могут быть поняты в свете концепта *наследия или стигмы* (stigma) Ирвинга Гоффмана (Goffman, 1963), содержание которого он определяет как кризис социального признания. В значительной степени нынешнему кризису российской идентичности (в условиях которого не прекращается поиск собственной Большой идеи) способствовал тот факт, что в течение почти всего двадцатого столетия страна была «отстранена от полного социального признания» со стороны своего Значимого

Другого (Запада) (Ibid., p. i.). Последний все еще не готов к тому чтобы полностью воспринимать Россию как «свою», а современное российское общество пока что не приняло окончательного решения в пользу прозападной ориентации своей идентичности¹. Пока дело обстоит так, большая часть дискуссий в российской науке МО может быть понята в терминах поиска Большой идеи².

2. Советский марксизм и наследие российской самоидентичности

Нынешний кризис российской идентичности может быть ретроспективно прослежен в событиях, имевших место задолго до октябрьской революции 1917 года. Традиционно роль Значимого Другого для России играла Европа и, по крайней мере начиная с Петра Великого, она выступала своего рода референтной группой тех в спорах, которые велись в России по вопросам ее национальной идентичности. Именно Европа воспринималась как значимая окружающая среда, в которой правители России защищали ее основные ценности³. Именно в Европейском контексте секуляризации религии Петр Первый пришел в 1694 году к власти и ввел новую иде-

¹ Callahan, W. A. 2003. Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics. A paper presented at International Studies Association, Portland, Oregon, February.

² Некоторые данные убедительно указывают, что население страны хорошо осознает культурные отличия российского общества от Запада. Так, в декабре 2001, согласно опросу ВЦИОМ, 71% россиян были согласны с утверждением о том, что «Россия принадлежит к особой «евразийской» православной цивилизации и поэтому не может следовать по западному пути развития». Только 13% процентов считали Россию частью Западной цивилизации (Россия: западный путь для «евразийской» цивилизации...? Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ), No. 32 (13 ноября), http://www.wciom.ru/wciom/new/press/press121115_32.htm

³ Мы опираемся здесь на недавние исследования МО, которые бросили вызов позитивистской концепции накопления знания, противопоставив ей национально-культурные основы социального развития науки (См.: Waever, O. 1998; Callahan, W. A. 2003).

ологию государственного патриотизма, или лояльности к государству (Tolz, 2001, p. 27). Однако, в последующем эгалитаристские идеи французской революции раскалывают Европу на прогрессивный и антиреволюционный лагеря, и Россия оказывается перед необходимостью выбора между ними. Некоторые правители России — наиболее заметным среди которых был Александр II-освободитель — пересматривают идентичность страны в соответствии с новыми Европейскими идеями Просвещения, конституционализма, и капитализма. Другие, напротив, стремились отстоять старую Европу и сохранить основы деспотичного режима.

Большевистская революция 1917 г. отразила борьбу этих «двух Европ» и связанный с нею кризис внешнеполитической самоидентификации России. Распространение экстремистских версий марксистских идей в России и возможность разрыва страны с Европой стали поэтому результатом двух факторов: собственного кризиса идентичности агонизирующей Европы и неготовности российского руководства иметь дело с резким обострением социальных и политических противоречий. В условиях неспособности царского правительства найти ответ на вновь возникшие вопросы самоопределения страны, именно большевики сделали ключевой выбор в этом отношении, объявив Россию Советским Союзом. В отличие от некоторых из предыдущих критиков «двух Европы», большевики приняли не просто неевропейскую, но антиевропейскую идентичность¹. Их социалистическое видение идентичности подразумевало превосходство России над к либеральной и деспотичной Европой.

В этом контексте роль новой, официально санкционированной Большой идеи стал играть марксизм. Он помог узаконить новую — социалистическую — идентичность России и обеспечить интеллектуалов принципиально новыми инструментами анализа внешнего мира. Речь шла не только об идеологии: и онтологически и эпистемологически, марксизм бросил

¹ О российском восприятии различных европейских идей см., в частности: Neumann, I. B. 1996.

важный вызов западной социальной науке в целом и теории международных отношений, в частности. Здесь заслуживают упоминания, по крайней мере, три ключевые особенности. Во-первых, марксистскому мышлению о мире свойствен критический и социально-освободительный характер. Тезис Маркса о том, что философы только объясняли мир, тогда как главной задачей является его коренное изменение, привлек внимание к соотношению между теорией и практикой, разрушая самые основы ориентируемого на статус-кво позитивистского мышления. Во-вторых, марксистский структурно-исторический подход стремился показать связь мирового развития с феноменами глобальной эксплуатации и социального неравенства, а также выявить их происхождение и социальные корни. Наконец, в-третьих, марксистский анализ отличался целостностью и глобальностью. Он рассматривает мир как всеобщее единство и глобальную раздробленность в одно и то же время. В противоположность известным трем уровням анализа, доминирующим в теории международных отношений (индивид, государство и международная система), марксизм исходит из борьбы за человеческое освобождение и эмансипацию как универсального и не знающего никаких границ средства кардинального изменения мира. Все эти особенности оказались инструментальными в последующем развитии критической традиции в теории международных отношений как в Советской России, так и вне ее¹.

Однако марксизм сыграл амбивалентную роль в российской социальной науке в целом и в международных исследованиях, в частности. Легитимируя новую российскую идентичность, советский марксизм легитимировал также и социальную *стиг-*

¹ В ответ на кризис европейской идентичности, некоторые российские интеллектуалы начали защищать разрыв как со старой, националистической, так и с новой, либеральной Европой уже в 1840-1850 гг. Александр Герцен, например, будучи разочарованным европейской консервативной реакцией, считал, что Россия должна идти собственным, неевропейским путем, не отказываясь, однако, от «заимствований» экономических и социальных достижений Европы. Большевики, восприняв эту логику, довели ее до крайности и стали отстаивать существенно иную — *социалистическую идентичность*. Технологически, однако, большевики остались в зависимости от Европы и заимствовали западные технологии, с тем чтобы попытаться догнать Запад в экономическом развитии.

му страны, или факт непризнания ее со стороны Европы как Значимого Другого. Наряду с рядом прогрессивных и освободительных элементов, официальный советский марксизм служил идеологическим инструментом, который использовался властями для сохранения достигнутого государством статус-кво и для подавления инакомыслия. Недостаток признания со стороны внешнего мира в дальнейшем способствовал трансформации «оборонительного» характера советского марксизма в менталитет осады. Последствия этого для социальных наук оказались разрушительными: неотъемлемыми и обязательными чертами советской социальной науки стали догматизм и изоляционизм. Официальная идеологическая гегемония советского марксизма была нетерпима к творческой мысли, налагая жесткие каноны на исследования международных отношений и поощряя догматические интерпретации мировой политики. Эпистемологически, ученые были должны писать в традициях наиболее примитивного позитивизма («мы самые передовые в мире и поэтому мы знаем Истину»), подавлявшего критический потенциал аутентичной марксистской теории. По существу, *большая часть исследований международных отношений была сведена к интерпретациям официальных документов и речей лидеров Коммунистической партии на ее очередных съездах*¹.

Еще одним продуктом социального наследия страны стал изоляционизм. Советский марксизм допускал лишь минимальный диалог с немарксистскими учеными. Не приветствовались даже марксистские и нео-марксистские течения вне Советского Союза, типа франкфуртской школы в Германии, идей итальянского коммуниста Антонио Грамши, французского структуралиста Л. Альтюссера, или же гуманиста Р. Гароди. Плодотворность сотрудничества с внешним миром игнори-

¹³ Тот факт, что критическая традиция в западной ТМО жива и является довольно распространенной, подтверждает, например, недавно изданный труд по историческому материализму и глобализации, являющийся иллюстрацией богатства марксистской социальной мысли (См. Rupert, M. and H. Smith, ed. 2002).

ровалась, и общение с ним было ограничено очень узким кругом избранных ученых, обладавших привилегированным доступом к информации¹.

3. Плюрализация и рождение новой самоидентичности

Новый поиск российской самоидентичности возникает не после распада Советского Союза, а может быть прослежен к постсталинской эпохе. Поскольку после второй мировой войны за европейским кризисом и конфронтацией последовала относительная консолидация Западной Европы, советские правители также начали все более и более солидаризироваться с новой либерально-демократической Европой и Западом вообще. Общение с Западными идеями стало более интенсивным при Н.С. Хрущеве, после его известной антисталинистской речи на XX-ом съезде КПСС, разоблачавшей «культ личности и его последствия». В ней он призывал, помимо прочего, начать сближение Советского Союза с Европой². Несмотря на последующее удаление Хрущева от власти, воздействие десталинизации оказалось необратимым. Значительная часть нового интеллектуального поколения отныне стала рассматривать себя как «дети XX-го съезда», и его многочисленные представители в институтах власти и вне их делали все возможное, чтобы сблизить Советскую Россию с Западом (см., в частности: Арбатов, 1991; English, 2000, chaps

¹ Приговор состоянию советской общественной науке, вынесенный в 1983 генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым («мы не знаем общества, в котором мы живем»), свидетельствовал о том, что отечественные ученые не поднимали новых и важных вопросов социального развития страны; ограничиваясь вместо этого повторением и интерпретацией официальных документов партии и правительства, заявлений и речей первых лиц государства.

² Напомним, что только в специальных библиотеках Москвы, которые были закрыты для широкой публики, ученые имели возможность получить доступ к литературе, содержащей критику официального марксизма-ленинизма. Чтобы получить такой доступ, необходимо было иметь разрешение партийных органов и «первого отдела».

2-3) Именно в постсталинскую эпоху возник целый ряд специализированных центров, в которых исследователи тщательно анализировали доминирующие западные идеи и, в частности, те, которые высказывались американскими учеными в области международных отношений (Побробнее см.: Crawford and Jarvis, eds. 2001; Waever, 1998; Inayatullah and Blaney, 1996; Holsti, 1985; Alker and Biersteker. 1984). В конечном счете, именно движение к новой европейской и западной идентичности привело к власти нового и советского лидера М.С. Горбачева, который объявил новую эру в отношениях с Западом.

Развитие науки МО, которое сопровождало эти изменения, может быть описано как рост плюрализации знания. Под плюрализацией мы понимаем теоретические расхождения с линией официальной марксистской мысли, которые имели место в рамках советской социальной науки. Советский марксизм никогда не был полностью гомогенным. Сразу же после смерти в 1924 его основателя В.И. Ленина за статус официальной идеологии и «лояльной» интерпретации ленинского теоретического наследия конкурировали друг с другом по крайней мере две его версии — радикальная и умеренная. Радикалы настаивали на форсированных методах индустриализации, в то время как большинство умеренных выступали за более постепенный процесс развития и исходили из выдвинутого Лениным уже в годы существования советской власти понятия «мирного сосуществования» социализма с капитализмом и, соответственно, советской России с Западом. Эти дебаты были «закрыты» Сталиным, который порвал с ленинской (периода 1921-1924 гг.) политикой умеренности — как в отношении крестьянства внутри страны, так и в отношении внешнего мира. Они возродились только лишь смерти «вождя народов», когда наряду с дискуссиями между сталинистами и сторонниками идей «позднего» Ленина советская социальная наука начала понемногу интегрировать идеи, получаемые из западных и «самиздатовских» источников. Часть из таких идей носила характер ревизионистского марксизма, другие имели черты либерализма и антикоммунизма, а третьи — отличались радикальным национализмом и критичес-

ким настроением по отношению к официальной идеологии с позиций традиционного консерватизма. Некоторые из наиболее смелых обществоведов, не ссылаясь на источники, стали использовать западные и самиздатовские идеи в публичных выступлениях, призывавших к разрыву с прошлым¹.

Плюрализацию знания ускорили кризис, охвативший все сферы советского государства и общества и горбачевская перестройка. Вслед за самим Горбачевым, официальный марксизм эволюционировал в сторону европейской социал-демократии (Herman, 1996; English, 2000.). Против этого выступили неоортодоксальные идеологи, выступившие от имени вновь возникшей Коммунистической партии Российской Федерации во главе с Г. Зюгановым. «Марксизм» Зюганова — это откровенная смесь старых сталинистских идей, традиционной геополитики и российского имперского национализма (Zyuganov, 1997). Кроме Горбачева и Зюганова, марксистские ученые также проявляют растущий интерес к мир-системному подходу, часто ассоциирующемуся на Западе с именем Иммануила Валлерстайна. Как показывает М.В. Ильин, и горбачевское новое политическое мышление, и мир-системный анализ продолжают давнюю марксистскую традицию «глобального мышления» и имеет корни во внутреннем интересе к исследованию глобальных проблем, таких как, например, проблемы окружающей среды, населения и гонки вооружений (Ilyin 2003).

Помимо новых идей, развиваемых в рамках марксистского мировоззрения, возникает множество других подходов. Большинство из них испытывает значительное влияние западных концепций, которые достаточно широко используются и распространяются представителями различных ветвей российского обществознания. Вслед за соответствующими школами западной ТМО, в новой российской науке МО по-

¹ Н. Хрушев считал Россию в культурном отношении близкой к Европе. В одном из своих выступлений он выдвинул предложение о взаимном роспуске НАТО и Варшавского договора с одновременным выводом из стран Западной Европы американских вооруженных сил (См. об этом: Donaldson, R. H. and J. L. Nogee. 1998, p. 69).

являются свои собственные либералы, реалисты и постструктуралисты. В богатом эссе А.А. Сергунина показано многообразие используемых этими школами подходов в российском социокультурном контексте, а также их интеллектуальная адаптация к отечественным исследовательским традициям. Либералы широко опираются на идеи глобализации и демократического мира, которые особенно часто отстаиваются экономистами и политологами (См., например: Давыдов, 2002; Кулагин, 2000; Лебедева, 1999). Российский реализм появляется как сложное интеллектуальное движение, в котором историки, философы, социологи, и экономисты развивают свои школы и исследуют актуальные вопросы общественного развития. Т. Шаклеина и А. Богатуров выделяют шесть различных групп или школ, которые в настоящее время существуют в рамках российского реализма. Они показывают, что большинство этих школ являются относительно новыми, хотя история некоторых из них может быть прослежена еще к 1970-м годам.

Наконец, как свидетельствует Т. Алексеева, Россия начинает отвечать, хотя и медленно, на Западный «постструктурный поворот»: отечественные философы и социологи начинают проявлять все более заметный интерес к идеям постструктурализма¹.

Можно ли расценивать — плюрализацию знания российской социальной науки в целом и международных исследований, в частности, как положительное явление? Осознавая, что любые выводы в данном отношении могут иметь лишь предварительный характер, рискнем все же дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. И не только потому, что совре-

¹ Так, например, команда М. Горбачева еще до своего прихода к власти находилась под влиянием Западных идей о растущей взаимозависимости мира. Эти идеи были восприняты М. Горбачевым через Георгия Шахназарова, его будущего советника. Впервые они встретились в начале 1980-ых и имели продолжительную беседу об основах нового мирового порядка, описанных Шахназаровым в его неортодоксальном труде «Грядущий миропорядок» (1972), который был прочитан Горбачевым (подробнее об этом см.: 2000 Шахназаров Г. 2000. С вождами и без них. Вагриус, Москва, с. 277-282).

менное состояние отечественного обществознания представляет собой полный и освежающий контраст с ранее описанными догматизмом и изоляционизмом официальной советской парадигмы. Ясно, что только на пути диалога с внешним миром и свободного обсуждения на национальном уровне существующих в нем идей, Россия может обрести новую самоидентичность и освободиться от наследия *социальной стигматизации*. Вместе с тем, плюрализация может оказывать и отрицательные последствия на развитие социального знания. Известный американский ученый-международник Калев Холсти (Holsti, 1985) как-то выразил беспокойство, что международные исследования, ведущиеся в западной науке МО без учета господствующей в ней тенденции подрывают ее основы и затрудняют ее дальнейшее развитие¹. Если подобная обеспокоенность имеет определенные основания в контексте достаточно устоявшейся западной ТМО, то она выглядит еще более уместной применительно к отечественным международным исследованиям, развивающимся в условиях поиска Россией своей национальной самоидентичности.

4. Кризис самоидентичности: вестернизация против изоляционизма

Современный кризис российской самоидентичности проявляется через соперничество двух, часто взаимоисключающих, тенденций в постсоветском развитии страны — вестернизации и изоляции.

Вестернизацию можно определить как активное освоение отечественными учеными западных теоретических концепций и подходов. Она является важным элементом ранее описанного процесса плюрализации советской/российской на-

¹ Мы имеем в виду, в частности, российские дебаты о современности и постсовременности (см., например: Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998. *Он же*. Посткоммунизм как постсовременность // Полис. 2001. № 5; Неклесса А.И. Ordo Quadro — четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6).

уки МО и вносит значительный вклад в Российское интеллектуальное и культурное возрождение. В течение столетий Запад играл для России роль Значимого Другого и до тех пор, пока он будет продолжать играть эту роль, Россия будет активно заимствовать продуцируемое им знание. И в наши дни, как показывают авторы этой книги, российские интеллектуалы активно используют различные западные теории. Так, А. Богатуров и Т. Шаклеина дают анализ применения и развития отечественными исследователями МО теории полярности. В своей более ранней работе Богатуров использовал теорию международного общества Хедли Булла (Богатуров, 1999). М. Ильин описывают картину российских ответов на фукуямовский «императив модернизации» и на «Вашингтонский консенсус» Вильямсона-Колодко. Э. Соловьев освещает влияние традиционных европейских геополитических теорий и западной постструктуралистской политической географии на российские геополитические исследования. С. Ткаченко указывает на *возможность* применения американской теории гегемонической стабильности к условиям постсоветской России. Н. Мухарямов выявляет западное происхождение российских подходов к изучению роли этнического фактора в международных отношениях. Наконец, М. Лебедева демонстрирует, что российские исследования переговоров развивались в тесном сотрудничестве с западными теориями.

Вестернизацию, однако, следует отличать от плюрализации. Наряду с активным освоением отечественной наукой западного знания, она подразумевает и ее зависимость от западной исследовательской мысли, а вместе с ней — от западных культурных ценностей и политической идеологии. Поэтому вестернизация может замедлить или даже приостановить внутренние импульсы эпистемологического развития. Как показал ход недавнего обсуждения данной проблемы, организованный видным журналом «Pro et Contra», российские ученые хорошо знают эту цену. Инициатор обсуждения А. Богатуров отметил, что в течение десяти лет российское постсоветское обществознание в целом и наука МО в частности развивались в «парадигме освоения» (Богатуров А. Д.).

Иначе говоря, после распада официальной парадигмы советского марксизма многие российские ученые, активно занялись изучением западных теорий и методологического аппарата, отчасти с целью более легкого получения ранее недоступной финансовой поддержки от западных фондов в виде исследовательских грантов. В то же время, согласно Богатурову, «освоение» сопровождалось не только ростом эрудированности отечественных исследователей, но и их недостаточным вниманием к изучению содержания и направленности российских процессов и неумением применить «импортные» подходы и методики для их объяснения. В результате российская наука МО сталкивается с потенциальной опасностью возникновения новой версии догматизма, на сей раз анти-марксистской и анти-коммунистической ориентации. Решение данной проблемы Богатуров справедливо видит в усилении внимания к развитию концептуальных основ отечественной науки МО:

«Десять лет — немалый срок. Парадигма освоения сыграла свою роль, но уже изжила себя. Не изменив положение дел в российском интеллектуальном сообществе, нельзя избежать подрыва авторитета знания в глазах... молодых интеллектуалов... Назрел поворот к изучению реальности во всех её противоречиях и созданию собственной теории, которая перестала бы видеть в местных особенностях, не востребованных в западных схемах, отклонения и патологию» (Там же, с.).

Западное знание конечно не гомогенно и вполне может быть открытым для кросс- культурного обмена, когда его представители осознают ограниченность своих собственных культурных контекстов и готовы учитывать особенности других культур. Некоторые западные теории, однако, оставляют немного места для других культур. Так, фукуямовский тезис о «конце истории» представляет западные ценности и институты как единственно жизнеспособные в мире, а ценности и институты остальной части человеческой цивилизации — как обреченные на неизбежное поглощение западной цивилизацией. Для представителей незападных культур типичной и наиболее частой реакцией на это является вопрос: «если история закончена, то где находимся мы?». Чем выше степень

этноцентризма той или иной западной теории (или любой другой теории в этом отношении), тем более высока вероятность, что она встретит сопротивление или даже вызовет ответную националистическую реакцию в иных культурных контекстах (Tsygankov).

Это подводит нас к последней и наиболее неприятной из выделенных выше тенденций в российской науке МО — изоляционизму. В известной мере он стал ответом на вестернизацию отечественных международных исследований. Западное знание, с его эпистемологическими предубеждениями и концентрацией на собственном видении проблем, может действительно вызывать отторжение и даже враждебность. Но изоляционизм как отказ учиться у другого имеет глубокие корни и в собственном российском комплексе превосходства/неполноценности. В советский период официальный марксизм претендовал на выражение мнения «наиболее передового социального класса» и на этой основе — на обладание единственно верной Истиной. К сожалению, и постсоветская наука МО не свободна от изоляционизма. Его опасность для российских международных исследований весьма очевидна. В лучшем случае данная тенденция может еще более задержать и без того затянувшуюся выработку ответов на вопросы о российской идентичности и, соответственно, развитие теории. В худшем — вернуться к стилю советской пропаганды и догматизму, удушающему любую творческую мысль, отражающую российские социокультурные традиции и особенности.

Авторы этой книги достаточно красноречиво иллюстрируют опасности изоляционизма для новой российской науки МО. Т. Шаклеина и А. Богатуров привлекают наше внимание к тенденциям радикального реалистского мышления, которые характеризуют соперничество России с Западом как что-то «естественное» и неизбежное. Э. Соловьев показывает, что наиболее вероятным кандидатом на заполнение вакансии типа советского изоляционизма может стать традиционная геополитика. И радикальный реализм, и традиционная геополитика ведут свои корни почти исключительно от гео-

политических теорий XIX-го — первой половины XX-ого столетия, самоизолируясь от современного теоретического развития. Российские исследования глобализации, как показывает М. Ильин, также обнаруживает образец изоляционизма, когда некоторые ученые, по политическим и идеологическим причинам, пытаются представить сложное явление глобализации как безнравственный заговор Запада против остального мира. В свою очередь, Н. Мухарямов демонстрирует, что отечественные изучения этничности не свободны от изоляционизма, поскольку ученые часто настаивают на преимущественно этнической интерпретации международных дел и не предпринимают попыток сопоставить свои выводы с современными западными исследованиями этничности и национализма. Наконец, анализ российских исследований международных переговоров, предпринятый М. Лебедевой, знакомит нас с еще одной версией изоляционизма в российской науке МО. Российские исследования международных переговоров сегодня постепенно перестают быть одной из наиболее известных и вестернизированных областей отечественной науки МО, которые они ранее были, поскольку интересы ученых привлекают новые проблемы бывшего советского региона, типа этнических конфликтов.

В целом, изоляционизм пережил советский марксизм из-за сохранения бывшего российского наследия и нерешенности вопросов идентичности. Бывшая советская парадигма распалась, а новая — российская — находится лишь в процессе своего формирования. В течение этого периода российская наука МО может использовать помощь внешнего мира, при условии, что «помощники» будут свободны от претензий на универсализм своих знаний. Лучшие результаты могут быть достигнуты в том случае, если российские ученые сумеют отойти крайностей вестернизации и изоляционизма. В России существуют свои собственные богатые интеллектуальные традиции в их марксистском, домарксистских и немарксистских вариантах. Вместе с тем успех в развитии отечественной науки МО зависит и от того, насколько активным будет диалог российских исследователей со своими коллега-

ми в западных и незападных странах. Достигнутое в результате этого знание могло бы значительно расширить наши интеллектуальные горизонты.

5. К лучшему пониманию российской (и западной) науки МО

Публикуемые в данной книге (*книга больше и шире по охвату*) материалы иллюстрируют вышеупомянутые тенденции и дают основания для предварительной оценки общего состояния современной (постсоветской) российской науки МО. В главах А. Сергунина, Т. Шаклеиной и А. Богатурова теоретическое осмысление внешнего мира научным сообществом России рассматривается как процесс. Сергунин подробно анализирует теоретические дискуссии и прослеживает, как динамика социальных проблем и политических задачи страны отражалась на развитии той или иной парадигмы. Он показывает, что, хотя реализм стал одной из наиболее заметных теоретических парадигм, российская ТМО все еще находится в процессе становления и остается подверженной самым различным интеллектуальным влияниям. Шаклеина и Богатуры исследуют структуру российского реализма и оценивают теоретическое содержание ведущихся в его рамках дискуссий о мировом порядке и внешнеполитической стратегии российского государства после холодной войны. Они приходят к выводу, что за годы, прошедшие с начала 1990-х гг., реализм добился значительного интеллектуального прогресса и статуса ведущего интеллектуального движения в российских исследованиях МО. Это помогло отечественному интеллектуальному и политическому сообществу в определении интересов страны и ее внешнеполитических приоритетов в новых международных отношениях и продвинуло необходимый анализ структуры мирового порядка и полярности.

Второй раздел книги затрагивает проблемы, касающиеся исследовательских программ, разрабатываемых и используемых в российской науке МО. Содержание каждой из глав этого

раздела так или иначе подтверждает наш общий вывод о прогрессе в развитии российской науки МО. Особенно заметными и обнадеживающими в данном отношении выглядят исследования глобализации и справедливости, демонстрирующие оригинальные подходы и стимулирующие дальнейшее развитие международно-политического знания. Основываясь на роккановской классификации социальных противоречий, М. Ильин выделяет в российских исследованиях глобализации несколько школ. В частности, он показывает, как противоречия между властью и населением, церковью и государством, сельским хозяйством и промышленностью, собственниками и работниками, метрополией и колонией, сообществом и иерархией находят свое отражение в современной российской науке. М. Ильин анализирует серию дискуссий, имевших место в российской науке за последние годы относительно критериев справедливой глобализации и их применения в демократическом регулировании. В ходе этих дискуссий, отечественные ученые, основываясь на мир-системных подходах, цивилизационном анализе и кондратьевских циклах, четко сформулировали ряд альтернатив и аргументированно указали на многообразие путей глобализации.

Еще одной областью исследований, получившей заметное место в российской науке МО стала геополитика. Э. Соловьев, отмечая тот бум, который испытала геополитическая проблематика в отечественных исследованиях после распада СССР, выделяет в них два основных направления — традиционное и ревизионистское. Традиционализм исходит из идей европейских и российских геополитических теорий начала прошлого века и рассматривает мир через призму противоборства между государствами за власть и ресурсы. Кроме того, современные российские традиционалисты, в частности лидер КПРФ Г. Зюганов, основывают свои теоретические построения на догмах советского марксизма-ленинизма, особенно его жестком детерминизме. Подобно тому как советский марксизм стремился обосновать «неизбежность» победы пролетариата в борьбе против мирового капитализма, традиционная геополитика уверенно предсказывает победу российских культурных ценностей над

ценностями Запада (Зюганов, 1998; Tsygankov, 2003). Ревизионистское направление, со своей стороны, исходит из значительно более широкого понимания геополитики. Ревизионисты не столько концентрируются на власти как контроле над ресурсами, сколько предлагают изучать различные формы организации пространства в глобальном масштабе. В отличие от традиционалистов, ревизионисты используют достижения современной социологии, критической географии и политической науки, рассматривая мир в терминах скорее глобализации, нежели противоборства. С точки зрения Соловьева, главная проблема современной российской геополитики состоит в том, что из профессии, каковой она является сегодня, она должна превратиться в полноценную академическую дисциплину. Сегодня же геополитика испытывает недостаток последовательных, научно-доказательных теоретических суждений и нуждается в широком обсуждении составляющих ее содержание проблем с участием как традиционалистов, так и ревизионистов. Кроме того, она должна выйти из своего общественнонаучного обскурантизма и вступить в диалог с другими дисциплинами.

Важной и относительно самостоятельной областью российской науки МО, получившей в постсоветский период новое развитие, стали исследования роли этнонационального фактора. Н. Мухарямов различает в них два подхода — субстанциальный и реляционный — которые отчасти напоминают упомянутые выше ревизионистское и традиционалистское направления геополитики. Субстанционалисты видят в этнонациональном факторе основу организации международной политики и рассматривают государства как преимущественно этноцентричные единицы, которыми управляют амбициозные представители больших этнических групп. Вслед за своим интеллектуальным гуру — российским географом Н.Л. Гумилевым — они считают этнонациональный фактор ядром геополитики, выступая тем самым как сторонники позиций геополитического традиционализма. В свою очередь, реляционисты отвергают фактически все положения субстанционалистов и стремятся полностью деполитизировать понятие этнической принадлежности. Для них основой анализа международной политики выступают не госу-

дарство или большая этническая группа, а индивид. При этом реляционисты испытывают явное влияние западных инструменталистских и конструктивистских теорий этнической идентичности и национализма, считая этническую принадлежность не столько врожденным свойством человека (его судьбой), сколько результатом его сознательного выбора. Н. Мухарямов не ограничивается выявлением недостатков субстанционализма и реляционизма, но показывает и их относительные преимущества, связывая дальнейшее продвижение исследуемой им области как с развитием каждого из этих подходов, так и с их взаимным обогащением. Последнее, по его мнению, сегодня уже становится фактом, поскольку отечественные ученые все чаще включают в свой анализ этнополитической проблематики явления как структурного, так и реляционного характера.

Подъем, наблюдающийся в отечественных исследованиях вопросов глобализации, безопасности, геополитики и этнополитических конфликтов, контрастирует с тем состоянием, которое характерно для таких теоретических направлений, как международная политическая экономия, переговоры, или постмодернизм. Как показывает С. Ткаченко, в отличие от Запада, где международная политэкономия (МПЭ) уже в последние четверть века прошлого века получила статус относительной автономной субдисциплины в рамках ТМО, в России ничего подобного пока не произошло. В отечественном политическом сообществе ведется достаточно бурная полемика между представителями либерального институционализма, высказывающимися за интеграцию страны в глобальные экономические процессы, с одной стороны, и сторонниками так называемого дирижизма, выступающими с позиций относительной автономии от мировой экономики — с другой. Однако идеи этих двух школ только начинают находить путь к академическому сообществу страны. С точки зрения С. Ткаченко, современная отечественная научно-образовательная сфера сталкивается с тремя главными проблемами, которые препятствуют развитию МПЭ: это границы, существующие между политической и экономической науками, дефицит теоретического общения между их представителями, недостатки вузовских учебных планов.

Именно с решением этих трех проблем он связывает будущее в развитии рассматриваемой дисциплины в России. Залогом этого будущего является продолжение движения страны по пути экономических реформ, что актуализирует данную проблематику и стимулирует формирование МПЭ как важной составной части отечественной науки МО.

Что касается проблематики международных переговоров, то, как констатирует М. Лебедева, наблюдается относительное снижение удельного веса этой ранее довольно развитой области отечественных исследований МО. Причиной такого положения стали появление новых проблем, требующих срочного внимания со стороны ученых, принципиальные изменения в самом характере указанной проблематики, обострение финансовых трудностей. В результате, несмотря на существующую постоянную потребность в ее изучении, большинство ученых, ранее специализировавшихся в данной области, занялись изучением других вопросов. Сегодня, отмечает М. Лебедева, исследования переговоров остаются популярными главным образом в той мере, в какой они проводятся в сфере коммерческих и деловых отношений. Вместе с тем она высказывает убеждение, что проблематика международных переговоров как область академических исследований в России будет восстановлена, поскольку к этому ведут практические потребности страны в сфере ее внешней политики, а также растущая интеграция отечественных исследований в мировую (западную) науку МО.

6. Заключение

В заключение можно выделить три группы проблем, с которыми сталкивается сегодня российские исследования международных отношений. Первая из них — и с этим согласно большинство авторов книги — состоит в том, что отечественная наука МО продолжает оставаться преимущественно теоретической дисциплиной, испытывая дефицит исследований прикладного характера, учитывающих социокультурные особенности российской действительности и потребности

нынешнего этапа ее общественного и политического развития. С этим связана и вторая проблема — недостаток теоретических обобщений, поскольку их трудно делать без эмпирического анализа. Накопление отечественной наукой МО опыта эмпирических исследований даст ей дополнительный стимул в плане теоретических обобщений и исследовательских программ, увеличит ее вклад в развитие мировой международно-политической мысли. Наконец, третья (по порядку, но не по значению) проблема, с которой сталкивается отечественная наука МО, вытекает из того факта, что российские наука и образование продолжают оставаться в состоянии финансового кризиса. Для того чтобы выжить, российские ученые вынуждены помимо основного места работы трудиться еще в нескольких (иногда далеких от их призвания) местах со столь же низкой заработной платой. Как они еще могут в таких условиях заниматься серьезной научно-исследовательской работой, остается тайной для их западных коллег.

Вместе с тем, несмотря на вышеуказанные проблемы, вряд ли можно отрицать тот значительный путь, который пройден российской наукой МО за годы, прошедшие после распада СССР и отказа от официальной парадигмы советского марксизма. В обстановке ограниченных ресурсов и за сравнительно небольшой промежуток времени российские ученые сумели выдвинуть ряд оригинальных теоретических концепций и исследовательских программ. Хотя плюрализация и вестернизация российской науки МО оказали на ее развитие в том числе и негативное воздействие, отечественное сообщество международников сумело использовать и содержащийся в них позитивный потенциал. Думается, вполне уместно высказать осторожный оптимизм, оценивая возможности российской науки внести свой достойный вклад в разработку общемировых проблем международно-политических исследований, придать новый стимул развитию ТМО как глобальной дисциплины. Одним из условий этого станет *борьба отход-российского сообщества международников с тенденциями к изоляционизму*. Тот факт что наиболее активные российские ученые находятся в постоянном общении

со своими коллегами из всех стран мира, делает вполне вероятным преодоление отечественной наукой болезненного наследия стигмы идентичности и развитие своей собственной «российской школы» в глобальной науке МО.

Анализ российской действительности дает основания и для более широкого вывода относительно прогресса социального знания в целом и науки МО, в частности. Он показывает, что развитие глобальной социальной науки не может и не должно быть односторонним процессом, в котором один (Запад) является учителем, а все остальные — его учениками. Единство мира, его целостность не отменяет его культурного многообразия, что предполагает взаимность обучения представителей разных культур при сохранении и развитии их особенностей. Поэтому и сегодня сохраняют всю свою актуальность замечательные слова Джорджа Мида, высказанные им еще в 1967 году: «Ответ на вопрос, принадлежим ли мы более широкому сообществу, предполагает знание того, вызывает ли наше собственное действие отклик в этом более широком сообществе, и отражается ли такой отклик на нашем поведении» (Mead, 1967 p. 271.).

Литература

- Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1955-1985): свидетельство современника. М., 1991.
- Богауров А.Д. Десять лет парадигмы освоения. // Pro et Contra, 6 (4)
- Богауров А.Д. Синдром поглощения в мировой политике. // Pro et Contra, 1999, 4 (4).
- Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002.
- Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997.
- Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. 1998,
- Капустин Б.Г. Посткоммунизм как постсовременность // Полис, 2001, № 5.
- Клямки И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II. Карнеги Центр, М., 2001.
- Кулагин В.М. Мир в XX веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica // Полис. 2000. № 1.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10.
- Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.
- Международные отношения: социологические подходы/Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

- Неклесса А.И. Ordo Quadro — четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6.
- Теория международных отношений. Хрестоматия/Под ред. и с комментариями П. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002.
- Шахназаров Г. С вождями и без них. Вагриус, М., 2000.
- Alker H.R., Biersteker T. J. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire//International Studies Quarterly 28 (2) 1984.
- Alker H.R., Amin T., Biersteker T., Inoguchi T. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? Paper presented at the Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19 1998;
- Bonker F., Muller K., Pickel A. Postcommunist Transformation and the Social Sciences: Cross-Disciplinary Approaches. Rowman & Littlefield, Lanham. 2002.
- Callahan W.A. Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics. A paper presented at International Studies Association, Portland, Oregon, February 2003.
- Callahan W.A. Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics. A paper presented at International Studies Association, Portland, Oregon, February 2003.
- Crawford R.M.A., Jarvis D.S.L. International Relations—Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought. State University of New York Press, New York eds. 2001.
- Donaldson R.H., Noguee J.L. The Foreign Policy of Russia. M. E. Sharpe, Armonk) 1998.
- English R.D. Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War. Columbia University Press, New York 2000.
- Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1963..
- Herman R.G. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of Cold War. In The Culture of National Security, edited by P. J. Katzenstein. Columbia University Press, New York 1996.
- Hoffmann S. An American Social Science: International Relations. *Daedalus* 106 (3) 1977.
- Holsti K.J. The Dividing Discipline. Hegemony and Diversity in International Theory. Unwin Hyman, Boston 1985.
- Hough J.F. The Struggle for the Third World: Soviet Debates and American Options. Brookings Institution, Washington, DC 1986.
- Inayatullah N., Blaney D.L. Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory. In The Return of Culture and Identity in IR Theory, edited by Y. Lapid and F. Kratochwil 1996.
- Kubalkova V., Cruickshank A.A. Marxism and International Relations. Oxford: Clarendon, 1985.
- Kubalkova V. The Post-Cold War Geopolitics of Knowledge: International Studies in the Former Soviet Bloc//Studies in Comparative Communism 25 (4) 1992.
- Light M. Marxism and Soviet International Relations, Weatsheaf Books, London.

- Lynch A. The Soviet Study of International Relations. Cambridge University Press, Cambridge 1987.
- Lynne Rienner, Boulder; Holsti, K.J. The Dividing Discipline. Hegemony and Diversity in International Theory. Unwin Hyman, Boston 1985.
- Mastering Space in Eurasia: Russian Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up. *Communist and Post-Communist Studies* 35 (1) 1998..
- Mead G.H. Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. The University of Chicago Press, Chicago, 1967.
- Neumann I.B. Russia and the Idea of Europe. A study in identity and international relations. Routledge, London 1996.
- Patomäki H., Pursiainen C. Western Models and the Russian Idea: Beyond 'Inside/Outside' in Discourses on Civil Society. *Millennium* 28 (1) 1999.
- Policies of Globalization and Equity in Post-Soviet Russia. Overview paper by Mikhail Ilyin. «Globalization and Equity». Fourth Annual Global Development. Conference. Cairo, Egypt: January 19-21, 2003.
- Rajae F. Globalization on Trial. The Human Condition and the Information Civilization. Ottawa: Kumarian Press 2000; Tsygankov, A. P. Forthcoming. Whose World Order? Russia's Perception of Western Ideas after the Cold War. University Press of Notre Dame.
- Rupert M., Smith H. Historical Materialism and Globalization: Essays on Continuity and Change. Routledge, London) ed. 2002.
- Russian Politics and Society. 3d ed. Routledge, London. 1999.
- Sergounin A.A. Russian post-Communist Foreign Policy Thinking at the Crossroads//*Journal of International Relations and Development* 3 (3) 2000.
- Shenfield S. The Nuclear Predicament: Explorations in Soviet Ideology. London: Routledge, 1987.
- The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. The United States Institute of Peace, Washington, DC; Sakwa, R. 2002.
- Tickner A.J. You Just Don't Understand: Troubled Engagements Between Feminists and IR Theorists//*International Studies Quarterly*. 41(4). 1997.
- Tolz V. Russia: Inventing the Nation. Arnold, London, 2001.
- Tsygankov A.P. Forthcoming. Whose World Order? Russia's Perception of Western Ideas after the Cold War. University Press of Notre Dame.
- Tsygankov A.P. Forthcoming. Whose World Order? Russia's Perception of Western Ideas after the Cold War. University Press of Notre Dame.
- Tsygankov A.P. The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russia's Intellectual Engagements with the «End of History» and «Clash of Civilizations»// *International Studies Review* 8 (1) 2003.
- Unwin Hyman, Boston. The concern from outside the mainstream is, however, that the mainstream theorists, as Ann Tickner 1997.
- Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations. *International Organization* 52 (4) 1998.
- Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations. *International Organization* 52 (4) 1998.
- Zimmerman W. Soviet Perspectives on International Relations, 1956-67. Princeton University Press, Princeton. 1969.
- Zyuganov G. My Russia. M. E. Sharpe, Armonk 1997.

Глава 2

Институциональное измерение русской науки МО

Как известно, в течение не одного десятилетия советских времен для российского обществознания, включая изучение международных отношений, было характерно разделение на «академическую» и «университетскую» науку. При этом взаимодействие между специалистами ВУЗов и учеными академических институтов было крайне незначительно. Университетскую науку международных отношений представляли, прежде всего, исследователи МГИМО, а также ряд ученых Московского и Ленинградского университетов; академическую — крупные научные коллективы Академии Наук СССР: Института мировой экономики и международных отношений, Института США и Канады, Института Латинской Америки, Института Африки, Института востоковедения, Института Европы, Института международного рабочего движения, Института экономики мировой социалистической системы. Эти внешнеполитические институты АН СССР имели значительную государственную поддержку, издавали собственные научные журналы и, по существу, являлись монополистами в исследованиях и публикациях в этой области. Кроме того, через Академию контролировались фактически и все международные научные связи специалистов-международников с мировым научным сообществом.

Однако, не только теоретический плюрализм, свобода мнений, пришедшие в посткоммунистическую Россию, но и как это не парадоксально, финансово-экономический кризис, охвативший общество, серьезным образом изменили не только «соотношение сил» между указанными двумя типами

научных сообществ, но и в целом структуру исследовательских центров в области международных отношений в России.

В первую очередь, явственно обозначился упадок внешнеполитических институтов системы Российской Академии Наук. Находящийся в прямой зависимости от государственного финансирования и обладающая незначительными возможностями для развития внебюджетных проектов они резко сократили свою деятельность. Низкие зарплаты и отсутствие внесредствственных ресурсов, привело к мощному оттоку специалистов из этих институтов. Местами их прибежища стали банки, юридические конторы, зарубежные исследовательские центры, а также средства массовой информации. Вместе с тем, нельзя говорить о полном упадке «академических» исследований в области международных отношений в России. Внешнеполитические институты РАН продолжают свою деятельность, хотя и в меньших масштабах. Это, прежде всего, Институт США и Канады, Институт Европы, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт всеобщей истории. Издаваемые ими журналы — «Мировая экономика и международные отношения», «США: экономика, политика, культура», «Современная Европа», «Политические исследования», «Новая и новейшая история», «Европейский альманах», «Россия и современный мир» (ежеквартальное совместное издание ИМЭПИ и ИНИОН) остаются влиятельными периодическими научными изданиями по вопросам мировой политики и международных отношений. В стадии организационного становления находится Институт проблем национальной безопасности, директором и организатором которого является Андрей Кокошин. В меньшей степени активны академические институты регионально-страноведческой ориентации — Институт Африки и Ближнего Востока, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока. Последняя в целом утрачивает свое значение в исследовательской деятельности международного характера. Помимо уже указанных, Отделение международных отношений РАН, которое возглавляет академик-секретарь Симония Н.А, включает также Институт Научной

информации по общественным наукам, Институт российской истории, Институт славяноведения, Институт социально-политических исследований, Институт социологии и Институт этнологии и антропологии. В рамках Института Отделения международных отношений РАН плодотворно функционирует целый ряд Центров, специализирующихся на исследовании отдельных проблем и направлений мировой политики. Так, в 1990 г. в Институте США и Канады РАН был образован Центр по разрешению конфликтов во главе с А. Шумихиным. Он реализовал ряд научных и образовательных проектов с американскими партнерами, а также российскими парламентариями и региональными властями (Kremenjuk, 1994.) Центр по изучению этнических конфликтов, руководимый бывшим советником президента по национальным вопросам Э.А. Паиным, изучал подобные конфликты как в самой России, так и в «ближнем зарубежье». Кроме того, вместе со своими американскими партнерами центр занимался сравнительным анализом того, как США и Россия использовали военную силу в своей внешней политике (*US and Russian policymaking with respect to the use of force*, 1996.).

Центр по изучению проблем развития и мира («Форум») во главе с О. Воркуновой фокусировал свою работу по следующим направлениям: 1) обнаружение потенциальных конфликтов на ранней стадии; 2) ненасильственное разрешение конфликтов; 3) устойчивое развитие; 4) популяризация идей культуры мира и ненасилия. С целью предотвращения конфликтов на социальной и этно-конфессиональной почве на местном уровне центр разработал систему наблюдения за конфликтами (*AFB-INFO*, 1995). В целом же для внешнеполитических институтов РАН в целом характерна переориентация на комплексную проблематику международных отношений, а также вопросы российской внешней политики¹. Однако, приходится констатировать утрату былого влияния

¹ О публикациях институтов Отделения международных отношений РАН со дня их основания и до 1999 года см. в книге Международные исследования в России и СНГ. Справочник. Отв. редакторы А.Д. Богатуров, А.В. Кортунов. М., 1999.

этих научных структур на выработку практического курса Российской Федерации на мировой арене.

Что касается российского университетского сообщества международных, то, несмотря на отсутствие государственной поддержки, оно переживает несомненный подъем. Во многом это связано с большими возможностями университетов в поиске внебюджетных средств финансирования, в первую очередь, за счет введения платного образования, а также получения грантов на образовательную деятельность со стороны зарубежных фондов (Сороса, Макартура, Карнеги, Форда), программ Европейского Союза (ТАСИС, ТЕМ-ПУС), НАТО, ряда германских фондов (Аденауера, Фольксвагена, Фридриха Эберта) и др.

В первую очередь это касается Московского государственного института международных отношений (Университета) ставшего лидером университетских структур в области образовательной и исследовательской деятельности по международным отношениям. МГИМО, получивший в минувшее десятилетие университетский статус, не только выжил в трудных условиях переходного периода, но и серьезно продвинулся вперед, расширив круг своих исследовательских и образовательных программ и сумев привлечь в свой штаб крупных специалистов-международников ряда академических институтов. Получив университетский статус МГИМО одновременно возглавил учебно-методическое объединение российских ВУЗов, осуществляющих образовательную деятельность в области международных отношений, в рамках которого координируется их деятельность.

Москва, несомненно, остается центром образовательной и научной деятельности в области международных отношений. Помимо МГИМО здесь ее осуществляют Московский государственный университет, его Институт стран Азии и Африки, Российский университет дружбы народов. Однако, говорить о монополии Москвы в области преподавания и изучения международных отношений в рамках университетов уже не приходится. Это связано со значительным ростом региональных центров подготовки специалистов-междуна-

родников, обозначившийся в 90-е годы на базе целого ряда периферийных российских университетов. Если ранее преподавание международных отношений было сосредоточено исключительно в Москве, то теперь оно осуществляется не одним десятком российских университетов за ее пределами. В первую очередь это Санкт-Петербургский университет, университеты Нижнего Новгорода, Казани, Екатеринбурга, Иркутска, Томска, Владивостока, Хабаровска и ряда других городов. Это в немалой степени связано с активной международной деятельностью региональных центров, заинтересованностью их местных политических и бизнес элит в развитии всесторонних внешних связей.

Как и ранее в инфраструктуре российских международных исследований определенное место занимают ведомственные внешнеполитические центры. Помимо упомянутого МГИМО, имеющего, как известно, двойное подчинение — Министерству иностранных дел и Министерству образования, это Дипломатическая академия, а также ряд академий Министерства обороны и его Институт военной истории. Определенную активность в области изучения внешнеполитической проблематики проявляет Российская академия государственной службы при президенте Российской Федерации.

Как уже отмечалось, за последнее десятилетие в регионах также возникли самостоятельные научные центры и школы, активно занимающиеся теоретическими и практическими аспектами международной безопасности.

Так, ученые Санкт-Петербургских вузов уделяют большое внимание изучению философско-теоретического измерения международной безопасности (Ломагин, Лисовский, Сутырин, Павлов, Кузнецов, 2001.), эволюции понятийного аппарата в данной предметной области, отдельных парадигм западной ТМО (Коньшев 2001.), военной стратегии отдельных стран и коалиций, взаимосвязи между интеграционными процессами и укреплением международной безопасности (Морозов, 2002.), роли военной силы в современных международных отношениях (Коньшев 1999.) методов урегулирования локальных конфликтов и пр.

Ряд сотрудников МГИМО МИД РФ своими работами способствовал развитию теории конфликтологии, а также изучал конкретные конфликты в странах СНГ, Европы и Азиатско-тихоокеанского региона (Хрусталеv 1991; Тюлин, 1991; Tyulin 1994; Лебедева, 1997; Загорский, Лукас, 1993; Solodovnik 1995; Торкунов 1995; Богатуров, 1997). Возникший в 1993 г. Центр по изучению мира и разрешению конфликтов при Нижегородском университете исследовал историю наиболее острых конфликтов современности (ближневосточного, балканского и пр.) и крупнейших миротворческих операций последнего десятилетия, а также проблемы разоружения, конверсии и эволюцию зарубежной ШМИ (Колобов, Корнилов, Сергунин, 1991; Kolobov, Kornilov, Makarychev, Sergounin, 1992; Хохлышева, 2000; Хохлышева, 2000; Malhotra, Sergounin 1998; Сергунин 1994, с. 132-136; Sergounin 1996, pp. 92-102).

Оригинальные научные направления возникли в нижегородском академическом сообществе. В Нижегородском государственном университете (и действующих при нем Центре по изучению мира и разрешению конфликтов и Институте стратегических исследований) ведется большая работа по изучению истории систем международной безопасности (История международных отношений, 2001; Колобов, Корнилов, Макарычев, Сергунин, 1992; Колобов, Балувев, 1997; Колобов, Корнилов, Шамин; Между войной и миром: история и теория, 1998.), эволюции зарубежной политической мысли (Сафронов, 2001.), политике отдельных стран в сфере безопасности (См. серию изданий Актуальные проблемы американистики, 1999-2002; Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе, 1998.), различным аспектам конфликтологии, разоруженческого процесса (Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России, 1999; Российская федерация: безопасность и военное сотрудничество, 1995; Россия в условиях трансформаций, 2000-2002.), взаимосвязи между научно-техническим процессом и вопросами безопасности (Балуев 2001.), права международной безопасности (Хохлышева, 2000) и. В Нижегородском лингвистическом университете (и существующем при нем Центре стратегических и меж-

дународных исследований) особое внимание уделяется новым (нетрадиционным) измерениям национальной и международной безопасности, взаимосвязям между категориями безопасности, стабильности, устойчивого развития, глобализации, регионализма и субрегионализма (Международные отношения в XXI веке. Региональное в глобальном, глобальное в региональном, 2000; Российские регионы как международные акторы, 2000; Россия перед глобальными вызовами, 2002; «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе, 2001; Макарычева, 2001.)². Большая работа ведется и по изучению отечественных и зарубежных школ в области национальной и международной безопасности³.

Разработка теоретических и исторических аспектов международной безопасности, изучение политика ряда великих держав в данной сфере ведется в Волгоградском, Иркутском, Томском и Ярославском университетах (См., например: Новиков, 1996).

Однако, наиболее примечателен в этой группе российских внешнеполитических структур Российский институт

² Международные отношения в XXI веке. Региональное в глобальном, глобальное в региональном. Н. Новгород: НГЛУ, 2000; Российские регионы как международные акторы. Н. Новгород: НГЛУ, 2000; Россия перед глобальными вызовами. Н. Новгород: НГЛУ, 2002; «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе. Н. Новгород: НГЛУ, 2001; Макарычева М.Г. Америка и Россия в условиях нового мирового порядка. Н. Новгород, 2001.

³ Романова О.Ю. Становление концепций национальных интересов в современном политическом процессе России. Автореферат дис. На соискание уч. степени канд. пол. наук. Н. Новгород, 2000; Романова О.Ю. Национальные интересы России глазами ее политической элиты // Сборник докладов международной научной конференции «Российско-германские культурные связи в прошлом и настоящем» / Под ред. В.М. Строгоцкого и В.М. Терехова. Н. Новгород: НГЛУ, 1999, часть 2; Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная политическая мысль Запада: «постпозитивистская революция». Н. Новгород: НГЛУ, 1999; Сергунин А.А., Сергунин А.В. Хрестоматия по политологии. Н. Новгород: Волго-Вятский индустриально-педагогический институт, 2000; Malhotra V.K., Sergounin A.A. Theories and Approaches to International Relations; Sergounin A. Post-Communist security thinking in Russia: changing paradigms. Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute, 1997 (COPRI Working Papers; No. 4, 1997).

стратегических исследований, созданный указом президента РФ в 1992 году, чья исследовательская деятельность охватывает такие вопросы как национальная безопасность России, СНГ, отношения России с НАТО и ЕС, разоружение, нераспространение оружия массового поражения, миротворчество. Публикации этого института многочисленны, и он вносит заметный вклад в разработку внешнеполитической проблематики российским научным сообществом.

Новым явлением в картине российских международных исследований в целом следует считать рост так называемых независимых исследовательских центров. Образование многих из них в годы демократизации было реакцией на монополизм Академии и ведомственных НИИ в области социально-политических наук. Поначалу эти новосозданные структуры отличала претензия на проведение актуальных прикладных научных исследований. Как правило, они были готовы заниматься любой проблемой при условии, что их труд будет хорошо оплачен. «Привлекательность» новых структур состояла в том, что заказы они выполняли в экстренном порядке, в то время как экспертам с профессиональным опытом и знаниями всегда необходимо время для изучения проблемы. Своим клиентам эти структуры обещали доступные практические программы и рекомендации, однако в действительности их анализы и прогнозы чаще всего представляли собой наукообразную импровизацию, базирующуюся на весьма ограниченных знаниях. Нередко новые центры заявляли о себе громко, дабы привлечь клиентуру.

«Массовизация» таких структур — не случайность. Она в немалой степени связана со вхождением во власть значительного маргинального слоя — людей, получивших образование вне крупнейших культурных и образовательных центров, в предельно идеологизированных партийных школах и «академиях», готовивших «специалистов по научному коммунизму». Зачастую таким людям не хватало как общеобразовательных, так и профессиональных знаний. Быстро ворвавшись во власть, новые политики и их советники полагали, что возможно такое же быстрое появление ученых за пределами на-

учного сообщества. Очевидно, что разрушительное для истинной науки размножение маргинальных псевдонаучных структур стало возможным во многом благодаря ослаблению институционализированной системы фундаментального научного образования и исследований.

Вместе с тем к концу 90-х годов количество указанных центров резко сократилось. Устойчивые и авторитетные позиции заняли немногие из них. В целом их можно объединить в три группы: специализированные центры, центры комплексных разработок и образовательно-управленческие и исследовательско-управленческие структуры. В группе специализированных центров на первом месте находится Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) во главе с С.А. Карагановым, созданный в феврале 1992 года как независимая неправительственная организация. В состав Совета входит более 50 видных представителей правительственных, бизнес и научных структур, а также средств массовой информации. Основным видом его деятельности является подготовка докладов рабочими группами с последующим обсуждением на ассамблеях Совета. За 10 лет своего существования Совет подготовил около 30 внешнеполитических докладов, получивших значительный общественный резонанс. Финансовую поддержку Совету осуществляют различного рода коммерческие структуры России⁴. Деятельность Совета осуществляется по аналогии с такими зарубежными организациями как Американский совет по международным отношениям, Германский совет по внешней политике.

Значительным авторитетом пользуется ПИР-Центр политических исследований в России. Это автономная некоммерческая организация, основанная в апреле 1994 года и имеющая штаб-квартиру в Москве. ПИР-Центр является независимой, неправительственной и внепартийной организацией и осуществляет научно-исследовательскую, информационную, издательскую и консультационную деятельность. С момента основания и по настоящее время приоритетными областями научных исследова-

⁴ См., например:

ний ПИР-Центра остаются международная безопасность, контроль над вооружениями (прежде всего ядерными) и распространением оружия массового уничтожения. ПИР-Центр исследует данную проблематику преимущественно в контексте того, как она связана с Россией, ее национальными интересами, ее безопасностью и местом в международном сообществе.

ПИР-Центр, являясь ведущим российским институтом в области нераспространения, привлекает к своей работе крупнейших отечественных и зарубежных экспертов; в своей повседневной деятельности он тесно контактирует с представителями исполнительной и законодательной ветвей власти. Научные исследования и публикации, подготавливаемые Центром, предназначаются прежде всего для военно-политического руководства России и государств СНГ, а также для законодательного корпуса. ПИР-Центр представляет собой небольшой, компактный и гибкий частный институт, в своих исследованиях оперативно откликающийся на наиболее острые проблемы и вызовы внешнеполитического, военного и стратегического характера. ПИР центр издает ежемесячный журнал «Ядерный контроль» и периодически аналитический бюллетень «Вопросы безопасности».

В 1997 году из ПИР выделился Центр анализа стратегий и технологий (Центр АСТ). В настоящее время в Центре работают на постоянной основе десять человек. Центр АСТ регулярно привлекает к своим исследованиям ведущих российских ученых, журналистов и государственных служащих, работающих в системе военно-технического сотрудничества России и/или в области военно-промышленного комплекса.

С апреля 1997 года Центр АСТ издает первый и единственный в России журнал по проблемам торговли вооружениями и военно-промышленного комплекса «Экспорт вооружений». Журнал выходит раз в два месяца, по состоянию на середину 2001 года вышло 25 номеров журнала.

С начала 1999 года Центр АСТ предпринимает усилия для диверсификации своих научных приоритетов. По-прежнему уделяя главное внимание вопросам военно-технической и военно-промышленной политики Российской Федерации,

работники Центра постепенно вводят в круг своих интересов более общие вопросы внешней и оборонной политики РФ.

Заметную роль играет Центр политических и международных исследований, учрежденный в начале 90-х годов Российским комитетом защиты мира и Российской ассоциацией политической науки, которую возглавляет профессор МГИМО Александр Никитин. Четыре раза в год Центр выпускает аналитические доклады по проблемам международных отношений и международной безопасности. В особенности по проблемам разоружения, разрешения конфликтов, проведения миротворческих операций. Им осуществляется программа международных конференций и семинаров по проблемам коллективной безопасности с участием представителей и экспертов ООН, ОБСЕ, НАТО, Северо-Атлантической ассамблеи, Западно-Европейского союза, Штаба по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ, других международных и региональных организаций, а также исследовательских институтов стран ближнего и дальнего зарубежья.

Со второй половины 90-х годов заметной является исследовательская деятельность Фонда национальной и международной безопасности, председателем которого является генерал-майор в отставке Леонид Шершнев. Основным направлением его деятельности является проведение фундаментальных и прикладных исследований по проблемам безопасности РФ, реформирования и создания Вооруженных сил РФ, взаимодействия между обществом, властными структурами и армией; взаимодействие по этим вопросам с отечественными и международными исследовательскими, консультативными и другими научными центрами; изучение общественного мнения по проблемам национальной безопасности; проведение военно-научной экспертизы решений государственных органов по оборонным вопросам; экспертиза законодательных актов, концепций, научных проектов. Периодическим изданием Фонда является журнал «Проблемы безопасности».

Внешнеполитическая ассоциация, созданная в феврале 1991 года по инициативе Э. Шеварнадзе и возглавляемая се-

годня Александром Бессмертных тоже относится к группе специализированных институтов. Одним из направлений деятельности Ассоциации является политический анализ процессов, происходящих на территории России и других стран СНГ, межнациональных и межгосударственных конфликтов. Ряд задач, которые ставит перед собой Ассоциация, связан с разработкой новых подходов в вопросах международной безопасности и стратегической стабильности, включая проблемы ядерной безопасности и нераспространения ядерного оружия, сдерживания гонки обычных вооружений, усиления контроля над другими средствами массового поражения (химическое и бактериологическое оружие, а также так называемое нетрадиционное оружие). ВПА участвует в создании эффективного механизма гражданского контроля за принятием решений по оборонным вопросам. Сотрудниками ВПА постоянно публикуются материалы в ведущих СМИ России и зарубежья. Издаются монографические труды, доклады по крупным вопросам. Выходит бюллетень ВПФ «Аналитика и информация».

Вторую группу новых аналитических структур составляют центры комплексных разработок. Внешнеполитическая проблематика не является для них главной, но их выступления в этой области являются ощутимым вкладом в исследовательской деятельности России по международным вопросам в целом. Наиболее значимой является продукция Горбачев-фонда, фонда «Реформа», фонда «Российский общественно-политический центр», во главе с Алексеем Салминым (издает журнал «Полития»), Институт стратегических оценок и анализа во главе с Вагифом Гусейновым (издает журнал «Вестник аналитики»).

На прикладных аспектах мировой политики специализируются также Горбачев-фонд, Российский фонд внешней политики, Фонд политических исследований (А.В. Федоров), Фонд «Политика» (В.А. Никонов), РАУ-корпорация (А.И. Подберезкин), Институт оборонных исследований (В. Суриков), Фонд политического центризма (С.С. Сулакшин), Международный центр стратегических и политических исследований, Центр политических исследований России (В.

Орлов), Центр стратегических оценок (С. Ознобищев и А.А. Коновалов) и пр (Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России, 1999; Российская федерация: безопасность и военное сотрудничество, 1995; Россия в условиях трансформаций 2000-2002.).

В ряду образовательно-управленческих и исследовательско-управленческих структур на первом месте бесспорно находится Московский центр Карнеги, который был основан Фондом Карнеги за международный мир в 1993 году. Это первая и пока единственная исследовательская организация подобного рода и масштаба в России, призванная изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики и международных отношений. Центр Карнеги ставит свои задачи:

- поощрять интеллектуальное сотрудничество между учеными и политическими экспертами России, других постсоветских государств и прочих регионов мира;
- проводить независимый экспертный анализ по широкому кругу общественно значимых проблем;
- служить свободным форумом для дискуссий и дебатов по наиболее острым проблемам развития России и Евразии и международной безопасности.

Московский центр Карнеги организует многочисленные семинары, конференции и лекции, предоставляя дискуссионную площадку авторитетным государственным и общественным деятелям и ученым из России и других постсоветских государств, США, а также многих других стран мира. В ходе этих встреч российские политики, эксперты, бизнесмены, дипломаты, военные, журналисты и ученые — представители всего политического спектра современной России — получают уникальную возможность свободно обмениваться мнениями между собой и со своими зарубежными коллегами.

Опираясь на независимые исследования в рамках собственных программ, Московский центр Карнеги ведет широкую издательскую деятельность: публикует сборники статей, монографии, справочные и периодические издания, брошюры — в общей сложности до 20 наименований в год. Центр

Карнеги также выпускает ежеквартальный журнал *Pro et Contra*, серию «Рабочие материалы» и ежемесячные «Брифинги». Публикации Центра выходят на русском, английском либо на обоих языках и широко распространяются в России и за ее пределами.

В центре работают такие известные эксперты как Дмитрий Тренин, Лилия Шевцова, Алексей Малащенко, Александр Пикаев, Андрей Рябов и др.

В течение десяти лет исключительно активную работу проводил Московский общественный научный фонд (МОНФ) во главе с Андреем Картуновым, источником финансирования которого являлись гранты таких крупных зарубежных фондов как Фонд Форда, Фонд МакАртура, Института «Открытое общество», Фонд «Евразия», TACIS, фонд «Вестминстер», Информационное агентство США (USIA). Фондом была проведена масштабная деятельность в области повышения квалификации специалистов-международников, разработки проектов по вопросам преподавания и исследования глобальных аспектов безопасности, международных отношений в странах СНГ, экспресс-аналитических разработок внешней оборонной политики России. На этой основе был подготовлен ряд крупных публикаций исследовательско-образовательной направленности. С 2002 года Фонд прекратил свою деятельность.

С 1996 года в составе МОНФа формируется Научно-образовательный ФОРУМ по международным отношениям (НОФМО) — неправительственная, некоммерческая организация, целью которой является содействие осуществлению научно-образовательных и просветительских программ в сфере международных отношений, безопасности и политической науки. С 2000 года существует автономно. Деятельность ФОРУМа осуществляется в интересах формирования и развития в России современного профессионального сообщества международников и политологов. Важным направлением деятельности ФОРУМА являются содействие преподавателям факультетов, отделений и кафедр международных отношений (в первую очередь — молодым преподавателям новых образовательных институций международно-политического профиля) в разра-

ботке новых учебных программ (См., например: Интеллект на завтра, 2002). Другое направление — организация и проведение летних и зимних институтов международных отношений для преподавателей региональных образовательных структур в данной области, ежегодных межрегиональных методологических семинаров («фокус-семинаров»). Кроме того, НОФМО формирует сети горизонтальных профессиональных связей на неинституциональной, индивидуально-творческой основе через создание межрегиональных групп и коллективов отдельных исследователей по приоритетным темам международных отношений. На базе ФОРУМа в Москве функционирует Ресурсно-консультационный центр для преподавателей и исследователей из региональных центров. ФОРУМ занимается также и научно-издательской деятельностью (см., например: Воскресенский 1999. 340 с.; Богатуров, Косолапов, Хрусталеv. 2002. 395 с.; Прозрачные границы. 2002. 480 с.). С 2003 года он приступил к изданию теоретического журнала «Международные процессы». *Редактор журнала — директор НОФМО А.Д. Богатуров.*

Наконец, стоит сказать о такой структуре как Федерация мира и согласия, ставшая правопреемником Советского комитета защиты мира. Действуя на базе добровольных пожертвований и спонсорских взносов Федерация осуществляет ряд целевых программ внешнеполитического характера, выпускает информационный бюллетень «Мир и согласие».

Новым явлением в жизни российского академического сообщества международников стало создание различного рода профессиональных ассоциаций и координирующих структур. Как известно, до распада СССР таковой являлась лишь Советская ассоциация политических наук, приемником которой в 1992 году стала Российская ассоциация политических наук.

В 1992 году в Москве была образована Российская ассоциация европейских исследований, объединившая ученых и преподавателей соответствующей направленности. Ее президент — Юрий Борко, заместитель директора Института Европы Российской Академии Наук.

В 1994 году, как уже указывалось, Министерство образования создало на базе МГИМО Учебно-методическое объединение по

координации деятельности университетов, осуществляющих образовательную деятельность в области международных отношений. Сегодня в это объединение входит свыше 40 университетов⁵.

В 1996 году на базе МГИМО была создана Ассоциация университетских школ международных отношений, объединивших в себе представителей университетов СНГ, занятых внешнеполитическими исследованиями (затем в 2001 году преобразована в Ассоциацию международных исследований стран СНГ и Балтии).

Эти шаги создали базу для крупного решения, которое состоялось в ноябре 1999 года — о создании Российской ассоциации международных исследований, по типу аналогичных национальных организаций, существующих в ряде стран и регионах мира: США, Великобритании, Японии, Скандинавии, Центральной и Восточной Европе. Инициатором создания вновь выступил МГИМО. Ассоциация объединила ученых и педагогов, занятых изучением международных отношений. На сегодняшний день ее членами являются около 300 человек. Первый конвент РАМИ состоялся в апреле 2001 года, собрав более 300 участников, в том числе около 70 иностранных. В июне 2002 года РАМИ провел конвент совместно с Ассоциацией международных отношений стран Центральной и Восточной Европы и Скандинавской ассоциацией международных отношений, в котором приняли участие более 200 специалистов. РАМИ располагает сайтом в интернете. Общая посещаемость сайта с ноября 2000 года по август 2002 года (сайт является узкоспециализированным, и границы его аудитории практически полностью совпадают с границами профессионального со-

⁵ Сведения о региональных учебных заведениях и ассоциированных с ними центрах, осуществляющих исследования и преподавание в области международных отношений, см.: Международные исследования в России и СНГ. Справочник. Отв. редакторы А.Д. Богатуров, А.В. Кортунов. М., 1999, с. 129 — 144. Правда, за годы, прошедшие после публикации данного издания, их список должен быть существенно дополнен. Кроме того, и в Москве значительно возросло количество образовательных и исследовательских структур в области международных отношений, в число которых входит и открытый в составе МГУ им. М.В. Ломоносова факультет мировой политики. Декан факультета — известный ученый и политик, член-корреспондент РАН А.А. Кокошин.

общества международных в России) — 28 000 посещений, около 3000 уникальных посетителей. Так называемое «ядро пользователей» (не менее 2 посещений в неделю) в среднем за год — 980 человек. Общее количество российских городов, представители которых используют сайт в своей деятельности — 176. Наиболее активные города — Москва (65%), Санкт-Петербург (11%), Нижний Новгород (5%), Екатеринбург (2%), Новосибирск, Владивосток, Калининград, Саратов, Пермь (по 1%).

В сентябре 2002 года РАМИ приступил к изданию ежеквартального журнала «Космополис».

Итак, 90-е годы внесли существенные изменения в инфраструктуру международных исследований в России. Ее основными характеристиками явились:

- утрата монополии Российской Академии Наук на проведение международных исследований;
- утрата монополии Москвы на образовательную и исследовательскую деятельность в области международных отношений;
- профессиональная консолидация сообщества российских международных специалистов с одновременным расширением международных связей.

Литература

- Актуальные проблемы американистики / Под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ, 1999-2002.
- Балуев Д.Г. Информационная революция и современные международные отношения. Н. Новгород: ННГУ, 2001.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт-МОНФ, 1997.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай. История и теория межгосударственных отношений. М.: НОФМО, 1999.
- Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России. М.: Международный центр стратегических и политических исследований, 1999.
- Загорский А.В., Лукас М. Россия перед европейским вызовом. М.: МГИМО, 1993.
- Интеллект на завтра. Сборник новых предметных программ по международным отношениям и безопасности. М., 2002.
- История международных отношений, в 2-х тт. / Под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ, 2001.

- Колобов О.А., Балугев Д.Г. и др. Запад: Новые измерения национальной и международной безопасности. Н. Новгород: ННГУ, 1997.
- Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Н. Новгород: ННГУ, 1992.
- Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо-израильского конфликта. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 1991.
- Колобов О.А., Корнилов А.А., Шамин И.В. Проблемы войны и мира в XX в.: Хрестоматия. Н. Новгород: ННГУ, 1997.
- Коньшев В.Н. Неореализм в современной политической мысли США. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2001.
- Коньшев В.Н. Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982-1991 гг.). Санкт-Петербург: ВИРД, 1999.
- Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Ломагин Н.А., Лисовский А.В., Сутырин С.Ф., Павлов А.Ю., Кузнецов В.Е. Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики. Санкт-Петербург: Издательский дом «Сентябрь», 2001.
- Макарычева М.Г. Америка и Россия в условиях нового мирового порядка. Н. Новгород, 2001.
- Между войной и миром: история и теория / Под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ, 1998.
- Международные исследования в России и СНГ. Справочник. Отв. редакторы А.Д. Богатуров, А.В. Картунов. М., 1999.
- Международные исследования в России и СНГ. Справочник. Отв. редакторы А.Д. Богатуров, А.В. Картунов. М., 1999.
- Международные отношения в XXI веке. Региональное в глобальном, глобальное в региональном. Н. Новгород: НГЛУ, 2000.
- Морозов В.Е. (ред.) 50-летие Европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002.
- Новиков Г.Н. Теории международных отношений. Иркутск, 1996.
- Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. М., НОФМО, 2002.
- Романова О.Ю. Национальные интересы России глазами ее политической элиты // Сборник докладов международной научной конференции «Российско-германские культурные связи в прошлом и настоящем» / Под ред. В.М. Строгачева и В.М. Терехова. Н. Новгород: НГЛУ, 1999.
- Романова О.Ю. Становление концепций национальных интересов в современном политическом процессе России. Автореферат дис. На соискание уч. степени канд. пол. наук. Н. Новгород, 2000.
- Российская федерация: безопасность и военное сотрудничество / Под ред. А.И. Подберезкина. М.: Обозреватель, 1995.
- Российская федерация: безопасность и военное сотрудничество / Под ред. А.И. Подберезкина. М.: Обозреватель, 1995.
- Российские регионы как международные акторы. Н. Новгород: НГЛУ, 2000.
- Россия в условиях трансформаций (Вестник Фонда политического центра), 2000-2002.

- Россия в условиях трансформаций (Вестник Фонда политического центра), 2000-2002.
- Россия перед глобальными вызовами. Н. Новгород: НГЛУ, 2002; «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе. Н. Новгород: НГЛУ, 2001.
- Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе / Под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ, 1998.
- Сафронова О.В. Теория международных отношений. Н. Новгород: ННГУ, 2001.
- Сергунин А.А. Североевропейские центры изучения проблем мира // Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 6.
- Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная политическая мысль Запада: «постпозитивистская революция». Н. Новгород: НГЛУ, 1999.
- Сергунин А.А., Сергунина А.В. Хрестоматия по политологии. Н. Новгород: Волго-Вятский индустриально-педагогический институт, 2000.
- Торкунов А.В. Корейская проблема: новый взгляд. М.: АНКЛ, 1995.
- Тюлин И.Г. Политическая наука: возможности и перспективы междисциплинарного подхода. М.: МГИМО, 1991.
- Хохлышева О.О. Действующее международное право и современный миротворческий процесс. Н. Новгород: ННГУ, 2000.
- Хохлышева О.О. Проблемы войны и мира в XX веке. Хрестоматия, в 2-х тт. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2000.
- Хохлышева О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2000.
- Хрусталев М.А. Теория политики и политический анализ. М.: МГИМО, 1991.
- AFB-INFO, 1995, no. 2.
- Kolobov O.A., Kornilov A.A., Makarychev A.S., Sergounin, A.A. Russia and the Problems of Global Stability. Nizhny Novgorod: University of Nizhny Novgorod Press, 1992.
- Kremenyuk V.A. Conflicts In and Around Russia: Nation-Building in Difficult Times. Westport, Conn./London: Greenwood Press, 1994.
- Malhotra V.K., Sergounin A.A. Theories and Approaches to International Relations. New Delhi: Anmol Publications Pvt. Ltd., 1998.
- Malhotra V.K., Sergounin A.A. Theories and Approaches to International Relations; Sergounin A. Post-Communist security thinking in Russia: changing paradigms. Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute, 1997 (COPRI Working Papers; No. 4, 1997).
- Sergounin A.A. Conversion in Russia: the Regional Implications // B. Moller and L. Sergounin A.A. Conversion in Russia: the Regional Implications / / B. Moller and L. Voronkov (eds), Defence Doctrines and Conversion, Aldershot: Dartmouth, 1996.
- Solodovnik S. Crisis Management in the CIS: Whither Russia? Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1995.
- Tyulin I.G. Theory and Practice in Foreign Policy Making: National Perspectives on Academics and Professionals in International Relations. London: Pinter Publishers Ltd, 1994.
- US and Russian policymaking with respect to the use of force. Ed. by J.R. Azrael and E.A. Payin. Santa Monica, Ca.: RAND, 1996.

Глава 3 Восприятие западных теорий в постсоветской России

1. Введение

Почему идеи, сформулированные в одном обществе, воспринимаются по иному и нередко остро критически в ином социокультурном контексте? Каковы те условия, в которых формируется потенциально опасное неверное восприятие? Один из примеров такого восприятия—то, как незападные культурные сообщества понимают западные идеи мирового порядка. В то время как на Западе наблюдается растущая убежденность в жизнеспособности мира, основанного на утверждении прав человека и рыночной демократии западного стиля, незападные сообщества воспринимают такой проект мироустройства с тревогой и скептицизмом. В различных частях мира проекты западноцентричного мира нередко рассматриваются как неспособные к утверждению справедливого и стабильного международного порядка в силу их исключительно западной ориентации и неспособности понимания иных культур. Выдвигаются и обвинения в том, что вместо развития диалога, необходимого для утверждения подлинно стабильного мира, такие проекты углубляют изоляцию и недоверие среди участников мировой политики (Furedi 1994; Alker et al. 1998; Rajae 2000).

События 11 сентября заставляют по новому взглянуть на проблему социокультурного восприятия и понимания в мире. В предлагаемой статье проблема социокультурного восприятия исследуется на примере реакции российского интеллектуального и политического сообщества на две наиболее из-

вестные западные теории—«конца истории» Френсиса Фукуямы и «столновения цивилизаций» Самуэля Хантингтона. Тезис Фукуямы был сформулирован в консервативном западном контексте конца 1980-х годов и обосновывал глобальное распространение рыночной демократии западного стиля. Напротив, Хантингтон привлек внимание академического и политического сообщества к элементам глобального беспорядка, воспринимавшимся в середине 1990-х как все более доминирующие. Для Хантингтона Россия являлась одной из восьми основных конкурирующих между собой цивилизаций. Обе теории широко обсуждались в незападных обществах, в частности, в России, что позволяет проследить, как некоторые западные идеи воспринимаются в иных социокультурных контекстах.

В данной статье рассматривается восприятие российским сообществом международных обеих теории, а также анализируются причины такого восприятия. Наряду с этим, мы задаемся вопросом об уроках, которые позволяет извлечь интеллектуальная встреча западных теорий с незападным в своих основах общества. Более конкретно, мы отстаиваем три следующих суждения. Первое: в российском обществе обе теории были восприняты в целом негативно, как стремление ограничить реально существующую вариативность исторического развития. В доказательстве этого суждения мы руководствуемся анализом сложившихся в российском дискурсе школ—как относящихся к Западу с определенной симпатией (Либералы и Социал-Демократы), так и настроенных гораздо более критично (Державники и Нео-Коммунисты)—и тем, как каждая из этих школ восприняла тезис о конце истории. Вопреки намерениям Фукуямы и Хантингтона, их теории усилили и без того растущее влияние националистического мышления, что связано с их неспособностью адекватно оценить все сложности российского самоопределения в контексте дезинтеграции союза. Второе: по нашему убеждению, основные причины негативного восприятия Российским интеллектуальным сообществом теорий Фукуямы и Хантингтона связаны в двумя факторами культурного свойства—этно-

центризмом самих этих теорий и недостаточной степенью социальной открытости российского общества. Наконец, третье: нормативный урок несостоявшегося диалога Россией с двумя западными теориями состоит в том, что в многокультурном мире интеллектуалы несут моральную ответственность за то, каким образом создаваемые ими теории могут быть восприняты за пределами «родного» для них социокультурного контекста.

2. Проблема восприятия западных теорий

В понимании проблем культурного восприятия важно иметь обратить внимание на два следующих фактора: степень этноцентризма, заключенного в той или иной теории или идеологии, и структуру локального культурного сообщества. Негативное восприятие наиболее вероятно, когда теория сформулирована по этноцентристскому принципу. Восприятие теорий осложняется и возможным сопротивлением со стороны локального сообщества.

Этноцентризм, определяемый как убежденность в превосходстве и даже «естественности» собственной культуры по отношению к остальным¹, коренится в ряде институциональных, социальных и цивилизационных структур и предпосылок (Harding 1998, 12). Этноцентричная теория защищает ценности исключительно «своей» культуры и закрыта для возможных влияний внешнего окружения. Такая теория базируется на трех основных допущениях: абсолютное нравственное превосходство Своего культурного сообщества; неполноценность Иных сообществ; законность применения силы Своими против Иных. Именно твердая приверженность авторов этноцентристских проектов своим идеалам «блага» и

¹ Хороший обзор антропологической и социологической литературы об этноцентризме содержится в Van der Dennen 1987, 1. Более ранние теоретические и экспериментальные исследования этноцентристского синдрома в этнографии и психологии были описаны с следующих работ: LeVine 1965; LeVine and Campbell 1972; Brewer and Campbell 1976.

«добродетели» делает возможным разделяемую ими готовность утверждать эти проекты за пределами породившего их социума. Для сравнения этноцентризм может быть противопоставлен культурно восприимчивым теориям, которые определяют Свои моральные ценности как нечто открытое переоценке, но отнюдь не абсолютное и неизменное; рассматривают Иного как другого, но равного в нравственном отношении и потому являющегося потенциальным источником нового знания и морали; и в ситуациях конфликта предпочитают переговоры и выработку взаимоприемлемых норм силовой практике.

В международных отношениях у этноцентризма имеются мощные интеллектуальные корни, продолжающие служить препятствием для развития исследований, восприимчивых к локальным культурам, основывающихся на менее жестких послылках и, следовательно, являющихся более открытыми для глобального диалога с исследователями во всех частях света. Будучи «американской общественной наукой» (Hoffmann 1977), международные отношения как дисциплина продолжают отражать и закреплять видение западной цивилизации и остаются относительно закрыты для влияний, исходящих от остальной части мира (Alker and Biersteker 1984; Holsti 1985; Kahler 1993; Inayatullah and Blaney 1996; Waeber 1998; Audinli and Mathews 2000).

Не случайно и большинство споров, характерных для международных отношений, обнаруживают ту или иную степень этноцентризма. Примером может служить недавняя дискуссия о возможности войн между странами с демократической формой правления. В западном академическом сообществе положение о том, что демократии не воюют друг с другом, широко признано. Однако за пределами западного мира теория демократического мира нередко воспринимается как свидетельство западного этноцентризма. Один из контраргументов заключается в том, что социальные корни демократического порядка существенно варьируются и в ряде случаев отнюдь не способствуют миру и стабильности. Например, в посткоммунистическом контексте демократизация может стать условием, спо-

собствующим росту ранее пребывающего в скрытой и пассивной форме воинствующего этнонационализма. В результате вооруженные столкновения среди некоторых из вновь возникших в бывшем СССР демократий является не только реальной возможностью, но даже одним из прямых последствий демонстрации авторитарных форм правления¹.

Теории, воспринимающиеся как этноцентричные, чаще всего защищают космополитическое или националистическое видения мира. Эти два видения тяготеют к отстаиванию взаимоисключающих образов, отрицая при этом диалектическую природу взаимодействия глобального и локального и преувеличивая значимость глобальных или локальных моральных ценностей. Космополиты полностью отдают себе отчет в глобализующемся характере мировой политики, но при этом утверждают образ все более культурно однородного глобального общества, игнорируя силы разнообразия и идентичности. Для космополитов консервативного направления, таких как Фукуяма и Збигнев Бжезинский, эта растущая культурная однородность глобального общества связана с прогрессом западной цивилизации. Для космополитов леворадикальной ориентации западная современность нередко означает регресс и порабощение, но при этом она не в меньшей степени гомогенна и невосприимчива к локальным культурным идентичностям. В свою очередь, националисты отстаивают в высшей степени партикуляристское видение международной системы, в которой локальные культуры соперничают за власть и ресурсы в условиях анархии. Для культурных националистов, таких как Хантингтон, это соперничество неизбежно ведет к «столкновению», нередко противопоставляющему «Запад остальному миру» (Huntington, 1993, 1996).

Циркуляция теорий и идей в мире международных-межкультурных отношений редко протекает, не встречая сопротивления. Поскольку сами идеи специалистов-международников есть порождение особых социокультурных условий

¹ Спор был суммирован в Brown et al. 1996. Об опасностях посткоммунистической демократизации, см.: MacFarlane 1997.

(Hoffmann 1977; Alker et al. 1989; Waever 1998), их распространение осуществляется с различной скоростью и по различным каналам, преодолевая различные формы институционального сопротивления и функционируя по разному в различных культурных контекстах. Тем не менее, нам представляется, что негативное восприятие отнюдь не является таким уж неизбежным спутником путешествия идей в многокультурном мире. Связываемое с недопониманием содержания, посылок и импликаций идеи, негативное восприятие может варьироваться и приобретать различную степень остроты. Так, выявленная Баллом и Уотсоном идея международного общества воспринималась в различное время по разному. Исследователи показали, как европейская по своему происхождению идея, называемая «сообществом отдельных государств» Вольтером и «дипломатической республикой Европы» Берком, постепенно перестала быть исключительно европейской и распространилась за пределы континента (Bull and Watson 1984).

Это подводит нас к следующему фактору, важному для понимания источников восприятия—локальному культурному сообществу. Локальные культуры не следует рассматривать как однородные субстанции. Скорее они существуют на трех взаимосвязанных уровнях—политическое руководство, элиты и широкие общественные слои, каждый со своей системой убеждений и внутренней структурой. В совокупности, эти три уровня и составляют сложную ткань локальной культуры. Восприятие внешней идеи или теории обычно проходит три этапа—первоначального интереса, убеждения и социализации. На первом этапе в локальной культуре развивается восприятие ее сходства с другой культурой и возникает интерес к теориям иной культуры. На стадии убеждения идея или теория активно распространяется и дискутируется в политическом руководстве и элитами общества. Наконец, на этапе социализации восприятие идеи достигает пункта ее распространения в широких общественных слоях.

Следует подчеркнуть, что процесс социальной интеграции теорий не может быть линейным или детерминистским по

причине сохраняющихся принципиальных отличий локальных культур друг от друга. Такие культуры нередко различаются по своему историческому опыту, а также помещены в особые современные ситуации, что не может не воздействовать на их восприятие и остается важнейшим барьером открытости внешним теориям и воздействиям¹.

3. Российский международный дискурс

Для того, чтобы проследить воздействие западных теорий на российскую культуру, обозначим спектр внешнеполитических позиций и теоретических школ в российском обществе. Со времени Горбачева возникли четыре крупные школы, характеризующие российский внешнеполитический дискурс. У каждой из них имеется свое восприятие того, какой должна быть стабильная и безопасная Россия. Эти школы сопоставимы с теоретическими традициями в области международных отношений, выявленными Уайтом (Wight 1992: 7-8): (а) традиция, придающая особое значение международной анархии и контролю; (b) рассматривающая международное взаимодействие как цивилизующую силу в мировой политике; и (с) традиция, заинтересованная в принципиальной трансформации международной системы. В российском контексте, основными школами могут считаться Либералы, Социал-Демократы, Государственники и Национал-Коммунисты (см. Light 1996; Tsygankov 1997; Shlapentokh 1998; Sergounin 2000).

Либеральная школа в целом разделяет прозападную ориентацию и часто ассоциируется с ранним движением «Демократическая Россия» и такими политиками, как Егор Гайдар и Андрей Козырев, занимающими ведущие правительственные посты на ранних стадиях российской пост-коммунисти-

¹ Я основываюсь здесь на работах Роберта Джервиса о психологии восприятия, который указывал на значимость предыдущего опыта индивида и его установок относительно внутренней системы общества, а также влияния международной истории и более ситуативных убеждений («evoked sets») (Jervis 1968, 479-83; Jervis 1976).

ческой трансформации. Либералы признают, что в годы холодной войны Россия действовала против своих собственных интересов и в настоящее время должна сделать все возможное для того, чтобы стать неотъемлемой частью Запада. Запад воспринимается как единственная жизнеспособная и прогрессивная мировая цивилизация. Основные угрозы российской «подлинной» идентичности исходят от ее собственной экономической отсталости и ассоциации с такими недемократическими странами, как Ирак, Куба, Ливия. Россия сможет достойно ответить на угрозы и преодолеть свою экономическую и политическую отсталость только через развитие институтов западного образца и вступление в коалицию или сообщество «стран западной цивилизации.»

Социал-Демократы более чувствительны к российской традиции развития. Эта школа мышления разделяет с либеральной философию всемирного сообщества, но придерживается своего собственного понимания истоков универсальных норм общежития. По убеждению социал-демократов, гарантирование основных прав человека не следует рассматривать как продукт исключительно западной цивилизации. Они отказываются воспринимать мир как дихотомию «прогрессивной» цивилизации и отсталых народов и предлагают иную, более сложную картину мира после холодной войны.

По их мнению, Россия — независимая цивилизация, являющаяся то же время частью международного сообщества. В новой эпохе, возникающей после холодной войны, Россия и другие участники международных отношений пересматривают свои роли и идентичности и учатся жить во все более взаимозависимом, но одновременно и более разнообразном мире. В этом мире главные угрозы возникают в связи с нарушением основных прав человека и неуважением к культурному плюрализму. Главная задача видится в создании всемирного порядка, способного поддерживать «единство в разнообразии» и способствовать диалогу и сотрудничеству наций и культур в соответствии как с некими универсальными правилами, так и внутренними социальными нормами. Россия должна не копировать западный образец, а найти

свой собственный, отражающий культурные особенности путь к глобальной экономической и политической системе.

В то время как социал-демократы придают большое значение культурным факторам в мировой политике, Державники рассматривают мир в категориях борьбы за власть и ресурсы. Например, бывший министр иностранных дел и премьер-министр Евгений Примаков и его сторонники считают, что главную угрозу международной безопасности представляют те, кто заинтересован в дестабилизации многополярного баланса власти. Для того чтобы сохранить этот баланс, по крайней мере в Евразии, Россия должна оставаться суверенным государством и великой державой, способной противостоять гегемонизму других держав. Вместе с западниками и социал-демократами, державники не считают Россию изначально враждебной Западу. По их мнению, Россия является независимой цивилизацией с отличающимися от Запада интересами и ценностями, но исторически она успешно взаимодействовала с Западом и такое взаимодействие не ущемляло ее политический суверенитет и культурные особенности.

Нео-Коммунистическая школа следует традициям советского мышления, интегрируя в коммунистический дискурс ряд высказывавшихся державниками идей. Как и державники, нео-коммунисты убеждены, что Россия должна настаивать на статусе великой державы и культурно независимого государства. Однако они идут дальше державников. Например, для лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова (1995, 1998), Россия принципиально отлична от других цивилизаций и не должна соприкасаться с «чуждыми» — в особенности, западными — культурными, экономическими и политическими сообществами. Вместо этого Россия должна оставаться социалистической цивилизацией, экономически независимой и свободной от «чуждых» влияний. Российские интересы несовместимы с западными, и Запад с его империалистическими устремлениями является главной угрозой для России.

4. Российское восприятие теории Фукуямы

Теория Фукуямы был сформулирован в западном контексте конца 1980-х гг. В течение десятилетия у власти находились консерваторы, обладая при этом возможностью формировать внутренний и международно-политический дискурс. Приход к власти советского реформатора Горбачева был первоначально воспринят на Западе с подозрением и как очевидный признак советской слабости. С течением времени политический истеблишмент США и Европы уверился в западной победе в Холодной войне. Запад полагал теперь, что обладает правом настаивать на «правильности» своих моральных, политических и экономических стандартов поведения в отношении окружающего мира.

Фукуяма (1989) теоретически выразил и политически обосновал убежденность в отношении будущего после окончания холодной войны. «Конец истории» в этом смысле не был случайным в своем появлении. Политически сторонник администрации Буша, а интеллектуально апологет теории модернизации, Фукуяма выразил типичное для его времени убеждение о пришествии и неотвратимости либерального капитализма западного образца (см. также, Muravchik 1992; Friedman 1999). Его основной интеллектуальной мишенью стали реалисты с характерной для них убежденностью в анархии и циклическом развитии мирового порядка. Под влиянием интерпретаций конца истории Гегеля и Кожера, Фукуяма сформулировал мысль, что либерализм и либеральные институты, такие как главенство закона, представительская демократия и рыночная экономика, приобретают поистине универсальное значение. Реализм слеп в своем непризнании факта того, что никакая другая форма социальной организации, будь то фашизм, национализм или коммунизм, способна бросить достойный вызов учреждению либеральной идеи. Знаменитое изречение Фукуямы (1989: 4) гласит: «То, свидетелями чего мы, вероятно, являемся, есть не просто конец Холодной Войны или окончание какого-либо периода послевоенной истории, но

конец истории как таковой: то есть, конец идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления».

В своем отношении к незападным культурным сообществам, Фукуяма, однако, не слишком отличается от реалистов. Настаивая на универсальности западного либерализма и либеральных идей, Фукуяма на деле является защитником ценностей лишь одного из существующих культурных сообществ. Именно Запад остается в его глазах сообществом с превосходящим остальные институциональным и моральным авторитетом и именно ценности Запада подлежат, по его убеждению, глобальному распространению неважно, приветствуется это остальными участниками международной системы или нет. Фукуяма рассматривает незападные миры как будущую проекцию западных ценностей и строит свой анализ таким образом, чтобы продемонстрировать «абсолютную исчерпанность систематических альтернатив западному либерализму» (Фукуяма 1989: 3). Развивая идеи Гегеля, американский исследователь находится и под влиянием идей Ницше, чей пессимизм необходим ему для развенчания всяких возможностей социального творчества в незападном мире. Либеральный капиталистический порядок не является совершенным, но и не подлежит улучшению.

Обратимся теперь к российскому восприятию теории Фукуямы.

Взращенные Горбачевым социал-демократы полагали, что общечеловеческая цивилизация представляет собой достижения не только Запада, но и остальной части мира. Соглашаясь с Фукуямой, что Запад был основателем рыночной экономики и политической демократии, данная школа мысли рассматривает эти ценности лишь как одну из частей общечеловеческого опыта (Красин 1990; Замошкин 1990). Например, в то время как Запад создал рыночную экономику и политическую свободу, Восток разработал идеи ответственности государства за развитие общества и групповых корпо-

ративных ценностей (Дилигенский 1991)¹. Следовательно, различные культуры могут многому научиться друг у друга. Подобное взаимообучение, согласно социал-демократам, может происходить в виде заимствований и адаптаций. Заимствования предполагают, что различные общества существуют не в изоляции, а наоборот постоянно воспринимают друг у друга различные технологические и институциональные характеристики, чтобы успешно встретить новые вызовы (Баталов 1990; Замошкин 1990). Культурная адаптация включает в себя мобилизацию внутренних социальных механизмов для внедрения заимствованных технологических и институциональных идей. Конечной целью культурной адаптации является ассимиляция заимствованных технологий через их интеграцию в наиболее важные структуры общества, такие как ценности и убеждения.

Либералы поддерживали Запад как неоспоримый авторитет и выдвигали аргументы, подобные тезисам Фукуямы. Академические институты, особенно Институт мировой экономики и международных отношений и Институт США и Канады были наиболее активны в защите подобной точки зрения². Например, ведущий исследователь ИМЭМО Эльгиз Поздняков (1990: 143; см. также Поздняков 1989а, 1989b, 1989с), предложил рассматривать общечеловеческие ценности как основанные на критериях западной цивилизации, с ее либерально-демократическими ценностями и уровнем научно-технологического развития:

«Запад сегодня — это не просто географическое понятие, и не просто символ капитализма. Это выразитель наивысшего

¹ В своей последующей работе на тему социального капитала, вовлеченного в глобальную экономику и культурные предпосылки экономического развития, Фукуяма (1995) пересмотрел свою точку зрения. Однако, он остался верен теории модернизации и идее, что, несмотря на различные изначальные социальные условия обществ и культурных контекстов, путь экономического развития только один, и следовательно, политикам следует сосредоточиться на разработке стратегий создания рыночной экономики, а не спорах о поисках альтернативных вариантов.

² Это нашло отражение в нескольких статьях, опубликованных в ведущих академических журналах между 1987 и 1991 гг., например, МЭМО и США: ЭПИ.

существующего уровня развития экономики, научной технологии, и демократии. Ни одно общество не может называться современным пока оно не достигнет того же уровня. Поэтому и Япония, и Сингапур, и Южная Корея — это Запад, а мы до сих пор нет» (Поздняков 1990: 143).

Вслед за Чаадаевым, в кругах либерального западничества принято отказывать России в наличии собственной культурной традиции, способной внести подноценный вклад в мировую историю. Согласно такой позиции, выбор России сводится к выбору между модернизацией на западный манер и автократией и отсталостью. По словам Позднякова, «или мы будем продолжать архаическую изоляцию и в результате безнадёжно отстанем от цивилизации [которую Поздняков связывает с Западом и его критериями — *А.Ц.*] во имя сохранения нашего уникального социализма, или мы присоединимся в мировой цивилизации и признаем, что социализм потерпел поражение...» (1990: 144).

Для коммунистов, моральный авторитет неоспоримо находился на стороне России и незападного мира. Они согласны с Фукуямой в том, что современность это западный феномен, но для них это не означает, что Россия должна развиваться по западному пути; наоборот, Россия должна отстраниться от современного Запада и ревностно оберегать свои исторические традиции и культурную идентичность. Вслед за славянофилами, некоторые из нео-коммунистов (Бородай 1992) считают Россию защитницей таких традиционных ценностей, как религия, империя и политический авторитаризм. Другие видят Россию технологически развитым и многоконфессиональным обществом, социальная целостность которого гарантируется мощной гражданской религией или идеологией, предохраняющей Россию от пагубного взаимодействия с Западом (Кургинян и др. 1990; Проханов и Султанов 1991; Дугин 1991)

Для нео-коммунистов Запад морально неполноцен. На Западе отсутствует объединяющее начало и уважение к общественной морали и идентичности. Запад представляется как совокупность атомизированных индивидов, объединенных

единственно рациональным желанием обогатиться за счет остальной части мира. Именно в этом свете рационального индивидуализма рассматривается нео-коммунистами тезис Фукуямы. «Конец истории» — это еще одна попытка эксплуатировать мир экономически и развратить его морально. Это идеология рационализма, выраженная в институтах рыночной экономики и политической демократии, и несущая ответственность за все, что ненавистно для нео-коммунистов — сепаратизм, фашизм, и консьюмеризм. Эта идеология вредна для России, поскольку она развращает ее культуру и может в один момент спровоцировать тоталитарную реакцию. По словам Сергея Кургиняна (1991), тезис Фукуямы преследует своей целью распространение общечеловеческих ценностей, но в действительности создает условия для будущего возникновения фашизма.

В силу того, что реформы Горбачева не оправдали возложенных на них надежд, видение социал-демократов утратило свое доминирующее положение в национальном дискурсе. После распада СССР большинство россиян по-прежнему скептически относились к идеям национал-коммунистов, в то время как позиции либералов заметно улучшились. Однако, либеральная гегемония продержалась недолго. На фоне провала инициированных либералами экономических реформ и подъема преступности, либеральное направление больше не могло претендовать на широкую поддержку в обществе и вскоре оказалось потесненным зарождающейся школой державничества, увидевшей в теории Фукуямы атаку на российские национальные интересы (Мигранян 1994; Станкевич 1992).

Поначалу заимствуя идеи либералов и националистов, державники вскоре приобрели как интеллектуальную, так и политическую независимость. Вновь возникшее направление выдвинуло идею России-державы или сильного государства. Многие из державников еще вчера защищали идеи либерализма и в своем новом качестве продолжали настаивать, что России следует стремиться к созданию рыночной экономики и политической демократии. В то же время они больше не верили, что Россия должна интегрироваться в западный мир, и настаивали на необходимости сформулировать и отстаивать

свои собственные национальные интересы (Стратегия для России 1992; Стратегия-2 1994; Стратегия 1998). У нео-коммунистов державники позаимствовали конфликтное восприятие мира, в котором государства заинтересованы в приращении своей власти и защите геополитических интересов и сфер влияния. Не вдаваясь в риторику конфронтации с Западом (как это нередко делают нео-коммунисты), державники тем не менее адаптировали значительную часть нео-коммунистической терминологии, оперируя теперь такими концепциями, как «национальные интересы», «великие державы», «Евразия» и «геополитика». Соглашаясь с Фукуямой в важности создания рыночной экономики и политической демократии, они видели эту задачу как подчиненную другой, более важной цели—строительству сильного государства. Именно державники подготовили интеллектуальную почву для последующей отставки либерального министра иностранных дел Козырева и его замены практиком державничества Евгением Примаковым.

5. Восприятие теории Хантингтона

Также как теория Фукуямы, теория Хантингтона отражала социальные и политические стереотипы своего времени. Однако в отличие от Фукуямы, Хантингтон обращает внимание на опасные тенденции в мировой политике—рост этнических конфликтов, сохраняющаяся угроза со стороны режима Хуссейна в Ираке, демографические и иные опасности на африканском континенте—все более часто воспринимающиеся интеллектуалами как признаки неспособности Запада обеспечить безопасность и стабильность в мире (see, e.g., Barber 1992; Kaplan 1994). С ощущением опасностей пришел на Запад и новый страх в отношении незападного мира. Влиятельный в политических и академических кругах интеллектуал, Хантингтон успешно воспользовался своим авторитетом для того, что подвергнуть критике взгляды Фукуямы (1989) и сформулировать алармистскую теорию столкновения цивилизаций.

Теория Хантингтона имеет знакомое этно-центрическое предубеждение по отношению к внешнему миру, и в то же время имеет несколько принципиальных аналитических различий с теорией «конца истории». В отличие от Фукуямы, Хантингтон убежден, что Запад уникален как цивилизация, но не универсален. По мнению Хантингтона, цивилизации являются важнейшими общностями с четко очерченными границами между ними. Это культурные общности, которые с окончанием холодной войны имеют тенденцию к замене государств-наций; они отличаются друг от друга по историческим, языковым, традиционным и, что наиболее важно, религиозным параметрам (Хантингтон 1993, 23–25). В дополнение к Западу, Хантингтон также выделяет семь других цивилизаций — конфуцианскую, японскую, исламскую, индийскую, латино-американскую и, возможно, африканскую — каждая из которых имеет свой набор культурных ценностей.

Цивилизации стремятся защитить свои ценности и убеждения. Западные ценности хорошо известны своим охватом западного христианства, господством закона, социальным плюрализмом, представительским правительством и индивидуализмом. Наряду с Фукуямой, Хантингтон твердо привержен западным ценностям, но он определяет их как локальные, а не универсальные, и не видит большого смысла в попытке распространять западные ценности за пределы их изначальных цивилизаций. Он не видит причин верить и в то, что остальной мир адаптируется к западным ценностям. Напротив, он предсказывает, что эти ценности находятся в опасности, и утверждает, что Запад должен стремиться к дальнейшему укреплению своей мощи в целях эффективного обеспечения собственной защиты.

Несмотря на некоторое смешение и перекрещивание, цивилизации в основном существуют в обстановке анархии. Различия в силе и борьба за военные, экономические и институциональные ресурсы есть и останутся основной движущей силой в мировой политике. Все эти идеи предполагают, что Хантингтон является приверженцем реалистического метода мышления (O'Hagan 2000). В мире не существует способа пре-

дотворращения или уменьшения цивилизационной тяги к силе и доминированию. В результате Запад не должен иметь иллюзий относительно растущей мировой взаимозависимости.

Основывая на таких представлениях, Хантингтон логично приходит к своему тезису о столкновении цивилизаций. Столкновение происходит на макро- и микро-уровнях. На макро-уровне происходит борьба между цивилизациями на мировой арене. Он особенно выделяет цивилизационные и культурные конфликты между западным христианством, с одной стороны, и ортодоксальным христианством, и исламом в Европе, с другой, равно как и конфликты мирового масштаба между ортодоксами и мусульманами в Европе и Евразии, между мусульманами и индусами в Азии, между Китаем и Америкой; и между Японией и Соединенными Штатами. На локальном уровне, отмечает Хантингтон, столкновение цивилизаций может принять форму государственного распада, и называет три наиболее вероятные кандидатуры («страны в состоянии разрыва») на развитие подобного сценария в будущем — Турция, Мексика и Россия — потому что все три, на его взгляд имеют особенно высокую степень культурной гетерогенности. Россия находится, по его мнению, в наиболее опасном положении — ее элиты находятся в нерешительности по поводу присоединения к Западу; неясно готово ли российское общество к пересмотру своей цивилизационной идентичности; и Запад не слишком то выражает готовность принять Россию (Хантингтон 1993, 43).

Предлагаемое Хантингтоном решение российской цивилизационной дилеммы состоит во вступлении в политический и военный союз с Западом против Китая и исламских цивилизаций. В своей книге Хантингтон (1996, 241, 312) развивает эту позицию, утверждая, что «Россия, тесно сотрудничающая с Западом, обеспечит дополнительные противовесы конфуцианско-исламской линии в области глобальных вопросов», и что Западу следует «принять Россию в качестве ключевого ортодоксального государства и важнейшей региональной державы с легитимными интересами в области безопасности ее южных границ».

Как и в случае с Фукуямой, российское политическое и интеллектуальное сообщество подвергло теорию Хантингтона острой критике. Дебаты по теории Хантингтона имели место после распада СССР и в контексте самоопределения российской элиты как новой евразийской державы. В этом контексте, российские интеллектуалы выступили с нападками на его предложение как дестабилизирующее Евразию и мир в целом.

Либералы и социал-демократы признали заслуги Хантингтона в поднятии вопроса цивилизаций и их взаимосвязей, призывая однако к концептуальному пересмотру теории «столкновения цивилизаций» с учетом глобального в своих основах мира (Пантин в Цивилизационная модель 1995; Шахназаров 1998). По их мнению, мировая политика характеризуется не только различиями ее участников, но также их постоянным взаимодействием и интеграцией. Цивилизации также не отделены друг от друга и в действительности разделяют ряд норм и ценностей, касающихся, например, проблем экологического равновесия, перенаселения и экономического развития. Подобные проблемы требуют решения, основанного на глобальном сотрудничестве во благо всего человечества (Злобин в Столкновение цивилизаций 1995, 133).

С либеральной и социал-демократической точки зрения, что картина мировой политики как серии цивилизационных столкновений является порочной и отражает западный этноцентризм, характерный и для теории Фукуямы о «конце истории.» Как отмечает Алексей Шестопал (Столкновение цивилизаций 1995), обе работы Фукуямы и Хантингтона, несмотря на их различия, отмечает «упадок уровня историчности». По мнению других, конец холодной войны учит тому, что культурный плюрализм превращается в *modus operandi* мировой политики. Однако предсказания Хантингтона будущих культурных конфликтов, не только ошибочны, но и опасны по своей природе (Симония 1994; Столкновение цивилизаций 1995; Панарин 1998). Представители данных школ российского мышления подчеркивают открытость различных цивилизаций переменам и необходимость конструктивного взаимодействия между ними. Основное внимание, по их мнению, следует уделять взаимно-

му влиянию и обогащению различных религий, культур и наций (Шестопал в Столкновение цивилизаций 1995). Этот аргумент распространяется на российскую внутреннюю ситуацию. Вместо того, чтобы рассматривать Россию как «разорванную страну», ее предлагается рассматривать как многокультурное, многоэтническое и многорелигиозное сообщество, открытое для социального творчества и инноваций (Там же).

Запад, настаивают либералы и социал-демократы, должен не отгораживаться от других цивилизаций, а продемонстрировать свою готовность активно участвовать в решении экономических и экологических проблем мира. Трудно представить, утверждают сторонники этой точки зрения, что в этом взаимозависимом мире западные страны могут обеспечить свою безопасность и благополучие, игнорируя при этом проблемы незападных стран. Мировой прогресс становится в большей степени зависимым от «совместного развития» и взаимной безопасности (Злобин в Столкновение цивилизаций 1995; Хорос в Цивилизационная модель 1995, 123). Если России и следует вступать в союз с Западом — союз, к которому стремились и Горбачев, и Козырев — такой союз не должен быть союзом против мусульманской и китайской цивилизаций. Вместо этого, такой союз должен преследовать взаимоприемлемые цели и не противоречить российскому взаимодействию с южными и восточными соседями.

Российские державники ближе к Хантингтону в основных посылах мышления. Они разделяют его скептицизм относительно возможности создания универсальной цивилизации и придают большое значение локальным цивилизациям в мировой политике: «В целом, невозможно не согласиться [с Хантингтоном] в том, что критики его цивилизационной парадигмы не сумели придумать более убедительное объяснение происходящему в мире», пишет Сергей Самуйлов (1995, 66). Согласны державники и с хантингтоновским пониманием целей цивилизаций и характером их взаимодействия друг с другом. Цивилизации борются за «престиж и ресурсы» (Цымбурский в Цивилизационная модель 1995, 137); «экономическую, культурную и политическую идентичность», (Карагодин 1994, 3); и «экономи-

ческие возможности» (Самуйлов 1995, 63). Глобальное сотрудничество, в лучшем случае, преждевременно.

Однако державники не согласны с рекомендациями Хантингтона, считая, что он стремится упрочить зависимость России от Запада и лишить ее собственного голоса в мировых делах. Более того, основная цель Хантингтона видится некоторым как противопоставление Запада всем незападным цивилизациям, а не предупреждение о возможном столкновении цивилизаций (Цымбурский в Цивилизационная модель 1995; 1997). По этой причине он упускает из виду другие важные внутри-цивилизационные конфликты, например, внутри Китая (проблема Тибета), между Индией и Пакистаном и др. В отношении российского будущего, державники видят России не «разорванной» страной, разделенной между Европой и Азией, а особой Евразийской цивилизацией со своим естественным путем развития.

В отличие от либералов и социал-демократов, державники отвечают на политические рекомендации Хантингтона в рамках все той же конфликтной парадигмы. В ответ на его призыв к большей интеграции с Западом для противостояния надвигающимся угрозам они, они высказываются в пользу большей интеграции российской цивилизации, которая, по их мнению, должна включить в себя многие бывшие советские государства. Вместе с этим, державники против русско-западного союза, настаивая, что такой союз против «мусульманско-конфуцианского блока» может иметь весьма опасные последствия... Китайская и исламская карты разыгрываются против нас на протяжении уже слишком долгого времени. Мы не можем позволить Западу направлять агрессивную энергию других незападных цивилизаций против так называемой «русско-ортодоксальной цивилизации» (Цымбурский 1995, 145).

Наконец, коммунисты идут еще дальше державников. В ответ на теорию Хантингтона они выдвигают видение России как антизападной евразийской цивилизации, интегрированной и доминирующей на пространстве бывшего СССР и стремящейся стать противовесом американскому мировому господству. В то время как державники прагматичны и в ряде позиций откры-

ты для сотрудничества с Западом, нео-коммунисты открыто враждебны Западу и стремятся свести к минимуму отношения с тем, что они именуют «Атлантическим геополитическим блоком» (Дугин 1997; Зюганов 1998). Так, бывший член Государственной Думы и председатель думского комитета по геополитике А. Митрофанов открыто выступил за трансформацию Евразии в объединенный континентальный блок (1997: 221).

6. Уроки «диалога» с Фукуямой и Хантингтоном

Наш основной тезис состоял в том, что международные теории способны оказывать немалое воздействие на восприятие локальными культурами друг друга. Российское восприятие теорий Фукуямы и Хантингтона было призвано проиллюстрировать динамику возможного культурного восприятия, в результате которого ценности одной культуры отвергаются другой как гегемонистские и этноцентричные в своей основе.

Фукуямовская теория «конца истории» была отвергнута в России дважды — до и после распада СССР — и с течением времени российская критика усилилась. На первой стадии наметившегося было диалога, некоторые интеллектуалы либеральной ориентации выдвигали аргументацию, весьма схожую с аргументацией Фукуямы. Однако и социал-демократы, и нео-коммунисты отвергли тезис как ограничивающий свободу и социальное творчество в мире. После дезинтеграции союза, идеи Фукуямы обладали еще меньшей способностью повлиять на формирование российского дискурса. Либералы постепенно теряли завоеванное влияние, а националистическое мышление, в особенности его державническое направление, укрепляло свои позиции в обществе. Спор о национальном интересе России подтвердил растущее влияние державничества, в ходе которого державники обрушились на Фукуяму с критикой за нежелание признать законные интересы России в мире после холодной войны. У социал-демократов и нео-коммунистов также нашлись аргументы для неприятия идей Фукуямы.

Подобная участь постигла и теорию Хантингтона. Как и Фукуяма, Хантингтон защищал ценности Запада с позиций культурной исключительности и этноцентризма. Отстаивая алармистское видение мирового порядка, Хантингтон также надеялся убедить Россию в необходимости союза с Западом и в том, что перед лицом угрозы со стороны «конфуцианско-исламских» государств, Россия лишь выигрывает от такого союза. Подобно теории Фукуямы, теория Хантингтона потерпела поражение и навлекла на себя критику по всему политическому и интеллектуальному спектру.

Спор о «столкновении цивилизаций» состоялся после распада Советского Союза и в контексте российского самоопределения как новой евразийской державы. В этих условиях, как либеральные (либералы и социал-демократы), так и националистически настроенные (державники и национал-коммунисты) интеллектуалы атаковали теорию Хантингтона как влекущую за собой дестабилизацию Евразии и мира в целом. В либеральном и социал-демократическом восприятии, теория подрывает подлинный плюрализм цивилизаций, создает ненужных врагов и осложняет взаимовыгодное взаимодействие с культурами Китая и мусульманского мира. Для державников же и национал-коммунистов теория о «столкновении цивилизаций» скрывает стремление к эксплуатации внутренней слабости России и подрыву ее политической независимости. По их мнению, Россия должна предложить азиатскому и мусульманскому миру сотрудничество в области безопасности, не полагаясь в этом на Запад.

В чем причины того, что российское интеллектуальное сообщество в целом негативно восприняло теории Фукуямы и Хантингтона? Почему данные теории стали оружием в руках националистов, укрепив их позиции в России? Ответ на эти вопросы следует искать в этноцентричной природе самих теорий, базирующихся на идеях западного превосходства и культурной исключительности. Ни Фукуяма, ни Хантингтон не отнеслись с должным вниманием к специфике российских исторических традиций. Для Фукуямы оказалось невозможным примириться с мыслью, что у каждой страны — и у ж

тем более такой крупной, как Россия — свой путь модернизации, своя социальная память и свои темпы перемен. Что касается Хантингтона, то он пренебрег евразийской идентичностью и спецификой географического положения России. Оба американских ученых недооценили тот факт, что российские интересы находятся и в Европе, и в Азии, и что волею судьбы России предстоит жить рука об руку с соседями по региону, знаменитому своим религиозным, этническим и лингвистическим разнообразием. Российские интеллектуалы и политики отнеслись к данным теориям с должным вниманием, но в силу присущего для них этноцентризма, отвергли обе теории как неприменимые к российскому культурному контексту.

Следует отметить и то, что российское практическое развитие также не согласуется с предсказаниями Фукуямы или Хантингтона. За годы после распада Советского Союза в России возникли политические, экономические и культурные формы, отличающиеся немалым своеобразием. Российское супер-президентство, государственно-олигархический капитализм и восприятие Запада в качестве потенциальной угрозы (а не стратегического партнера) вряд ли укладывается в фукуямовское видение России как либеральной демократии западного образца. Российское же культурное строительство едва не соответствуют имиджу «столкновения цивилизаций». Несмотря на значительное этническое разнообразие (примерно 140 различных этнических групп), Россия пока не столкнулась с серьезной угрозой своей культурной и территориальной целостности. Сколь серьезной ни была бы ситуация в Чечне, эта ситуация скорее исключение, чем правило в российском пост-коммунистическом развитии¹.

Главный моральный урок несостоявшегося несостоявшегося диалога с Фукуямой и Хантингтоном состоит в том, что в многокультурном мире интеллектуалы ответственны за то, как создаваемые ими проекты воспринимаются за пределами «родного» для них социокультурного контекста. Мы живем в

¹ Напротив, Хантингтон (1999) использовал пример Чечни как типичный для обоснования своей аргументации в пользу российской «консолидации» своей культуры и отказ от проекта культурного федерализма.

многокультурном мире, и своеобразие восприятия внешних идей неизбежно. Однако в нашей власти предотвратить негативное восприятие и способствовать диалогу, а не отчуждению в процессах интеллектуального взаимодействия. Интеллектуальный этноцентризм не может не порождать негативного межкультурного восприятия, поскольку базируется на убежденности в превосходстве одних над другими. В нашей власти попытаться свести к минимуму опасности культурного восприятия и способствовать взаимному обучению культур.

Отнестись к этноцентризму со всей серьезностью необходимо и потому, что он является препятствием на пути приращения нашего знания о международных процессах. Не преодолев этноцентристских предрассудков, мы не узнаем подлинных границ наших познаний и того, насколько они применимы за пределами «нашего» культурного контекста. А раз так, то мы не можем с полной уверенностью ни преподавать «Международные отношения» как дисциплину, ни проводить исследования в этой области.

Есть ли выход из создавшейся ситуации? Для начала следует признать важность проблемы культурного восприятия. Следует признать наличие сложного диалектического отношения между растущей глобальностью мирового общества и сохраняющимся плюрализмом локальных культур и историй. Необходимо согласиться и с наличием связи между нашими «объективными» познаниями и их восприятием. Наконец в нашем стремлении избежать негативного восприятия, следует попытаться ответить на три основных вопроса: Кто может выступить в роли Иного, способного отнестись к нашим идеям критически? В чем заключаются основные отличия исторического опыта Иного от нашего опыта и восприятия? Наконец, в какой мере отличны особенности современной ситуации Иного? Уже сама попытка ответить на эти вопросы продвинет нас вперед по пути развития коммунитаристских, а не националистических и космополитических проектов в международных отношениях.

Учитывая эти соображения, мы позволим себе сформулировать некоторые моральные нормы для стремящихся к развитию неэтноцентристского знания как в западных, так и незападных

обществах. Работающим на Западе необходимо учитывать реальности многокультурного мира, а также возможности и опасности негативного восприятия прозападных интеллектуальных проектов другими локальными культурами. Следует в полной мере осознать, что в незападных контекстах этноцентристские проекты почти с неизбежностью усиливают позиции националистов и ослабляют позиции либералов. Развитие подлинно глобальных и международных исследований, укрепляющих доверие и уважение в мире, возможно только на основе признания плюрализма и разнообразия культур и цивилизаций (Tsygankov, forthcoming).

Для работающих в незападных контекстах наша аргументация предполагает необходимость преодоления горизонтов культурного национализма. В глобализующемся мире, национализм не менее опасен, чем великодержавный этноцентризм. Незападным интеллектуалам следует разрабатывать стратегии культурной адаптации, а не изоляционизма. Их миссия в том, чтобы объяснить нередко этноцентристски настроенному Западу, что мы хотим интеграции в мировое общество, но не любой интеграции и не на любых условиях. Как сказал по этому случаю Эдвард Саид, миссия интеллектуалов в том, чтобы вступать в диалог с имперским центром, «вовлекаться в имперский дискурс, преобразовывать его и заставлять его признать маргинализированные, репрессированные или забытые истории».

Литература

- Бородай Ю. 1992. Третий путь. Наш современник 9.
 Дилигенский, Г. 1991. «Конец истории» или смена цивилизаций? Вопросы философии 3.
 Дугин, А. 1994а [1991]. Консервативная революция. В Консервативная революция. Москва: Арктогея.
 Дугин, А. 1997. Геополитика. Москва: Арктогея.
 Замошкин, Ю. 1990. «Конец истории»: идеологизм и реализм. Вопросы философии 3.
 Зюганов, Г. 1995. Держава. Москва.
 Зюганов, Г. 1998. География победы. Москва.
 Красин, Ю. 1990. Взаимодействие общественных систем в целостном мире. Вопросы философии 8.
 Кургинян, С. 1991. Цели и ценности. День 24, November.
 Мигранян, А. 1994. Россия и ближнее зарубежье. Независимая газета, 12 января.
 Митрофанов, А. 1998. Шаги новой геополитики. Москва.
 Панарин, А. 1998. Реванш истории. Москва: Логос.

- Поздняков, Э. 1989а. Национальное и интернациональное во внешней политике. МЭМО 5.
 Поздняков, Э. 1989b. Внешняя и внутренняя политика. МЭМО 10: 41-52.
 Поздняков, Э. 1989с. Мировой социальный прогресс. МЭМО 11: 56-62.
 Поздняков, Э. 1990. Формационный и цивилизационный подходы и международные отношения. В СССР в мировом сообществе, ред. Н. Симония. Москва: Прогресс.
 Проханов, А. и Ш. Султанов. 1991. Измениться, чтобы выжить. День 6, March.
 Самуйлов, С. Неизбежно ли столкновение цивилизаций? США: ЭПИ 1, 2.
 Симония, Н. Будет ли следующая война столкновением цивилизаций? МЭМО 11.
 Станкевич С. 1992. Держава в поисках себя. Независимая газета, 28 марта.
 Столкновение цивилизаций: перспективы и альтернативы. 1995. Ответственные науки и современность 1.
 Стратегия для России. 1992. Независимая газета.
 Стратегия—2. 1994. Независимая газета, 27 мая.
 Стратегия—3. 1998. Независимая газета.
 Шахназаров, Г. 1998. Мировой порядок цивилизаций? Pro et Contra 3, 4.
 «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации.» 1995. Полис 1.
 Цымбурский, В. 1997. Народы между цивилизациями. Pro et Contra 2, 3.
 Alker, H. R. and T. J. Biersteker. 1984. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire. International Studies Quarterly 28, 2.
 Alker, H. R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. 1998. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? A paper presented to the thematic panel «Encounters Among Civilizations,» Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19.
 Aydinli, E. and J. Mathews. 2000. Are the Core and Periphery Irreconcilable? The Curious World of Publishing in Contemporary International Relations. International Studies Perspectives 1, 3.
 Barber, B. R. 1992. Jihad vs. McWorld. Atlantic Monthly 269, 3.
 Brewer, M. B. and D. T. Campbell. 1976. Ethnocentrism and Intergroup Attitudes. East African Evidence. NY: John Wiley & Sons, Inc.
 Brown, M. E., S. M. Lynn-Jones, and Stephen E. Miller, eds. 1996. Debating the Democratic Peace. An International Security Reader. Cambridge: The MIT Press.
 Bull, H. and A. Watson, eds. 1984. The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press.
 Friedman, T. L. 1999. The Lexus and the Olive Tree. NY: Farrar, Straus, Giroux.
 Fukuyama, F. 1989. The End of History? The National Interest 16, Summer.
 Fukuyama, F. 1995. Trust. New York: Free Press.
 Furedi, F. 1994. The New Ideology of Imperialism. Renewing the Moral Imperative. Pluto Press.
 Harding, S. 1998. Is Science Multicultural? Postcolonialism, Feminism, and Epistemologies. Bloomington: Indiana University Press.
 Hoffmann, S. 1977. An American Social Science: International Relations. Daedalus 106, 3.
 Holsti, K.J. 1985. The Dividing Discipline. Hegemony and Diversity in International Theory. Boston: Unwin Hyman.
 Huntington, S. P. 1993. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs 72, 4.

- Huntington, S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. NY: Simon & Shuster.
- Huntington, S. 1999. A Local Front of a Global War. *New York Times*, December 16.
- Inayatullah, N. and D. L. Blaney. 1996. Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory. In *The Return of Culture and Identity in IR Theory*, edited by Yosef Lapid and Friedrich Kratochwil. Boulder: Lynne Rienner.
- Jervis, R. 1968 [1992]. Hypotheses on Misperception. In *International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues*, edited by Robert J. Art and Robert Jervis. New York: Harper Collins.
- Jervis, R. 1976. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press.
- Kahler, M. 1993. *International Relations: Still an American Social Science? In Ideas and Ideals: Essays on Politics in Honor of Stanley Hoffmann*. Boulder: Westview Press.
- Kaplan, R. D. 1994. «The Coming Anarchy.» *Atlantic Monthly* 271.
- LeVine, R. A. 1965. Socialization, Social Structure, and Intersocietal Images. In *International Behavior. A Social-Psychological Analysis*, edited by Herbert C. Kelman. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- LeVine, R. A. and D. T. Campbell. 1972. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behavior*. NY: John Wiley & Sons, Inc.
- Light, M. 1996. Foreign Policy Thinking. In *Internal Factors in Russian Foreign Policy*, edited by Neil Malcolm et al. Oxford University Press.
- MacFarlane, N. S. 1997. Democratization, Nationalism and Regional Security in the Southern Caucasus. *Government and Opposition* 10.
- Muravchik, J. 1992. *Exporting Democracy. Fulfilling America's Destiny*. Washington, DC: The American Enterprise Institute.
- O'Hagan, J. 2000. «Clash of Civilizations?» In *Contesting Images of World Politics*, edited by Greg Fry and Jacinta O'Hagan. London: Macmillan Press.
- Rajae, F. 2000. *Globalization on Trial. The Human Condition and the Information Civilization*. Kumarian Press.
- Sergounin, A. 2000. Russian post-Communist Foreign Policy Thinking at the Cross-roads: Changing Paradigms. *Journal of International Relations and Development* 3, 3.
- Shlapentokh, V. 1998. «Old,» «New» and «Post» Liberal Attitudes Towards the West: From Love to Hate. *Communist and Post-Communist Studies* 31, 3.
- Tsygankov, A. P. 1997. From Liberal Internationalism to Revolutionary Expansionism: The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia. *International Studies Review* 41, 2.
- Tsygankov, A. P. Forthcoming. *Whose World Order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Van der Dennen, J. M.G. 1987. Ethnocentrism and In-group/Out-group Differentiation: A Review and Interpretation of the Literature. In *The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism*, edited by Vernon Reynolds, Vincent Falgar and Ian Vine. London & Sydney: Croom Helm.
- Waever, Ole. 1998. *The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations*. *International Organization* 52, 4.
- Wight, Martin. 1992. *International Theory. The Three Traditions*. Ed. by Gabriele Wight and Brian Porter. New York: Holmes & Meier Publishers, Inc.

Глава 4

Российские дебаты по международным отношениям в посткоммунистический период

1. Введение

После распада Советского Союза российские дебаты по международным отношениям (МО) приняли сильно политизированный характер и развивались в ответ на политические и идеологические, а не теоретические проблемы. Существует, по крайней мере, четыре проблемы, объясняющие данную ситуацию. Во-первых, кризис марксизма, служившего официальной теоретической основой для социальных наук, спровоцировал своего рода теоретический вакуум. В течение некоторого времени российские исследователи не рассматривали теоретические вопросы в силу того, что они были слишком деликатными для них. Они были неспособны или просто не хотели заполнить образовавшийся вакуум какой-либо новой теорией либо теорией, заимствованной за рубежом. Во-вторых, российским ученым предстояло ответить на реальные вызовы международной обстановки периода после окончания холодной войны, а также на проблемы, с которыми столкнулась недавно сложившаяся российская дипломатия. Подобная обстановка была более благоприятна для прикладных, нежели теоретических наук. В третьих, с возникновением многочисленных аналитических центров и более или менее независимых средств массовой информации, значительно возрос спрос на экспертов по внешнеполитическим вопросам. Многие одаренные ученые перебрались из академической области в аналитические центры, газеты и телевизионные программы, или же пытались совмещать эти новые должности с прежними. Это

сделало изучение международных наук более популярным, однако, качество и уровень экспертности пострадали (Тюлин 1997, 188). В четвертых, хронический экономический кризис и перемены в общественном отношении к науке произвели наиболее негативное воздействие на ситуацию в данной области в России. Государство и общество в целом утратили интерес к науке и высшему образованию, престиж которых, соответственно, резко уменьшился. Зарплаты значительно сократились, социальные гарантии были практически полностью разрушены. Ученые покидали академию, перебираясь либо за границу, либо в другие отрасли (частный бизнес, политика, аналитические центры, средства массовой информации). Согласно оценкам российского заместителя премьер-министра Владимира Булгака, 15200 российских ученых приняли зарубежное гражданство и еще 5000 человек работали за границей на контрактной основе (эти цифры включают специалистов точных наук) (Российская газета, 10 января 1998 года).

Данная глава излагает основные теоретические подходы в стране в том виде, как они зародились после 1991 года. Она также отражает проблематику российского дискурса по международным отношениям (МО)¹. Наряду с чисто российскими школами, могут быть выявлены практически все классические парадигмы МО — реализм, идеализм/либерализм и глобализм (или государственно-центричный, много-центричный и глобально-центричный подходы к международной политике).

2. Атлантисы («Западники»)

Ранняя стадия российских дебатов по МО определяется дихотомией «Атлантизм» — «Евразийство». Атлантисы были достаточно малочисленной, но влиятельной группой высоко-

¹ Эта статья основывается на ранней работе автора по российской внешней политике и международным дебатам (Сергунин 2000). В целях сосредоточенности на дебатах по МО, автор не включает другие важные школы, такие как геополитика и имперские-правые, которые внесли значительный вклад в развитие российского внешнеполитического мышления.

поставленных правительственных чиновников и академиков, которые отдавали предпочтение прозападной ориентации московской международной стратегии. Их признанным лидером стал министр иностранных дел России Андрей Козырев (Арбатов 1993, 9-10; Кроу 1993, 22-23), и с августа 1991 до конца 1992 гг. идеи данной группы доминировали международный дискурс в России.

Атлантисы верили, что российская дипломатия должна ориентироваться, главным образом, на Запад (Западная Европа и США). Они настаивали, что исторически Россия принадлежит западной (христианской) цивилизации. Они видели основную задачу российской международной стратегии в построении партнерства с Западом и присоединении к западным экономическим, политическим и военным институтам — Европейскому Союзу (ЕС), Организации Северо-Атлантического Договора (НАТО), Международному Валютному Фонду (МВФ), Международному Банку, Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), Генеральному Соглашению по Тарифам и Торговле (ГАТТ), Большой Семерке (G-7) и другим. Господин Козырев многократно утверждал, что основная стратегия Москвы состоит в присоединении к сообществу западных государств с рыночной экономикой.

Атлантисы настаивали на том, что Россия должна сократить свою деятельность глобального масштаба, характерную для периода СССР, за отсутствием необходимых ресурсов, а также произвести радикальные перемены во внешнеполитической доктрине страны. Они верили, что отказ от глобальной имперской политики и идеологического мессианства бывшего Союза ССР поможет открыть новые возможности для внутренних реформ и будет способствовать национальному возрождению России. В то же время, это не должно было сопровождаться самоизоляцией Москвы от многосторонних процессов международного сотрудничества (Загорский и др. 1992, 11).

3. Евразийцы

«Евразийство» появилось как первая серьезная альтернатива про-западным теориям, преобладающим в российской международной мысли конца 1980-х — начала 1990-х гг. «Евразийская» концепция стала очень популярной среди российских интеллектуалов середины 1990-х гг. Концепция была во многом построена на философской школе российских эмигрантов 1920-х гг., пытавшихся найти компромисс со сталинистской версией социализма. Акцент делается на уникальности России. Один из ее главных постулатов базировался на том, что в цивилизационном контексте Россия никогда не была частью Европы («Исход к Востоку» 1921; Федотов 1991; Солоневич 2003). Таким образом, «третий путь» должен быть выбран — между Западом и Востоком. В глобальном плане Россия должна стать «мостом» между этими цивилизациями.

Современные защитники этой теории разделены на две противоположные группы. Одна из них расположена в реформистском (так называемом «демократическом») лагере, тогда как другая принадлежит к славянофилам.

3.1. «Демократическая версия»

Демократы пытались адаптировать евразийство к своим взглядам по нескольким причинам. Во-первых, они осознали свою слабость в том, что не придавали достаточного внимания национальному вопросу и российским национальным ценностям. Националисты и коммунисты были значительно сильнее в этой области, и таким образом, смогли завоевать симпатию простых людей, апеллируя к униженности их национального достоинства. Очевидно, принятие евразийства демократами было частью стратегии, нацеленной на завоевание российского общественного мнения и политической элиты. Во-вторых, евразийство было реакцией демократов, разочарованных в нежелании Запада принять Россию в свои институты, а также в объеме западной помощи Москве. Они понимали, что было неправильно слишком рассчитывать на помощь Запада. Своей приверженностью к евразийству они

хотели дать Западу намек на то, что он может потерять Россию в качестве потенциального союзника. В конце концов, «демократическое» евразийство отражало геополитическую позицию России, необходимость поддерживать стабильные отношения с Востоком и Югом. Говоря о встрече российского министра иностранных дел в феврале 1992 г., Сергей Станкевич (1992, 100), в то время советник президента, заявил: «Невозможно отстраниться от некоторых фактов. Один из них заключается в том, что в настоящий момент нас отделяет от Европы целая цепь независимых государств, что требует существенного перераспределения наших ресурсов, возможностей, наших связей и интересов в пользу Азии и Восточного региона».

Географический охват евразийской внешней политики подразумевает прежде всего весь евразийский континент, что является очевидным из названия термина «евразийство». Другие регионы для евразийства представляют собой более второстепенный интерес. Один обозреватель высказался об этом довольно прагматично: «Основная задача российской миссии сегодня состоит в фундаментальной стабильности континента [...] Другим аспектом российской миссии является обеспечение, по крайней мере, минимального уровня уважения прав человека на постсоветском пространстве» (Плешаков 1993, 22-23). Евразийский подход выдвинул приоритет консолидации экономических, политических и связей безопасности между странами бывшего Советского Союза, предпочтительно в контексте Содружества Независимых Государств (СНГ) (Травкин 1994б 34-35). Евразийцы убедили администрацию Ельцина сделать СНГ приоритетом в московской международной политике и инициировать интеграцию внутри Содружества.

Основным моментом спора евразийцев с атлантистами является необходимость уравнивания западного и восточного направлений московской международной стратегии. Как выразился один сторонник «демократического» евразийства, «партнерство с Западом несомненно укрепит Россию в ее отношениях с Востоком и Югом, в то время как партнер-

ство с Востоком и Югом даст России независимость в ее контактах с Западом» (Малькольм 1994, 167).

Евразийцы рекомендовали сотрудничество со странами «третьего мира», нежели индустриальным Западом (Лукин 1994б 110). В то время как первая группа потенциальных союзников видит Россию в качестве равного партнера, вторая относится к Москве как к стране «второго эшелона». В дополнение, несколько процветающих стран Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Япония, Южная Корея и некоторые члены Ассоциации Стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) могут стать выгодными торговыми партнерами, а также источником инвестиций для находящейся в упадке российской экономики. Более того, военное сотрудничество с Индией и Китаем могло бы послужить важной основой для нового евразийского комплекса безопасности (Сергунин и Субботин 1996а; Сергунин и Субботин 1996б, 24-7).

В то же время, «демократическая» версия евразийства не отрицает важность сохранения добрых отношений с Западом. Она не противится вступлению России либо в экономическую, либо «оборонную структуру продвинутой части мирового сообщества» (Богатуров и др. 1992б 31). В этом свете, наиболее важный российский интерес состоит в улучшении отношений с Европейским Союзом, и постепенной интеграции в европейскую экономическую и политическую систему. В то же время, Россия должна сопротивляться трансформации Европы в закрытую экономическую систему и военно-политический союз, равно как она должна оказывать сопротивление появлению доминирующей региональной державы (Германии). Для евразийцев из «демократического» лагеря предпочтительным является сохранение многополярного характера европейской политики и роли Соединенных Штатов в регионе. Одновременно, функция и роль НАТО должны быть пересмотрены (Лукин 1994, 115).

Изначально «демократические» евразийцы были гораздо менее влиятельны, чем атлантисты с союзе с правительством Ельцина и российской политической элитой. В то же время усилилось недовольство российского общества прозападной

линией Козырева, и в результате евразийство набрало вес среди политиков и экспертов по внешней политике. К 1993 году «демократические евразийцы» смогли оказывать влияние на ход российских дебатов по внешней политике и вопросам безопасности.

3.2. Славянофильская версия

В отличие от «демократической» версии евразийства, славянофилы не придавали большого значения уникальному геополитическому расположению страны, а делали акцент на российскую самобытность и отличия от Запада и Востока. Эльгиз Поздняков (1993а б 6), российский эксперт по теории международных отношений, отметил:

«Геополитическое положение России не только уникально (каковым является положение любого другого государства), оно судьбоносно как для нее, так и для всего мира... Важным аспектом этой ситуации является то, что располагаясь между двумя цивилизациями, Россия на протяжении долгого времени является естественным держателем цивилизационного эквilibриума и мирового баланса сил».

Согласно убеждению славянофилов, геополитическое положение предопределило, в не меньшей степени, эволюцию российского государства как великой державы и учреждение сильной центральной власти. В отличие от демократов, славянофилы не стеснялись рассматривать Россию как империю и поддерживать имперское возрождение (Поздняков 1993б, 30). По контрасту с демократами, славянофилы не исключали возможность использования силы для защиты российских меньшинств в бывших советских республиках. Они также отвергали западную помощь и призывали изменить существующие геополитические приоритеты и уделять больше внимания южным и восточным соседям России.

К концу 1993 года, обе версии евразийства — «демократы» и славянофилы — оказались, подобно атлантистам, в критической ситуации благодаря целому ряду интеллектуальных и политических факторов. Более влиятельными стали другие научные школы, являющиеся альтернативой атлантизму и евразийству.

4. Реализм

Подъем реализма в российском понимании МО стал возможен благодаря консолидации трех основных политических сил — промышленного лобби, федеральной военной и гражданской бюрократии, а также умеренным «демократам». Эта группа была названа «державники» или «государственники» (защитники государственной власти). Термин «державник» символизирует сильное и влиятельное государство, способное обеспечивать порядок и служить гарантом против анархии и нестабильности; это своего рода традиционная российская позиция относительно роли государства. Державники, с их подозрительностью по отношению к идеализму и романтизму, а также защитой национальных интересов, проложили дорогу в сторону реабилитации школы реализма. Баланс сил, а не равновесие интересов снова вошел в моду. Основной задачей стало обеспечение национальной, а не международной безопасности.

В политическом плане, реалисты принадлежали к различным группам, хотя преобладающей являлась ориентация на демократические партии и ассоциации. Концепция реалистов предоставляет им общую теоретическую основу и идеи, которые без труда пересекают партийные линии.

Согласно реалистам, на первом месте стоит вопрос российской национальной безопасности, понимание которого должно исходить из реального потенциала государства и его способности учитывать внутренние, равно как и внешние аспекты жизни населения. Реалисты были одними из первых в России, кто предложил расширить концепцию национальной безопасности посредством включения «твердых» и «мягких» аспектов (Шапошников 1993, 11). В дополнение к вышесказанному, реалисты различают экономические, политические, социальные, военные, гуманитарные и экологические национальные интересы и источники угроз (Национальные интересы 1996, 8). Они делают акцент на то, что взаимосвязанные и взаимозависимые национальные интересы различных стран могут пересекаться, даже сталкиваться в различных формах, начиная с «мягкой» или дипломатической, и кончая «твердой» или военной.

Реалисты также различают два вида угроз российской безопасности: внешнюю и внутреннюю. Внешняя политическая угроза включает попытки изменить территориальную целостность Российской Федерации; препятствие интеграционным процессам в СНГ; политическую нестабильность в соседних странах; и усилия ослабить роль и положение России в международных организациях. Экономические угрозы включают утрату экономической независимости России, и сокращение научного потенциала, а также потерю некоторых мировых рынков. Среди внешних военных угроз реалисты называют вооруженные конфликты в непосредственной близости от России, распространение ядерного оружия и отсутствие четко определенной границы, особенно на юге и западе России. В дополнение ко всему сказанному, реалисты говорят об угрозах окружающей среде (экологические катастрофы в ближлежащих странах и долговременные негативные последствия глобальных перемен в окружающей среде), а также об угрозах социального плана (интернационализация организованной преступности, наркоторговля, международный терроризм, массовые эпидемии и т.д.) (Шапошников 1993, 14-18; Кокошин 2002).

Однако, реалисты также отмечают, что в настоящее время основной источник угроз российской безопасности исходит изнутри страны, находящейся в глубоком кризисе. Некоторые реалисты описывают внутренние угрозы в следующем порядке (Шапошников 1993, 14-18; Луков 1995, 5-7):

(а) потенциальный распад Российской Федерации в результате внутри-этнических и центрo-региональных конфликтов;

(б) социо-экономическое напряжение, исходящее из экономического упадка, разрыва экономических связей, инфляции, растущей безработицы, глубокого социального размежевания, упадка науки, образовательной системы, медицинских услуг и т.д. ;

(в) организованная преступность и коррупция;

(г) культурная и духовная деградация;

(д) деградация окружающей среды; и

(е) нехватка информационной безопасности.

Для того, чтобы достойно ответить на данные угрозы, Россия должна сперва завершить внутренние реформы. Только тогда у страны появятся необходимые ресурсы для восстановления внутренней и частично внешней стабильности. Среди других инструментов, реалисты предпочитают политические, дипломатические, экономические и другие мирные методы борьбы с проблемами безопасности. Однако, они не исключают возможности использования военной силы, в случае непримиримости важнейших интересов государств (Национальные интересы 1996б 9-10).

Региональные приоритеты реалистов близки приоритетам евразийцев. Рогов (1993, 76) говорит о существовании трех основных кругов российских интересов — (1) «ближнее зарубежье»; (2) Восточная Европа, Ближний Восток и Дальний Восток; и (3) Запад (Соединенные Штаты и Западная Европа). Остальной части мира придается второстепенное значение.

Реалисты, так же как и евразийцы, придают большое значение евразийскому геополитическому расположению России (Рогов 2000б). Однако, они утверждают, что российская внешняя политика на континенте должна определяться реальными интересами, а не мессианскими идеями. Например, согласно мнению Лукина, Россия в будущем должна быть способной дать отпор исламскому фундаментализму, распространение которого угрожает дестабилизацией ситуации внутри и в непосредственной близости от СНГ. В то же время, важно избежать конфронтации с крупнейшими исламскими странами (включая Иран), и искать различные пути к соглашению и развитию взаимовыгодных отношений с этими государствами. Россия должна оказывать отпор всем попыткам Турции, Пакистана и Афганистана помешать продвижению российских экономических, политических и военных интересов.

Реалисты противились расширению НАТО в Европе, т.к. рассматривали этот шаг как угрозу системе региональной стабильности в целом, и российской безопасности, в частности. Признавая позитивную роль Североатлантического альянса в делах европейской безопасности (Арбатов 1999), реалисты спорили в пользу ОБСЕ как основной организации по обес-

печению коллективной безопасности на континенте (Арбатов 1995). Они также указывали на кризис в Косово как свидетельство угрозы, исходящей из НАТО-центричной модели безопасности (Арбатов 1999, 8; Пядышев 1999, 2).

Убежденные сторонники системы баланса сил, реалисты с особенной осторожностью относятся к Китаю. Они предупреждают о возможности односторонней зависимости России от Китая, в случае сближения Москвы с Пекином (Труш 1996, 4) и говорят о том, что российские интересы могут быть лучше обеспечены посредством сохранения политической роли США и ограниченным военным присутствием в регионе. В дополнение к сохранению американского военного присутствия, российские национальные интересы были бы лучше всего представлены посредством развития новой многосторонней системы безопасности в регионе. Россия и Запад имеют общие интересы в реформировании российской экономической и политической системы, поддержании режима контроля над вооружениями, предотвращения подъема ревизионистских региональных держав, и миротворчестве (Рогов 1995, 2000а). В то же время, Россия должна сохранять твердость в вопросе обеспечения своих жизненно важных интересов, заключающихся в сохранении общеевропейской системы безопасности, поддержании доминирующей позиции на пост-советском пространстве, в вопросе продажи вооружений в страны «третьего мира» (там же).

11 сентября 2001 года означало для реалистов возвращение мира XIX века, в котором эгоистические национальные интересы преобладали, а международные организации были не способны предотвратить распространение насилия. Россия, следовательно, должна быть готова к построению и выбору коалиций в соответствии со своими национальными интересами (Андрусенко и Тропкина 2002; Сатановский 2003). Реалисты с одобрением указывают на российское сотрудничество с Соединенными Штатами в Афганистане и российский альянс с Германией и Францией в отношении Ирака как примеры *ad hoc* коалиций. Россия также должна работать над укреплением международных органов, занимающихся вопросами

коллективной безопасности, таких как Большая восьмерка, Совет Безопасности ООН (Дмитриева 2003б; Лукин 2003). Некоторые продолжают верить в многополярность мирового порядка и в уравнивание американской супердержавы (Лукин 2003; Суслов 2003), в то время как другие не видят альтернативы американской однополярности и отстаивают позицию в пользу сотрудничества России с США в качестве младшего партнера (Дмитриева 2003а).

Наследие реалистов характеризуется достаточным смешением факторов. С одной стороны, реализм внес положительный вклад в российские международные дебаты. Реалисты внесли серьезный вклад в преодоление кризиса российского внешнеполитического мышления, явившегося следствием борьбы двух крайностей, представленных такими влиятельными научными школами, как «атлантизм» и «евразийство». Реалисты преуспели в артикуляции российских реальных интересов безопасности и приоритетов как для внутрироссийской, так и для зарубежной аудиторий. Более того, распространение их идей сделало российское мышление в вопросах безопасности более предсказуемым и понятным на Западе. Новая российская концепция безопасности, одобренная президентом в декабре 1997 года (и пересмотренная в январе 2000) была построена в основном на идеях реализма (Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997, 4-5). С другой стороны, акцент реалистов на национальные интересы, национальную безопасность и национальный суверенитет означал очевидный возврат к старой парадигме классической умеренности. Реализм не смог разработать концепцию, отвечающую вызовам пост-модернистского мира.

5. Либеральная парадигма

Несмотря на преобладание реалистической геополитической парадигмы, позиция идеалистов и либералов в вопросах международных отношений также представлена в России. Атлантисты, например, во многом заимствовали некоторые прин-

ципы идеализма. Идеализм делает акцент на различные течения глобализации в мировой экономике, которые поддерживают направление в сторону глобального управления экономическим и политическим развитием, а также усиливают значение международной правовой основы, таким образом, сокращая глобальную анархию. Идеалисты верят в то, что развитие многосторонних институтов и режимов может гарантировать стабильность международной системы. Хотя направление в сторону многополярности в мире имеет солидное представительство в позиции идеалистов и либералов, последние утверждают, что будущее развитие международной системы больше не определяется формой и исходом соперничества между основными центрами экономической и военной силы, но все больше и больше динамикой их общего развития и взаимозависимости (Хрусталева 1992; Загорский и др. 1992, 5-13). Идеалисты и либералы утверждают, что геополитическая борьба за контроль над территориями больше не имеет значения, и предлагают заменить ее геополитическим мышлением (Загорский 1995а, 5-8; Неклесса 2000).

Спор между реалистами и идеалистами в России по более практическим аспектам дипломатии был замечен в двух вопросах: интеграция СНГ и европейская безопасность. Либералы (Загорский 1995б; Лебедева и Мельвиль 1999) говорят о том, что реальная российская дилемма в СНГ не должна рассматриваться как распад по отношению к интеграции, но скорее как проблема успешного завершения демократических и рыночных реформ в регионе. Что касается вопроса европейской безопасности, основным аргументом либералов является то, что преобладающим интересом России в Европе должно стать укрепление многосторонних институтов, служащих гарантией против возврата к политике баланса сил (Тюлин 1997, 187). Эта группа не видит серьезной угрозы, исходящей из расширения НАТО, и рассматривает этот шаг как естественную реакцию на непредсказуемое поведение России. Либералы критиковали Ельцина за его неспособность в полной мере использовать возможности, представленные соглашениями в сфере безопасности, не связанными

напрямую с НАТО — начиная с ПИМ (Партнерство во имя мира) и заканчивая программами ОБСЕ (Кортунов 1996, 74–75). Более того, многие либералы видят в НАТО основной гарант стабильности в Европе и альянс демократий со скорее оборонными, нежели агрессивными намерениями (Ibid). Российские угрозы носят внутренний характер и связаны с экономическим упадком, организованной преступностью, экологическим кризисом и домашним сепаратизмом. Либералы рассматривают военную интервенцию НАТО в Югославии как экстремальную реакцию на политику Милошевича, а также настаивают на том, что Россия, несмотря ни на что, должна видеть в НАТО основного партнера в сфере зарождающейся европейской безопасности (Орлов 1999, 15; Тренин 1999).

Таким образом, реалисты и либералы расходятся во мнениях относительно характера мирового порядка после окончания холодной войны. Реалисты верят, что в период многополярности, только гибкая паневропейская система безопасности, такая как ОБСЕ, может гарантировать равновесие сил на континенте и защитить национальный суверенитет России и других стран. Либералы, однако, весьма критически настроены по отношению к эффективному паневразийству и видят появление «Большой Европы» как результат экспансии западноевропейских и трансатлантических институтов (Загорский 1996, 67; Тренин 1999). Основной задачей российской политики должна стать интеграция в мировую экономику и сообщество демократических государств (Кулагин 2000), которое достижимо только через сотрудничество с НАТО и другими европейскими организациями. Российские либералы также выразили свои опасения относительно подъема односторонней политики и уменьшения роли международных организаций в период после 11 сентября (Волков 2003).

Хотя либералы не способны доминировать или оказывать серьезное давление на российский международный дискурс, они играют важную роль, обращая внимание на основные моменты реализма и евразийства, и предлагая интеллектуальную альтернативу властному мышлению.

6. Неомарксисты

Существует две основные версии политической мысли России, вдохновленные марксизмом. Первая носит более традиционный характер и представлена Коммунистической Партией Российской Федерации (КПРФ), возглавляемой Геннадием Зюгановым. Вторая ближе по духу к социал-демократии, она была разработана некоторыми неправительственными организациями, такими как, например, Фонд Горбачева.

6.1. Традиционалисты

Коммунисты оказались неспособными достичь примирения между собой относительно распада Советского Союза и утраты страной статуса великой державы. Они верят, что Горбачев и Ельцин привели СССР к поражению в холодной войне и к его последующему развалу. Коммунисты в большинстве относятся к этим лидерам как предателям нации (Выборы 1995, 7).

Как утверждают некоторые прокоммунистически настроенные эксперты, находясь в поиске доктрины национальной безопасности, Россия должна выбирать между двумя альтернативами — (а) доминирование национал-государственных интересов над космополитичными интересами и независимая позиция России в системе международных отношений; (б) ориентация в пользу западных ценностей и вступление в «сообщество цивилизованных государств» (Подберезкин 1996, 86). КПРФ выбирает первую альтернативу. Коммунисты делают акцент на неизменный характер государственных интересов страны, которые они рассматривают как независимые от политического режима или доминирующей идеологии. Они верят в то, что основной национальный интерес России, предопределенный ходом истории, состоит в сохранении территориальной и духовной целостности страны. Идея сильного государства, основанного на принципе много-этничности, эквивалентно российской национальной идее. Таким образом, распад Советского Союза и ослабление российского государства подорвали российскую безопасность и ухудшили ее геостратегическую позицию. Традиционалисты также признают

необходимость национальной идеи либо доктрины, которая смогла бы помочь в консолидации российского общества (Подберезкин, 1995, 89; Зюганов 1998, 42-49).

Что касается восприятия угрозы безопасности, то коммунисты считают, что распад Варшавского Пакта, вывод российских войск из Восточной Европы и потеря контроля Москвы над регионом создали новые угрозы российской безопасности (Зюганов 1998, 72-77). Расширение НАТО на Восток в еще большей степени нарушает стратегический баланс в Европе. Интервенция в Косово стала «естественным» результатом расширения НАТО, и операции типа Косово могут повториться на территории СНГ и даже в России (Гусейнов 1999, 4). Прокоммунистически настроенные аналитики также называют ряд событий глобального порядка, которые могут создать сложности для российской национальной безопасности. Среди них: (1) нестабильные государства, воинственно настроенные и имеющие цель изменить свой региональный и глобальный статус, что может нарушить мировой баланс сил (Германия, Япония, Китай, Индия, Бразилия, Южная Африка и др.); (2) усиление регионализма в мире (ЕС, НАФТА, АСЕАН, и т.д.), что представляет потенциальную угрозу усилению российской изоляции; (3) ухудшение глобальных социальных, экономических и экологических проблем; (4) сокращение значимости ядерной сдерживающей силы и рост нестабильных региональных альянсов с высоким конфликтным потенциалом (Подберезкин 1996, 88).

Что касается региональных приоритетов коммунистов, то они, так же как и евразийцы, видят СНГ и «ближнее зарубежье» в качестве основного приоритета Москвы. Они верят, что распад Советского Союза не имел под собой легальной основы, и даже пытались способствовать воссоединению бывших Советских республик. Они отвергают возможность использования силы для восстановления Советского Союза. Согласно Зюганову, восстановление СССР может быть осуществлено только на «добровольной основе» (Зюганов 1995, 86). Совместно с некоторыми либералами и националистами коммунисты оказывали давление на правительство Ельцина с целью оказания защиты группам российских меньшинств за рубежом.

Реалисты согласны в принципе с коммунистами в их оценке последствий расширения НАТО и войны в Косово. Однако, они не рассматривают страны-члены НАТО как находящиеся в полном согласии относительно расширения и необходимости гуманитарных интервенций за рубежом. Они верят в возможность компромисса между Североатлантическим альянсом и Россией по обеспечению безопасности Москвы и минимизации негативных последствий расширения (Рогов 1997, 9; Арбатов 1999).

Коммунисты также предлагали восстановить российские связи с «традиционными друзьями и союзниками», такими как Ирак, Ливия, Северная Корея и Куба с целью предотвращения американского неоспоримого мирового лидерства и обеспечения России дополнительными рынками для ее находящейся в кризисе военной политики. Следует отметить, что несмотря на огромное влияние внутри страны, КПРФ была неспособна оказывать серьезное воздействие на российские дискуссии по международным отношениям.

6.2. Социал-демократы

После своей отставки в декабре 1991 года Михаил Горбачев и группа его близких друзей (Александр Яковлев и Георгий Шапошников были наиболее влиятельными среди них) поставили перед собой задачу создания социал-демократического движения в России для противостояния коммунистическо-националистической коалиции, а также монетаристам. Фонд Горбачева и журнал «Свободная мысль» стали наиболее важной платформой для подъема социал-демократии в России.

Подобно евразийцам, социал-демократы в своем стратегическом мышлении сосредоточились на концепции стабильности. Внутренняя стабильность определялась как соединение с политической системой, приверженность нормальным демократическим процедурам относительно ротации правящих элит, отсутствие серьезных этнических и социальных конфликтов, и здоровая, функционирующая экономика (Богатуров 1994, 142). Международная стабильность рассматривалась как баланс интересов среди основных игроков на международной арене (в отличие от баланса сил в прошлом) (Коликов 1994, 12).

Совместно с другими школами политической мысли, социал-демократы внесли свой вклад в российские дискуссии о национальных интересах. По контрасту с доктриной Горбачева, основанной на безусловном приоритете «общечеловеческих» интересов над национальными интересами, социал-демократы признавали, что национальные интересы были основной и первостепенной заботой любой страны. Они определяют национальные интересы как проявление основных нужд страны (выживание, безопасность, прогрессивное развитие) (Красин 1996, 5).

Социал-демократы, однако, не ограничивают себя признанием важности национальных интересов. Они верят в то, что международные акторы взаимозависимого мира не могут позволить себе роскошь продвижения исключительно собственных интересов. В силу того, что международная обстановка изменилась, участники МО должны учитывать национальные интересы других «игроков» и универсальные (общечеловеческие) интересы (Кувалдин 2000). Согласно социал-демократам, узкий национализм полностью изжил себя и является вредным не только для мирового сообщества, но, в конце концов, и для всей нации, проводящей националистическую политику (Уткин 1995). Они осознают, что демократия в системе международных отношений по-прежнему находится в зачаточном состоянии, и что очень немного «общечеловеческих» ценностей прочно укрепились в сознании народа. Социал-демократы рассматривают создание глобального гражданского общества как единственный путь замены национальных интересов «общечеловеческими» ценностями. По их мнению, мировое гражданское общество могло бы базироваться на системе горизонтальных связей между внутри-правительственными и неправительственными организациями, работающими над экономическими, политическими, экологическими и культурными вопросами (Красин 1996, 12). Некоторые эксперты предложили создание мирового правительства для разрешения глобальных проблем и спасения человечества от надвигающейся катастрофы (Шахназаров 1996, 79; Кувалдин 2000). Таким образом, Кантианский проект (1957) «вечного мира» — методоло-

гическая основа Нового Политического Мышления и его современные защитники — могут, наконец, стать реальностью.

Социал-демократы воспринимают мир как систему, изменяющуюся в направлении от однополярности (Соединенные Штаты как единственная сверхдержава) к многополярной структуре. Никакие страны или идеологии не смогут навязать другим свои модели. Социал-демократы не согласны с тезисом Фукуямы (1992) о мировом доминировании либерально-демократической модели. Различные цивилизационные модели будут соревноваться друг с другом в ближайшем будущем. Будущий мир зародится в процессе взаимосвязи двух противоречивых процессов — интеграции и регионализации. Будущие полюса власти появятся на основе экономического, религиозного и культурного разделения. Некоторые аналитики различают Арабо-Мусульманский, Европо-центричный (включая США), Евразийский (включая Восточную Европу), Южно-Атлантический, Индийский и Азиатско-Тихоокеанский центры (Дахин 1995, 85).

Какую идентичность должны выбрать Россия? Социал-демократы часто придают особое значение евразийскому географическому положению страны, но утверждают, что с культурной и цивилизационной точки зрения, Россия является частью Европы (Горбачев 1992; Коликов 1994; Максимычев 1997). По этой причине, Россия должна преследовать цель вступления в общеевропейские экономические, политические и структуры безопасности. «Европа» также определяется в цивилизационном, а не географическом плане: Горбачевский проект Общего Европейского Дома или «Европа от Ванкувера до Владивостока» по-прежнему популярен среди российских социал-демократов.

7. Пост-модернизм в России?

До настоящего времени, российская научная мысль была совершенно равнодушна к пост-модернизму как школе западной политической мысли. Российское академическое сообщество игнорировало пост-модернистскую проблематику и

дискуссии вокруг нее. Действительно, многие российские теоретики все еще не имеют представления о существовании данной школы (Макарычев и Сергунин 1996; Сергунин и Макарычев 1999). Некоторые, однако, предполагают, что определенная пост-модернистская позиция могла бы быть хорошо воспринята в России, благодаря ее некоторым национальным характеристикам. Например, русские никогда не были в полной мере удовлетворены проектом модернизма, основанном на рационализме, вере в постепенный прогресс и решающую роль научного знания. Они также часто были открыты для диалога с другими цивилизациями и культурами.

Растет представление среди некоторых российских ученых о том, что страна уже вступила в пост-модернистскую эпоху (Капустин 2001). Существуют совершенно новые временные и пространственные измерения, в которых индивиды и общество живут в переходный период. Моральные ценности и индивидуальные восприятия окружающего мира также значительно изменились. В то же время, российский экономический и технологический потенциал, социальная структура и политическая система по-прежнему имеют свои корни в модернизме. Это типичное постмодернистское несоответствие между материальными условиями индивида и психологическими и духовными ориентациями, становящимися модно темой в российской социально-научной литературе (Бусыгина 1995, 5-9; Качанов 1995, 38; Панарин 2000).

Постмодернистская мысль также начала оказывать влияние на российский дискурс по международным отношениям — по крайней мере, в том что касается мирового порядка и внешней политики. Например, Ильин (1995, 48-9) отвергает идею постмодернизма, но в то же время предлагает относительно постмодернистскую точку зрения, описывая современную систему международных отношений как соединение государств-наций с «постурбанизационными мутациями цивилизаций» и «глобальными деревнями»/ «чориткас» (от греческого «чоритка» — сельский, территориальный. Последние он описывает как транстерриториальные и глобальные политические системы, основанные на телекоммуникациях и политической риторике.

Некоторые российский учены применяют грамматологическую цивилизационную модель, заимствованную у западных постструктуралистов для объяснения причин конфликтов между разными нациями и цивилизациями. Согласно этой модели (Кузнецов 1995, 98-9), система письма имеет более значимую цивилизационную связь между членами нации, чем приверженность определенной религии и культуры. Современная Россия, например, является скорее слабо организованной формацией с религиозной точки зрения, но что касается письма (алфавит кириллица), она является достаточно однородной. В отличие от теории Хантингтона о «столкновении цивилизаций», эти ученые анализируют этнические конфликты как основанные на «войне алфавитов»: сербы против хорватов (кириллица против латинского алфавита); армяне против азербайджанцев Нагорного Карабаха (армяне против перехода на латинский алфавит); греки против турков на Кипре (греческий алфавит против латинского); русские против чеченцев (кириллица против перехода на латинский алфавит).

Что касается вопросов безопасности, российские постмодернисты спорят против концепции национальных интересов, которую они рассматривают как «консервативную утопию» и камуфляж для узких интересов. В реальности, так называемые национальные интересы не отражают насущные интересы ни государства ни нации, но скорее интересы правящей элиты. Через навязывание своего восприятия национальных интересов обществу, правящая элита пытается легитимизировать свое доминирование и контроль над государством и обществом. Каждая группа имеет свое собственное видение «национальных интересов», но только самая сильная и влиятельная из них получает официальное признание. Таким образом, внешняя политика, основанная на квази-национальных интересах, может быть разрушительной для значительной части общества (Капустин 1996, 16-19).

Ученые-постмодернисты видят возрождение реализма в России и других странах как «примитивный общественный ответ» на доминирование универсализма в эпоху модернизма, навязанную человечеству эпохой Просвещения. Настаива-

вание на исключительности воспринимаемых национальных интересах может закончиться непрекращающейся конфронтацией с другими участниками международных отношений и отказом страны от демократического пути развития (там же, 28). В эпоху транснациональной экономики, информации и коммуникации, российские постмодернисты рекомендуют усиление новых универсальных норм мультикультурализма, терпимости, самокритики и диалога (там же).

Трудно представить постмодернистов в качестве влиятельной школы в российской науке о международных отношениях в ближайшем будущем. Существует, по крайней мере, три основных препятствия на пути роста их влияния. Во-первых, Россия все еще находится на стадии определения своей национальной идентичности, и следовательно, реалистические концепции, такие, как национальные интересы, национальная безопасность, баланс сил и т.д. по-прежнему останутся привлекательными для академических исследователей и политиков на многие годы вперед. Во-вторых, постмодернисты, ограничив себя «деконструкцией», не способны произвести на свет какую-либо новую теорию, и более того, отвергают саму идею теоретизирования. В итоге, восточный постмодернизм уже пережил свой пик развития в 1980-х-начале 1990-х гг., и таким образом, упустил лучшую возможность найти приверженцев в России.

Тем не менее, пока Россия продолжает развиваться за счет своих реформ и открытости к более серьезному международному сотрудничеству, ей не удастся избежать постмодернистской проблематики. Адекватный ответ на проблемы постмодернизма не обязательно будет найден в рамках постмодернистской традиции западного типа; он также может быть разработан представителями других теоретических школ. В любом случае, на эти вызовы должны быть найдены адекватные пути решения, иначе Россия может никогда не сумеет возродиться как процветающая нация.

Выводы

Из проведенного анализа вытекают шесть выводов. Во-первых, российская международная наука пережила быструю и драматическую трансформацию от дисциплины, доминируемой марксистской идеологией в много-парадигматический дискурс. Во-вторых, несмотря на раннюю поляризацию российских дебатов по международным отношениям, многие школы пришли в настоящее время к соглашению по общим принципам, что частично стало результатом западной интервенции на Балканах и в других частях света. Эти принципы включают приоритет национальных интересов, активной внешней политики, а также внутренних реформ и обеспечения безопасности. Реализм сыграл значительную роль в формировании этих принципов. В-третьих, хотя реалистическая школа в настоящее время доминирует в исследовании МО, другие перспективы (такие, как идеализм/либерализм, глобализм и постпозитивизм) продолжают существовать и представлять альтернативы доминирующей парадигме. Можно предсказать, что в ближайшем будущем российский внешнеполитический дискурс будет напоминать скорее полифонию, чем монофонию или какофонию. В четвертых, две основные темы — история дипломатии и современная российская внешняя политика — являются наиболее популярными среди российских ученых и аналитиков. Российские авторы предприняли серьезные усилия в исследовании данных проблем. Однако, российская наука продолжает испытывать нехватку глубоких теоретических работ в этой области. В пятых, международные дисциплины перестали быть элитарными, и стали более «нормальными». В заключение следует отметить, что «демократизация», «демонополизация» и «нормализация» международных отношений имели много последствий на международном уровне: резко возросло число исследовательских центров, работающих над международными проблемами, появились новые региональные центры. Это сделало российскую науку более разнообразной и интересной.

Литература

- Адрусенко Л., Тропкина О. Мезальянс с Америкой // Независимая газета. 11 сентября 2002.
- Антохина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988.
- Арбатова А.Г. Империя или великая держава? // Новое время. 1992. №42. (49). С. 16-8; 42 (50); С. 20-3.
- Arbatov A. (1993) Russia's Foreign Policy Alternatives, *International Security* 18 (2), 5-43.
- Arbatov A. (1995a) NATO and Russia, *Security Dialogue* 26(2), 135-41.
- Арбатова А.Г. Россия и НАТО // Независимая газета, 9 июня 1995 (b).
- Arbatov A. (1996) The Future of European Security: Split or Unity? In *Visions of European Security — Focal Point: Sweden and Northern Europe*, 234-50. Stockholm: The Olof Palme International Centre.
- Баузин А. (2003) Дружбы с Вашингтоном Москве не избежать // Независимая газета, 29 мая. Karaganov, eds (1994) *Damage Limitation or Crisis? Russia and the Outside World*. Washington, DC and London: Brassey's.
- Богатуров А. Д., Кожокин М., Плешаков К.В. (1992) Внешняя политика России // США: Экономика, политика, идеология 15 (10), 28-37.
- Bogomolov, Oleg (1994) Russia and Eastern Europe. In Robert D. blackwill and Sergei A. karaganov (eds) *Damage Limitation or Crisis? Russia and the Outside World*, 158-46. Washington, DC and London: Brassey's.
- Busygina, Irina M. (1995) Postmodernism v Moskve. *Polis* (6), 5-9.
- Churkin, Vitaly (1995) U Rossii s NATO Nikogda ne Bylo Konfliktov // *Segodnya* (13 April), 3.
- Cohen, Saul (1963) *Geography and Politics in a World Divided*. New York: Random House.
- Crow, Suzanne (1993) *The Making of Foreign Policy in Russia under Yeltsin*. Munich and Washington, DC: Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute.
- dakhin, Vladimir (1995) Kontury Novogo Mira // *Svobodnaya Mysl* (4), 78-86.
- dmitrieva, Olga (2003a) Plyusy Odnogo Polyusa // *Rossiyskaya gazeta*, 20 May, 6.
- dmitrieva, Olga (2003b) 'Vosmyerka' Budet Pravil Mirom? // *Rossiyskaya gazeta*, 31 May, 1, 4.
- Elections (1995) Parties' Foreign Policy Views. *International Affairs* (Moscow) 41(11-12), 3-13.
- fedotov, G.P. (1991) Sudba i Grekhi Rossii // Vol. 1-2. St. Petersburg: Paleya.
- fukuyama, Francis (1992) *The End of History and the Last Man*. Harmondsworth: Penguin.
- gadzhiev, Kamaludin S. (1997) Geopolitika. M., Mezhdunarodnye Otnosheniya
- gantman, v.i. (1984) Sistema, Struktura i Protsess Razvitiya Sovremennykh Mezhdunarodnykh Otnosheniy (1987)
- Globalnye Problemy Sovremennosti i Sotrudnichestva v Khode ikh Resheniya Berlin: MISON.

- GONCHAROV, Sergei (1992) Osobyie Interesy Rossii — Cho Eto Takoye? // *Izvestiya* (25 February), 3.
- gorbachev, Mikhail (1987) *Perestroyka dlya Strany i Vsego Mira* // Moscow: Politizdat.
- gorbachev, Mikhail (1991) Epilogue. In Bento bremeh (ed) *Europe by Nature*, 230-1. Assen: Van Gorcum.
- Grigoryev, Yevgeny (2003) Peterburg ne Stanet Mestom Pokayaniya // *Nezavisimaya gazeta*, 30-31 May, 6.
- gromyko, Andrey and v.b. Iomeiko (1984) *Novoye Myshlenie v Yaderny Vek* guseinov, Vladimir (1999) *Obnovlenie NATO i Bezopasnost Rossii* // *Nezavisimoye Voennoe Obozrenie* (16-21 April), 4.
- ilyin, Mikhail (1995) Qcherki Khronopoliticheskoi Tipologii // Moscow: MGIMO.
- Iskhod k Vostoku (1921) // Sofia: Rossiisko-Bolgarskoe Knigoizdatelstvo.
- ivanov, Igor (2003) Irakskiy Vopros Snova v OON // *Nezavisimaya gazeta*, 30-31 May, 1, 6.
- jonson, Lena (forthcoming) *In Search of a National Interest. The Nationalities Papers*.
- kachanov, Y. (1995) *Politicheskaya Topologiya: Strukturirovaniye Politicheskoi Realnosti*. Moscow: Nauka.
- kant, Immanuel (1795/1957) *Perpetual Peace*. Indianapolis and New York: Bobbs-Merill.
- kapustin, Boris (1996) «Natsionalnyi Interes» kak Konservativnaya Utopiya // *Svobodnaya Mysl* (6), 13-28.
- karaganov, Sergei (1995) Fifty Years After Victory. *International Affairs* (Moscow) 41 (4-5), 59-64.
- karaganov, Sergei (2003) U Rossii Est Unikalny Vneshnepolitichesky Resurs // *Nezavisimaya gazeta*, 12 May, 9, 15.
- kharitonovich, D.E. (1995) Poisk Novykh Metodov v Istoricheskoi Nauke. *Novaya i Noveishaya Istoriya* 15 (4), 248-50.
- khurstalev, Mark A. (1992) *After the Disintegration of the Soviet Union: Russia in a New World*. Moscow: MGIMO.
- kolikov, Nikolai (1994) *Rossiya v Kontekste Globalnykh Peremen* // *Svobodnaya Mysl* (2-3), 3-18.
- Kontseptsiya Natsionalnoy Bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The National Security Concept of the Russian Federation] (1997) // *Rossiyskaya Gazeta* (26 December), 4-5. Kontseptsiya Natsionalnoy Bezopasnosti Rossiyskoi Federatsii (2000) // *Nezavisimoye Voennoe Obozrenie* (14-20 January), 6-7.
- Kontseptsiya Vneshney Politiki Rossiyskoi Federatsii (1993) // Special Issue of *Diplomaticheskii Vestnik* (January), 3-23.
- kortunov, Andrei (1996) NATO Enlargement and Russia: In Search of an Adequate Response. In David G. haglund (ed.) *Will NATO Go East? The Debate Over Enlarging the Atlantic Alliance*, 71-82. Kingstone: Queen's University.
- kozin, Vladimir (1994) Moskva Dolzhna Prisoediniti k «Partnerstvu vo Imya Mira» // *Nezavisimaya gazeta* (15 February), 4.
- krasin, Yuri (1996) Natsionalnye Interesy: Mif ili Realnost? // *Svobodnaya Mysl* (3), 3-29.
- kukulka, y (1980) *Problemy Teorii Mezhdunarodnykh Otnosheniy*

- kuznetsov, Arthur (1995) A New Model for Traditional Civilisations. *International Affairs* (Moscow) 41 (4-5), 95-100.
- litera, Bohuslav (1994/1995) The Kozyrev Doctrine — A Russian Variation on the Monroe Doctrine. *Perspectives* (4), 45-52.
- lukin, Vladimir P. (1994) Russia and its Interests. In Stephen sestanovich (ed.) *Rethinking Russia's National Interests*, 106-15. Washington, DC: Centre for Strategic and International Studies.
- lukin, Vladimir P. (2003) Prishla Pora Igrat v Komandnuyu Igru // *Nezavisimaya gazeta*, 24 March, 15.
- lukov, Vadim (1995) Russia's Security: The Foreign Policy Dimension. *International Affairs* (Moscow) 41(5), 3-8.
- mackinder, Halford J. (1904) The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal* 13 (4), 421-44.
- mackinder, Halford J. (1919) *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Henry Holt.
- makarov, Dmitry (1997) *Rasshirenie NATO Podtolknet Rossiiu k Reformam*. [NATO Expansion Will Further Russian Reforms]. *Argumenty i Fauty* (22), 9.
- makarychev, Andrey S. and Alexander A. sergounin (1996) Postmodernism i Zapadnaya Politicheskaya Nauka // *Sotsialno-politichesky zhurnal* 15(3), 151-68.
- maksimychyev, Igor (1994) Nuzhna li Evrope NATO? // *Nezavisimaya gazeta* (8 April), 3.
- malcolm, Neil (1994) New Thinking and After: Debate in Moscow about Europe. In Neil malcolm (ed.) *Russia and Europe: An End to Confrontation*, 151-81. London and New York: Pinter Publishers.
- miasnikov, Vladimir (1994) Russia and China. In Robert blackwill and Sergei karaganov (eds.) *Damage Limitation or Crisis? Russia and the Outside World*, 227-40. Washington, DC and London: Brassey's.
- migranyan, Andronik (1999) Nuzhno li nam Pomogat Yugoslavii? // *Nezavisimaya Gazeta* (28 April), 1, 6.
- morrisson, James W. (1994) Vladimir Zhirinovskiy: An Assessment of a Russian Ultra-Nationalist. Washington, DC: National Defence University.
- mshvenieradze v.v. (ed.) (1987) *Sotsialno-filosofskie Aspekty Sovremennykh Mezdunarodnykh Otnosheniy*
- National Interests in Russian Foreign Policy(1996). *International Affairs* (Moscow) 42 (2), 1-24.
- nikolaev, Andrei (2003) Staraya Strategiya na Noviy Lad // *Nezavisimaya gazeta*, 12 May, 9, 14.
- O Voine NATO Protiv Yugoslavii: Zayavlenie Soveta po Vneshnei i Oboronnoi Politike (1999). *Nezavisimaya gazeta* (16 April) 1, 8.
- orlov, Boris (1999) Pochemu Nezavisimaya Gazeta Protiv NATO? // *Nezavisimaya Gazeta* (23 April), 15.
- panarin, Alexander S. (1997) *Politologiya*. Moscow: Prospect.
- pleshakov, Konstantin (1993) Russia's Mission: the Third Epoch. *International Affairs* (Moscow) 39 (12), 17-26.
- pleshakov, Konstantin (1994) Komponenty Geopoliticheskogo Myshleniya // *Mezhdunarodnaya Zhizn* 40 (10), 29-37.
- pleshakov, Konstantin (1995) The Geoideological Paradigm. *International Affairs* (Moscow) 41 (4-5), 101-7.

- podberezkin, Alexei (1995) Cherez Dukhovnost — k Vozrozhdeniyu Otechestva // *Svobodnaya Mysl* (5), 87-99.
- podberezkin, Alexei (1996) Geostrategicheskoe Polozhenie i Bezopasnost Rossii // *Svobodnaya Mysl* (7), 86-99.
- (1989) *Politika Sily ili Sila Razuma? Gonka Vooruzheniy I Mezhdunarodnye Otnosheniya M.*, Politizdat.
- pozdneyakov, Elgiz (1976) *Sistemniy Podkhod I Mezhdunarodnye Otnosheniya*
- pozdneyakov, Elgiz (1992) The Geopolitical Collapse and Russia. *International Affairs* (Moscow) 38 (9), 3-12.
- pozdneyakov, Elgiz (1993a) Russia is a Great Power. *International Affairs* (Moscow) 39 (1), 3-13.
- pozdneyakov, Elgiz (1993b) Russia Today and Tomorrow. *International Affairs* (Moscow) 39 (2), 22-31.
- pozdneyakov, Elgiz (1994) *Filosofiya Politiki*. Vol. 2. Moscow: Paleya.
- pozdneyakov, Elgiz, ed. (1993c) *Geopolitika: Teoriya i Praktika*
- pushkov, Alexei (1995) Chinese Mirage. *Moscow News* (6-12 June), 4.
- pyadyshev, Boris (1999) *Novy Tsentr Mirovoi Vlasti* // *Nezavisimaya Gazeta* (5 November), 2.
- razuvayev, Vladimir (1993a) *Geopolitika Postsovetского Perioda* //. Moscow: Institute of Europe.
- razuvayev, Vladimir (1993b) Russia and the Post-Soviet Geopolitical Area. *International Affairs* (Moscow) 39 (8), 109-16.
- rogov, Sergei (1993) A National Security Policy for Russia. In James E. goodby and Benoit morel (eds) *The Limited Partnership: Building a Russian-US Security Community*, 75-80. New York: Oxford University Press.
- rogov, Sergei (1995) Russia and the United States: A Partnership or Another Disengagement. *International Affairs* (Moscow) 41(7), 3-11.
- rogov, Sergei (1997) *Dogovor Podpisan, Problemy Ostayutsya* // *Literaturnaya gazeta* (28 May), 9.
- Russia's National Interests (1992). *International Affairs* (Moscow) 38 (8), 134-43.
- Ryabov, Andrei (2003) Khoronit NATO Poka Prezhdevremenno // *Nezavisimaya gazeta*, 12 May, 14.
- satanovsky, Yevgeny (2003) *Nastupaet Ocherednoi Peredel Mira* // *Nezavisimaya gazeta*, 24 March, 1.
- Satarov, Georgy (2003) *Pragmatichny Romantizm* // *Rossiyskaya gazeta*, 18 March, 7.
- sergounin, Alexander and Andrei MAKARYCHEV (1999) *Sovremennaya Zapadnaya Politicheskaya Mysl: Postpositivistская Revolutsiya*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University Press.
- sergounin, Alexander and Sergei subbotin (1996a) Indo-Russian Military Cooperation: Russian Perspective. *Asian Profile* (February), 23-34.
- sergounin, Alexander and Sergei subbotin (1996b) Sino-Russian Military Cooperation and Evolving Security System in East Asia. Nizhny Novgorod: University of Nizhny Novgorod.
- shakhnazarov, Georgi (1995) Vostok i Zapad: Samoidentifikatsiya na Pereleme Vekov // *Svobodnaya Mysl* (8), 73-9.
- shaposhnikov, Yevgeny (1993) A Security Concept for Russia. *International Affairs* 39 (10), 10-9.

- solonevich, Ivan (1991) *Narodnaya Monarkhiya* // Moscow: Paleya.
- sorokin, Konstantin (1995) *Geopolitika Sovremennogo Mira i Rossiya* // *Politicheskie Issledovaniya* 3 (1), 3-12.
- stankevich, Sergei (1992) *A Transformed Russia in a New World. International Affairs (Moscow)* 38 (4-5), 81-104.
- stankevich, Sergei (1992) *Derzhava v Poiskakh Sebya* // *Nezavisimaya gazeta* (28 March), 4.
- stankevich, Sergei (1994) *Toward a New «National Idea»*. In Stephen sestanovich (ed.) *Rethinking Russia's National Interests*, 24-31. Washington, DC: Centre for Strategic and International Studies.
- Strategiya dlya Rossii: Doklad Soveta po Vneshney i Oboronnoy Politike (1992). // *Nezavisimaya Gazeta* (19 August), 5.
- stupavskiy, Peter (1996) *Zahranichna politika Ruska v ere Jel'cina* // *Mezdunarodni vstahy* (3), 5-10.
- Suslov, Dmitry *Voina v Irake ne Povliyala na Polozhenie Rossii v Mire* // *Nezavisimaya Gazeta*, 21 April, 9, 14.
- The Basic Provisions of the Military Doctrine of the Russian Federation (1994). *June's Intelligence Review, Special Report (January)*, 3-12.
- travkin, Nikolai (1994) *Russia, Ukraine, and Eastern Europe*. In Stephen sestanovich (ed.) *Rethinking Russia's National Interests*, 33-41. Washington, DC: Centre for Strategic and International Studies.
- trenin, Dmitry (1994) *Budet li NATO rasshiryatsya na Vostok?* // *Novoye vremya*, 2 December.
- trenin, Dmitry (1995) *NATO: How to Avoid Confrontation. International Affairs (Moscow)* 41 (7), 20-6.
- trenin, Dmitry (1999) *Realpolitik i Realnyaya Politika* // *Nezavisimoye Voene Obozrenie* (1-7 October), 1-4.
- trush, Sergei (1996) *Prodazha Rossiyskogo Oruzhiya Pekinu: Rezony i Opaseniya* // *Nezavisimaya Gazeta* (25 April), 4.
- tyulin, Ivan G. (1997) *Between the Past and the Future: International Studies in Russia. Zeitschrift fur Internationale Beobachtung* 4 (1), 181-94.
- utkin, Anatoly (1995a) *Natsionalizm i Budushee Mirovogo Soobshchestva* // *Svobodnaya Mysl* (3), 78-86.
- utkin, Anatoly (1995b) *Rossiya i Zapad: Problemy Vzaimnogo Vospriyatiya i Perspektivy Stroitelstva Otnosheniy* // Moscow: Russian Research Foundation.
- Vestnik MGU (1994), Series No. 12: *Social-Political Studies*. Moscow: MGU
- vizgin, V.P. (1995) *Mishel Fuko — Teoretik Tsivilizatsii Znaniya* // *Voprosy Filosofii* 30 (6), 116-26.
- vladislavlev, Alexander and Sergey A. karaganov (1992) *The Idea of Russia. International Affairs (Moscow)* 38 (12), 30-6.
- Voennaya Doktrina Rossiyskoi Federatsii* (2000) // *Rossiyskaya Gazeta* (25 April), 5-6.
- Volkov, Alexander (2003) *Bez Suda I Sledstviya* // *Rossiyskaya gazeta*, 18 March, 7.
- voskresenskiy, Alexei (1996) *Veter s Zapada ili Veter s Vostoka?* *Rossiya, SShA, Kitai i Mirovoe Liderstvo* // *Svobodnaya Mysl* (10) 89-100.
- zagorski, Andrei (1995a) *Geopolitik versus Geowirtschaft. Wostok* (6), 3-10.
- zagorski, Andrei (1995b) *Was fur eine GUS erfullt thren Zweck. Aussenpolitik* 46 (3), 263-70.

- zagorski, Andrei (1996) *Russia and Europe. Romanian Journal of International Affairs* 2 (1-2), 52-69.
- zagorski, Andrei and Michael lucas (1993) *Rossiya Pered Evropeyskim Vyzovom* Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
- Zagorski, Andrei, Anatoly zlobin, Sergei solodovnik and Mark khurstalev (1992) *Russia in a New World. International Affairs (Moscow)* 38 (7), 3-11.
- zaitsev, Vladimir (1999) *Tainye Plany SshA Stanovyatsya Yavnymi* // *Nezavisimaya Gazeta* (13 April), 3.
- zhirinovskiy, Vladimir (1993) *Poslednyi Brosok na Yug* // Moscow: LDPR.
- zyuganov, Gennady (1995) *Za Gorizontom. Orel: Veshnie vody*
- zyuganov, Gennady, ed. (1997) *Voyennaya Reforma: Otsenka Ugroz Nacionalnoy Bezopasnosti Rossii*. Moscow: RAU-Universitet.

Глава 5

Место реализма в российских исследованиях МО

1. Введение

Хотя российские реалисты не представляют собой однородной группы, их объединяют обсуждаемые *проблемы*. Среди последних основными являются *особенности* формирующегося порядка и выработка соответствующей стратегии поведения России в мире. Многие реалисты, как и либералы, убеждены в однополярности мира. Однако если российские либералы считают основой мирового порядка демократические институты и нормы¹, то реалисты делают акцент на центрах силы (полюсах)² и описывают формирующийся порядок с этих позиций.

В первой половине 1990-х годов политика России не была

¹ Одним из ведущих представителей теоретической либеральной школы является Ю.П. Давыдов. В конце 2002 года в свет вышла его книга «Норма против силы. Проблема мирорегулирования». Он не дает определения порядка, но выделяет три типа мирового порядка: однополярный, биполярный и функциональный, который после окончания холодной войны стремятся установить западные демократии. Характерными чертами функционального порядка он называет усиление взаимозависимости и процессов глобализации, роли неправительственных организаций во внешней сфере и ослабление в ней роли национальных государств // Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 41-42.

² Российские ученые понимают под полюсом, как правило, центр силы, обладающий определенным потенциалом (военным, экономическим, политическим и т.д.) и желанием (волей) регулировать мировые процессы. «Полярность» или «полюсность» в российской трактовке скорее соответствует «центричности», поэтому отдельные ученые предпочитают говорить о «полицентричности» или «моноцентричности» мира.

ориентирована на поддержание баланса в международных отношениях, а реализм не являлся доминирующей тенденцией в спорах о будущем мира и стратегии страны. Однако во второй половине 1990-х годов и особенно в начале XXI века, идея баланса вновь вернулась в официальную риторику и в дискуссии. При этом роль и стратегия России все чаще стали определяться в терминах поддержания равновесия и достижения многополярности в мире. В отличие от многих американских реалистов, большинство российских реалистов рассматривают однополярный мир как проблему, а не благо, хотя многие и готовы временно мириться с однополярностью мира. *Значительная часть российских ученых и политиков убеждена в необходимости «встраивания» новой России в формирующийся порядок на наиболее выгодных для нее условиях. Все более широкое распространение таких позиций можно охарактеризовать как победу реалистского подхода в спорах о международных отношениях.*

2. Российский реализм: подходы и проблемы

Под реализмом в международных отношениях можно понимать анализ мировой политики с точки зрения существующих в ней конфликтов и противоречий. В отличие от либералов, подчеркивающих возможности достижения согласия и сотрудничества, реалисты исходят из принципиального различия интересов основных акторов мировой политики. Корни российского реализма уходят в советское время, о чем будет сказано ниже.

2.1. Теоретические подходы

Реализм в России далек от того, чтобы представлять собой единое направление или единый методологический подход. Разногласия внутри реализма касаются самых разных сфер и подчас весьма глубоки. Тем не менее, представляется возможным выделить шесть методологических традиций, формирующихся среди реалистов в пост-советское время.

Системно-исторические подходы

Это наиболее старая и численно превосходящая группа, развитие которой уходит корнями в советское время. Все советская теория международных отношений, в значительной мере, связана с этой группой. Ее возникновение связано с началом 1970-х, когда история международных отношений утвердилась в качестве самостоятельного предмета исследования и преподавания в СССР, обособившись от истории всемирной.

В рамках этой школы теория международных отношений (ТМО) синтезировалась из анализа конкретных проблем истории международных отношений и образовывалась почти исключительно на материале историко-политических обобщений, а не идеологических догм. Это позволяло ТМО в СССР быть одной из самых «ревизионистских», «либеральных» дисциплин — в сравнении с другими общественными науками, остававшимися в наиболее жестких цензурных рамках на предмет соответствия официальным догмам марксизма-ленинизма. Именно здесь и на материале складывались первые серьезные международные исследования в России — в ИМЭМО под прикрытием его либерального директора академика Н.Н. Иноземцева и вокруг В.И. Гантмана, (Современные буржуазные теории международных отношений, 1976; Система, структура и процесс развития современных международных отношений, 1984.) а также в МГИМО МИД РФ вокруг М.А. Хрусталева и А.А. Злобина¹.

Эти исследования были выдержаны в реалистическом духе. По иному и не могло быть — только реалистическая парадигма, с ее особым вниманием к конфликтам и противоречиям в мире, позволяла первым советским теоретикам уживаться с официальными догмами классового анализа международных отношений. Любая попытка отойти от такого анализа конфликтов и противоречий в тех условиях должна было неизбежно

¹ В. Антюхина-Московченко, А. Злобин и М. Хрусталева написали первый в СССР учебник по ТМО и, что не менее важно, добившись его опубликования (Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М.: МГИМО, 1980).

обернуться репрессиями для критикующих. Теоретики предпочитали не противопоставлять себя официозу, а искать объективно работающую методологию анализа на путях рассуждений в духе государственного («национально-государственного») интереса по Г. Моргентау, М. Каплану и Р.Арону с мощными добавками аргументации лексики программы КПСС и материалов партийных съездов. Такая «логика самосохранения» определила в советские годы во многом подход большей группы авторов, публикующихся в России в последние 12 лет.

К системно-исторической школе уместно отнести книги отечественных теоретиков — М.А. Хрусталева и Э.А. Позднякова. (Хрусталева, 1990; Хрусталева, Богатуров и Косолапов, 2002; Поздняков, 1976; Он же. 1994) В его рамках выдержаны публикации ведущих современных российских теоретиков внешне-политического профиля — С.М. Рогова, А.Г. Арбатова, А.А. Кокошина (Рогов, 1989; Арбатов, 1984; Кокошин, 1989), крупнейшего отечественного специалиста в области теории конфликта В.А. Кременюка (См, напр.: Kremenjuk, ed. 1991; Kremenjuk, Sjostedt, Zartman? 199?), а также книги и статьи многих других исследователей. В этом ряду стоит и первый системно-исторический анализ международных отношений в XX веке, коллективный труд в четырех томах. (Системная история международных отношений. 1918-2002, 2001.)

Структуралистская школа

Структуралисты—относительно новая и менее консервативная школа, понимающая современное мироустройство в терминах, нехарактерных для доминирующих на Западе направлений реализма. Эта группа рассматривает мир как целостность, анализируя основные закономерности и тенденции мирового развития. Структуралисты выделяют различные механизмы взаимодействия и конфликта типологически разнородных составляющих мира. Их также занимают вопросы вписанности или невписанности России в мировые тренды. Исходно связанная с именами Л.И. Рейснера и Н.А. Симонии, (Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного., 1984.) эта школа в последнее десятилетие прояв-

ляла себя трудами М.А. Чешкова, Г.К. Широкова, А.Д. Богатурова, А.В. Виноградова, А.Г. Володина и многих других. (Чешков, 1999; Володин, Широков 2002; Богатуров, Виноградов, 2002, с. 109-130)

Отечественный структурализм лишь в небольшой части похож на то что называется структурализмом на Западе. Соответственно, похоже и на то, что на Западе отсутствуют структуралистские исследования того профиля, который оказался главным в России. Не удивительно: для Запада проблема слияния-неслияния с Не-Западом не имеет того значения, как в культурной традиции России.

Геополитика и геоэкономика

Это направление пока не устоялось как академическое и пока что не очень обнадеживает. Наиболее вульгарным является в этом отношении труд А.И. Дугина, который представляет собой предельно упрощенную интерпретацию роли природно-географических факторов в международных отношениях¹. По счастью среди геополитических штудий есть и респектабельные исследования В.А. Колосова, Н.С. Мироненко, Д.Н. Замятина, А.С.Панарины, К.С. Гаджиева, В.Л. Цымбурского, К.В. Плешакова. (Колосов В.А., Мироненко Н.С. 2002; Замятин Д.Н. 2001; Замятин Д.В., 2001, Панарин А.С., 1995; Панарин А.С., 2000 Гаджиев К.С. М., Цымбурский В., К.В. Плешаков К., 1994.) Геополитика методологически связана с западными геополитическими школами. Сюда же относятся работы по геоэкономике, которая стала формироваться в России в последние пять-семь лет и заявила о себе звонче всего книгами Э.Г. Кочетова. (Кочетов Э. М., 1997; Кочетов Э. М., 1999)

Политическая философия и социология

Политические философы и социологи разрабатывают теоретические и макротеоретические аспекты международных отношений. Философские исследования международных от-

¹ Дугин 1998. Мы возвратимся к анализу взглядов Дугина позднее в данной статье.

ношений только начинают свое развитие и связаны с именем Т.А. Алексеевой. (Алексеева Т.А., 2001.)

В социологии ведущими являются работы П.А. Цыганкова, возглавляющего в МГУ им. М.В. Ломоносова кафедру социологии международных отношений. Им написан ряд работ, ориентирующих на осмысление международных отношений с помощью методологии общей социологии. (Цыганков П.А. М.; 1996; Цыганков П.А., 2002.) В частности, важна была публикация книги «Международные отношения: социологические подходы». (Международные отношения: социологические подходы, 1998.) Социологическое направление тоже на стадии своего становления, о чем свидетельствует и то, что из 11 глав отмеченной книги только четыре были написаны российскими авторами, а остальные — американскими и западноевропейскими. Тем важнее дальнейшая разработка этого направления, из которого может развиваться плодотворное направление отечественного социального конструктивизма.

Политическая психология

Политико-психологическое в России наиболее тесно связано с исследованиями конфликтов. Если упоминавшийся В.А. Кременюк — конфликтолог историко-политической школы, то М.М. Лебедева представляет версию исследования конфликта через анализ особенностей поведения его участников, психологию личности и особенностей группового сознания. (Лебедева, 1999) В сходном ключе работает и Д.М. Фельдман. (Фельдман, 1997.) Сюда же могут быть отнесены и ранние работы Н.А. Косолапова (Косолапов, 1983).

Политическая экономия

Наконец в России начинает развиваться и политическая экономия международных отношений, дисциплина новая даже по сравнению с философией или социологией международных отношений. Наиболее заметные фигуры здесь В.Л. Иноземцев, Ю.В. Шишков, уже упоминавшиеся Володин и Широков (См. особенно, Иноземцев, 1998; Он же., 1999; Шишков-ред. 1997; Володин и Широков, 2002; Мегатренды мирового развития,

2001.) и другие. В основном это экономисты, интересующиеся однако политическими процессами и рассматривающие власть с точки зрения имеющихся у государства экономических ресурсов и способностей влиять на частных акторов.

2.2. Основные проблемы

Как уже упоминалось, основные обсуждающиеся реалистами вопросы — властная структура современного мира и стратегия российского участия в этих структурах. Конечно, круг вопросов в реальности гораздо шире, но в обсуждении данных двух групп так или иначе участвуют все представители российского реализма.

Мировая структура и полярность

Разделяя исходные аналитические позиции, реалисты нередко приходят к совершенно различным выводам в отношении структуры современного мира. Не отрицая безоговорочно превосходства США в мире как единственной уцелевшей сверхдержавы, реалисты по-разному интерпретируют ситуацию. Одни вслед за МИД России упорствуют, что мир многополюсен или, по крайней мере, движется к многополярности. Другие согласны с однополюсной структурой мира. Третьи предлагают промежуточную схему «плюралистической однополярности»: полюс в мире один, но он имеет коллективную природу — его составляют США и другие страны восьмерки, объединенные по признаку наибольшего влияния и ответственности за международные дела¹. Общее здесь, очевидно — понимание силового превосходства Соединенных Штатов. Различное — политическое сознательное и эмоциональное отношение к ситуации, которое побуждает одних с готовностью принимать победу сильного, других — отчаянно притворяться незамечающим ее, третьих — признавать объективные тренды, к ним присматриваться и искать шанс использовать на пользу своей стране.

¹ Ниже мы анализируем эти разногласия более полно. Наиболее подробный анализ споров среди российских реалистов был дан в книге: Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады, 2002.

Характерно в данном отношении разделение среди реалистов-структуралистов и геополитиков радикального направления. Структуралисты видят доминирование Запада в процессах мирового развития, но считают возможным сосуществование и постепенную взаимoadaptацию западных и не-западных обществ в рамках глобализующегося мира. При этом они настаивают на правильности выбора адаптации для не-западных обществ и России, в частности, одновременно подчеркивая сохранение между ними глубоких культурно-цивилизационных различий¹. Для них глобализация — всемирный тренд, на который США могут оказывать влияние, используя свои конкурентные преимущества, но не могут контролировать. Геополитики же настаивают на стремлении США и Запада разрушить единство и территориальную целостность России, ссылаясь на работу З. Бжезинского, где эта мысль прочитывается вполне легко. (Бжезинский, 1998.) Для них глобализация, подрывающая роль национального государства, — просто инструмент Запада, при помощи которого он стремится устранять сильных геополитических конкурентов (Россию, Китай, возможно, Индию). (См, например: Бабурин, 1998, с.8-15.)

Стратегия и внешняя политика

Наибольший разброс мнений существует по проблематике Российской стратегии и внешней политике. Реалисты согласны лишь, что стратегия должна базироваться на национальном интересе и твердости в его отстаивании в отношениях с внешним миром. Большинство также с недоверием относится к международному поведению США, отмечая такие его черты как самодостаточность, склонность к принятию односторонних решений, самоуверенность, высокомерие к партнерам, игнорирование международных организаций, акцент на применении силы или угрозы ее применения.

Однако реалисты не согласны между собой в выборе внешних ориентаций. Здесь можно выделить, по меньшей мере,

¹ Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2001.

три позиции. Часть авторов тяготеет к выбору в пользу СНГ, полагая, что такой выбор естествен при ограниченности внешнеполитического ресурса России и необходимости сосредоточиться на решении внутренних проблем¹ Другие призывают искать национальные ответы на глобальные вызовы на путях создания российско-китайской оси против США и формирования геоэкономического сотрудничества в рамках Азии и за ее пределами по образцу Китая и Японии. (См. Кочетов, ранее cit.; Бабурин, ранее cit. См. так же: Анисимов-1994) Третьи высказываются в пользу формирования в перспективе союза с Западом, но на условиях, приемлемых для России, а не только для США и стран Западной Европы. (Рогов — 2002, 3 апреля; Кременюк, 2001; Богатуров — 2002, 22 ноября.)

Такие разногласия среди российских реалистов отчасти объясняются различным восприятием внешних угроз. Одни связывают эти угрозы с амбициозной политикой США и попытками переустроить мировой порядок по американскому проекту. По их мнению, такая политика увеличивает нагрузки на существующий хрупкий международный порядок, не позволяя естественным регуляторам международных отношений проявиться и выполнить свою часть по разрядке возникающей в мире напряженности. Другие полагают, что главные угрозы России не связаны с деятельностью США и есть много вопросов, где решения невозможны без тесного сотрудничества России с США и другими странами. Это вопросы контроля над вооружениями, ядерного нераспространения, терроризма, наркотрафика. «Вина» США усматривается здесь не в политике США по переустройству мира, а в не достаточном учете интересов Москвы. Ниже мы продолжим анализ этих разногласий

¹ Это СВОП Караганова, а также уже упоминавшиеся геополитики умеренного направления, как К.В. Плешаков и В.Л. Цымбурский.

3. Реализм и дебаты после распада Советского Союза

3.1. Мировой порядок

Рабочим определением мирового порядка является для нас определение А.Д. Богатурова, который понимает под порядком систему межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения (1); согласованных на их основе их конкретных установлений (2); набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения (3); потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить (4); политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться (5) (Богатуров, 1996. С. 40).

После распада СССР проблема порядка не была центральной во внешнеполитических дискуссиях в силу ряда причин: растерянности и озабоченности внутривнутриполитическими проблемами, ориентированности на вхождение в западный мир на его условиях и т.д. Однако уже тогда отдельные представители школы реализма затронули эту проблему, отмечая, что формирующийся порядок будет многополярным и взаимодействие всех ведущих держав мира, включая Россию, будет определять мировое развитие. При этом возвращение системы международных отношений к многополярности вызывало тревогу, поскольку многополярный мир весьма сложно сохранять долго в стабильном состоянии. С. Рогов писал, например, о возникновении «нового мирового беспорядка» (Рогов — 1992, С. 3-14.). Авторитетный теоретик-реалист Э.А. Поздняков рассматривал изменение структуры международных отношений как глобальную катастрофу с необратимыми дезинтеграционными последствиями прежде всего для России и Европы. (Поздняков, 1992. С. 5-15.)

Наибольшее внимание проблеме мирового порядка в это время уделил в своих работах А.Д. Богатуров, который попытался объяснить-дать анализ переходного этапа в мировом развитии и объяснить-еединить-особое положение США и сложную конфигурацию международных отношений после

распада биполярной системы. Характеризуя состояние международных отношений в начале 1990-х годов, он говорил о его дестабилизации и кризисе миросистемного регулирования — самый глубокий со времен Второй мировой войны. (Богатуров, 1993, С.40.)

Политолог утверждал, что разрушение порядка холодной войны не означало автоматическое возвращение в многополярность, если под ней понимать традиционное равновесие сил, как оно существовало между великими державами в XIX веке. По его оценке, если принять за основную черту биполярности наличие крупного разрыва в возможностях между двумя лидерами и остальными странами, а за типическую характеристику многополярности — сопоставимость потенциалов более или менее многочисленной группы лидеров, то после 1991 года реально существующую мировую структуру можно было бы обозначить как «полутораполярность», т.е. наличие двух основных полюсов, из которых один (американский) значительно превосходил второй (Богатуров, 1996. С. 26, 30-32, 36.)

Не отвергая категорию «полюса», Богатуров попытался таким образом «примирить» концепции однополярности и многополярности. Он подчеркивал, что исторически подтверждаемая ненадежность многополярной структуры мироуправления в новых международных условиях заставляет трезво оценивать вырисовывающуюся ей альтернативу управления однополярного. По мнению политолога, оно могло оказаться далеко не худшим вариантом развития, — при условии, что центр глобального регулирования будет представлять собой сплоченное единство ограниченного круга ответственных государств, в котором должна обрести свое место и Россия. Такой порядок Богатуров определил как «плюралистическую однополярность» или «однополярность смягченного типа». Он видел задачу России в том, чтобы не выступать против однополярности на переходном этапе мирового развития, а, пока формы новой модели мира еще не затвердели, постараться внести свою лепту в ее формирование, попытаться сделать новую международную структуру более плюралистической и менее однополярной (Там же. С. 35-36.)

На данном этапе, концепция многополярности, хотя уже ставшая частью официальной стратегии МИД, все еще не принималась безоговорочно российской академической элитой. Либералы ее отвергли полностью, а реалисты оставались расколотыми в этом вопросе. Как и Богатуров, некоторые признавали, что однополярный мир может быть предпочтителен для России, поскольку многополярность может привести к одностороннему усилению Китая и Турции. Пока Россия слаба, ей рекомендовалось преодолеть существующие сложности и восстановить ресурсы (См., например: Казеннов, Кумачев, 1997 (июль))

3.2. Стратегия России

В первой половине 1990-х большинство специалистов связывало внешнеполитическую стратегию России с вариантами однополярного мира, поскольку на академическом и политическом уровнях преобладала ориентация на США. Мировой статус и национальные интересы России не были до конца определены, категории реализма — «великодержавность», «концерт», «баланс сил» не учитывались при выработке концепции внешней политики. Статьи Позднякова и Рогова, в которых использовались геополитические категории и концепция национальных интересов, были исключением. Кроме того, выбор стратегии осуществлялся в условиях разрушения устоявшихся институтов, теорий, подходов, механизмов¹.

Однако и на этом этапе реалисты внесли важный вклад в понимание Россией своей роли и стратегии в мире. Они обращали внимание на то, что произошло смешение двух близких, но, в сущности, совершенно не тождественных понятий — политико-ценностных ориентиров Российской Федерации и рос-

¹ Как отмечал А.Г. Арбатов, внешняя политика в тот период не опиралась ни на систематическое сотрудничество с парламентом, ни на какую-либо солидную базу среди избирателей, политических партий и общественных организаций, в прессе. Полностью отсутствовал интерес к независимому анализу важнейших политических проблем, связи с академическим сообществом сошли на нет (Интересы России в СНГ // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 25-26).

сийского национального интереса. Критикуя политику 1992 — 1993 гг., они писали следующее: «На какое-то время ориентиры (идеи) заслонили геополитические интересы, оказавшись своего рода самоцелью. Тогда как речь должна была идти о поиске разумного баланса между либерально-плюралистическим выбором и той частью неизменных, геополитически заданных интересов страны, которые воплощают условия ее выживания и устойчивости в национально-государственном качестве» (Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России, 1994. С. 34.). В частности, реалисты указывали, что закончился глобальный этап внешней политики России, начался новый — континентальный, определяемый «более ограниченными ресурсами страны и ее уменьшившейся способностью эти ресурсы эффективно использовать в условиях комплексного национального кризиса». В этих условиях России следует сосредоточиться на региональных приоритетах и исходить из прагматизма и экономного расходования престижа и влияния страны (Там же. С. 49–50.).

При этом, реалисты утверждали, что после распада СССР Россия не лишается автоматически своей первостепенной международной роли, выражающейся: 1) в стабилизирующей способности, которой она обладает в масштабе Евразии (в первую очередь, на территории бывшего СССР) и, следовательно, в глобальном; 2) в соединяющей, интегрирующей функции по отношению к объединяющейся и благосостоятельной Европе и остающейся бедной и разъединенной Азии; 3) в способности частично амортизировать, гасить негативные импульсы по обе стороны лежащего через Россию «евразийского моста», которые неизбежны в процессе бурных глобальных трансформаций. Эксперты указали на то, что в мировой политике эти функции, хотя и под совершенно иными лозунгами, объективно выполнял СССР — опять-таки прежде всего благодаря геополитическим возможностям России (Богатуров, Кожокин, Плешаков, 1992. С. 13.).

4. Основные положения современного реализма

4.1. Мировой порядок

Во второй половине 1990-х годов более четкие концептуальные очертания приобрела глобальная стратегия США, и их действия по ее реализации вступили в противоречие с заявлениями о демократическом характере американского мирового лидерства. На официальном уровне все более закреплялась многополярная концепция мира, о чем свидетельствовали выступления и публикации Е.М. Примакова, назначенного на пост министра иностранных дел в январе 1996 года (Примаков 1996). И хотя российские ученые не пришли к какому-либо консенсусу относительно характеристики постбиполярного порядка, перемены придали новый импульс дискуссиям о порядке, усилили позиции критиков концепции однополярности и расширили круг участников споров о порядке.

Авторитетный философ и политолог Э.Я. Баталов охарактеризовал современный мир как «бесполюсный», определив полюса как мощные контрарные мировые подсистемы, образующие крайние точки глобальной оси, на которой держится (вращается) миросистема. Полюса представляют разные цивилизации, социальные, политические и экономические системы; они воплощение разных, вплоть до взаимоисключающих, идейных и ценностных ориентаций. Полюса симметричны и соизмеримы по силам и оперативному потенциалу, что позволяет им уравновешивать друг друга, выступая одновременно в качестве гарантов мирового порядка и законодателей правил политической игры, которых вынуждены придерживаться все или почти все акторы, выступающие на мировой политической арене. Отношения между полюсами строятся по принципу взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Они нуждаются друг в друге для поддержания внутреннего и внешнего статус-кво и стремятся устранить друг друга как соперника. Но с уничтожением одного полюса автоматически исчезает и другой, а вместе с ними и весь старый миропорядок, что случилось в конце 1980-х — начале 1990-х годов (Баталов, 2001. С. 4–13.)

Ученый подверг критике теорию многополюсности, настаивая, что полярные характеристики могут быть присущи лишь двум оппозиционным друг по отношению к другу центрам силы. «Бесполюсная» ситуация в мире (не исключая существование сверхдержавы и взаимодействие/противодействие центров силы разной мощи), характеризуется автором как явление временное, но приравнивается если не к «глобальному беспорядку», то к полосе глобальной нестабильности.

О том, что уже существует новая биполярная система со сложными полюсами писал политолог А.Г. Яковлев, утверждающий, что на смену идеологической биполярной системе пришла новая биполярная система, в которой существуют два полюса: Запад, мыслящий себя и уже фактически являющийся достаточно монолитным; и весь остальной мир — весьма рыхлый, состоящий из автономных компонентов, из самостоятельных, независимых, пока еще не спаянных четким пониманием высшей приоритетности общих интересов и строгими организационными формами центров силы, или полюсов местного значения, хотя некоторые из них (Россия, Китай, Индия) реально и потенциально являются влиятельными факторами в системе международных отношений в целом (Яковлев, 2000. С. 29-41.).

По мнению А.Г. Яковлева, события в Косово весной — летом 1999 года стали доказательством несостоятельности концепции многополярного мира. Позиция США и стран Запада в отношении бывшей Югославии, в отношении России (война в Чечне, Договор по ПРО) показали, что Запад существует и действует как монолитная сила — полюс, противопоставляя себя всем остальным и заявляя о готовности даже военным путем отстаивать и продвигать западные идеалы демократии и рынка. Автор видит два варианта мирового развития: или Запад, опираясь на свою превосходящую силу и используя нынешнюю разобщенность, политическую полицентричность «периферии», успеет надолго воцариться над миром, или «периферия», сосредоточившись, сумеет принудить его к совместному поиску модели жизнеобеспечения человечества, отвечающей мировым условиям, и в зави-

симости от того, как будет развиваться противостояние-соперничество, период биполярности может быть продлен.

Н.А. Косолапов, хотя и согласился с идеей биполярности, охарактеризовал ее существо и эволюцию иначе. Он назвал современную систему международных отношений «постсоветской», охарактеризовав ее как зародышево-авторитарную в политическом отношении при бесспорном доминировании Запада. Проявлением нарастающего авторитаризма он называет усиление роли НАТО и все более откровенное стремление США и НАТО поставить Североатлантический альянс выше международного права, ООН и Совета Безопасности (Косолапов, 1999. С. 213-241.). Такая биполярность отношений «центра» и «периферии» будет постепенно трансформироваться в иной, «трехмерный» тип отношений, что будет вызвано развитием процессов глобализации. Критическим, по мнению автора, окажется отрезок с 2012 до 2025 г.

4.2. Стратегия России

В 1994 году о себе заявила новая российская элита, активизировавшая прагматически мыслящую часть российского академического и политического сообщества и определившую геостратегических приоритетов России в терминах национальных интересов. Начался процесс укрепления Российского государства, требовавший проведения национально ориентированной политики и выработки государственной идеологии. Был выдвинут лозунг о возрождении великой державы, который получил поддержку всех партий и течений, представителей российского национального капитала. Центральное место в новой идеологии заняла идея «просвещенного патриотизма»¹. С.В. Картунов ввел термин «просвещенный/демократический патриотизм» и определил его, как «идеологию российского возрождения, которая соединяет в себе идеи открытого общества и личной свободы с сильной и ответственной государственной властью» (Картунов, 1995, 7 октября.)

¹ В 1992 году слово «патриот», чаще «национал-патриот», относили к представителям левой и правой консервативной оппозиции.

В соответствии с концепцией просвещенного патриотизма и реализма, российские стратеги в 1995–1996 гг. сформулировали основные положения внешнеполитической доктрины России, определили ее геополитические приоритеты, обосновали политику на основных направлениях. Одновременно, произошло заметное оживление внешнеполитических дискуссий, усилилась критика МИД РФ и министра иностранных дел А.В. Козырева, неоднократно поднимался вопрос о необходимости назначения нового министра.

В 1996 году произошла смена министра иностранных дел Е.М. Примаковым. Примаков принял за основу политики Российской Федерации концепцию многополярного мира, начал активный диалог с США и НАТО по вопросу об оформлении двусторонних отношений, активизировал региональная политика на ближневосточном и азиатском направлениях, наметил сдвиги в оформлении российско-белорусского союза, предпринял шаги по изменению ситуации в СНГ. Новый министр определил характер новой эпохи как переходный от конфронтационного к демократическому и заявил, что Россия выступает за многополярную модель мира. Такой мир находится в процессе становления и в котором разные центры силы, включая Россию, займут свое место и будут выполнять определенную роль. (Примаков, 1996. С. 3–13.)

Характерной чертой данной этапа дискуссий стала активизация интереса к незападной части мира. Ряд политологов, например, В.Л. Цымбурский¹, П.Л. Ларин (Ларин, 1997 С. 15–26.), А.Д. Богатуров подчеркивали, что «увлеченность» дискуссиями вокруг однополярности и роли США заслонила наиболее важные вопросы, такие как будущее Сибири и Дальнего Востока. Отмечалась опасность плохо осознанного в Москве превращения российского Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая, в периферийный фрагмент китайского интеграционного — по отно-

¹ Об этом раньше других написал В.Л. Цымбурский. См. его статью: Национальные интересы России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 7–9.

шению к Тихоокеанской экономической зоне — поля (Богатуров, С. 6.).

Это не означает ослабления интереса реалистов к США и Западу. В.И. Кривохижа, например, высказал взгляд, что международная деятельность России должна сочетать в себе глобальный и региональный аспекты и что активизация политики на одном направлении не должна рассматриваться как альтернатива неудачам на другом направлении (Кривохижа, 2001. С. 30–39.). Рогов так определил задачу внешней политики России в складывавшейся международной ситуации: «В условиях, когда экономический кризис в стране еще не преодолен, а падение производства и развал экономической структуры продолжаются, — не допустить консолидации новой системы международных отношений, при которой Россия оказывается в изоляции... одна из главных задач, помимо поиска друзей на Юге и на Востоке, — не допустить конфронтации с Западом. Возврат к временам холодной войны был бы для нас губителен» (Рогов, 1996, 25–31 октября.).

5. Будущее российского реализма и вопрос о российской государственной идентичности

Позиция большинства реалистов прагматична и принципиально отлична от взглядов либералов, с одной стороны, и реалистов экстремистской ориентации, с другой. Представляется, что в основе этого спора — различные видения самой идентичности новой России. Об этом писал С.В. Кортунов, отмечая, что «главным кризисом, который испытывала Россия после роспуска СССР, был кризис идентичности (субъектности)» (Кортунов, 1997. С. 5–7).

Так А. Мельвиль выразил мнение, *либеральной российской элиты, высказавшись, что в самоидентификации России и определении ее роли в мире активная внешняя политика вторична по отношению к выбору ее политического «я».* *либеральной российской элиты, высказавшись, что «Главная задача Рос-*

сии, *подчеркивает он*, — не в международной деятельности, а в завершении начатых реформ.

«Российские приоритеты сейчас — внутренние. Это, если угодно, исторический шанс заняться своими отложенными в «задержанном» развитии проблемами, своим собственным обустройством, своим народом и своим обществом. Приоритеты внутренней модернизации, последовательного достраивания демократической политической системы, структурной перестройки экономики и социальной сферы, а не экстенсивный путь рыночного развития при олигархическом режиме, грезящем о былом геополитическом величии, — вот наш сегодняшний исторический «вызов»: от построения либерально-демократического и преуспевающего общества — к определению своего нового места в мире» (Мельвиль, 1998. С. 84-85.).

По его мнению, активная внешняя политика нужна, но не вообще «по всем азимутам», а как проекция внутреннего решения на политические ценности России. Для Мельвиля идентичность России в демократическом и постимперском преображении.

Принципиально противоположной является позиция А.Г. Дугина, делающего акцент как раз на уникальной исторической территории Российского государства, его цивилизационной миссии и самодостаточности его политической целостности. Согласно точке зрения А.Г. Дугина, статус «региональной державы», предложенный (навязываемый) сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству и отказу от идентичности России, имперской в своей основе. Потеря империи для Дугина и стоящих за ним сил означает провал участия России в мире, поражение ее духовной и культурной системы ценностей, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод (Дугин, 1998. С. 193-213.).

Взгляды сторонников Дугина нельзя принять безоговорочно. Вместе с тем, нельзя не учитывать того факта, что Соединенные Штаты заявили о том, что национальное государ-

ство более не является основным элементом системы международных отношений, а национальный суверенитет и государственные границы не могут быть преградой для интервенции при решении проблем региональной и международной безопасности. Однако мир неоднороден и для многих государств национальный суверенитет остается приоритетом, в том числе для России, которая не хотела бы стать объектом «гуманитарной интервенции» стран НАТО или кого-то еще. Россия не готова играть роль младшего партнера, послушно идущего в фарватере Соединенных Штатов.

Реалисты исходят из того, что российская государственная идентичность связана с исторической традицией великой державы. По мнению Баталова, например, великодержавность в самой российской культуре и национальной психологии. Эти архетипы будут и дальше — в каком бы положении ни оказались страна и народ — ориентировать на восприятие событий, происходящих за пределами России (и на соответствующую поведенческую реакцию). Россия остается великой державой. Она является таковой уже в силу совокупного действия таких факторов, как геополитический статус; неординарный военно-ядерный потенциал; колоссальные природные ресурсы; уникальные интеллектуальные и духовные ресурсы, заложенные в науке и культуре; демографический потенциал. Интегральный критерий великодержавного статуса страны — ее способность оказывать преобразующее влияние на ход мировых событий и невозможность игнорирования мировым сообществом ее стратегических интересов (Баталов, 2000. С. 33-37.). Однако, сохранение исторической преемственности и самобытности вполне сочетается с реформами и не означает, как для Дугина, поражение России или же возможную конфронтацию с США и остальным миром, как для Мельвиля и либералов. Хотя Русская идея и Американская мечта не создают прочных оснований для устойчивой дружбы двух стран, считает он, они в то же время и не подталкивают их на путь вражды, чреватой взаимным уничтожением. Неприятие этой истины на Западе и в США, отождествление этого с проявлением национализма

или империализма — значит обрекать себя на новые политические просчеты в отношениях с Россией. Америка нуждается в России как в партнере для решения глобальных и региональных проблем. Россия также нуждается в Америке: США остаются мощным центром военной силы, и без договоренностей с ними невозможно обеспечить национальную безопасность; они остаются важнейшим фактором финансово-экономического развития страны.

Следует таким образом признать, что России придется решать обе задачи — новой самоидентификации в современном мировом порядке и осуществления активной политики на основных направлениях — на восток и на запад — одновременно. Действия во внутренней и внешней сферах тесно взаимосвязаны — успех в одной неизбежно будет усиливать эффективность в другой. Кажется, что такой консенсус в обществе и интеллектуальных спорах России постепенно формируется. Вопрос в том, какое «Я» выберет Россия, ее руководство и общество и дальше, захотят ли они видеть страну великой державой и понести связанные с этим издержки или их устроит скромное положение рядовой благополучной страны.

Литература

- Арбатов А.Г. Интересы России в СНГ // Международная жизнь. 1994. № 9.
 Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции перспективы. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.
 Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.
 Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: Роспэн, 2001.
 Анисимов А. Мировой конфликтный потенциал и Россия // Россия XXI. 1994. № 1–2.
 Антиوخина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М.: МГИМО, 1980.
 Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.
 Бабурин С.Н. Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос // Национальные интересы. 1998. № 1.
 Баталов Э.Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль. 2001. № 1.
 Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта // США и Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 11.
 Беззубинский З. Великая шахматная доска. М.: Прогресс, 1998.

- Богатуров А.Д. Альянс несогласных // Независимая газета. 2002. 22 ноября.
 Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане.
 Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1996.
 Богатуров А.Д. Кризис миротворческого регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С.40.
 Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2.
 Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. — В кн.: Восток-Запад-Россия. Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
 Богатуров А.Д., Кожокин М.М., Плешаков К.В. После империи: демократизм и державность во внешней политике России. М., 1992.
 Цымбурский В.Л. Национальные интересы России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3.
 Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997
 Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002
 Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1998.
 Замятин Д.В. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. №1.
 Замятин Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. 2001. №6.
 Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia, 1998; Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: «Academia» — «Наука», 1999.
 Плешаков К.В. Гео-идеологическая парадигма. М., 1994.
 Казеннов С., Кумачев В. Эпоха разрушения биполярного мироустройства. Россия должна пока воздержаться от глобальных игр // НГ — сценарии. № 8. 1997 (июль).
 Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989
 Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-пресс, 2002.
 Кортунов С.В. Национальная сверхзадача. Опыт российской идеологии // Независимая газета. 1995. 7 октября.
 Кортунов С.В. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. М., 1997.
 Косолапов А.Н. Контуры нового миропорядка / Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. М., 1999.
 Кочетов Э. Геоэкономика и стратегия России. М., 1997.
 Кочетов Э. Геоэкономика. М., 1999
 Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными // США и Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 1.
 Кривохижа В.И. Внешняя политика России и изменение системности международных отношений (некоторые стратегические аспекты) // Международная жизнь. 2001. № 4.

- Ларин П.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1.
- Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М., 1999
- Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2001.
- Международные отношения: социологические подходы. Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.
- Мельвиль А.Ю.* Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России. Открытая политика, 1998, № 6.
- Панарин А.С.* Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток. 1995. №2.
- Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 2000
- Поздняков Э.А.* Геополитический коллапс и Россия // Международная жизнь. 1992. № 8-9.
- Поздняков Э.А.* Системный подход к исследованию международных отношений. М.: Наука, 1976; Философия политики. В 2-х томах. М.: Палей 1994.
- Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
- Примаков Е.М.* На горизонте — многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы // Независимая газета. 1996. 22 октября
- Рогов С.М.* Доктрина Буша и перспективы российско-американских отношений // Независимая газета. 2002. 3 апреля.
- Рогов С.М.* Нас выталкивают из Европы // Век. 1996. 25-31 октября.
- Рогов С.М.* Россия и США в многополярном мире // США — экономика, политика, идеология. 1992. №10.
- Рогов С.М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Международные отношения, 1989.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Отв. ред. В.И.Гантман. М.: Наука, 1984.
- Системная история международных отношений. 1918-2002. События и документы в 4-х томах/Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1-2. М.: Московский Рабочий, 2001.
- Современные буржуазные теории международных отношений / Отв. ред В.И.Гантман. М.: Наука, 1976.
- Фельдман Д.М.* Конфликты в мировой политике. М.: Братья Карич, 1997.
- Хрусталева М.А., Богатуров А.Д., Косолапов Н.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям 2002.
- Хрусталева М.А.* Теория политики и политический анализ. М.: МГИМО 1990.
- Цыганков П.А.* Международные отношения. М.: Высшая школа, 1996.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.
- Цымбурский В.* Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. Т. 4. №4.
- Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М.: МОНФ, 1999.

- Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады, 2002.
- Шишков Ю.В. (ред.) Ближнее и дальнее зарубежье в геоэкономической стратегии России. М.: ИМЭМО 1997.
- Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. Под ред. Л.И. Рейснера и Н.А. Симонии. М.: Наука, 1984.
- Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 1994.
- Яковлев А.Г.* И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.
- Kremenyuk V.* International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues. San Francisco, Oxford: Jossey-Bass ed. 1991.
- Kremenyuk V., Sjostedt G., Zartman W.* International Economic Negotiation: Research Tasks and Approaches. 199?

Дилеммы и обещания российского либерализма

1. Введение. Российский либерализм: между западничеством и национальной демократией

Российский либерализм обладает немалым опытом и традициями, исторически развиваясь в полемике со сторонниками сильного государства и тяготея к Западу. Распад СССР лишь обострил многие из традиционных споров в новом контексте. Сегодняшние российские либералы развивают свою аргументацию в полемике с державниками и национал-коммунистами, отстаивающими ценности сильного государства, самобытного цивилизационного уклада и рассматривающих мир в категориях борьбы за власть и ресурсы¹. В данной работе нам хотелось бы привлечь внимание к полемике среди самих российских либералов и противоречивости самого этого направления.

Под либералами, мы традиционно подразумеваем тем, кто превыше всего ставит ценности свободы, терпимости и демократии в мире. Либерализм, однако, формируется в различных социальных контекстах и поэтому культурно своеобразен. И если правомерно обсуждение национальных моделей социализма, как это еще не столь давно было принято в России², то не менее правомерным представляется и необхо-

¹ Попытки типологизации российских внешнеполитических школ предприняты в: Light 1996; Tsygankov 1997; Shlapentokh 1998; Sergounin 2000; Tsygankov, 2001, 2003.

² Киселев в С-зм м прошл и буд

димось обсуждения национальных моделей либерализма. В этой связи, правомерно начать с предположения, что российский либерализм обладает национальной спецификой и отличается от западного, китайского, арабского или иного. Выявление такой специфики должно стать важнейшей частью обсуждения проблем российского либерализма.

В рамках российского либерализма имеются серьезные вариации и разногласия. Либерализм в России нередко объединяет в себе весьма разных по своим политическим ориентациям людей. Среди российских либералов доминируют Западники. Эта группа отдает себе отчет, что Россия отличается от Запада, но связывает такое различие с отставанием первой от второго. Западники убеждены в наличии единого магистрального пути развития человечества, связывают его с Западом и считают западные политико-экономические институты образцом для подражания и даже чем-то неотвратимым для России и остальной части мира. Эта традиция восходит своими корнями, по меньшей мере, к «Очеркам русской культуры» П. Милюкова и активно воспроизводится сегодня интеллектуальными и политическими усилиями А. Козырева, Е. Гайдара, а также нынешних теоретиков Союза Правых Сил и Яблока. Однако и среди Западников нет единства, как мы намерены показать ниже. Среди них есть «американисты», «германисты», «северо-европеисты», «восточно-европеисты» и многие другие, отстаивающие необходимость следовать различным моделями западного устройства. Более того, в России всегда существовало и продолжает развиваться и более самобытное направление либеральной мысли, критически относящееся к самой философии Западничества и защищающее необходимость мобилизации национального опыта демократического строительства. Национал-демократы немногочисленны и пока не оформлены в самостоятельную политическую силу, что отчасти связано с дискредитацией Горбачева и его идей, в некоторых своих положениях близких философии национал-демократизма. Их идеи, однако, заслуживают серьезного к себе внимания и будут проанализированы ниже.

Проблемы, которые привлекают наиболее пристальное внимание российских либералов среди множества других, могут быть сформулированы в виде трех групп вопросов: К какому миропорядку ведет эволюция МО и какой тип мирорегулирования наиболее предпочтителен? Каковы судьбы национального суверенитета, самого государства и национальных интересов? Каким должно быть самоопределение Россия и какую стратегию она должна избрать для себя в складывающихся условиях? Именно по этим вопросам не прекращаются споры либералов с реалистами и представителями других направлений в исследовании МО, а также ведутся оживленные дискуссии либералов «в своем кругу». В этих спорах выделяются два этапа: 1) с распада СССР до середины 90-х годов; 2) с середины 90-х годов до настоящего времени. Теракты против США 11 сентября лишь 2001 придали современным дебатам новую остроту.

В современной политической теории вышеотмеченные разногласия между российскими либералами могут быть описаны в терминах спора представителей космополитической и коммунитаристской мысли. Представители космополитической философии настаивают на формировании единого мира и видят главным образом факторы объединяющего, даже гомогенизирующего порядка. Российские западники-детерминисты или модернизаторы рассматривают мир как постепенно воспринимающие давно уже созданные на Западе институты рыночной демократии. Либералы-институционалисты также видят растущую однородность мировых процессов, но связывают их с деятельностью и совершенствованием существующих глобальных и международных институтов. Что касается национал-демократов, то они — в духе коммунитаризма — подчеркивают роль национально-культурного начала в укреплении демократии в мире. Не отрицая значимости и роли Запада и международных институтов в мире, они настаивают на том, что такая страна, как Россия, не может быть реформирована извне и должна изыскать и мобилизовать для этого национальный опыт.

2. Распад СССР и российский либерализм

Либеральные течения в России обязаны своим происхождением отчасти идеям Перестройки и Нового мышления Горбачева, но в еще большей степени движению «Демократическая Россия» и таким политикам, как Егор Гайдар и Андрей Козырев, занимавшим ключевые правительственные посты на ранних этапах посткоммунистической трансформации. Со времени распада СССР, в России развиваются, по меньшей мере, три заметных направления либерального мышления — модернизаторы, институционалисты и национал-демократы. Все они относятся к исчезновению Советского Союза с политической карты мира иначе, чем реалисты, воспринявшие его как геополитическую катастрофу, несущую угрозу России и миру в целом. Но у каждого из трех направлений имеется свое восприятие желаемого мирового порядка и российско-го в нем участия.

Модернизаторы

В политическом отношении пожалуй наиболее влиятельны среди российских либералов Западники-модернизаторы. Многие из них не допускают и самой возможности иного, незападнического типа либерализма. Западники убеждены, что, во время Холодной войны Россия действовала вопреки своим национальным интересам и должна теперь сделать все возможное для интеграции с Западом. При этом Запад воспринимается как единственно жизнеспособная и прогрессивная цивилизация в мире. Основные угрозы «подлинной» идентичности России происходят от ее политико-экономической отсталости и связей с недемократическими странами, в особенности бывшими союзниками СССР. Достойный ответ на эти угрозы Россия сможет дать только посредством вхождения в сообщество «западных цивилизованных наций»¹.

Модернизаторы уверены, что альтернативы Западу в мире не выработано и что окончание Холодной Войны означает по-

¹ Козырев А.В. Преображение, 1995; Гайдар. Государство и эволюция, 1997.

беду западной цивилизации во всех отношениях—военном, политическом, экономическом и культурном. Советский распад виделся им положительным явлением, устранявшим угрозы российской безопасности и присоединиться универсальным ценностям цивилизованного мира — ценностям демократии, рыночной экономики, защиты прав человека — и тем самым «вернуться в нормальный цикл развития, из которого выпали на 70 лет»¹.

С распадом СССР заканчивалась холодная война и исчезала сама внешняя угроза российской безопасности. На самом Западе весьма сходная позиция отчетливее всего была выражена Фукуямой в его знаменитом тезисе о «конце истории», с которым российские модернизаторы солидаризуются без особых колебаний². У России, продолжают они, не существуют альтернативы интеграции с западное сообщество, и ее модернизация-вестернизация должна состояться, нравиться это кому-то в России или нет. Если сегодня Россия сама не предпримет усилий в этом направлении, то завтра приобщение к Западу все равно произойдет, но с большими для России социальными издержками и платой за отставание.

Сходные этим позиции активно отстаивали ранние Западники типа Козырева и Гайдара, всерьез полагавшие, что Россия станет частью Запада сразу после провозглашения приверженности западным ценностям.

Институционалисты

Если для модернизаторов ключевым термином, определяющим успех России является «модернизация», то институционалисты связывают будущее страны с обретением и упрочением ею членства в важнейших мировых и международных институтах современного мира. При этом многие институционалисты нередко критичны в отношении существующих меж-

¹ Козырев А.В. Выступление на научно-практической конференции МИД РФ Преображенная Россия в новом мире. (26-27 февраля 1992 года) // Международная жизнь. 1992. № 3-4. С. 92.

² Подробнее о российском восприятии тезиса Фукуямы, см.: Цыганков. Несостоявшийся диалог.

дународных институтов и предлагают свои проекты их совершенствования, в том числе и для более успешного содействия развитию России. Институционалисты также более критичны в отношении распада СССР и не рассматривают его как однозначно позитивный процесс. Вместо этого, они говорят о необходимости укрепления интеграционных связей в бывшем союзном пространстве и выхода за пределы мышления в категориях «победы» и «поражения» в результате Холодной Войны¹.

Среди институционалистов можно выделить две конкурирующие школы. Первая школа считает институт суверенного государства устаревающим, полагая приоритетным развитие транснациональных институтов и мирового гражданского общества. Так сторонники Горбачева выдвинули гипотезу о возникновении глобального гражданского общества, постепенно создающего «необходимые условия для установления нового демократического мирового порядка, функционирующего на сетевых, а не иерархических принципах»².

Вторая школа, которую можно назвать умеренными институционалистами, не согласна с тем, что государство, суверенитет и национальные интересы утрачивают свое значение. Подчеркивая растущую роль международных институтов в мире, умеренные институционалисты считают, что институты не отменяют, а защищают и переформулируют роль и ценности наций-государств. Соглашаясь с ведущей ролью Запада в мире, они подчеркивают значимость укрепления таких международных институтов, как ООН, и необходимость для России решать свои международные проблемы через участие в таких институтах³. России, полагают институционалисты, предстоит немалая работа для успеха в этом направлении. Ее

¹ С критикой распада союза с либеральных позиций выступали в это время многие. См. например, Фурман. 1992.

² Красин 1996а, 12. См. подобные размышления о глобальном гражданском обществе в: Капустин 1996, 14-15; Шахназаров 1998, 82; Горбачев. Грани глобализации, 2003. См. также Лебедева. Мировая политика. 2003

³ См. особенно Давыдов. Норма против силы. 2002.

представители отнюдь не столь оптимистичны, как модернизаторы¹.

Корни российского институционализма в усилиях совершенствования системы международного контроля над вооружениями, а также усилиях Горбачева заложить принципиально новые политические основы мирового порядка. На Западе различие между радикальными и умеренными представителями институционализма может быть приблизительно передано различием между теоретиками радикального обновления институциональной структуры мира типа Анджо Линлейтера, с одной стороны, и сторонниками «международного общества» вроде Хедли Балла в Европе и Роберта Кохейна и Джозефа Ная в США.

Национал-демократы

Национал-демократы близки умеренным институционалистам в оценках распада СССР, но более других склонны подчеркивать своеобразие российской традиции развития и значение локально-культурных факторов в мировой политике. Эта школа мышления разделяет с остальными либералами философию всемирного сообщества, но придерживается своего собственного понимания истоков универсальных норм общежития. По убеждению Национал-демократов, гарантирование основных прав человека не следует рассматривать как продукт исключительно западной цивилизации. Они отказываются воспринимать мир как дихотомию «прогрессивной» цивилизации и отсталых народов и предлагают иную, более сложную картину мира после Холодной войны².

По их мнению, Россия — независимая цивилизация, являющаяся то же время частью международного сообщества. В новой эпохе, возникающей после Холодной войны, Россия

¹ Так, А. Салмин выразил убеждение в «явном кризисе и потенциальной дестабилизации мировой системы» Салмин Там же, с. 8. Из этого, однако, он сделал вывод о потребности в мировом правительстве, характерной для многих Западников институционалистской школы. (Там же, с. 10; 14.)

² См особенно Гаджиев «Введение в геополитику»

и другие участники международных отношений пересматривают свои роли и идентичности и учатся жить во все более взаимозависимом, но одновременно и более разнообразном мире. В этом мире главные угрозы возникают в связи с нарушением основных прав человека и неуважением к культурному плюрализму. Главная задача видится в создании всемирного порядка, способного поддерживать «единство в разнообразии» и способствовать диалогу и сотрудничеству наций и культур в соответствии как с некими универсальными правилами, так и внутренними социальными нормами. В этом национал-демократы близки умеренным институционалистам, подчеркивающим сохраняющуюся роль наций-государств. Национал-демократы, однако, больше институционалистов склонны подчеркивать значимость национального поиска в адаптации к мировым условиям. Россия должна не копировать чьи-то образцы или уповать на международные институты, а прежде всего найти свой собственный, отражающий культурные особенности путь к глобальной экономической и политической системе.

Отличительной особенностью этой группы было раннее осознание значимости категории «национальный интерес» для развития России. В отличие от модернизаторов и некоторых институционалистов, отвергавших эту значимость¹, национал-демократы рассматривают национальные интересы как результат российского самоопределения в мире, позволяющего определить особенности национального своеобразия и решить вопрос о том, на мобилизацию каких национальных ценностей следует опираться в демократических преобразованиях². Эта группа также отстаивала принципы

¹ По их мнению, в отличие от стран Запада, груз государственных и авторитарных традиций России и слабость гражданского общества делают данную категорию не только неприменимой, но и опасной для становления демократии. Аболин О.А. Отказ от принципа «абсолютного суверенитета» // Полис, 1995, № 1, с. 110; Поляков Л.В. Эпоха буржуазного прагматизма // Там же, с. 108-109.

² Вариант такого определения был предложен экспертами Горбачев-фонда Александром Галкиным и Юрием Красиным: «Национальные интересы включают интересы и потребности социокультурного сообщества, удовлетворение и защита которых является необходимой пред-

многовекторной внешней политики, споря с модернизаторами и их «гуру» Фукуямой. В данном случае, взгляды национал-демократов оказались близки взглядам умеренных Державников или реалистов типа советника Президента С. Станкевича и председателя комитета Верховного Совета по международным делам В. Лукина. В ответ на призыв модернизаторов-западников ориентироваться на США и Европу¹, они настаивали на необходимости для России играть интегрирующую роль в бывшем СССР и поддерживать отношения со странами Азии и Востока².

Недавние корни Национал-демократического мышления в социал-демократизме и новом мышлении Горбачева, и многие и сегодняшних представителей Национал-демократизма входили или продолжают входить в число сторонников Горбачева. В этом они близки некоторым из институционалистов, однако относятся к опыту главного перестройщика весьма критически, полагая его допустившего слишком много уступок Западу. В мировом интеллектуальном подобные позиции защищал Роберт Кокс и другие, подчеркивающие значимость диалога культур и цивилизаций в мире³.

посылкой существования и самоопределения данного сообщества как субъекта истории. Национальные интересы отражают потребность национального сообщества занимать положение в мире, наиболее адекватно соответствующее культурным и историческим традициям данного сообщества и позволяющее в полной мере реализовать его потенциал.» Цит. по: Кортуну 1998, 78. Такое понимание «национального интереса» было более полно развито в: Красин 1996а, 1996б.

¹ Макаренко. Кто союзники России? 2000; Тренин. Конец Евразии. 2001.
² О внешнеполитических приоритетах России с позиций, близких национал-Демократическим, см.: Спасский 1992; Красин 1996а, б; Гаджиев 1997, 1998. В своих ранних работах А. Панарин сформулировал ряд внешнеполитических установок либерального Евразийства (см. особенно цит в моем Hard-Line Eur). Позднее, отчасти реагируя на экстремальные установки западничества, Панарин эволюционировал в сторону Державнического и Нео-коммунистического Евразийства.

³ В России также сложилась плодотворная либеральная традиция изучения культурного диалога, в том числе в глобальном контексте (См. например, Гефтер. Из тех и этих лет. 1991; Капустин. Современность как предмет полит теории. 1998; Горбачев, ред. Грани глобализации. 2003)

3. Дискуссии в лагере российских либералов

Несмотря на политическое ослабление западничества после 1994 года в связи с переходом официального руководства России на более умеренные позиции, академический либерализм продолжал активно развиваться. В ходе дебатов, развернувшихся в ней со второй половины 90-х годов и продолжающихся по настоящее время, вопросы мирового порядка, национального интереса и внешнеполитических ориентаций уточнялись и конкретизировались. Переход власти в России от либерала Ельцина к более державнически ориентированному Путину, а также террористические атаки на США 11 сентября придали этим спорам новые импульсы.

Мировой порядок

Понимание миропорядка¹ российскими либералами отличается от того, с которым работают их реалистские оппоненты. Действительно, как было показано в главе Шаклеиной и Богатурова, для отечественных реалистов миропорядок — это прежде всего состояние системы межгосударственных отношений, связанное с той или иной степенью ее стабильности. Это принципы, параметры и содержание такой системы, обусловленные ее структурой (под которой понимается полярированность, связанная с распределением сил) и обеспечиваемые существующими механизмами международной безопасности (институциональными и нормативными)². Иначе говоря, для реалистов миропорядок — это прежде всего *мироустройство*³, в то время как для либералов способ *мирорегулирования*⁴. Кроме того, важным отличием либерального понимания миропорядка является расширение его субъектности: если для реали-

¹ В данном случае мы рассматриваем понятия «мировой» и «международный порядок» как тождественные.

² См., например: Кортуну С.В. 2002. Становление нового мирового порядка. // Международная жизнь, № 6, особенно с. 77-78.

³ См. там же, с. 93.

⁴ См., например: Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002, с. 34.

стов речь идет прежде всего (а иногда и только) о межгосударственных отношениях, то для либералов такие отношения — лишь одно из измерений (иногда отнюдь не главное) мировой политики, другими измерениями которой выступают многообразные негосударственные участники, потоки и сети¹. Наконец, либералы акцентируют не просто переходность в состоянии современного миропорядка (о ней говорят и реалисты), а настаивают на имеющихся предпосылках прогресса в этом отношении, которые должны использовать демократические силы на благо всего человечества.

В то же время представители разных течений в рамках либерализма по-разному трактуют содержание складывающегося в настоящее время миропорядка. Несмотря на приход к власти Путина, к которому многие либералы отнеслись с подозрением, модернизаторы и радикалы-институционалисты видят международные отношения как развивающиеся в направлении однородно-демократического мироустройства, нередко именуя его однополюсным. Так, В. Кулагин рассуждает о возникновении «демократического униполюса», обращая внимание на рост численности демократических стран с начала 90-х гг. и превышение ими численности государств авторитарных. Исследователь считает это свидетельством «единообразия и одновременности основных «транснациональных» процессов мировой политики»². Другая представительница данной школы данной полагает, что «Фукуяма и Хейлбронер оказались правы, когда они заключили, что пришел «конец истории» в том смысле, что перестала существовать реальная альтернатива либерализму и западной однопорядковости»³. Недавние конфликты типа Косово и Ирака воспринимаются многими модернизаторами как характерные для современ-

¹ См., например: Лебедева М.М. // Космополис, 2003 ??

² Кулагин В.М. Гипотеза «демократического мира»..., с. 147. Об однополюсности, см, также выступления И Бунина, Е. Сабурова в Фонде Либеральная миссия. «Россия в поисках стратегической позиции». 14.01.01. www.liberal.ru/sitan.asp?Num33; Шейнис, 2003, 42.

³ Выступление Л. Шевцовой в дискуссии «Россия и Запад», организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>.

ного миропорядка, в котором преобладают однополярность и силовое мирорегулирование. При этом модернизаторы нередко близки к поддержке развиваемых на Западе теорий гуманитарной интервенции и ограниченного суверенитета.

Умеренные институционалисты и национал-демократы полагают, что движение к демократическому мироустройству является более сложным. Институционалисты видят необходимость развития международных политических институтов, и их рекомендации нередко отличаются от рекомендаций модернизаторов. Далеко не все из них—особенно после военного вмешательства НАТО в Югославию и США в Ираке—поддерживают идею российского присоединения к НАТО и настаивают вместо этого на совершенствовании структуры и роли ООН¹. Эта группа считает, что если США и могут быть сегодня лидером, то только в той мере, в какой они принимают во внимание интересы других государств, выраженных посредством международных институтов. При этом Америка не в состоянии оставаться гегемоном и не способна нести в одиночку бремя материальных затрат по адаптации МО к новым реалиям и вынуждена считаться с интересами великих держав (Китая, Японии, Великобритании, Германии, Франции, Индии, отчасти России)².

Видя процессы, не укладывающиеся в русло демократической однополярности и совершенствования международных институтов, либералы также указывают на несколько центров регионального и культурного притяжения, выдвигая при этом теорию «альтернативной многополярности». Так, Шевцова указывает на возможность развития миропорядка «в направлении возникновения нескольких центров притяжения в рамках либеральной системности»³. В. Сергеев и Н.

²³ Адамишин А.Л. На пути к мировому правительству. // Россия в глобальной политике. 2002, №1 · ноябрь/декабрь. Об уроках Косово, извлеченных российскими либералами и националистами, см. Tsygankov, The Final Triumph of Pax Americana

²⁴ См. Давыдов 2002, 285, 227-228.

²⁵ См. выступление Л. Шевцовой в дискуссии «Россия и Запад», организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>.

Загладин усматривает формирование таких полюсов в регионализации¹. Такие полюса могут не совпадать с центрами государственной власти, становясь по сути альтернативными центрами политического влияния в глобализирующемся мире. Позиция, близкая к национал-демократической, была сформулирована В. Пантиним и А. Салминым, высказавшимися против определения современного мира как однополярный или многополярный. Хотя в некоторых ситуациях он выглядит как преимущественно однополярный, но в большинстве случаев проявляется как многополярный — с точки зрения разных измерений (национальных, транснациональных, наднациональных, культурных, цивилизационных, темпоральных и др.)².

Соответственно по-разному трактуется и тенденция и процесс мирорегулирования. По мнению модернизаторов, роль регулятора в современном мире играет Америка, защищающая его от «маргиналов и хулиганов»³. Институционалисты настаивают на первостепенности регулятивной роли международных организаций и правовых норм⁴. Характерным было в этом отношении разногласие между первыми и вторыми в том, следует ли поддерживать американское вооруженное вмешательство в Ираке в марте 2003 года без санкции на это ООН. При этом одни подчеркивают роль неправительственных организаций «с размытой ответственностью»⁵ и отмирание государства, в то время другие — более близкие к национал-демократам — обращают внимание на то, что переход к нормативному регулированию МО невозможен без содействия этому великих держав⁶.

¹ Сергеев, Экономические центры силы..., с. 229; Загладин Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России..., с. 24.

² См.: Пантин В. Россия в неустойчивом мире: вызовы и проблемы // Место и роль России в трансформирующейся системе мо. Москва — Нижний Новгород Россия в неустойчивом мире: вызовы и проблемы // Место и роль России в трансформирующейся системе мо. Москва — Нижний Новгород, 2002, с. 79; Салмин А.М. Россия в новом европейском и мировом порядке. // Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001, с. 65.

³ См. выступление Сабурова Е.Ф. в Фонде Либеральная миссия...

⁴ См. Борко Ю.А. Проблема национального суверенитета: опыт европейской интеграции...; Давыдов Ю.П. Норма против силы

⁵ Сергеев В.М. Экономические центры силы на пороге XXI века..., с. 230.

⁶ Давыдов Ю.П. Норма против силы..., с. 224; 167.

Разногласия среди модернизаторов, с одной стороны, и институционалистов и национал-демократов, с другой, легко продемонстрировать на примере их отношения к политике Путина, направленной на поддержку США после 11 сентября 2001 года. Модернизаторы поддержали решение Путина встать на сторону Соединенных Штатов после 11 сентября, и они утверждали, что союз России с Западом должен выйти за рамки решения лишь тактических целей и способствовать формированию общей идентичности и культурных ценностей (например, Yavlinski 2002; Kara-Murza 2002). Отношение институционалистов и национал-демократов было более сложным и более осторожным. Отнесясь в целом одобрительно к решению Путина и симпатизируя Западу, они отмечали, что одной из причин распространения терроризма стало одностороннее использование Соединенными Штатами силы и навязывание миру проамериканской модели глобализации (Buzgalin 2002). Некоторые социал-демократы также были не столь склонны рассматривать Америку и Европу как культурно подобный и считали, что Путин должен был недвусмысленно присоединиться к европейской позиции в мировой политике после 11 сентября (Fedorov 2002).

В некоторых отношениях взгляды социал-демократов корреспондировали с позициями президента Путина. Российский президент также выступал против преувеличения роли военного вмешательства как способа долгосрочного решения проблемы терроризма. Он не допускал участия в подобном развитии событий российских вооруженных сил, подчеркивая необходимость использования потенциала международного права и Организации Объединенных Наций. Проявляя утин осторожность, Путин настаивал на том, что его действия не являются проамериканскими или антиисламскими и уже сразу после терактов в США выступал против трактовки антитеррористической операции как «войны цивилизаций» (2001 Путина). Это особенно важно подчеркнуть, в свете того обстоятельства, что некоторые из российских либералов, восприняв фукуямовско-хантингтонский язык, описывали сентябрьские теракты как столкновение западной «цивилизации»

с культурным «варварством», и настаивали, что Россия должна сделать решающий «выбор» между «варварами» и «цивилизованными нациями» (например, Кара-Мурза 2002).

Суверенитет и национальный интерес

Как уже говорилось, в первый период одним из объектов международно-политологических дискуссий в России, была проблема национальных интересов, трактовка которых касалась главным образом внутренних аспектов (прежде всего — соотношения элементов государственности и гражданственности). Объект современных дебатов намного шире и затрагивает вопросы суверенитета и целостности государства.

Модернизаторы говорят о размывании содержания национальных интересов, считая, что глобализация заменяет их интересами мирового гражданского общества. Последнее обеспечивает права и свободы личности, все еще подавляемых государством, особенно в странах с авторитарными политическими режимами. «Растворение» нации-государства и ограничение суверенитета связывается модернизаторами и частью институционалистов с «развитием международных институтов, гарантирующих гражданские права, экспансией транснациональных корпораций, интеграционными тенденциями в некоторых регионах мира»¹. Некоторые из либералов готовы идти столь далеко, что предлагают отказаться от национальных интересов, а также значительной части самого государственного суверенитета, полагая, что «политика удержания суверенитета и территориальной целостности в долгосрочной перспективе никаких шансов не оставляет»².

России предлагается «вслед за другими цивилизованными странами постепенно уступать свой суверенитет транснациональным корпорациям и международным организаци-

¹ *Сергеев В.М.* Государственный суверенитет и эволюция системы международных отношений // Космополис. Альманах. 1999. С. 28.

² См., например: Пастухов В. Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1. С. 95-96. С такой позицией согласны также Л. Шейнис, 33; Е. Сабуров, Л. Шевцова, Е. Ясин,

ям»¹. Некоторые предлагают подумать в этой связи над тем, чтобы получить кредиты для освоения Сибири путем передачи Курил Японии, а территорию Калининграда предложить ее в качестве зоны сотрудничества России, Германии и Скандинавии»². По существу ту же мысль о возможности поступиться суверенитетом проводит и В. Сергеев, отмечая, что в некоторых случаях у регионов, являющихся «воротами в глобальный мир», может появиться желание приобрести атрибуты государственности. «Подобное стремление, — подчеркивает он, — вполне рационально в том случае, если «ворота в глобальный мир», являются частью большого государства, на остальной территории которого наблюдается отсутствие экономических успехов...»³.

Другие представители институционализма более осторожны. Они согласны, что глобализация расшатывает основы национального государства, но при этом обращают внимание на противоречивость данного процесса. «Противоречивость процесса глобализации, — пишет Ю. Давыдов, — состоит в том, что по самой своей сути он требует наднационального управления глобальными процессами, но мир еще не готов к этому и пытается втиснуть эти процессы в традиционные национально-государственные рамки»⁴. Он подчеркивает, что все решения, затрагивающие характер взаимодействия на международной арене, продолжают приниматься национальными государствами, даже если это происходит в рамках международных институтов, и что даже ЕС на нынешнем этапе пытается создать федерацию государств, а не сверхгосударство⁵.

Отстаивая ценности нации-государства и суверенитета в ме-

¹ См.: Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01. www.Liberal.ru.sitan.asp?Num33

² См. Россия и Запад. Материалы дискуссии, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>

³ *Сергеев В.М.* Экономические центры силы на пороге XXI века..., 230. Близкую точку зрения высказывает Н. Загладин (см. цит. соч.), Л. Ионов (цит. соч.), Е. Сабуров (Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01.www.Liberal.ru.sitan.asp?Num33)

⁴ Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002, с. 28.

⁵ См.: Там же. С. 10—11; 35 и др.

няющемся мире, данная часть институционалистов оказывается близка позициями национально-демократического направления. Последние продолжают быть уверены, что несмотря на процессы глобализации и укрепления международных институтов и структур, национальные сообщества не только не исчезают, но находят новые формы самовыражения. Даже в Европе, на которую либералы-институционалисты нередко ссылаются как наиболее очевидное доказательство «отмирания суверенитета», суверенитет и нации продолжают играть первостепенную роль. Интересна в этом отношении позиция Ю. Борко. Будучи признанным специалистом в области европейской интеграции, Борко убежден, что такая интеграция отнюдь не отменяет наций-государств. По его мнению, факты интеграции и отмирание полномочий государства — лишь одна сторона наблюдаемого процесса. А другая — в том, что государство передает на наднациональный уровень лишь те функции и полномочия, которые оно не в состоянии эффективно реализовать. Нация-государство не отказывается от своих суверенных прав — оно лишь изменило подход к их осуществлению... Столкнувшись с дилеммой — охранять свои суверенные права, не имея возможности их реализовать, или передать на уровень регионального союза, который сможет распорядиться ими более эффективно, — западноевропейские страны, вставшие на путь интеграции, выбрали второе. С формальной точки зрения государство как таковое утратило часть суверенитета, а фактически — выиграло функционально¹. Возражая против тезиса об отмирании государства, Ю. Борко указывает на постоянный рост их количества и существенное расширение функций. Его вывод состоит в том, что данный тезис — не более, чем миф, реальная же проблема состоит в адаптации государства к изменившимся условиям существования. Одним из важных условий такой адаптации он считает постоянное и широкое межгосударственное сотрудничество².

¹ Борко Ю.А. Проблема национального суверенитета: опыт европейской интеграции. // Космополис. Альманах. М., 1999, с. 70.

² Там же, с. 67–68. Подобная позиция высказывалась также Вьюгиным О., Клямкиным И., Салминым А. (см.: Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01. www.Liberal.ru.sitan.asp?Num33)

Внешиполитические ориентации

Позиции представителей различных течений либерализма сказываются и на их взглядах относительно внешнеполитического выбора России. Широко разделяемую позицию выразил И.В. Потоцкий, заявив, что Россия должна оставить великодержавные иллюзии, смириться со своим нынешним статусом, и согласиться с некоторыми ограничениями на проведение самостоятельной внешней политики¹. Многие либералы модернизаторского и институционалистского направлений согласны, что «если мы не будем проводить политику стратегического сближения с НАТО, ЕС и Западом в целом, если мы не будем ориентироваться на западные и евро-атлантические ценности, то России грозит неизбежная маргинализация»². Разногласия иногда возникают относительно преимущественно проамериканской или проевропейской ориентации, но большинство все склоняется к мнению, что «выбора между Европой и Америкой попросту не существует, а существует лишь выбор между ориентацией на Запад в целом и тупиковым «прагматизмом» той политики, которая проводилась до 11 сентября»³. Подобный выбор облегчается тем обстоятельством, что» Россия — страна иудео-христианской, европейской цивилизации, хотя и особого, в силу исторических обстоятельств, ее ответвления»⁴.

При этом, как и во времена Козырева, России предлагается дистанцироваться от азиатских государств⁵, особенно Китая. Сближение с Китаем видится как невыгодное и даже опасное для нее России. Во-первых, учитывая многократно превосходящий экономический и демографический потенциал КНР, России может выступать лишь в роли младшего партнера. Во-вторых, подобное сотрудничество (которое к

¹ См.: Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01.

² Там же, выступление Ю. Рыжова.

Там же, выступление И.Клямкина.

⁴⁴ Шейнис В.Л. Национальные интересы и внешняя политика России. // МЭ и МО, 2003, № 4, с. 34.

⁵ Тренин Д., Шейнис Л., Рыжов Ю., Кара-Мурза А., Шевцова, Л. Ионин и др.

тому же сопровождается сотрудничеством со «странами-изгоями») может быть расценено Соединенными Штатами как направленное на противостояние с Америкой и Западом в целом. Самостоятельную же внешнюю политику на мировой арене Россия не может проводить: для этого у нее нет ресурсов¹. Иначе говоря, если уж выступать в роли младшего партнера, то роль «старшего» должна быть отдана наиболее развитым странам Запада, точнее, Евро-атлантического сообщества².

Группа более умеренных институционалистов и национал-демократов ставит под сомнение преимущественно западную или европейскую ориентацию во внешней политике. Во-первых, для них является неопровержимым тот факт, что большая часть российской территории находится за Уралом, где проживает значительное количество населения страны. Поэтому России рекомендуется не отказываться от российской евразийской идентификации и стремиться к сотрудничеству не только с Европой и Америкой, но странами Азии и мусульманского мира. Национал-демократы не разделяют характерных для модернизаторов страхов в отношении Китая и сотрудничества с ним, полагая, что Китая далек от экспансионистских амбиций и весьма интегрирован в международно-экономические структуры³. Во-вторых, сторонники более умеренного подхода и многовекторной ориентации отмечают, что Запад идет на сотрудничество с Россией неохотно,

¹ См. выступления Сабурова Е. и Ясина Е.: Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01. www.liberal.ru/sitan.asp?Num=33; выступление Шевцовой Л.: Россия и Запад. Материалы дискуссии, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>; Шейнис В.Л.. Национальные интересы и внешняя политика России, с. 39-40.

² Рыжов, Шевцова, Федоров, Ясин: Россия и Запад. Материалы дискуссии, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>. См также Шейнис В.Л. Национальные интересы и внешняя политика России...

³ Подробнее о восприятии Китая в современной России, см. Lukin, Russia's Image of China.

полагая, что стратенических оснований для сотрудничества с Россией у Запада недостаточно¹.

Отмеченное выше различие между модернизаторами и частью институционалистов, с одной стороны, и национал-демократами и умеренными институционалистами, с другой, можно проиллюстрировать различиями в позициях Д. Тренина и К. Гаджиева, авторами недавних книг о внешней политике России и влиятельными представителями различных направлений российского либерализма. Книга Тренина «Конец Евразии» (2001) написана, чтобы подписать приговор России как конституирующего центру евразийского региона. По его убеждению, в силу воздействия мощных внешних сил Запада и инициированной Западом глобализации, Россия оказалась сегодня на границе двух миров—мира традиционного геополитического мышления и мира глобализации. России предстоит выбор, и этот выбор должен быть в пользу сотрудничества с Западом:

«Россия находится на границе между постсовременным и современным и даже досовременным миром. Ей предстоит сделать выбор. Единственно рациональным было бы сосредоточиться на европейской идентичности России и организовать ее постепенную интеграцию в большую Европу ... четко выраженный проевропейский выбор, который способствовал бы модернизации страны и ее приспособлению к условиям мира XXI века ... России следует прежде всего “строить Европу” в своих собственных границах. Провал такой европейской интеграции будет означать для России ее маргинализацию и воз-

¹ «...Сегодня такой готовности у Запада нет, если понимать под ней наличие сколько-нибудь внятной стратегии. А нет ее в том числе и потому, что для Запада это такая же принципиально новая задача, как и для нас» (См. выступление Клямкина И. Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01. www.liberal.ru/sitan.asp?Num=33). См. также Ясин (Россия и Запад. Материалы дискуссии, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>). На это обращает внимание и А. Салмин «11 сентября Россия выбрала Запад, но он еще не выбрал ее» (Фонд Либеральная миссия. Россия в поисках стратегической позиции. 14.01.01).

можную дезинтеграцию. Отступление в “Евразию” больше не является реалистичной политикой» (319)

Согласно Тренину, Россия — принципиально европейская, а не евразийская страна, а следовательно и «роевропейский» выбор является для нее вполне естественным. В постсоветском пространстве Россия должна стать примером европейского развития. Вместо попыток стабилизировать Евразию или интегрировать ее в свои границы, Тренин предлагает России стратегию «творческого приспособления» к новым глобальным и региональным условиям. Нравится это России или нет, но Запад уже завоевал важные позиции в Евразии. Возможно для кого-то это и «тяжелая реальность», но наиболее правильным, по мнению Тренина, будет признать и приспособиться к ней. Альтернатива видится ему как постепенная «маргинализация» с утратой защитных поясов вокруг российских границ (283).

Проблемы Евразии Тренин предлагает решать при непосредственном участии Запада и, в частности, Соединенных Штатов, которые, по признанию Тренина, сегодня заменили Россию в качестве «окончательного судьи, защитника и донора» в постсоветском регионе (329). Русский язык остается для него единственным аспектом российского присутствия в постсоветском регионе (335); в остальном же отступление России из Евразии является для Тренина уже свершившимся фактом. Поэтому политический реализм требует, что Россия не претендовала ни на что большее, нежели ситуативное реагирование на конфликты этнического, экономического, политического и территориального свойства в регионе. Иными словами, России не предоставлено иного выбора, кроме как продолжать отступление из региона под воздействием растущего доминирования Запада. Если это и «приспособление», то квалифицировать его как «творческое» представляется немалым преувеличением. Эта позиция, несомненно, близка таким западным теоретикам, как Генри Киссинджера, Фрэнсис Фукуямы и Збигнев Бжезинский.

Книга Камалудина Гаджиева «Введение в геополитику» (2000) предлагает иное видение российских внешнеполитичес-

ких приоритетов. Гаджиев выходит за пределы философии приретенного сотрудничества с Западом и всерьез воспринимает необходимость выработки для страны стратегии евразийского присутствия, предлагая переформулировать само понятие геополитического пространства и рассматривать, наряду с территориальным пространством, «пространства экономическое, культурно-цивилизационное, информационное и т.д.» (41–42) В отличие от Тренина, Гаджиев рассматривает Россию в качестве ключевого государства центрально-евразийского местоположения и не связывает культурную идентичность России исключительно с Европой и Западом (321).

«Если в начале реформ для России курс на модернизацию означал ориентацию однозначно на “вхождение в Европу”, то осознание революционных изменений в области информационной и телекоммуникационной технологии, полицентричности современного мира, наличия в нем не одного, а многих центров, располагающих необходимыми нам знаниями, технологиями и финансовыми ресурсами, открывает гораздо более широкие возможности приобщения к мировому опыту и интеграции в мировое хозяйство, причем с учетом национальных интересов» (321)

Одновременно, Гаджиев выступает за понимание Евразии не только как геоэкономического, но и независимого политического и культурного пространства. По мнению автора «Введения в геополитику», роль России состоит не только в создании транспортного или коммерческого «моста» между Европой и Азией — концепция, защищаемая геоэкономистами — но и в соединении и умиротворении европейской и азиатской цивилизаций, а также в поддержании хрупкого этнического равновесия в регионе. После советской эпохи с сопровождающей ее относительной изоляцией, России предстоит заново сформулировать свои внешнеполитические цели и интересы и способствовать стабилизации региона, оставаясь при этом открытой различным экономическим и культурным влияниям (316–23). Тот факт, что Евразия пестра культурно и нестабильна политически, отнюдь не означает, что она обречена превратиться в поле битвы между раз-

личными этничностями и цивилизациями, как это предрекает сценарий «конфликта цивилизаций» Самуэля Хантингтона (400). Вместо этого, Евразия должна стать пространством взаимообогащающего диалога и экономического и политического сотрудничества¹. Иными словами, Гаджиев видит Евразию как открытое, но вместе с тем независимое политическое, экономическое и культурное пространство. При этом он видит необходимость для России сотрудничать как Западом, так и Китаем, Индией, Японией, Кореей и другими крупными государствами региона, ставя вопрос о формировании системы коллективной безопасности в Евразии и за ее пределами.

4. Будущее российского либерализма

Российский либерализм развивается как интересное и своеобразное направление международной мысли, общим достоинством которого является критика реалистских и изоляционистских тенденций в интеллектуальном и политическом дискурсе. Публикации либералов заметны в общем комплексе отечественной научной литературы по международно-политической проблематике. Либеральные авторы метко указывают на недостатки, присущие ряду реалистских подходов, такие как чрезмерное внимание к силовым факторам внешней политики и традиционной геополитике. Они правы и в выявлении новых явлений мировой политики, связанных с укреплением негосударственных акторов и изменением национального государства. Наконец, они справедливо отмечают возросшую необходимость управления мировыми процессами в эпоху глобализации, налаживания эффективного международного сотрудничества и борьбы с общими угрозами, наращивания усилий нашей страны по интеграции в эти мировые процессы.

Вместе с этим, в ходе споров либералов после распада СССР обнаружились некоторые принципиальные различия,

¹ Более подробно о российском восприятии тезиса Хантингтона см.: Цыганков и Цыганков 1998.

преодолеть которые не представляется возможным. Особенно глубоко разногласия западников-модернизаторов и национал-демократов, но в целом различие нередко проходит между модернизаторами и радикальными институционалистами, с одной стороны, и умеренными институционалистами и национал-демократами, с другой. На первом этапе после распада СССР, первая группа доминировала в интеллектуально-политическом дискурсе, а вторая после поражения Горбачева оказалась в оппозиции. Второй спор продолжается и поныне и проходит в условиях существенного ослабления модернизаторов и радикалов и—на фоне активизации реализма—при некотором оживлении национально-демократической и умеренно-институциональной мысли. Поражение первой группы лишь обнажило всю глубину противоречий внутри либерального стана.

Эти противоречия суммированы в таблице и демонстрируют всю трудность их преодоления. Такая трудность связана, прежде всего, с догматизмом мышления западников, нередко с порога отрицающих значимость некоторых принципиальных явлений современной мировой политики, как например, многополярность, суверенитет и многообразие. Вместо попыток творческого их переосмысления и переформулирования к современным условиям, они огульно отрицаются под видом наступления эры западной «глобализации».

Из сказанного можно заключить, что будущее российского либерализма туманно. Отмеченные разногласия слиш-

	<i>Модернизаторы и радикальные институционалисты</i>	<i>Умеренные институционалисты и национал-демократы</i>
<i>Мировой порядок</i>	Западноцентричен	Плюралистичен
<i>Суверенитет и нац. интерес</i>	Все менее значим	Значим, но должен быть переформулирован
<i>Внешипол. ориентации</i>	Прозападность	Многовекторность

ком серьезны и не могут быть преодолены по крайней мере до тех пор, пока не наметятся серьезные перемены в позиции самого Запада. До тех пор, пока основной тенденцией в поведении стран Запада и, прежде всего, США остается вера в непогрешимость западноцентричного пути развития и недопущение вариативности исторического развития, отмеченные разногласия непреодолимы, а выработка единой платформы невозможна. Такова драма, хотя и не трагедия, современного российского либерализма.

Что касается будущего российского либерализма, то нам представляется, что гораздо большими перспективами развития обладают представители второй группы, стремящейся переосмыслить вариативность мирового развития, не отрицая его под предлогом наступившего торжества западной рыночной демократии. Их главная задача состоит в том, чтобы и дальше последовательно двигаться в этом едва наметившемся направлении, не скатываясь при этом на позиции реализма. Не менее важна, однако, и последовательная критика западничества, нередко демонстрирующего нетерпимость в политике и догматизм в теории. Несомненно, что для этого потребуется мобилизация значительных интеллектуальных усилий.

Эти усилия только начинаются, но в перспективе могут получить немалую поддержку в обществе. До тех пор пока Запад пусть вяло, но сотрудничает, а не бомбит, социальная база реализма и изоляционизма будет условной и неустойчивой. В России крепнет средний класс, выступающий против милитаризма и конфронтации с внешним миром, с одной стороны, и за внутреннее обустройство на национально-демократических и суверенных началах, — с другой. К среднему классу российского традиционно «левого» общества принадлежит не только средний и мелкий бизнес, но и слои государственной бюрократии и работники государственных предприятий, готовые поддержать значительное участие государства в национально-демократическом строительстве.

Литература

- Адамишин А.Л. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. 2002. №1 (ноябрь/декабрь). С. 12-19.
- Барabanов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество. // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 31-53.
- Барановский В.Г. Международные организации как механизмы регулирования международных отношений // Современные международные отношения. М., 1999. С. 220-259.
- «Большая восьмерка»: возрождение лидерства // Россия в глобальной политике. 2003. Том 1. №2 (апрель — июнь). С. 165-193.
- Борко Ю.А. Проблема национального суверенитета: опыт европейской интеграции // Космополис. Алманах. М., 1999. С. 67-71.
- Внешняя политика России: поиск стратегии. Материалы круглого стола в Фонде «Либеральная миссия», 30.07.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>.
- Воскресенский А.Д. «Третий путь». Внешняя политика России перед выбором // Свободная мысль. 1999. № 5. С. 40-55.
- Гаджиев К.С. Россия: региональная или мировая держава // Место и роль России в трансформирующейся системе мо. Москва — Нижний Новгород.
- Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2.
- Давыдов Ю.П. Демократия, демократизация и проблемы войны и мира. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия. В 4 т. Том II. Исследования. М., 2002. С. 57-69.
- Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002.
- Загладин Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1.
- Загорский А.В. Внешнеполитические процессы в СНГ // Современные международные отношения. М., 1999. С. 516-537.
- Иноземцев В.Л. Страшно далеки они... от реальности // Россия в глобальной политике. 2003. Том 1. №2 (апрель — июнь). С. 210-217.
- Каменская Г.В. Внешнеполитический выбор России: мнение российского общества // Место и роль России в трансформирующейся системе мо. Москва — Нижний Новгород, 2002.
- Кандель П.Е. Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы. // Pro et Contra. 2001. № 6.
- Капустин Б.Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 13-38.
- Караганов С.А. Шансы и угрозы нового мира // Россия в глобальной политике. 2003. Том 1. №2 (апрель — июнь). С. 10-21.
- Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис. 1995. № 1. С. 97-98.
- Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности. // Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения. М., 2001. С.10-34.
- Концепция национальных интересов: общие параметры и российская

- специфика // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7. С. 59-69; № 8. С. 78-84; № 9. С. 69-82
- Кортунов С.В.* Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77-94.
- Красин Ю.А.* Национальные интересы: миф или реальность? // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 3-12.; Национальные интересы во внешней политике России // Международная жизнь. 1996. № 3. С. 3-23.
- Кременюк В.А.* США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными. // нешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия. В 4 т. Том I. Исследования. М., 2002. С. 482-496.
- Кувалдин В.Б.* Глобализация: рождение мегаобщества. // Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения. М., 2001. С. 70-75.
- Кувалдин В.Б.* Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 31-98.
- Кулагин В.М.* Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития // Полис. 2000. № 1. С. 23-37.
- Лебедева М.М.* Дипломатия России: что впереди? // Международная жизнь. 1992. № 2. С. 94-99.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* «Переходный возраст» современного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия. В 4 т. Том I. Исследования. М., 2002. С. 66-75.
- Луков В.Б.* «Большая восьмерка» в современном и будущем мире // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 48-60.
- Мельвиль А.Ю.* Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия. В 4 т. Том I. Исследования. М., 2002. С. 330-339.
- Михеев В.В.* Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 49-64.
- Нарочницкая Н.И.* Национальный интерес России // Международная жизнь. 1992. № 3-4. С. 114-123.
- Национальные интересы во внешней политике России // Международная жизнь. 1996. № 3. С. 3-23.
- Национальный интерес (заочный «круглый стол») // Полис. 1995. № 1. С. 79-120
- Национальный интерес versus государственный интерес: теоретические понятия и политическая реальность. Круглый стол // Полис. 2000. № 1.
- Неккесса А.И.* ORDO QUADRO — Четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия. В 4 т. Том I. Исследования. М., 2002. С. 126-143.
- Никитин А.И.* Миротворческие операции: концепция и практика. М.: МОНФ, 2000.
- Пантин В.И.* Россия в неустойчивом мире: вызовы и проблемы // Место и роль России в трансформирующейся системе международных отношений. Москва—Нижний Новгород, 2002.
- Пастухов В.Б.* Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1. С. 92-96.

- Перевалов В.П.* Соотношение государства, нации и народа в европейской истории Нового времени // Полис. 1995. № 1. С. 105-106.
- Печатнов В.О.* Американско-центристский мир и его последствия для России // Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001. С. 457-468.
- Политический дискурс: национальный интерес // Полис. 1997. № 1.
- Преображенная Россия в новом мире. Научно-практическая конференция МИД РФ (26-27 февраля 1992 года) // Международная жизнь. 1992. № 3-4.
- Россия и Запад. Материалы дискуссии, организованной Фондом «Либеральная миссия» совместно с Московским центром Карнеги. 28.06.2001. // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=115>.
- Салмин А.М.* Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка. // Полис. 1993. № 4. С. 6-14.
- Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок. // Полис. 1999. № 2. С. 9-31.
- Салмин А.М.* Россия в новом европейском и мировом порядке // Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001. С. 50-70.
- Сергеев В.М.* Государственный суверенитет и эволюция системы международных отношений // Космополис. Альманах. 1999. С. 27-31
- Сергеев В.М.* Экономические центры силы на пороге XXI века // Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001. С. 224-230
- Согрин В.В.* Новая идеология для России: драма из современной истории // МЭ и МО. 1993. № 10. С. 5-16.
- Тренин Д.В.* Третий возраст: российско-американские отношений на пороге XXI века // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2. С. 7-19.
- Федоров Ю.Е.* Движущие силы внешней политики Российской Федерации // Современные международные отношения. М., 1999. С. 457-483.
- Федоров Ю.Е.* Критический вызов для России // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 5-27.
- Фурман Д.* Внешнеполитические ориентиры России // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1995. № 12 (42).
- Хрусталева М.А.* Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис. Альманах. 1999. С. 48-51.
- Цыганков А.П.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А.
- Чешков М.А.* 2002. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 — 2002. Хрестоматия в четырех томах. Том I. Исследования. М., с.114-126.
- Шейнис В.Л.* 2003. Национальные интересы и внешняя политика России. // МЭ и МО, № 4.

Россия и новый миропорядок в отсутствие левой альтернативы

1. Левая альтернатива и мир XX века

Мир XX века сложился и эволюционировал под определяющим влиянием левой альтернативы. Возникнув изначально в Европе еще в конце XVIII столетия, эта альтернатива к новейшему времени включала широкий спектр политических и интеллектуальных течений — от респектабельно-умеренной социал-демократии через набор компартий разной степени радикальности до экстремистских троцкистов, национал-социалистов и маоистов.

По-разному складывалось на протяжении XX века и ее влияние. Напугав старый либерально-консервативный Запад чередой революций, отчасти успешных (прежде всего в России, но затем в Германии 1933 и в Китае 1949 г.), крайние левые не только изменили политическую карту мира, но и раскрыли беспрецедентные политические возможности для социал-демократии и социал-реформизма в странах Западной Европы.

Политический и интеллектуальный вызов левой альтернативы (и создаваемых ею опасностей для правого либерального консерватизма) были столь велики, что побудили даже США повернуть в русло «нового курса» — политики, от практического наследия которой не рискует с 1930-х гг. отказаться ни одна администрация этой страны. Ф.Рузвельт в США и А.Гитлер в Германии стали первыми государственными лидерами, по итогам «великой депрессии» вынужденно пришедшими к воплощению кейнсианских идей первый — ради

искоренения левого экстремизма в США (что было успешно сделано), второй — для ликвидации социоэкономической базы коммунистов, главных своих конкурентов в Германии (что тоже до поры удавалось).

К последней трети XX века левая альтернатива (в схватке СССР и Германии) определила итоги Второй мировой войны, расколола мир по политико-идеологическому признаку на остро конфронтировавшие Восток и Запад, вызвала к жизни ядерный паритет между двумя сверхдержавами и добилась таких успехов в социальном реформировании Западной Европы и даже США, что стимулировала ими стремление коммунистов свернуть на путь реформ, де-факто воспроизводя подходы и методы социал-демократизма. Китай сворачивает на этот путь в 1978 г. и пока успешно продолжает движение по нему. СССР, ранее подавивший аналогичные порывы Венгрии (1956), Чехословакии (1968) и Польши (1981), необратимо рассорившийся по этой причине с компартиями стран Западной Европы, вынужден сам начать внутренне реформы с середины 1980-х гг.

Начало глобализации стимулировало глубокий и длительный кризис левой альтернативы. Социал-демократия заметалась между необходимостью дать ответ на проблемы растущего разрыва между Севером и Югом, идеологией устойчивого развития планеты и требованиями поддержания достигнутых уровня и качества жизни в странах Запада. Коммунизм разделился на три политических течения — советское, китайское и западноевропейское — погруженные каждое в решение сугубо собственных проблем, минимально связанных с проблемами глобализирующегося мира. Левацкие радикал-экстремистские группировки заявлениями и действиями компрометировали левую альтернативу в целом и, как всегда, не видели иного ответа на новые явления и тенденции в своих странах и мире, кроме насилия.

Распад СССР стал апофеозом кризиса левой альтернативы (но никак не его прекращением). Левые идеологии всех направлений не только получили тяжелый стратегический удар: со всей очевидностью выяснилось, что левая альтерна-

тива давно стала «партией статус-кво», борющейся за сохранение позиций конкретных партий в конкретных странах, будь то в СССР, Китае, Европе или государствах «третьего мира», но слабо подготовленная к политической деятельности в условиях глобализирующегося мира.

Сложилась уникальная ситуация: международная система вступила в XXI век с политически едва заметным присутствием левой альтернативы. Ключевую роль в постсоветском мире играют США, в политико-идеологическом отношении страна либерально-фундаменталистская. В России левая альтернатива политически отсутствует: коммунисты для России — партия ретроспективы, советского консерватизма; социал-демократические партии стабильно остаются среди политаутсайдеров. Сдержкой и противовесом либеральному фундаментализму впервые оказывается фундаментализм исламский (как бы этот факт ни скрывался за логотипом «борьбы против международного терроризма»).

Какую роль это сыграет в динамике мирового развития? Возродится ли левая альтернатива и вернет мировую политику в рационалистическое центристское русло, или международным отношениям суждено пережить еще одну эпоху неорелигиозных войн и конфликтов? Какой будет роль России в политико-идеологическом спектре глобального мира?

2. Распад советской модели: крах или эволюция?

Отсутствие в высшем советском руководстве ясного понимания того, какие именно реформы и для чего необходимы (конфликт подходов Ю.В.Андропова и М.С.Горбачева) и, как следствие, неспособность советской политической элиты — высшей номенклатуры — сделать преобразования фактором собственного единения, а не разобщения и взаимного антагонизма, стали главной (но не единственной) причиной распада СССР.

Важную деструктивную роль сыграла также практически полная неразвитость структур общества и резкий дефицит

всех видов обратных связей в треугольнике «общество — государство — правящая партия». В демократических странах такие структуры гражданского общества и связи между ним, бизнесом и государством дают возможность обществу, его политически активным слоям выражать свои взгляды, интересы и контролировать их обеспечение государством, а государству — заинтересованно и добросовестно служить обществу, при необходимости осуществляя по отношению к нему функции политического лидера. Они позволяют своевременно формулировать новые идеи и подходы, вырабатывать меру согласия по вопросам внешней политики внутри элит, в отношениях между самими элитами, элитами и обществом, причем такое взаимодействие носит двусторонний характер. В СССР подобное было просто невозможно, да и не нужно; обратные связи (особенно выстраиваемые «снизу») десятилетиями целенаправленно выкорчевывались.

Военно-экономическое соперничество с Соединенными Штатами и НАТО, непосильное в «лобовом» его варианте для советской экономики на длительном (30 и более лет) отрезке времени; предельная засекреченность всего и вся; отсутствие эффективной системы обратных связей между партией и государством, государством и обществом, внутри самого государства; простор для ведомств навязывать свои интересы и решения, прикрывая их именем и властью КПСС и Политбюро; ряд других факторов — все это способствовало формированию в СССР на протяжении 1950–1960-х гг. военно-идеологического комплекса, значение которого в жизни страны, в ее внешней политике мало исследовано. Суть последнего состояла в том, что во всех силовых ведомствах и в оборонной промышленности существовала разветвленная система политорганов, формально осуществлявших контроль КПСС над этими структурами. На деле же политорганы почти неизменно разделяли ведомственные позиции и де-факто выполняли роль своего рода параллельной партии, следившей значительно более рьяно, чем КПСС, за идеологической чистотой общества. Они блюли эту чистоту, поддерживая высокий накал «борьбы с империализмом», другими словами, подстегивая гонку вооруже-

ний и напряженность в международных отношениях. Конечно, было бы упрощением сводить все только к отстаиванию узкокорыстных, ведомственных интересов. Но следствием стала сакрализация военно-идеологического комплекса, выходящих из его недр оценок, разделяемых им позиций, всей его деятельности, что имело далеко идущие последствия для внешней политики и развития страны.

Военно-идеологический комплекс оказался в главном проигрыше от перестройки. Впервые за весь послевоенный период он утратил былое влияние на формирование внешней политики, все чаще оказываясь перед лицом свершившихся фактов. Идеологи и лидеры перестройки не видели специальной проблемы в военно-идеологическом (в отличие от военно-промышленного) комплексе, не искали путей ее решения. Внутренние преобразования, оставившие внешнюю политику реформирующейся страны без ее социальной базы, обрекали на поражение сами реформы и государство, которое должно было бы перехватить у КПСС властное наследие. Неудивительно, что силовые структуры, включая КГБ, так легко перешли на сторону России, а не пошли по пути развязывания конфликта югославского типа — войны между СССР в лице его союзного Центра и Россией.

Распад СССР состоялся прежде всего в результате *смены ориентации элит*¹. Идеино-политические ориентации элит проделали особенно значительную эволюцию в 1990-е годы². К началу перестройки КПСС де-факто состояла из четырех фракций³. «Государственническую» идеологию по-своему разделяли неосталинисты, сопротивлявшиеся любым переменам; реформаторы, ностальгировавшие по Пражской весне 1968-го и «социализму с человеческим лицом»; те, кто связывал буду-

¹ Об эволюции постсоветских элит см.: Афанасьев 1996, 1997; Магомедов 1998а, б; Рывкина 1999; О внешнеполитической элите России см.: Попов 1994; Косолапов 2001.

² Анализ идеино-политического спектра постсоветской России, его влияния на содержание и направленность внешней политики см., в частности: Уткин 1995; Шаклеина 1997, 2002

³ См. об этом: Яковлев 1991. Гл. 1.

щее страны с возвратом партии в русло европейской социал-демократии, откуда она ушла в 1903 г. Четвертую, оппортунистическую, фракцию образовывали те, для кого членство в КПСС было лишь пропуском во власть, к высокому статусу и карьере. Именно эта фракция, видимо, и составляла большинство в советской номенклатуре начала 1980-х; первые три были в явном меньшинстве и порознь, и вместе.

Вопреки широко распространенным мифам, борьба в СССР со времени необратимой недееспособности Л.И.Брежнев (1979), а затем и в России до конца 1990-х гг. шла не между коммунизмом (старым) и либерализмом (для России якобы новым), а между разными вариантами нового для тогдашнего общества, что предполагало ответ на вопрос о путях реформирования советской модели: путем внесения больших или меньших корректив в существовавшую практику, возвращения к социал-демократии или отказа от социалистической идеи в пользу капитализма? Победили сторонники скорейшего обзаведения частной собственностью, что могло быть достигнуто в кратчайшие сроки лишь разделом собственности бывшего СССР. Для этого требовалось прикрыться идеями и лозунгами либерализма и антикоммунизма. Победил материальный интерес, а не идеология.

Низвержение КПСС лишило реального политического смысла споры и столкновения в коммунистической среде: неосталинисты, социал-демократы и сторонники «китайского пути» оказались равно неактуальны. Но и «чистые» антикоммунисты в дальнейшем политически не преуспели ввиду исчезновения идейного противника с арены власти. Либерализм в понимании его российских интерпретаторов оказался лишен сопутствующих ему на Западе исторических традиций, этики, общественных институтов и фактически низведен до уровня социал-дарвинизма, что уже к середине 1990-х спровоцировало явление опасного отчуждения между обществом и властью. Обращение к национализму и православию как идейным знаменам в многонациональной и поликонфессионально-атеистической стране усилило негативные для власти тенденции. Национализм в бывшей империи увеличивает вероятность

неоимперства, обращения к геополитическому взгляду на мир. Мода на геополитику стала в первой половине 1990-х диагнозом идейного состояния власти и элит России.

Перестройке воспрепятствовали логически дополнявшие друг друга усилия тех лиц и групп внутри бывшего СССР, кто справедливо видел в начатых ею переменах угрозу своим позициям и власти, и тех сил в США и Западной Европе, которые полагали вызовом и угрозой для себя потенциальное расширение географии влияния Социнтерна как в сторону Латинской Америки, так и в Евразию, где Москва готовилась встать на путь реформ, по целям и сути аналогичных осуществляемым с 1978 г. в Китае. Делая выбор в пользу социал-реформизма, СССР тем самым объективно вмешивался в спор между американским (в единстве его северной и южной частей) и евроконтинентальными вариантами капитализма, все более очевидно обострившийся по мере продвижения глобализации. Дестабилизация же, без которой не обходятся никакие реформы, во все времена порождала у оппонентов искушение ослабить потенциального противника¹.

Была ли идея социализма социально наивной? Бесспорно, но не больше, чем любая иная концепция, в основе которой лежит нравственное неприятие античеловечности реальных условий, коль скоро они таковы. Была ли она сама по себе вредоносной? Ничуть. Руководствуясь этой идеей (и советским примером, как не надо ее претворять в жизнь), социал-демократы, социал-реформистские партии и силы Европы за полвека превратили западную часть континента в непревзойденную и поныне обитель социальной и правовой защищенности человека. Вряд ли корректно, оставаясь на позициях научной объективности и просто верности фактам,

¹ Стратегия США, ориентированная на подрыв СССР, сыграла немаловажную роль. Используя выражение Сигала, американская концепция безопасности не была «безопасностью через сотрудничество» (Sigal 2000). Можно ли было, глубоко реформировав, но сохранив СССР, гарантировать такое его взаимодействие с Соединенными Штатами, которое обеспечивало бы максимально возможный уровень безопасности обоим государствам, продолжает оставаться политически деликатным и важным вопросом.

считать политику западно-европейских социал-демократов и социал-реформистов несоциалистической.

Противоречие, острие которого обозначила перестройка, носило системный характер и было связано не столько с конкретными именами и личностями, сколько с исторической неизбежностью кризиса окостеневшей советской модели и, независимо от нее, но в тесной связи с ее судьбой, левой альтернативы в целом. Попытки осуществить гипотезу социализма не могла рано или поздно не столкнуться с таким кризисом. Правомерный вопрос, однако, — является ли этот кризис началом агонии социалистической идеи, или же левая альтернатива успела исторически закрепиться и все происходящее с рубежа 1980-х окажется в итоге родовыми муками новой ее мутации. Ответить на этот вопрос может лишь время.

3. Становление постсоветского (глобального) миропорядка

Прекращение СССР стало завершением миропорядка, заложенного лидерами СССР, США и Великобритании на встречах 1943–1945 гг. Возникшее после 1992 г. мироустройство — т.н. «однополярный» или США-центричный мир — формального закрепления пока не обрело и, в отличие от версальско-вашингтонской системы после Первой или ялтинско-потсдамской после Второй мировых войн, *миропорядком в строгом смысле этого слова не является*. Оно отражает фактические вес и место США в современном мире, равно как интуитивный прогноз сохранения (а возможно, и относительного укрепления) роли США в обозримом будущем. Но это мироустройство не закреплено в системе специальных международных соглашений, в реформе существующих и/или создании новых международных институтов, или хотя бы в неформальных, но де-факто универсальных и признаваемых новых «правилах игры». Отсутствие в мире держав и союзов, готовых и способных хотя бы только обозначить вызов весу в нем США, само по себе еще не тождественно ни всеобщему при-

знанию «глобального программирующего лидерства» США¹ как будущего миропорядка, ни тем более его институционализации.

Порядок есть подчинение реальности представлениям, интересам, ценностям, ожиданиям, стремлениям, воле человека. В отличие от стихийно складывающихся положения, социального устройства, порядок всегда произведен от стремления людей организовать свое бытие тем или иным, наиболее для них предпочтительным образом. Миропорядок в этом смысле есть желание и способность государств и их элит организовать неким образом структуру международных отношений и — на этой основе — повседневную международную жизнь в важнейших областях и направлениях. Специфика постсоветского миропорядка (если и когда он возникнет) в том, что он объективно призван стать первым опытом миропорядка глобального — или не состояться в этом качестве и тем самым положить политический предел глобализации. Каким бы он в конечном счете ни оказался, будущий миропорядок еще предстоит создать политически либо навязать фактически, причем то и другое — процесс сложный, длительный, со своей внутренней логикой, и его долговременный результат не может быть гарантирован априори.

Основные элементы

Основными компонентами постсоветского мироустройства на сегодняшний день являются, во-первых, смысл и содержание международных отношений; во-вторых, формационная и цивилизационная основы существующего мироустройства; в-третьих, его политико-организационный тип и наконец, в-четвертых, его политико-идеологические основы.

(1) Важнейший *смысл и содержание* новой, постсоветской системы международных отношений — в спаде (прекращении?) противостояния внутри еврохристианской цивилиза-

ции и переходе к открытой фазе противостояния западной части этой цивилизации с остальным миром. С одной стороны, две ветви христианства — западная и восточная, католическая и православная, — не примирились окончательно, но и не враждуют с былыми ожесточением и страстью, не настраивают друг против друга паству и часто даже вступают в диалог. Перестал быть воинствующим атеизм, и даже коммунисты допускают ныне в свои ряды верующих; а социально-экономические положения некоторых папских энциклик малоотличимы от позиций социал-демократии. Естественно, глубокие различия между названными идеологическими системами остаются; однако они уже не служат более водоразделом, неумолимо раскалывавшим Европу и весь еврохристианский мир на враждующие и взаимно непримиримые группировки. То, что когда-то было в Европе политической нормой, стало теперь уделом фундаменталистов. И в цитадели либерализма США, и в среде современных коммунистов вызрело понимание необходимости поиска и различных форм гармонизации общественного и индивидуалистического начал. Идеологии не «поступились принципами»; но практика давно продиктовала необходимость дополнения рынка государственным регулированием экономики, социальными программами и планированием на уровне стратегии корпораций и долговременных целевых программ государства.

С другой стороны, центральным в происшедших в мире переменах является вовсе не прекращении ядерной конфронтации, поскольку ракетные и ядерные вооружения никуда не исчезли, а напротив, расползаются по планете. Идеологическое успокоение, конец политического и военного противостояния внутри еврохристианской цивилизации означают то, что Запад и прежде всего США, вышедшие из противоборства внешне вроде победителями, отныне лишены «внутреннего врага» в собственном доме и остаются один на один с прочим миром. При этом социальное и экономическое деление на «золотой миллиард» и далеко отстоящее от него большинство человечества почти совпадает с цивилизационным, этноконфессиональным, военно-политическим размежева-

¹ Анализ этого явления см. в: *М.А.Троицкий*. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // *Pro et Contra*. Осень 2002. Том 7, №4. С. 86-103.

нием современного мира на Запад (в широком смысле этого понятия) и остальные народы, цивилизации, страны. Граница между Центром и Периферией, постиндустриальным и существенно менее продвинутым мирами проходит по тому же водоразделу.

(2) Определились и *формационные и цивилизационные основы* современного миропорядка. С формационной точки зрения это капитализм (частнособственническая формация; либеральная или же социально ориентированная рыночная экономика — все эти понятия означают по сути одно и то же). Цивилизационно или культурно это складывавшийся на протяжении двух тысяч, но особенно пятисот последних лет мир белого человека: по менталитету, культуре, политическим и общественным ценностям, образу жизни — всему. На данный момент современный мир — вершина развития западной (еврохристианской) цивилизации и ее влияния как в позитивном, так и в отрицательном смыслах. Помимо прочего, такое положение означает, с одной стороны, резкий рост ожиданий, что Запад захочет и сможет эффективно сотрудничать с остальными государствами в решении глобальных проблем. В конце концов, именно Запад (еврохристианская цивилизация, капитализм) создал современный мир; следовательно, именно он в первую голову несет ответственность за все несовершенства, проблемы, пороки этого мира. С другой стороны, Западу с течением времени будет все сложнее оправдывать и удерживать фактическую привилегированность своего положения, особенно если в решении глобальных проблем не произойдет заметных изменений к лучшему. Причем если раньше накопление таких проблем с натяжкой, но можно было объяснять «угрозой мирового коммунизма» или (с другой стороны) «происками империализма», то ныне убедительного объяснения отсутствия прогресса в их решении пока не видно.

(3) *Политико-организационный тип* постсоветской системы международных отношений можно охарактеризовать как зародышево-авторитарный (бесспорное доминирование, но не господство Центра, в нем — Запада, а в нем — США), за-

камуфлированный под олигархический (G7/G8). Это тип, не оформленный до конца, потому что ни США, ни даже Запад в целом не управляют всем ходом мировой экономики, политики, развития. Но это тип уже зарождающийся, потому что объективное положение Запада в мире и США в пределах самого Запада, а также отношений по формуле Центр-Периферия предполагают известную иерархичность и авторитарность. Усиление роли НАТО и все более откровенное стремление США после 11 сентября 2001 г. поставить их интересы выше международного права, ООН и ее Совета Безопасности также указывают в направлении нарастающего авторитаризма. Закамуфлированный под олигархический, но не олигархический в чистом виде потому, что в группе G8 резко различаются вес и возможности США, с одной стороны, и всех прочих участников группы, с другой.

Авторитарность постсоветской системы международных отношений зримо контрастирует с парадоксальным демократизмом предшествующей системы. В условиях советско-американских конфронтации и ядерного паритета, когда на протяжении примерно трех десятилетий чаша весов не склонялась зримо ни в одну сторону, получили возможность развиваться ряд процессов, демократических по содержанию и направленности. Ликвидация колониализма, появление в ООН десятков новых членов, заметно возросшие политический вес и роль стран «третьего мира» в ООН и международных отношениях, Движение неприсоединения, «группа 77», целая плеяда региональных организаций — все это стало возможным в то время. Каковы бы ни были мотивы двух сверхдержав, объективным итогом их действий и созданного ими миропорядка стала глубокая демократизация мировой политики и международных отношений на протяжении 1960-х — 1980-х гг. Если бы не эта демократизация и не мера достигнутой ею глубины, мирный самораспад одной из сторон ядерной конфронтации оказался бы невозможен.

(4) *Политико-идеологические основы* постсоветской системы международных отношений определяются отсутствием в современном мире, западной его части и в России реальной левой

альтернативы. Неверно изображать дело таким образом, будто с распадом советской системы произошли «крах коммунизма» и соответственно окончательная «победа либерализма»¹. «Коммунизм» сохранился в Китае, где живет каждый пятый человек на планете; на Западе под влиянием социалистической идеи продолжаются социал-реформизм и полемика с либерализмом. В действительности спор с либерализмом далеко не окончен. Тем не менее, на данном отрезке истории политический спектр современного мира (включая компартии) смещен в сторону либерализма в его фундаменталистской интерпретации. Особенно патологический характер такое смещение, отсутствие нового целостного видения современного мира и дефицит левой альтернативы приняли в пореформенной России. Отсутствие левой альтернативы обедняет спектр политических идей и путей решения современных международных задач. Оно делает все более вероятным длительный период скольжения по пути традиционных подходов, чреватый взрывоопасным накоплением нерешаемых проблем и противоречий. Нельзя забывать, что коммунизм возник и укрепился на социальных проблемах, рожденных классическим либерализмом.

Переход от постсоветского миропорядка

Если верно, что установившаяся система международных отношений переходна, то когда следует ожидать появления признаков более устойчивого миропорядка? По-видимому, период условно до 2010-2012 гг. — слишком короткий срок, чтобы в мире успели произойти новые радикальные сдвиги. Нынешнее мироустройство в основном сохранится (см. подробнее: Косолапов 2002, 2004). Альтернатива капитализму, его идеям и ценностям пока не просматривается. Западная цивилизация продолжит свое доминирование, ни одна страна или группа стран не приобретет способности конкурировать с США. Однако мироустройство будет развиваться и,

¹ Известный тезис Ф.Фукуямы о «конце истории», психологически поразительно схожий с известным «в коммуне остановка» — с той лишь разницей, что для Ф.Фукуямы «остановка» не впереди, а уже в прошлом.

скорее всего, в направлении консервации статус-кво, выгодного лишь уже успевшим преуспеть.

Однако в более отдаленной перспективе (за пределами 2015 г.) постсоветская система международных отношений должна будет измениться по причинам, отчасти зримым уже сейчас. Это:

- объективная невозможность для США неопределенно долгое время сохранять в неприкосновенности первооснову своего лидерства в мире — роль доллара в мировой экономике, особенно если военная вовлеченность США в мире будет возрастать;
- завершение эпохи «мира белого человека» и перемещение исторических споров в цивилизационную сферу (не вытесняя, но дополняя формационные факторы);
- выживание экологически целостного мира требует созидания его политической целостности, что изменит международные отношения как де-факто политическую организацию человечества (в противном случае природа найдет массу способов отбросить назад зарвавшегося человека и его неадекватные образы жизни и хозяйствования);
- сопротивление становлению такой целостности «аукнется» резким торможением мирового развития, что потребует новых более радикальных решений;
- дальнейшее развитие технологии потребует повышения надежности ее социальных и государственных систем поддержки (прежде всего в сферах безопасности и надежности энергоснабжения), что также будет способствовать изменению системы международных отношений.

Особую роль в стимулировании таких изменений может сыграть глобальный кризис, аналогичный кризису 1929-1932 гг., вероятность которого продолжает расти. Основными движущими силами станут таким образом два основных противоречия: во-первых, противоречие между США и наиболее динамично развивающимися странами, которые со временем начнут претендовать на новый вес в международной системе; во-вторых, противоречие между потребностями глобаль-

ного управления международными процессами и дефицитом готовности к этому. «Столкновение цивилизаций» по Хантингтону может оказаться следствием углубляющегося разрыва между беднейшими и наиболее богатыми странами и формой конфликта внутри богатой части мира. Критическим, вероятно, станет отрезок примерно с 2012 до 2025 гг., когда нынешняя система международных отношений, оставаясь принципиально прежней, развернется к новому ее качеству подобно тому, как на рубеже 1960-х гг. ялтинско-потсдамская система оказалась дополнена и видоизменена системой ракетно-ядерной конфронтации, сохранявшейся до конца 1980-х гг. Проблемы человечества, задвинутые на задний план Холодной войной — перенаселенность, экологии, регулирования мировой экономики, дефицита развития — все увереннее заявляют о себе. За пределами 2025 г. игнорировать эти проблемы станет скорее всего невозможно.

4. Роль России

Основная проблема России — найти стратегию и силы такого обновления общества и государства, которое позволило бы сохранить целостность страны в условиях глобализации и обеспечило бы ей место и роль в мире, нравственно и политически достойные, отвечающие интересам и целям развития страны, а не изматывающие ее в погоне за идеологическими химерами.

Ложные и истинные дилеммы России

В отечественных рассуждениях о грядущем месте России в мире четко обозначились и доминировали на протяжении 1990-х гг. две крайности, которые можно обозначить «Россия — великая держава» и «Россия — гиблая страна». Сторонники первой полагали, что из смутного времени перестройки и либеральных реформ Россия выйдет возрожденной и упрочит свое положение великой державы или даже сверхдержавы в мире. Эта позиция отстаивается идеологами геополитики, прямыми преемниками военно-идеологического комплекса

бывшего СССР (Косолапов 1996). Однако ни одна из объективных тенденций мирового и отечественного развития не указывает пока в этом направлении, а погоня за «великодержавностью» как таковой способна сделать окончательно и необратимо неконкурентоспособными в мире российские экономику, общество и государство. В современной системе международных отношений место великой державы принадлежит России по итогам Второй мировой войны, все менее актуальным, и по признаку обладания ядерным оружием. Но по многим объективным параметрам (кроме запасов ядерного оружия) Россия — развивающаяся страна, притом даже не входящая в группу наиболее развитых из развивающихся. На протяжении 1990-х она все более закреплялась в этом качестве.

Адепты второй, крайне пессимистически оценивая внутреннее состояние и направленность развития страны, исходят из того, что никому в мире Россия и ее ресурсы не нужны, все ниши в мировой экономике заняты¹, а потому будущее страны — в средней части «третьего мира», не выше. Но природные богатства России рано или поздно будут востребованы мировой экономикой вследствие общего истощения невозобновимых ресурсов планеты. Принципиально важно, однако, произойдет ли это в условиях, когда государство и страна будут нужны собственным народу и его элитам, а не только внешнему миру; или когда отчуждение между обществом и государством, народом и элитами зайдет настолько далеко, что в грязи на дороге будут валяться не только российская власть, но и территория с ее ресурсами. Между тем элиты России вели себя на всем протяжении XX в. так, будто были и остаются уверены в своей способности существовать и благоденствовать без страны и народа.

У проблемы востребованности российских ресурсов внешним миром есть иная грань: после тридцати с лишним лет

¹ В наиболее откровенной форме эта концепция была однажды сформулирована бывшим вице-премьером РФ и бывшим главой Госкомимущества РФ А. Кохом: «...мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. ...Оно самодостаточно... И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна». См.: «Новая газета». 2 ноября 1998 г. С. 5.

жизни на нефтедоллары уже бесспорно, что проедание природных ресурсов, будь то нефти, газа или чего угодно еще, способно лишь обречь страну на нарастающее отставание и зависимость от внешнего мира. Достойное место в мире, в чем бы оно ни выражалось, может быть результатом только созидательных усилий. Не случайно Центр современного мира образуют постиндустриальные и промышленно развитые страны, а не те, кто получает хорошие доходы от энергоэкспорта. Иными словами, поиск места в мире, не подкрепленный практически-ориентированной стратегией, угрожал бы снова сделать страну и общество, национальную безопасность России заложниками химер и ничем не обоснованных амбиций.

Стратегия регулирования

Альтернатива такому положению — вписывание России (путем сочетания внутренних реформ, укрепления государства, дальновидной и прагматической внешней политики) во внутриглобальные отношения и мировую экономику исключительно в целях национального развития. Объективное состояние страны диктует комплекс первостепенных долговременных задач, слабо зависящий от того, какие политические силы будут находиться у власти в РФ в тот или иной период. Основные из этих задач — сохранение страны; удержание эффективного контроля над ее территорией, ресурсами, экономикой; преодоление сопротивления тех внешних сил, что не заинтересованы в становлении сильной и влиятельной в мире России.

Процессы, запущенные ставкой на ликвидацию бывшего Союза, не исчерпают себя, пока не завершатся расчленением самой РФ или не будут абортированы политически. Задача сохранения страны предполагает удержание целостности государства территориально, но еще более содержательно: формула «суверенитет в суверенитете» способна привести к положению, когда в международно-правовом смысле территориальная целостность РФ была бы соблюдена; но содержательно страна могла бы оказаться фактически поделенной на замкнутые, отгороженные друг от друга экономическими и таможенными барьерами анклавы.

Задача контроля над территорией, ресурсами, экономикой имеет два аспекта: внутренний и внешний. Во внутреннем отношении это проблема дееспособности и эффективности федеральной власти на всей территории РФ. Следует заметить, что фактический контроль над ресурсами, экономикой и территорией не обязательно должен носить формально-государственный характер, и что во многих случаях контроль неформальный способен оказаться намного действенней. Во внешнем плане это предотвращение установления контроля иностранных государств и финансово-экономических группировок над российскими территорией, ресурсами и экономикой через механизмы международных финансово-экономических отношений или иными путями.

Преодоление сопротивления внешних сил, не заинтересованных в становлении сильной и влиятельной в мире России, — задача, роль и значение которой могут легко быть прослежены на опыте большинства развивающихся стран. Включение средней по экономическим масштабам страны (а Россия именно такова) в мировую экономику всегда происходит через противоборство компрадорских и национальных интересов в такой стране. Первые связаны с внешними капиталами и интересами и зависят от них; победа компрадоров перечеркивает перспективы развития страны. Победа же национальных интересов чаще всего ведет к различным формам протекционизма, самоизоляции и тоже консервирует отставание. Оптимальная линия восходящего развития России потребует решения нестандартной задачи: привлечения значительных внешних инвестиций в интересах развития России при опоре на национальный капитал во включении страны в глобальные экономические связи, тонкого политического и финансового балансирования на стыке интересов национальных и глобальных.

Применительно к России как ядерной державе с теоретически огромными практическими возможностями есть еще одна, значительно более важная грань проблемы в ее отношениях с Центром мировых экономики и политики: это военно-стратегическая и политическая на-груженность процесса интеграции постсоветской России в мировое хозяйство.

Поскольку СССР прекратил существование самостоятельно, а не вследствие нанесенного ему извне поражения, объективно для Запада, и прежде всего для США, на первом месте стоят задачи их собственной безопасности (т.е. демонтажа бывшего советского, ныне российского ядерного потенциала и гарантии против возрождения СССР, особенно в неокommунистической форме, равно как и гарантии военно-экономической уязвимости России на случай прихода к власти в ней любых экстремистских сил). Такое поведение Запада — проявление естественного стремления перестраховаться против теоретически мыслимых угроз.

Этот военно-политический пейзаж дополняют проблемы вхождения новой России в мировую экономику. По понятным причинам Запад заинтересован в открытии российского рынка для своих капиталов, технологий, товаров и услуг в гораздо большей степени, нежели в открытии собственных, и без того высококонкурентных рынков для России. Это нормально для системы конкурентных рыночных отношений. Позиция Запада по отношению к России в 1990-е гг. была рациональной и прагматичной: помощь России в уходе от советского наследия (КПСС, СССР, плановая экономика, военная мощь) и предотвращении опасных социальных дестабилизаций, способных вернуть к власти силы прошлого; поддержка в открытии российского рынка мировому (но не наоборот). За все остальное российским государству, бизнесу, элитам предстоит очень долгая и напряженная политическая и экономическая борьба, начавшаяся с рубежа 2000-х гг. И это тоже нормально для мирового рыночного хозяйства.

Проблема России — то, что в глобализирующийся мир, вламывающий институт современного государства¹, она входит в период затяжной и глубокой внутренней трансформа-

¹ В международно-политическом смысле «глобализация это процесс, в ходе и результате которого государство-центричные институты и условия жизни общества размываются в пользу структур отношений, возникающих между субъектами, действующими в подлинно глобальном, а не просто международном контексте» См.: J.Evans and G.Newham. The Penguin Dictionary of International Relations. L., etc.; 1998; p. 201.

ции, слабо подготовленная к конкуренции на тех уровнях и в тех сферах, что определяют место государств в иерархии современных мировых экономики, политики, развития.

Политические издержки переходного периода

Под реформами принято понимать внесение более или менее серьёзных изменений в нечто при сохранении основ этого самого «нечто». Если сменились государство, страна, экономическая и политическая система, официальная идеология, внешнеполитическая ориентация, это не реформа, а глубокая качественная трансформация, *революция* (Б.Н.Ельцин).

Определяющими ее сущность и направленность признаками являются укрепление господства государства, выдвижение на господствующие позиции класса госбюрократии и формирование своего рода «коллективистского псевдodemократического неофеодализма»¹. В совокупности все это означает скорее мутацию и эволюцию системы коллективистской собственности, чем исторический возврат России в формацию частнособственническую. Частная собственность вернулась в Россию как явление; но по ее положению и масштабам она пока очень далека от того, чтобы всерьез и на длительные сроки определять что-либо в экономике, обществе, государстве. Кризис августа 1998 г. и кризис ЮКОС-а в 2003-2004 гг. показали предельную уязвимость даже крупнейших частных состояний в отношениях с государством.

¹ Один из системообразующих признаков феодализма — симбиоз власти, денег и силы при господстве неформальных отношений, когда деньги, бизнес нуждаются в политической и силовой «крышах» государства, а любые силовые структуры неэффективны без властного прикрытия и денег. Гражданское общество основывается на совокупности формальных связей и отношений, определенных конституцией, законами, разделением властей, а также четко проведенной границей между обществом и государством. Такая система обеспечивает автономность всех секторов и их социальную отдачу: тот или иной сектор получает требуемые ему ресурсы, лишь выполняя общественные функции. В феодальной политической культуре система формальных связей и отношений неразвита или отсутствует вовсе. Ее место занимают отношения неформальные, технически возможные лишь на межличностном и межгрупповом (кланы, группы давления и т. п.) уровнях.

В процессе постсоветской трансформации происходит движение России не в сторону «идеальной модели» западного типа, но рождение какого-то нового общества, что не могут не видеть уже и западные аналитики¹. Постсоветская Россия не стала пока благоденствующим континентом победившего капитализма, на появление которого надеялись и рассчитывали многие как в самой России, так и за ее пределами. Частная собственность как явление вернулась в Россию, но от этого РФ не приблизилась к ведущим странам Запада не только по показателям экономики и уровня жизни (понятно, что для этого нужны десятилетия), но и по критериям устройства и функционирования. Напротив, чем больше времени проходит, тем больше вопросов возникает и у самих россиян, и во внешнем мире. При этом исчисленная в человеческих жизнях цена перехода от СССР к современной России уже сравнима с потерями в Гражданской войне 1917—1922 годов или в период сталинских репрессий. По оценке ООН, эта цена на конец 1990-х составила шесть миллионов только мужских жизней². Таким образом, утратив многие социально и нравственно значимые достижения советского периода и создав феодально-бандитские экономику и коррумпированные структуры, каких не было даже в России кануна революций начала XX века, страна ни на йоту не приблизи-

¹ К подобным выводам приходят, например, составители сборника Виктория Боннелл и Джордж Бреслауэр (2002). Самая неприятная часть проблемы заключается для Запада не в том, что развитие России снова может пойти каким-то нежелательным путем, но что провал «возврата России в сообщество цивилизованных стран» грозил бы оживить альтернативные Западным политические идеи. Сейчас многие на Западе в откровенной форме (как, например, недавно Струб Тэлботт 2002) выносят приговор Ельцину и ельцинизму. С подобными оценками можно согласиться, но невольно возникает вопрос о причинах столь позднего прозрения. Полагаю, причины эти связаны с опасностью возникновения идеологической полемики на тему: так ли уж были неправы во всем коммунисты в оценке частнособственнической формации? Так ли необходим и неизбежен был распад, а не реформы Советского Союза? Не является ли альтернатива коммунизму хуже самого коммунизма? Вероятны и политически нежелательные сомнения в победе Запада в Холодной войне.

² Transition 1999, 231.

лась к экономике и общественно-политическим институтам западного мира.

Чиновническо-бюрократическая прослойка во многом играет роль компрадорской, а не национально-ориентированной силы. Эта сила укрепляет свой контроль над собственностью и в де-факто союзе с организованной преступностью продолжает разворачивать российскую экономику в сторону Запада на условиях «сырьевого придатка». Т.н. новая российская элита часто некомпетентна, политически и корпоративно разобщена и охотнее занимается перераспределением, чем производством общественного богатства. В результате на протяжении 1990-х доминировали интересы откровенных временщиков, а государственно-стратегическое мышление оставалось в явном дефиците. Основанная на коррупции и компромате как способе управления современная российская чиновно-криминальная деловая культура принципиально отличается от деловой культуры Запада. Как и любая иная, она способна самовоспроизводиться и защищаться от угроз. Логично предположить, что трансформация подобной «деловой культуры» в нечто более напоминающее западную может занять целую эпоху, если вообще будет происходить. История доказывает, что основанные на кланово-криминальных отношениях социальные системы способны господствовать десятилетиями и веками — что объективно означает специфическую ветвь развития страны и международной системы.

5. Будущее миропорядка и левая альтернатива

Отсутствие левой альтернативы побуждает обратиться к оценке интеллектуальной роли марксизма в осмыслении реалий современного мира. Уместно вспомнить, что марксизм возник в 1840-е гг. не просто как революционная теория (таковым его сделали коммунисты), но и как особое течение западноевропейской мысли, стремившееся сплавить воедино достижения естествоиспытателей, научный атеизм и противостоять

рожденному в 1830-е позитивизму как чрезвычайно робкой попытке продвигать науку лишь в пределах, не подвергающих сомнению религиозную картину мира и духовное господство церкви. Именно здесь скрыто главное интеллектуальное различие позитивистского и марксистского видения мира: если первый осмеливается ставить лишь вопрос «как?» (т.е. как устроены и действуют различные механизмы социальной жизни), то второй главным для себя считает поиск ответов на вопрос «почему?» общество и его история развиваются так, а не иначе. Причем с научной точки зрения вопросы эти взаимодополняющие, а не исключают друг друга.

Пока только марксизм дал целостную гипотезу мирового развития, связав его с динамикой и направленностью международных отношений. Социально-историческая по сути, эта гипотеза поддается научной верификации на опыте десятилетий, поколений и веков. Бесспорно, что она уже требует значительной ее корректировки и со временем эволюционирует еще более: такая судьба всех научных воззрений (см.: Косолапов 1998, 2000).

Либерализм — альтернатива марксизму лишь политической, а также в том смысле, что любая нормативная концепция объективно выполняет на каком-то отрезке времени (возможно, весьма продолжительном) функцию гипотезы. Но либерализм — «чистая» политическая идеология, тогда как марксизм (как к нему ни относиться) еще и метод научного познания. Политический реализм, отвечающий исключительно на «как?» применительно к крайне узкому диапазону явлений международной жизни, не в состоянии сказать ничего вразумительного ни о том, как можно и нужно решать сложнейшие проблемы современного человечества, ориентироваться в процессах глобализации, ни даже о том, куда двигаться в рамках ядерного сдерживания, когда уже накопленные вооружения гарантируют многократное уничтожение жизни на планете. Геополитика ориентируется на вечное противоборство, притом лишь ведущих держав эпохи, игнорируя все прочие аспекты современности¹. Футурология ин-

¹ См. дискуссию в журнале «Восток (Oriens)». 2003. №3 и Косолапов 2003.

тересна как стимул мысли; но концепцию «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона (как и более ранние работы Тоффлера и Фукуямы) отличает полное отсутствие попыток критически и системно проанализировать возможность будущего, альтернативного рисуемому формационному статусу-кво¹.

Марксизм как метод анализа имел мало общего с марксизмом-ленинизмом как официальной доктриной и идеологией бывшей правящей КПСС. Эта идеология и основанная на ней практика нанесли немалый вред марксистскому подходу к анализу общественной жизни, в том числе международных отношений. Показательно, что понятие «марксизм» отсутствует в философских словарях и энциклопедиях советских лет издания, где оно отождествляется с марксизмом-ленинизмом. Не приходится удивляться, что десять вариантов объемистой «Теории международных отношений», подготовленные в ИМЭМО АН СССР на протяжении 1974–1985 гг. под руководством академиков Н.Н. Иноземцева и Е.М. Примакова, так и не увидели свет. После 1991 г. место прежних идеологических преград заняли новые: теория и методология марксизма оказались отброшены опять по соображениям идеологической и политической конъюнктуры, но не в силу их собственных научных качеств.

Но ситуация меняется, в том числе на Западе. Окончание Холодной войны и распад СССР идеологически облегчили проявление научного интереса к марксистской методологии исследования, марксистскому пониманию и объяснению процессов и механизмов истории, мирового развития, международных отношений, а также очищение самого марксизма от идеологических, политических и пропагандистских наслоений, его возвращение в лоно науки. Ныне ученые вне России, проявляющие интерес к марксизму, могут не опасаться, что их сочтут идеологическими противниками, пособниками внешнего врага или интеллектуальными динозаврами. Поэтому заметен поворот части научной литературы к использованию марксистских подходов в познании междуна-

¹ См.: Косолапов 1997.

родной жизни¹. В марксизме справедливо видят основу придания исследованиям системного, исторического и критического характера.

Однако возрождение интереса к марксизму — еще не левая альтернатива. Пока в левой части политического спектра мирового сообщества не просматривается никаких даже сугубо интеллектуальных альтернатив той попытке глобального миропорядка, что осуществляется с начала 1990-х и особенно после 11 сентября 2001 г. либерализмом. Роль сдержек и противовесов идеологии либерализма выполняют культурно-идеологические системы еще более давние, прежде всего ислам. Возможно, в этом есть своя логика: глобальный откат к различным вариантам фундаментализма может быть необходим, чтобы на его опыте и издержках могла со временем сложиться следующая левая альтернатива, нравственный и интеллектуальный посыл которой будет базироваться на действительно общечеловеческих (не только еврохристианских) ценностях, научном (не идеологическом только) анализе всего мирового опыта и обращении к проблемам человечества, а не отдельных его частей.

Литература

- Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996;
Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.
 Косолапов. Геополитика как теория и диагноз. Бизнес и политика. 1996. №4.
 Косолапов 1997. Межцивилизационные войны: мифы и реальность. В: Дипломатический ежегодник — 1997. М.
 Косолапов 1998. Теоретические исследования международных отношений. МЭМО
 Косолапов 2000. Международные отношения и мировое развитие. МЭМО
 Косолапов 2001. Становление субъекта российской внешней политики. Pro et Contra. Vol 6 2001 1
 Косолапов 2002. Контуры нового миропорядка. // Внешняя политика

¹ См.: Hazel Smith 1994. Marxism and International Relations Theory. // A.L.R.Groom and M.Light (eds). Contemporary International Relations: A Guide to Theory. L.-N.Y., pp. 142-155.

- и безопасность современной России. 1991– 2002. Хрестоматия в четырех томах. Том I. Исследования. М., 2002.
 Косолапов 2003. О месте геополитики в эпоху глобализации. // Восток (Oriens). 2003. №4.
 Магомедов А.К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: Сравнительный анализ. Ульяновск, 1998;
 Попов Н. Внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 3-4.
 Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. Том 4 1999 1;
 Строуб Тэлботт 2002.
 Уткин А. Россия и Запад: Проблемы взаимовосприятия и перспективы строительства отношений. М., 1995.
 Шаклеина Т. Российская внешнеполитическая мысль в поисках национальной стратегии. М., 1997.
 Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М., 2002.
 Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1991.
 Russia in the New Century: Stability or Disorder? / V. E. Bonnell, G. W. Breslauer (eds). Boulder, Colo.; Oxford, UK: Westview Press, 2001.
 Leon V. Sigal. Hang Separately: Cooperative Security between the United States and Russia, 1985–1994. N. Y.: The Century Foundation Press, 2000
 Transition 1999: Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS. N. Y.: United Nations Development Program, 1999. Ch. 4. —
 Цит. по: Russia in the New Century: Stability or Disorder? P. 231.

Вопросы глобализации и равенства в российской политологии

1. На грани глобализации и равенства: значение различий

Граница между глобализацией и равенством является в одно и то же время неопределенной и явной. Ее очевидность и хрупкость не могут быть не замечены. Равенство на этой стадии не может быть полноценным и прочным без помощи глобальных связей и поддержки. Иначе говоря, глобализация не сможет реализовать свой человеческий потенциал без поддержки равенства. Не случайно отчет UNDP (Программа развития ООН) за 1999 г. выделяет равенство как важнейшую черту глобализации — «меньше расхождений внутри и между нациями, не более». В числе остальных пяти черт называют этику, включение, человеческую безопасность, устойчивую поддержку, развитие.

В глобальном контексте, трудно оспаривать желание обеспечить положительное взаимодействие глобализации и равенства. Но в более специфических контекстах и индивидуальных ситуациях этот общий принцип может столкнуться с различными и часто противоречивыми толкованиями. Соглашаясь по общим принципам, люди действуют по-разному в силу политических, социальных, экономических, культурных и даже лингвистических различий. Норвежский политолог Стэйн Роккан (1921-1979) разработал исследовательские инструменты анализа различий. Существуют многочисленные вариации в схемах различий, над которыми работал Роккан, но с самого начала эти схемы сильно различались по экономическим

разделам, с одной стороны, и культурным, с другой. Роккан пытался провести различия внутри каждой из этих категорий, согласно масштабам конфликта типа «центр-периферия»¹.

В конечном итоге Роккан установил, что основные разделы появляются как исторический результат взаимодействия, по крайней мере, четырех революций: Реформации, национальной революции, индустриальной революции и международной (т.е. российской) революции. Эти разделения могут, соответственно, быть представлены как *церковь* — *государство*, сельское хозяйство — *промышленность*², *собственники* — *рабочие*. Согласно знаменитому «замерзающему положению»³, где бы разделение ни появлялось, оно повлияет на политику последующих лет.

В практических целях, исследования Роккана были ограничены Европой⁴. Чтобы лучше понять различия в интерпретации границы глобализации и равенства, необходимо расширить анализ различий за пределы Европы. В этом случае, невозможно не заметить столкновение империалистической и антиимпериалистической политики, являющейся результатом антиколониальной революции с ее разделением типа *метрополия-колония*. Трудно не заметить коллизию массового контрроля и устремления защитников прав человека, вытекающих

¹ Изначально Роккан отмечал расхождение между формальным предоставлением прав голоса и их реальным использованием, затем появились специфические различия относительно новых общественных организаций и роли средств массовой информации в укреплении или ослаблении политической лояльности (Роккан 1959; Роккан и Торсвик 1960). В дальнейшем он изучал различия, относящиеся к отказу от абсолютной монархии, к предоставлению права голоса и последствиям введения выборных систем, а также религии, класса, и т.д. (Роккан 1966; Роккан 1967; Роккан 1968).

² Или *Агрария-Индустрия* в интерпретации Фреда У. Риггса (1957).

³ Старые разделения могут присутствовать, даже если новые проблемы пытаются их временно заслонить. Таким образом, «[Европейская] партийная система 1960-х гг. отражает, за некоторыми важными исключениями, структуры разделов 1920-х гг.» (Роккан и Липсет 1967, 50).

⁴ Первые два вида революций и группы разделения являются исключительно западно-европейскими. Третий вид изначально тоже западно-европейский. Тольк о четвертый вид можно считать международным, но он также западно-европейский по своему происхождению и «буржуазной» логике.

из антитоталитарной революции с ее разделением типа *связи* — *иерархия*. И наконец, следует отметить расхождение между индустриальным и постиндустриальными образами жизни и зарождающуюся информационную революцию (нежели революцию творчества) с ее разделением типа *капитал-знание*.

Последним, но не менее важным видом глобального разделения является лингво-культурное, или, как многие его называют — «цивилизационное». Эти лингво-культурные разделения делают грань глобализации и равенства особенно проблематичной, и предлагают перспективу, совершенно отличную от той, которая характерна для англо-говорящих стран. Россияне и русскоговорящие народности на постсоветском пространстве находятся как раз в центре данной проблемы.

В каком случае указанные разделения могут оказаться приемлемыми для российской интерпретации глобализации и равенства? Возможно, наиболее важное из них не находится ни среди представленного Рокканом списка разделений, ни среди дополнительных разделений, явившихся результатом событий конца прошлого века. Но оно представляет исключительную важность для многих, если не большинства стран мира. Это разделение называется *власть-народ* и является исторически наиболее важным и древним. Его центральное положение в российском мировоззрении и политике весьма очевидно. До настоящего времени оно не подвергалось серьезному анализу. Только в 90-х гг. Андрей Фурсов и Юрий Пивоваров предприняли смелую попытку исследовать мистическую природу *Русской Власти* (Русская Власть)¹ в серии публикаций (смотри особенно работу Пивоварова и Фурсова 2001). По схеме Фурсова-Пивоварова, это разделение не разрушает резко связь между людьми *Власти* и остальным *Населением*. И *Власть* и *Население*, или *Народ* вовлечены в глубоко иррациональные и неоднозначные отношения типа

¹ На русском языке слово *власть* имеет два значения — «власть» и «авторитет». Согласно Пивоварову и Фурсову, *Самодержавие* и *Автократия* в российской системе означают полную самоконцентрацию Власти, лишаящей всех возможных участников их *субъектности* или независимой дееспособности.

любовь-ненависть. Принимая во внимание всю эту путаницу, разделение *власть-народ* является чрезвычайно операциональным и эффективным в российском контексте. Будучи ключевым, оно доминирует и даже формирует четыре роккановских разделения, которые появились в результате «модернизационных» усилий *Власти* или точнее *Правительства*, которое является «единственным европейцем в России», по выражению поэта Александра Пушкина.

На международном уровне, разделение *собственники-работчие* или *буржуазия-пролетариат* стало незаменимым (?) в советское время. Оно служило идеологическим фасадом для видения (?) революционеров и интеллигенции относительно разделения *народ-власть*. В то время как гегемония мирового капитализма была признана на Западе как действительная *Власть* на глобальном уровне, СССР и весь мировой социализм виделся и как их оппонент (лидер глобального «народа»), и как будущая глобальная *Власть*. Разделение легко переплеталось с международным разделением *метрополия-колония* в антиимпериалистическом мировом видении. Другие международные разделения, такие как *сеть-иерархия* и *капитал-знание*, могут быть применимы к России только частично, т.к. Россия является только частичным участником процессов модернизации и глобализации.

2. Глобализация и равенство в российских исследованиях

Российские политологи, только что приступили к исследованию новых культурных характеристик своей страны. Значение понятий глобализации, равенства, справедливости и честности в российском контексте остается практически неизученным. Можно предположить, что российское видение глобализации и равенства является специфическим по культурному и языковому параметрам. Слово «глобализация» на русском языке представляется своего рода техническим термином. Для большинства русских этот термин является социально абстрактным и лишенным какого-либо практи-

ческого значения. Подобное может быть сказано по отношению ко многим другим современным терминам и значениям, например таким, как «демократизация», «легитимизация», и т.д. Для про-западно настроенных россиян, глобализация видится как единственный механизм, способный решить всевозможные проблемы — подобный тому, каким выступала «революция» для первого советского поколения. Враждебно настроенные по отношению к Западу россияне видят в глобализации вред. Промежуточный сектор общества рассматривает глобализацию как объективный процесс.

Слово «равенство» отличается от всех прочих. Для начала следует отметить, что не слишком много англо-говорящих русских знакомы с этим словом. Многие, кто говорит по-английски, находят его слишком экзотичным и трудным для перевода на русский¹. Немногие понимают значение или юридическое содержание этого английского термина. Но это не значит, что русские, даже те которые не говорят по-английски, не имеют никакого представления об идее равенства. Для многих россиян и русскоговорящих граждан бывшего СССР, равенство является слишком обширным и расплывчатым понятием, даже более широким, чем концепция «справедливости». Можно предположить, что это понятие является эквивалентом английской «честности»², но это не является идеальным вариантом. По моему мнению, самым близким эквивалентом понятия «равенство» в России будет «честность»³. Это своего рода характеристика человека или коллектива, основанная на целостности натуры, с особым акцентом на его вклад или жертву во благо всеобщего добра.

Большинство россиян считают, что Россия заслуживает всемирного уважения и признания за свои заслуги. На то су-

¹ Стандартный англо-русский словарь дает такие варианты перевода, как «справедливость», «непредвзятость». Юридический термин переводится как «право справедливости».

² Непосредственным английским синонимом термина «равенство» является «справедливость».

³ Хотя слово «справедливость» типично используется в дебатах по вопросам глобализации и равенства, оно в действительности означает понятие «честность».

ществуют многочисленные причины, в зависимости от различных и часто противоположных идеологических предпочтений индивидов. Некоторые основывают свою позицию на жертвах, понесенных нашей страной во Вторую мировую войну во имя всего человечества. Другие упоминают инициированное Горбачевым добровольное отречение от статуса сверх-державы во имя «общечеловеческих ценностей». Третьи утверждают, что Россия всегда отдавала другим больше, чем получала взамен. Трудно найти россиянина, который не согласится с утверждением, что его страна испытывает несправедливое отношение со стороны внешнего мира, несмотря на тот огромный вклад, который она внесла в мировое развитие.

Несмотря на лингвистические, культурные и религиозные, или какие-либо другие ограничения, имеющие возможность оказывать серьезное воздействие на наше видение реальности или поведение, все нации и индивидуумы способны воспринять универсально принятые идеи и практику¹. Это является характерным в различиях между экономическими и культурными ценностями, либо между электрической(?) и политической силой для англо-говорящих индивидуумов. Это является правомерным по отношению к российскому пониманию глобализации, равенства и их пересечению. Однако не следует игнорировать возможное воздействие языка, культуры и религии на политическую концептуализацию и поведение. Несмотря на все культурные особенности, россияне осведомлены о существовании проблем глобализации и равенства. Глобализация имела глубокое воздействие на Россию. Ее последствия были усилены распадом СССР и дестабилизацией государств-преемников. Эти

¹ Некоторое время назад я использовал как отправной пункт замечание Рональда Рейгана, сделанное им для четвертого канала ВВС (29 октября 1985 г.) о том, что все русские не имеют представления о свободе и разработали сравнительное изучение различных национальных путей концептуализации свободы. Мой основной вывод заключался в том, что свобода является универсальной достоянием человечества и что это понятие концептуализировано различным образом на всех языках, во всех цивилизациях и политических культурах. Результаты исследований остаются неопубликованными. Некоторые части вошли в отдельную главу книги по ключевым политическим концепциям (Ильин 1997а, 41-79).

эффекты имели, главным образом, негативный характер. Однако немалое количество российских институтов и индивидов, особенно в Москве и других крупных городах России, сумели адаптироваться к глобализации и извлечь из нее пользу. Говоря в общих чертах, Россия, возможно, более чем какое-либо другое государство-преемник демонстрирует конфликт различных тенденций. В российском случае, последствия глобализации для равенства могут иметь более разнообразный и неоднозначный характер, нежели в других государствах-преемниках.

Проблема конфликта глобализации и равенства является наиболее актуальной для каждого неравнодушного российского гражданина. Старшее поколение имеет тенденцию рассматривать социальные перемены в свете ранее обозначенных разделений (*власть по отношению к народу или буржуазия по отношению к пролетариату, либо метрополия по отношению к колонии*) со всеми их различными интерпретациями. Значимость более новых и особенно глобальных разделений (*сеть-иерархия и капитал-знание*), равно как и распространение самой идеи глобализации, завоевывают признательность молодых поколений через их активное включение в транснациональные социально продуктивные мероприятия.

3. Начало дебатов по глобализации и равенству в постсоветской России

Российские дебаты по вопросам глобализации и равенства прокатились по стране с конца 1990-х гг. Они имеют три основных измерения. Самый широкий из них представлен обычными СМИ. Средствами массовой информации осмысление глобализации в терминах равенства нередко представляется как не совсем уместные и слишком эмоциональное. В большинстве случаев позиция СМИ идеологически предопределена и может быть прослежена до указанных выше основных разделений. Напротив, наиболее острая дискуссия разворачивается среди весьма узкой аудитории, в довольно в ограниченных научных кругах. Его отношения с

основными разделениями являются менее очевидными. В данной главе анализируются различные аспекты именно этих научных дебатов.

Примером очевидной предвзятости может служить известный профессор экономики и бывший мэр Москвы Гавриил Попов, опубликовавший небольшую статью в российской газете Московский Комсомолец. В его статье глобализация представлена как «ключевое слово нынешней американской администрации для формирования планетарного порядка 21 века» (Попов 2000). По словам Г. Попова, подходящим ответом на коллапс биполярного мирового порядка будет «второе издание плана Маршалла для России». Вместо этого, Вашингтон выдвинул свой собственный план под названием «глобализация». Этот план подразумевает пирамидальное устройство мирового порядка во главе с США. Следующие по порядку ведущие места отведены шести основным странам, формирующим своего рода совет для мирового босса. Второй слой представлен процветающими странами второго порядка — Швецией, Испанией, Австрией, Израилем и т.д. и, наконец, в основании пирамиды находятся страны «третьего мира» (там же).

Черно-белая окраска наиболее характерна для дебатов по вопросам глобализации и равенства в посткоммунистической России. Часто глобализация и равенство интерпретируются как абсолютно несовместимые, и глобализация воспринимается как результат заговора. Подобная ситуация не заслуживала бы серьезного рассмотрения, если бы ее цель не состояла в доминировании российского дискурса по вопросам глобализации и равенства(?). Она уже довольно широко распространена и рекламируема людьми, претендующими на право определения российского политического мышления. Типичной фигурой является Александр Панарин. Автор многочисленных публикаций (Панарин 1998; Панарин 1999а; Панарин 2000а; Панарин 2002), раскрывающих аморальную конспирацию западных либералов и их российских коллег, был профессором политологии в МГУ, обладателем многочисленных титулов, лауреатом премии Солженицына. Для него глобализация ассоциируется с «социальной асимметри-

ей» (Панарин 2002, 61) или «новой и глобальной сегрегацией людей в категории избранных и обездоленных, всевластный центр и эксплуатируемую периферию» (там же, 12), «насаждаемую диктатурой глобализма» (там же, 63). Нетрудно провести различие между коммунистической и антиглобалистской формулами разделения, упомянутого выше.

Александр Панарин подверг глобализацию серьезной критике, обвинив ее в тоталитарных тенденциях. Он отвергает то, что ему кажется «американским тоталитарным комплексом» (там же, 111-119) и «экономическим тоталитаризмом» (там же, 119-125). Он настаивает, что мир должен поддержать систему стран-наций и отдать предпочтение плюрализму альтернатив как главной надежде на будущее. Одним из его сценариев является «реставрация гражданского консенсуса на основе исключения номадической диаспоры» (там же, 362-396). Вторым сценарием является «альтернативный глобализм» (там же, 396-408), который представляется скорее мрачным и безжизненным. «Жестокая и драматическая эпоха лежит перед нами. <...> антропологическая революция американского дизайна для имплантации единственного “либерального типа”, доминирующего планету, должна быть отвергнута как неудавшаяся инициатива. <...> Другой тип личности необходим, тот который проснется для планетарной ответственности. Сильная духовная и политическая власть нужна для формирования этого типа. Этого школа нового аскетического воспитания. По всей вероятности она будет глобальной и альтернативной настоящему “либеральному” американоцентризму. Она подразумевает новый поворот политического центра мира от Атлантики к Евразии (там же, 407-408)».

Панарин избегает цитирования своих оппонентов, и создается впечатление, что они являются своего рода изобретенными персонами, удобными для его плодovitого критицизма(?). Обычно он упоминает анонимных глобалистов с редкими квалификациями, как, например, «американец», «западник», «американоцентрист», «либерал». В своей последней книге (2002) Панарин делает только одну прямую ссылку на своего оппонента, хорошо известного социолога Леонида Ионина.

Этот либеральный ученый был избран для воплощения голоса всей «либеральной западной интеллигенции», но он является своего рода зеркальным отражением самого Панарина. В действительности претензии Ионина звучат в такой же жесткой и экзистенциалистской манере, как и панаринские (Ионин 1998). Единственным различием является то, что он инвертирует аргументы и защищает противоположную сторону одного и того же разделения. Социологи, принимающие участие в общественных дебатах по вопросам глобализации, настроены в пользу серьезного упрощения. Они часто становятся жертвами скорее примитивного вписывания в структуры разделения общественного мнения. Их анализ станет более тонким и сбалансированным только в том случае, если они продемонстрируют открытость к различным существующим подразделениям и кросс-разделительным линиям.

4. Новые центры изучения глобализации в российской политологии

Марксистское универсалистское мышление со всеми его негативными эффектами, привело к появлению «глобального мышления». Часто марксизм ассоциировался с гуманистическими заботами и искренним глобальным видением политического развития. С начала 1970-х гг. политологи и международники проявили серьезный интерес к изучению глобальных вопросов (экология, население, гонка вооружений и т.д.). В 1980-е гг. весьма актуальными стали дебаты по вопросам постиндустриальных и информационных обществ. Последними, но не менее важными по своему воздействию были дебаты конца 1980-х гг. по «новому политическому мышлению» Горбачева. К сожалению, эта многообещающая теория вскоре подверглась различным идеологическим нападкам и не смогла достигнуть существенного развития¹. В результате, российские

¹ Где-то в 1989 г. автор данной главы был вынужден отказаться от планов написания книги по новому политическому мышлению как форме нового эпистемологического синтеза.

ученые приступили к обсуждению вопросов глобализации позже, чем это произошло на Западе, несмотря на долговременную традицию «глобального мышления». В середине 1990-х гг. российские ученые еще не были напрямую вовлечены в дискуссии о глобализации, продолжая обсуждать модернизацию и относящиеся к ней вопросы. Только в 1997-1998 гг. слово «глобализация» стало появляться в заголовках СМИ и научных публикациях. 1999 год стал решающим в массовом развертывании дебатов по глобализации. Естественным было то, что на начальных стадиях глобализационных дебатов основные усилия были направлены на попытки понять значение западных идей, связанных с вопросами глобализации. Большинство опубликованных в то время статей интерпретируют и повторяют идеи зарубежных политологов (Богатуров 1999, 47).

Важная роль в этом проекте принадлежит Институту Научной Информации по Общественным Наукам (ИНИОН) Российской Академии Наук. С середины 1990-х гг. ИНИОН знакомил российских социологов с отчетами, докладами, изысканиями основных зарубежных исследований по вопросам глобализации. Это было и продолжает оставаться чрезвычайно важным в силу того, что большинство российских политологов не владеют иностранными языками¹. Наиболее значительная коллекция обзоров и реферирования работ по вопросам глобализации была опубликована ИНИОН в 2002 г. в сотрудничестве с Фондом Горбачева. Публикация ИНИОН (Игрицкий 2002) состоит из трех томов. Первый посвящен концепции глобализации, ее сложности и различным измерениям, изменениям в системе международных отношений и роли государства. Второй отражает в основном экономические аспекты, но включает также разделы по социальной системе государства и политике (корпоративная политика, соотношение местной, региональной и глобальной

¹ Согласно оценкам конца 1990-х гг., только 2-5% российских политологов в действительности читали работы своих зарубежных коллег в оригинале. Хотя ситуация медленно улучшается, большинство российских политологов полагаются в основном на переводы, аннотирования и рефераты литературы на иностранных языках.

политики и т.д.). Третий том включает другие аспекты глобализации — культурный, этнический, демографический, экологический, образовательный и др.

Другим важным «переводчиком» идей глобализации является Центр Постиндустриальных исследований, созданный Владиславом Иноземцевым. Хотя Иноземцев критикует концепцию глобализации и верит в то, что термин «постиндустриализация» лучше объясняет современное развитие, его работы (Иноземцев 1995, 1998а, 1998в) сыграли очень важную роль в изучении глобализации в России. Следует отметить целую группу статей, рассматривающих исследования зарубежных ученых по вопросам глобализации (Игрицкий 1999, Коллонтай 2002, Вебер 2001в). Они также имели большое значение для ознакомления российских коллег с основными идеями идущих в мировой науке дебатов по глобализации.

Независимые исследования по политической глобализации начались в середине 1990-х гг. на отделении политологии Московского Государственного Института Международных Отношений (МГИМО). Изначально основной костяк команды МГИМО составляли Андрей Мельвиль, Иван Тюлин, Виктор Сергеев, Алексей Шестопал, Алексей Богатуров, Алексей Воскресенский, Марина Лебедева, Андрей Володин и автор данной статьи. Мы запустили серию дискуссий, наиважнейших для привлечения внимания российских политологов к вопросам глобализации. К несчастью, многие дебаты 1995-1997 гг. не были зафиксированы и остались неопубликованными. Но уже в 1996 г. команда МГИМО организовала в Москве совместный американо-российский семинар по вопросам глобальных политических и социальных перемен. Материалы семинара были впоследствии опубликованы отдельным томом (Мельвиль 1997). Книга охватила широкий спектр глобализационных проблем — от философии и культуры до демографии и здравоохранения с акцентом на политические аспекты данного феномена.

Другим важным центром изучения глобализации стал Фонд Горбачева. В 1997 г. Фонд запустил серию проектов по глобализации. Михаил Горбачев был глубоко вовлечен в планирование и осуществление проектов. Более двухсот ведущих

экспертов, равно как и многочисленных политиков и общественных деятелей из различных стран мира приняли участие в конференциях и круглых столах в Москве, Бостоне, Франкфурте на Майне, Аммане, Калгари, Алматы, Карлсруэ, Борге и др. Появившаяся в результате этих усилий книга (Горбачев 2002) затрагивает экономические, политические и культурные измерения глобализации, так же как и роль России в процессе глобализации.

Третьим важным центром изучения глобализации стал Институт Мировой Экономики и Международных Отношений (ИМЭМО) Российской Академии Наук. По моим данным, вопросы глобализации изучались институте уже в середине 1990-х гг. С 1997 по 1999 гг. ИМЭМО организовал серию семинаров по постиндустриальным проблемам. Благодаря этим усилиям институт стал основным центром глобализационной экспертизы для более широкой аудитории политологов. Результатом дискуссий стала конференция, проведенная осенью 1999 г., и публикация четырехтомника (Постиндустриальный мир 1999; см. также: Постиндустриальный мир и Россия 2000). Теоретически, работа ИМЭМО подверглась наибольшему влиянию со стороны мир-системной парадигмы. Представляется естественным, что разделение метрополия-колония и центр-периферия сформировали направление и природу аргументов, представленных большинством авторов преимущественно первого и второго томов. Первый том серии был озаглавлен «Общие вопросы постиндустриальной эпохи», но авторы часто предпочитали описывать «постиндустриальное развитие» в качестве «глобализации». Само это слово появилось в названии титула следующего тома — «Глобализация и периферия». Третий том был посвящен «особенностям России», в то время как четвертый («Мировая культура на пороге 21 века») рассматривал культурные аспекты глобализации и во многом опирался на терминологию постмодернизма.

С 2000 г. глобализация также стала важнейшей темой в российских журналах по политологии, социальным наукам, наиболее известных из них — *Cosmopolis 99*, *Pro et Contra* и *МЭМО* (Мировая экономика и международные отношения).

5. Основные подходы к изучению глобализации в российской политологии

Ситуация в российской политологии непростая и весьма нездоровая. Как отмечает Владислав Иноземцев, российские социологи «относятся к Западу с уважением <...> и враждебностью», и это приводит к «беспрецедентному моральному неудобству» относительно изучения глобализации (Иноземцев 1999f, xiii). Тем не менее, некоторые российские ученые разработали здравые и серьезные подходы к глобализации. Можно согласиться с Богатуровым (Богатуров 1999, 47) в том, что российские ученые в общих чертах не выражают открыто негативные оценки глобализации. Однако, они имеют тенденцию критиковать некоторых западных защитников глобализации, преувеличивающих положительные последствия этого явления (Володин и Широков 1999; Коллонтай 1999). Проблема по-прежнему не в том является ли отношение к глобализации положительным, отрицательным или смешанным. Вопросы, имеющие существенное значение в российском контексте, иные. Что такое глобализация? Какое отношение она имеет к развитию России? Как нужно ее изучать? Ответы зависят во многом от структуры вышеописанных разделений. Хотя серьезные ученые остаются относительно независимыми от давления общественного мнения, они продолжают использовать эти разделения как аналитический инструмент.

Фундаментально разделение власть-люди является особенно привлекательным для группы ученых, которых можно называть постмодернистами. Группа восстает против власти, что является типичным для традиционной российской интеллигенции, и верит в эмансипацию и сопротивление центрам глобального доминирования. Такой подход не произвел какого-либо знания в области разрешения проблем, но показал свою эффективность в качестве политической и моральной философской критики глобализации. Некоторые работы коллектива ИНИОН (Постиндустриальный мир 4) и публикации Бориса Капустина (Капустин 2001a, Капустин 2001b)

могут считаться лучшими примерами постмодернистской этической критики глобализации.

Разделение *церковь-государство* имеет особое значение при изучении политических культур и цивилизационных процессов. Серьезными достижениями в этих областях стали работы Бориса Ерасова (Ерасов 2001) и Сергея Панарина (Сергей Панарин 2002)¹.

Разделение *центр-периферия* и, в меньшей степени, *сельское хозяйство-промышленность* являются актуальными для исследователей экономического развития с советских времен. Естественно, многие ученые подверглись большому влиянию неомарксистской мир-системной методологии. Этот подход широко распространен, и коллектив ИМЭМО использовала его в полной мере. По-прежнему в российском контексте мир-системный анализ находится, скорее, в режиме исторической интерпретации, чем путеводителем в области инновационных исследований или источником получения более практического знания. Многие известные ученые по практическим причинам обратились к циклам Кондратьева и неoinституционализму, и это оказалось довольно плодотворным (см. Лапкин и Пантин 1999а, Пантин 1997, Пантин 2002).

Разделение *собственники-рабочие*, а не *буржуазия-пролетариат* является привлекательным для более традиционной категории марксистов. Оно имеет достаточно много сторонников в среде университетских исследователей, особенно за пределами Москвы, но пока еще не принесло сколь-либо весомых результатов. В то же время, некоторые ученые неомарксистского толка проделали интересную работу, пытаясь развить альтернативное видение глобализации или «альтерглобализма» (Бузгалкин 2001, Бузгалкин, след.) и внося важный вклад в изучение массового протеста против глобализации (Кагарлицкий 2002а).

Востоковеды также испытали влияние разделения *метрополия-колония*. Кроме вышеупомянутых работ Володиной и Широкова, следует отметить несколько экзотическую интерпретацию глобального развития африканистом Александром

Некlessа, разработавшим концептуальную карту планеты, которая содержит «Новый Север» с его движущимися «островами», «Глубокий Юг», а также остальные «куски» бывшего Востока, Запада, Севера и Юга (Некlessа 2002).

Разделение *сеть-иерархия* вдохновляет ученых, занимающихся антитоталитарной революцией 1989 г. и демократическими тенденциями в глобальной политике. Таких ученых можно найти в самых разных исследовательских центрах, но наиболее последовательно этот подход разрабатывается командой МГИМО.

Информационная (творческая) революция с ее разделением *капитал-знание* имеет своих разработчиков. Наиболее influentialными исследователями постиндустриального и информационного общества являются Владислав Иноземцев и Ральф Цвелев (Цвелев 1997). Оба ученых получили образование в марксистской традиции; и затем участвовали в разработке интегрального видения глобальных процессов.

Растущее число российских политологов работают над развитием концептуального видения через и за пределами линий разделения. Они ищут методологическое обновление и синтез имеющихся подходов. Осознанный шаг в данном направлении был предпринят Владиславом Иноземцевым и автором данной статьи. Мы организовали в начале 2000 г. семинар за пределами Москвы, собравший представителей различных центров изучения глобализации. Некоторые выступления были опубликованы в книге (Мегатренды мирового развития 2001), акцент которой уделялся «мегатрендам глобального развития». В методологическом плане, книга выиграла от эволюционных подходов в изучении глобализации. Одним из положительных результатов данного подхода было то, что различные аспекты, уровни и черты глобализации рассматривались в более целостной и упорядоченной перспективе, нежели в разъединенных чертах. Для достижения данного эффекта автор статьи разработал концептуальную модель хронополитики, описывающую альтернативные направления мирового развития через их «синхронные» и «не-синхронные измерения», и рассматривает появляющуюся

¹ Не путать с Александром Панариным, упоминавшимся в секции 3.

глобальную реальность как наложение различных эволюционных феноменов (Ильин 1995а, б). Параллельная концептуализация мирового развития была предложена Алексеем Богатуровым и Алексеем Воскресенским (Богатуров и Воскресенский 1999). Их подход сопоставим с моим, и их теория анклавов может рассматриваться как альтернативная репродукция эволюционной блоковой структурой российской политики (Ильин 1995а)¹.

Несмотря на все обещания, российские политологи по-прежнему далеки от преодоления своих разногласий. Это особенно очевидно по отношению к общему уровню политологии, т.к. многие представители профессорско-преподавательского состава продолжают придерживаться описанного выше прочтения рассматриваемых разделений.

6. Воздействие изучения глобализации на вопросы равенства в российской политологии

Изучение влияния глобализации на равенство составляет основной аспект более широкой исследовательской программы по глобализации. Фундаментально разделение *власть-люди* предоставляет широкие просторы для обсуждения проблем воздействия глобализационных эффектов на равенство. Ученые, придерживающиеся данной традиции, подчеркивают человеческое сопротивление центрам доминирования и, следовательно, видят глобализацию в качестве разрушителя равенства. Моральные факторы равенства делают Бориса Капустина противником фукуямовского «императива модернизации», «Вашингтонского консенсуса» Уильямсона-Колодко, и других происков глобалистов (Капустин 2001в, 12). Несмотря на моральную оправданность и связь с эмансипацией угнетенных, такая картина является односторонней.

¹ Генеология теории может быть прослежена до призматической модели (Риггс 1964).

мерной и архаичной. Универсалистические моральные и политические требования отвергают не только транснациональных «правителей» мира, но и всех коллег, пытающихся утвердить более практически-ориентированные дисциплины.

Разделение *церковь-государство* помогает определить плюрализм национальных и цивилизационных ситуаций. Он также позволяет нам открыть некоторые новые вариации равенства. Однако, именно здесь универсалистские требования моральных политических философов часто имеют тенденцию быть замененными партикуляристскими требованиями культурных и цивилизационных дисциплин. Несмотря на их противоречивые заключения, обе школы похожи в презентации политических акторов как вовлеченных в эпическую борьбу, независимо от того, движима ли данная борьба мистикой «столкновения цивилизаций», либо моральной необходимостью протеста против глобализации. Можно догадаться, что истоки подобной логики восходят к доминировавшему в научной литературе советского периода акценту на политическую борьбу.

Весьма близкие выводы могут быть сделаны относительно работ «левых» авторов, связывающих глобализацию с различными типами растущего неравенства и несправедливости, и часто не имеющих альтернативного предложения. Неомарксистский поиск альтернатив глобализации является в этом отношении гораздо более конструктивным. Таким образом, сторонники *альтерглобализма* (Бузгалин, Кагарлицкий 2002а) придают большое значение социальному творчеству антиглобализационных движений протеста. Попытки достичь равенства снизу посредством сконцентрированных усилий могут оказаться весьма эффективными. И несмотря на это, сторонники альтерглобализма часто игнорируют многие альтернативы. Если все альтернативы находятся вне глобализации, в чем тогда состоит суть этого более широкого пути? Кто является основными акторами, формирующими более широкую картину зарождающейся реальности? Эти вопросы предполагают, что противопоставление глобализации ее альтернативам снизу имеет свои ограничения.

В свою очередь, ученые, работающие в рамках мир-системной традиции утверждают невозможность достижения равенства через глобальную разделительную линию типа *центр-периферия*. Обращение к разделению *метрополия-колония* обычно ведет к радикальным выводам по поводу будущего, основанным на настроениях зависимости и даже апокалипсиса, таких как перенаселение, и т.д. (Володин и Широков 2002, 208–212). Циклы и неоинституционализм Кондратьева, с одной стороны, помогают определить решения появляющимся проблемам равенства. Демократическая практика и институты могут сыграть критическую роль в достижении равенства (Сергеев 2001). В результате, глобализация совместно с недавней волной демократизации может способствовать развитию новых форм политического плюрализма (Мельвиль 2003) и демократии (Ильин 2003).

Необходимость в разнообразии демократии и развитии институтов и практик, адекватных местным уровням, является особенно важным в контексте растущего неравенства (Иноземцев 2000). Помимо традиционных государственных и классовых линий разделения, появились новые. Анализ разделений может помочь в определении подобных разделителей. В этом новом глобальном контексте важно осознать существование обновленного демократического управления, справедливости и равенства. В настоящее время, группа исследователей из МГИМО и ИМЭМО занимаются обсуждением оценочных стандартов справедливости для различных секторов населения и делают их операциональными в демократическом правлении. Ясно, что такая амбициозная цель не может быть достигнута без дополнительного теоретического и эмпирического исследования. Эволюционная перспектива альтернативы, множественной либо анклавного развития может служить полезным отправным пунктом отправки для подобного исследования не только в России, но и в других частях мира.

7. Области, требующие дальнейших исследований

Дальнейший прогресс российской политологии в области изучения глобализации и равенства может быть достигнут через здравый поворот к эмпирическому исследованию. В настоящем времени его слабость является основным препятствием на пути политического изучения. Теоретические и описательные аспекты анализа по-прежнему преобладают в российской политологии. Исследователи только начинают использовать эмпирический подход в изучении глобализации. Многие аспекты процессов глобализации в России остаются неиспользованными, даже неосознанными. Несколько исключений только делают подобное состояние вещей более заметным. Таким образом, новое изучение глобального влияния на российские регионы (Макарычев и Сергунин) определяют важную область исследования. Сравнительное изучение институтов и подходов является особенно многообещающим. Систематические сравнительные исследования, включающие политические примеры других государств (Индия, Южная Африка и др.) особенно желательны. Россия со своей смесью архаичных, традиционных и современных институтов могла бы стать солидной эмпирической основой для изучения последствий их взаимодействия с глобализацией.

Литература

- Альманах «Форум 2000». М.: Весь мир, 2000
 Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». // ред. А.В. Бузгалин. М.: Эдиториал УРСС (в печати)
 Богатуров А. Д. Синдром поглощения в международной политике. // «Pro et contra», 1999, № 4
 Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: Варианты берегающего обновления // Полис. 1999. № 4.
 Богомолов О.Т., Некипелов А.Д. Глобализация и кризис мирового экономического порядка. Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
 Борисов К.Г. Контуры грядущего миропорядка: структура международ-

- ных отношений, права мира и человеческого достоинства. // Космополис 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Бузгалин А.В. Контргегемония и контрглобализация к проблеме выработки стратегии противодействия глобальной гегемонии капитала: взгляд из России // «Альтернативы», 2001, №1
- Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира. // «Полис», принят к публикации.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи. // *Постиндустриальный мир и Россия*. М.: Эдиториал УРСС, 2000
- Вайнштейн Г.И. «Глобальная демократизация» и российский транзит. // «Полития», 1999, № 3
- Вебер А.Б. Проблемы устойчивого развития в свете новых научных публикаций. // Форум — 2001. Проблемы выбора. М.: Весь мир. 2001a
- Вебер А.Б. Предисловие редактора. // Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001b
- Вебер А.Б. Неoliberalная модель глобализации: кто «за» и кто «против». // Вызовы глобализации. Политические и социальные измерения. М.: ИСП РАН, 2001c
- Вебер А.Б. Проблемы устойчивого развития в свете новых научных публикаций. // Альманах «Форум 2001», М.: Весь мир, 2001d
- Вебер А.Б. Глобализация и устойчивое развитие: проблемное поле и возможные сценарии. // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002
- Володин А.Г. Демократия политическая или демократия социальная? (является ли переход к системе политического представительства в России и Восточной Европе частью глобальной тенденции демократизации?). // *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю.Мельвиль. М., 1997
- Володин А. Г. Глобальный парадокс. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Володин А. Г. «Сверхцивилизация» vs «противоцентр»: логика противоборства уходящего века. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Володин А. Г., Широков Г. К Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. 1999. № 5
- Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002
- Ворота в глобальную экономику / Сост. Андерссон О., Андерссон Д.; Пер. с англ. под ред. Сергеева В.М. — М., 2001
- Вызовы глобализации. Политические и социальные измерения. М.: ИСП РАН, 2001
- Глобализация. Цивилизационные и гуманитарные аспекты. М.: ИСП РАН, 2001
- Глобализация: Контуры XXI века. Реферативный сборник. Ч. 1-3. / ред. Ю.И.Игрицкий. М.: ИНИОН РАН, 2002
- Глобальные социальные и политические перемены в мире. / ред. А.Ю. Мельвиль. М.: , 1997
- Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Глобальный экологический вызов —

- главный вызов XXI века. Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
- Дилигенский Г.Г. Глобализация: перспективы демократии. // «Полития», 1999, № 3
- Дилигенский Г.Г., Римашевская Н.М. Глобализация, население, человек. Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
- Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002
- Замятин Д. Н. Многоликость современного мира. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Игрицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации. // «Pro et contra», 1999, № 4
- Ильин М. В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М.: МГИМО, 1995a
- Ильин М. В. Мировое общение как проблема «полиглотии». // «Полис» 1995b, №1
- Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997a
- Ильин М. В. Глобализация политики и эволюция политических систем. // *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю.Мельвиль. М., 1997b
- Ильин М. Политические аспекты глобализации. Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
- Ильин М. В. Стабилизация развития. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001.
- Ильин М. В. Новая жизнь традиционных укладов. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001.
- Ильин М. В. Многообразие демократических альтернатив в условиях глобализации. // «Полис», принято к публикации.
- Ильин М. В., Иноземцев В. Л. Введение. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Иноземцев В.Л. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории. // «Полис», 1991, № 4
- Иноземцев В.Л. Понятие творчества в современной экономической теории. // «Полис», 1992, № 1-2.
- Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995
- Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // «Философские исследования», 1997a, № 3
- Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // «Вопросы философии», 1997b, № 10.
- Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества // «Социологический журнал», 1997c, № 4

- Иноземцев В.Л. Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // «Вестник Российской академии наук», 1997d, т.68, № 8
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998a
- Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998b
- Иноземцев В.Л. «Глобализация» национальных хозяйств и современный экономический кризис // «Проблемы теории и практики управления», 1999a, № 3
- Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // «Вопросы философии», 1999b, № 5
- Иноземцев В.Л. Fin de siècle. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы. // «Свободная мысль-XXI», 1999c, № 7, № 8
- Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества. // «Полис», 1999, № 5
- Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: «Academia» — «Наука», 1999e
- Иноземцев В.Л. Социально-экономические проблемы XXI века: попытки нетрадиционной оценки. М., 1999f
- Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии. // «Полис», 2000, № 6
- Иноземцев В.Л. Концепция глобализации и теория устойчивого развития. // *Глобализация. Цивилизационные и гуманитарные аспекты.* М.: ИСП РАН, 2001
- Иноземцев В.Л. Неизбежность монополюсной цивилизации. // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Ионин Л.Г. Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика. // «СОЦИС», 1998, № 10 [Ionin L. Conservative Geopolitics and Progressive Global Studies. // «SOCIS», 1998, № 10. In Russian]
- Ионин Л.Г. Ответы на вопросы редакции. — Глобализация и перспективы российской социологии: взгляд изнутри. // *Глобализация и постсоветское общество.* («Аспекты 2001», М: Стови, 2001
- Кагарлицкий Б.Ю. Глобализация и левые. М., 2002a
- Кагарлицкий Б.Ю. Глобализация и новые социальные движения. // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002b
- Капустин Б.Г. Критика политического морализма. // «Вопросы философии», 2001a, № 2
- Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). // «Полис», 2001b, № 4
- Коллонтай В. О неолиберальной модели глобализации. // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999, № 10
- Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации. // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. №№ 1 и 2
- Красильщиков В. А. Конец индустриальных модернизаций? *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001

- Кувалдин В.Б. Глобализация и судьба нации-государства. // *Космополис* 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Кувалдин В. Глобализация и рождение мегаобщества. *Труды Фонда Горбачева.* Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
- Кузнецов В. «Золотой миллиард» и остальное человечество. // «Pro et contra», 1999, № 4.
- Кузнецов И.И. Транснациональные отношения в системе государств: партнерство или новый виток соперничества? // *Космополис* 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Кузьмин А. С. Глобализация как высшая стадия империализма: к проблеме рефлексии описания Pax Romana парфянскими книжниками. // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Кулагин В.М. Закат Вестфалии. // *Космополис* 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Лапкин В.В. Универсальная цивилизация: болезнь роста и ее симптомы. // «Полития», 1999, № 3
- Лапкин В.В. Размышления о соразмерности глобализации и модерна. // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Лапкин В.В. Ритмы, циклы, волны: проблемы моделирования политического развития. // «Полис», 2002, № 4
- Лапкин В.В. (с Пантинным В.И.) Волны политической модернизации в логике «противоцентра». // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятие. // «Полис», 1999a, № 4
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции. // «Полис», 1999b, № 6
- Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место России в ней. // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Максименко В. Происходит ли глобализация? // «Pro et contra», 1999, № 4.
- Малиновский П.В. Глобализация 90-х годов: время выбора (вступительная статья). // *Глобализация: Контуры XXI века.* Реферативный сборник. Ч. 1-3. / ред. Ю.И.Игрицкий. М.: ИНИОН РАН, 2002
- Малхазова С.М. Глобальные экологические изменения и здоровье населения. // *Глобальные социальные и политические перемены в мире.* / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Межуев Б. В. Теория модернизации и геополитика: проблематичность концептуального соотнесения. // *Мегатренды мирового развития.* / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Мельвиль А.Ю. Демократизация как глобальная тенденция? // *Глобальные социальные и политические перемены в мире.* / ред. А.Ю.Мельвиль. М., 1997a
- Мельвиль А.Ю. О траекториях политического развития посткоммунистических стран. // «Полис», принято к публикации.

- Неккесса А. И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / ред. В.Л. Иноземцев. М.: Academia, 1999
- Общественно-политические силы России и Запада и проблемы глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2002
- Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998
- Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999а
- Панарин А.С. Российская альтернатива. Нью-Йорк: Edwin Mellen Press, 1999b
- Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000а
- Панарин А.С. Агенты глобализма. // «Москва», № 1-7, 2000b
- Панарин А.С. Испытание глобализмом. Москва: Эксмо-пресс, 2002 (впервые опубликовано как «Альманах. Россия и мир. 2000, № 1», М.: Русский национальный фонд, 2000)
- Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997
- Пантин В.И. (с Лапкиным В.В.) «Универсальная цивилизация»: генезис и противоречия // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования. // «Полис», 2002, № 2
- Пантин В.И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития. // «Полис», 2002, № 4
- Переведенцев В.И. Демографические аспекты глобальных перемен. *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система. // «Политическая наука», 1997, № 2
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Российская реформа: проблема применимости ретроспективных и сравнительных аналогий. // «Политическая наука», 1998, № 3
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы. // «Pro et contra», 1999, № 4.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории. // «Полис», 2001, № 4
- Покровский Н.Е.
- Попов Г.Х. Глобализация. // «Московский комсомолец»
- Постиндустриальный мир: Центр, Периферия и Россия. Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999
- Постиндустриальный мир: Центр, Периферия и Россия. Сборник 3. Глобализация и Периферия М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999
- Постиндустриальный мир: Центр, Периферия и Россия. Сборник 3. Особый случай России. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999
- Постиндустриальный мир: Центр, Периферия и Россия. Сборник 4. Ми-

- ровая культура на пороге XXI века. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999
- Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2000
- Сергеев В.М. Государственный суверенитет и эволюция системы международных отношений. // Космополис 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Сергеев В. М. Ворота в глобальный мир. // *Мегатренды мирового развития*. / ред. М.В.Ильин, В.Л.Иноземцев. М.: Экономика, 2001
- Сергеев В. М.
- Толстых В.И. Глобализация в социокультурном измерении. *Труды Фонда Горбачева*. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001
- Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001
- Федоров Ю. Е. Новые вызовы глобальной безопасности. // *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Федоров Ю. Е. Критический вызов для России. // «Pro et contra», 1999, № 4.
- Хани Р. Компоненты глобальной культуры. *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Хозин Г.С. Устойчивое развитие — новая задача глобальных перемен. *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие: уроки для России. М.: Наука, 1997
- Цвылев Р.И. Транснациональный капитал в глобальной экономике. // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002
- Цыганков П.А. Глобальные политические перемены и язык теории. *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Чешков М.А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. // «Pro et contra», 1999, № 4.
- Шестопал А.В. Философские основы глобалистики: деконструкция и реконструкция всеобщей истории. *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. / ред. А.Ю. Мельвиль. М., 1997
- Энтин Л.М. XXI век и судьба суверенного государства. // Космополис 99. М.: МГИМО, Полис, 1999.
- Яхимович З.П. Процессы «мондиализации» и судьбы государственности. // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002
- Inozemtsev V. The Constitution of the Post-Economic State. Post-Industrial Theories and Post-Economic Trends in the Contemporary World. Aldershot: Ashgate, 1998
- Madariaga S. Ingleses, Franceces, Espanoles. Ensayo de psicologia comparada. — Madrid, 1925; 2nd ed. — L., 1970
- Rawls J. «Justice as Fairness». // «Philosophical review», 1957, № 57
- Riggs F.W. Agraria and Industria. — Siffin W.J. (ed.) Toward a Comparative Study of Public Administration. Bloomington: Indiana University Press, 1957
- Riggs F.W. Administration in Developing Countries. The Theory of Prismatic Society. Boston: Houghton Mifflin Co, 1964

- Rokkan S.* Electoral Activity, Party Membership and Organizational Influence. — «Acta Sociologica», vol. 4, 1959
- Rokkan S. & Torsvik P.* Der Waehler, der Leser und die Parteipresse. — «Koelner Zeitschrift fuer Soziologie», Bd. 12, 1960
- Rokkan S.* Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism. — Dahl R. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966
- Rokkan S.* Geography, religion and Social Class. Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics. — Lipset S.M. & Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: Free Press, 1967
- Rokkan S. & Lipset S.M.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. An Introduction. — Lipset S.M. & Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: Free Press, 1967
- Rokkan S.* Electoral Systems. — International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y.: Macmillan and Free Press, 1968

Изучение проблем безопасности в России¹

1. Введение

Понятие «безопасность» является одной из самых спорных категорий в отечественной и зарубежной теории международных отношений (ТМО) и других общественных науках. В зависимости от парадигмы ТМО или политико-идеологических предпочтений того или иного ученого подходы к трактовке этого понятия сильно различаются. Российской ТМО было особенно сложно разрабатывать эту категорию, ибо в постсоветский период не только произошла смена научной парадигмы, но и страна в целом находится в процессе поиска своей новой идентичности, включая ее внешнеполитическую составляющую. Стране, где до сих пор не достигнуто национальное согласие по таким базовым параметрам, как вектор развития, социальный идеал, модели экономической и политической систем, национальные интересы и пр., сложно определить, какие угрозы и вызовы национальной безопасности действительно существуют, а какие являются мифом или предрассудками, унаследованными от прошлого или порожденными настоящим.

В отличие от западной науки, где изучение проблем безопасности является самостоятельным разделом ТМО (security studies) и даже преподается в качестве отдельной учебной дисциплины², в России эта сфера научного знания пока находится в стадии ста-

¹ Работа выполнена в рамках научных проектов, финансировавшихся Фондом Дж. и К. Макартуров и Копенгагенским институтом исследований проблем мира.

² Соответствующая дисциплина предусмотрена в Государственном образовательном стандарте 2000 г. по специальности «международные отношения», но она не относится к числу обязательных и читается лишь в немногих вузах.

новления и до конца не определилась со своим предметом и спецификой по сравнению с другими — смежными — отраслями международно-политической науки (конфликтология, изучение проблем войны и мира и пр.). Это приводит к различным трактовкам самого понятия «безопасность» и той проблематики, которой должна заниматься наука о безопасности. Для военного аналитика безопасность — это отсутствие внешних военных угроз и/или наличие такого потенциала, который позволяет эффективно сдерживать эти угрозы. Для эколога безопасность — это защищенность от техногенных катастроф (в этой науке встречаются даже такие узкие трактовки безопасности как способность властей обеспечить население чистой питьевой водой). Для инженера по технике безопасности труда безопасность — это отсутствие или низкая степень травматизма на производстве.

В общественных науках также не утихают споры о природе безопасности и о предмете исследования. До середины 1980-х гг. (т.е. до появления горбачевской концепции «нового политического мышления» — НПМ) советская ТМО под безопасностью понимала исключительно ее военно-политическую составляющую — соотношение военных потенциалов, баланс сил между супердержавами и военно-политическими коалициями, применение военной силы в международных отношениях, контроль над вооружениями и разоружение, международные режимы и институты безопасности и т.д. Понятие «национальная безопасность» полностью отсутствовало (включая и период НПМ). Предпочитали говорить о международной безопасности, в крайнем случае — военной безопасности СССР (т.е. государства). Лишь под влиянием глобальных перемен в мире, а также ряда западных концепций (подробнее см. следующий раздел) произошли изменения в восприятии советскими ТМО и политическим руководством проблем международной безопасности. Так, НПМ уже включало в себя не только военно-политическое, но и экономическое, экологическое и демографическое измерения.

В 1990-е гг. продолжается расширение проблематики и, соответственно, предмета исследований в области безопасности (причем, это характерно для большинства российских внеш-

неполитических школ, даже таких консервативных, как геополитика и реализм). Особое внимание уделяется четырем проблемным сферам — видам и уровням безопасности, а также операционным моделям, режимам и институтам международной безопасности. Значительный объем работы был проделан по российской проблематике — национальные интересы и национальная безопасность РФ, роль России в системе международной безопасности и отдельных режимах безопасности (региональных и функциональных). Однако, как уже отмечалось, предметная область науки о безопасности пока еще до конца не оформилась, а сама эта дисциплина не приобрела прочную теоретико-методологическую базу и стройную структуру.

В задачи данного исследования входит как изучение эволюции взглядов отечественных ученых на проблемы национальной и международной безопасности в течение последних 10-15 лет, так и определение того вклада, которые они сделали в развитие данной сферы ТМО.

2. Интеллектуальные корни

В рамках советского периода можно выделить три этапа развития теорий безопасности — ортодоксальный, модернизированный и этап НПМ. В период господства ортодоксального марксизма-ленинизма (до середины 1970-х гг.) теории безопасности (как и ТМО, политология и пр.) в строгом смысле слова отсутствовали. Проблематика, связанная с безопасностью, была разбросана по различным разделам таких марксистских дисциплин, как научный коммунизм и исторический материализм (например, в них был раздел «Проблемы войны и мира»). Вопросы безопасности в основном фигурировали в рамках теории социалистической революции (См., например: Арбатов, 1970.) Разоруженческая тематика была «распределена» между историей международных отношений и внешней политики и международным правом.

На втором этапе — модернизированного марксизма, длившемся с середины 1970-х до середины 1980-х гг.) — в работы

советских ученых проникают некоторые западные теории и методологические подходы. Особенно влиятельными стали системный подход и связанный с ним структурно-функциональный анализ (хотя и в марксистской интерпретации). (Поздняков, 1976; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран, 1981; Система, структура и процесс развития современных международных отношений, 1984) В работах некоторых международников появляются отголоски таких модных тогда западных теорий, как теории международных режимов, взаимозависимости, баланса сил, геополитики и пр. (Мурадян, 1988; Современные буржуазные теории международных отношений, 1976; США: политическая мысль и история., 1976.) Правда, их проникновение осуществлялось своеобразным способом: советские авторы, делая вид, что они критикуют те или иные буржуазные теории, по сути дела перенимали у своих западных коллег методологические подходы, понятийный аппарат, аргументацию и пр.

На этом этапе складывается советская ТМО, и происходит «встраивание» проблем безопасности в эту дисциплину (Кукулка 1980; Санаков Капченко 1978; Современные буржуазные теории международных отношений 1976) В то же время разоруженческая тематика приобретает особую популярность и развивается как самостоятельное направление научных исследований (Иванченко 1983; Милитаризм и разоружение 1984; Мир и разоружение 1986; Петровский, 1982; Фарамазян, 1982.) Интересно отметить, что советские ученые, работавшие по этой проблематике, испытали на себе заметное влияние западных либеральных и глобалистских школ (особенно школы исследований по проблемам мира — peace research school), ибо западные коллеги, с которыми велись диалог и дискуссии, в основном принадлежали именно к этим парадигмам.

Третий этап — НПМ — принес существенные новации в советские теории безопасности. Авторы НПМ практически не скрывали, что они заимствовали на Западе многие либеральные, социал-демократические и глобалистские теории (экономическая, политическая и культурная взаимозависимость мира, бессмысленность дальнейшей гонки вооруже-

ний, необходимость прекращения конфронтации между двумя общественно-политическими системами, а также разоружения и конверсии, приоритетность общечеловеческих интересов и настоятельная необходимость сотрудничества по решению глобальных проблем и пр.) (Громыко, Ломейко, 1984; Горбачев 1987) НПМ фактически отказалось от классового подхода (или существенно ревизовало его).

Оценивая творческий «багаж» советского периода, следует отметить, что российская ТМО унаследовала от него достаточно богатую историографию в области международной безопасности, хотя, с методологической точки зрения, она развивалась в жестких рамках одной — марксистской — идеологии (часть глобалистской парадигмы). Советские ученые детально изучали не только природу международной безопасности, но и вместе с другими передовыми школами мира пришли к выводу о необходимости многомерного подхода к трактовке этого понятия за счет включения в него как традиционного (военного), так и новых компонентов (экономическая, общественная, экологическая безопасность и т.д.) (Антюхина-Московченко, Злобин, Хрусталева 1988; В поисках равновесия. Экология в системе социальных и политических приоритетов, 1992; Иванченко 1983; Колбасов 1982; Его же. 1983) Так, стремление построить систему глобальной безопасности, основанную на «общепланетарном сознании» и «общечеловеческих ценностях» и направленную на решение глобальных проблем человечества (разоружение, экология, демография, освоение космического пространства и пр.) было характерно для горбачевского НПМ. (Глобальные проблемы современности и сотрудничества в ходе их решения, 1987; Горбачев М.С. 1987; Громыко, Ломейко 1984; Политика силы или сила разума? -1989; Социально-философские аспекты современных международных отношений 1987; США и проблемы сокращения вооружений. 1988.) Советские ученые также подробно изучали такие конкретные аспекты международной безопасности, как контроль над вооружениями и разоружение, конверсия оборонной промышленности, региональные и глобальные режимы безопасности, роль меж-

дународных организаций и права в обеспечении международной безопасности, международный терроризм, механизм формирования политики западных стран в сфере безопасности, внешнеполитическая мысль отдельных стран и пр. (Барсегов, 1983; Блищенко, Солнцева, 1991; Внешняя политика капиталистических стран, 1983; Внешняя политика СССР. Проблемы теории и практики, 1986; Карпец, 1983; Ковалев, Малышев 1984; Колобов, Корнилов, Макарычев, Сергунин, 1992; Колосов, Стасhevский, 1984; Кукулка, 1980; Маркушина, 1983; Международная безопасность и Мировой океан, 1982; Международно-правовые проблемы освоения космоса, 1983; Международный порядок: политико-правовые аспекты, 1986; Международный терроризм и ЦРУ, 1982; Механизм формирования внешней политики США, 1986; Механизм формирования и осуществления внешней политики империалистических государств в XX в., 1988; Милитаризм и разоружение, 1984; Мир и разоружение, 1986; Петровский, 1982; Поздняков, 1986; Поздняков 1976; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран, 1981; Разоружение, 1979; Родионов, 1982; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран, 1981; Решетников, 1993; Санагоев, Капченко, 1978; Сергеев, 1967; Система, структура и процесс развития современных международных отношений, 1984; Современная внешняя политика США, 1984; Фарамазян, 1982; Тюлин, 1988; Хозин 1986; Его же. 1987.)

Вместе с тем в «советском наследии» были и такие компоненты, которые делали его лишь ограниченно годным (или вообще негодным) для использования в посткоммунистической России. Во-первых, это — идеологизированный (классовый) подход к анализу международной проблематики (за исключением НПМ), который был неуместен в новых условиях.

Во-вторых, советская наука фактически игнорировала категорию национальной безопасности, предпочитая фокусировать свое внимание в основном на проблемах международной безопасности. Понятия «национальные интересы», «национальная безопасность» были для советских ученых

«буржуазными измышлениями», изобретенными «апологетами» политического реализма для обоснования агрессивной империалистической политики Запада. (Арбатов, 1970; Мурадян, 1988; Современные буржуазные теории международных отношений. 1976; США: политическая мысль и история. 1976.) В тех же случаях, когда речь шла об интересах СССР или других стран социализма, советские международники предпочитали использовать государствоцентричные термины — «безопасность СССР», «государственная безопасность», оставляя в стороне такие важнейшие компоненты национальной безопасности, как безопасность общества и личности. Даже НПМ, претендовавшее на выход за рамки классового подхода, не смогло преодолеть этот недостаток традиционного марксизма. Российским ученым и политикам пришлось осваивать категорию «национальной безопасности» фактически «с нуля» и в острых дискуссиях решать, каким конкретным содержанием наполнить это достаточно абстрактное понятие.

В-третьих, советские концепции международной безопасности были не просто идеологизированными, они были выстроены «для нужд» периода конфронтации между двумя общественными системами, эпохи «холодной войны». В новых условиях, когда изменилось само понятие международной безопасности, геополитическая ситуация в мире, поменялись внешнеполитические приоритеты России и система ее военно-политических союзов, старые концепции просто перестали соответствовать современным реалиям.

В постсоветский период, когда отечественная наука полностью открылась для сотрудничества с внешним миром, можно выделить три типа интеллектуальных источников российских теорий безопасности. Прежде всего, это — западные теории, опирающиеся на традиционные парадигмы реализма, либерализма и глобализма, а также их антипод — постпозитивизм. Учитывая характер проблем стоящих перед Россией, наибольшей популярностью пользовались реализм и геополитика. Второй источник — это российские немарксистские теории (евразийство, идеи Н. Данилевского, славяно-

фильство, взгляды русской религиозной философской школы конца XIX-начала XX вв. и пр.). В-третьих, это — реформированный марксизм, близкий к европейской социал-демократии и питающий ныне своими идеями круги, близкие к КПРФ и российским социалистам.

3. Распад СССР: новый контекст

С распадом СССР и возникновением независимой России существенно изменилось восприятие проблем национальной и международной безопасности как политиками, так и представителями академической общины.

Во-первых, России, которая никогда не существовала в таком виде — ни территориально, ни политически, — пришлось заново формировать свою идентичность (в том числе в сфере безопасности). В этом плане особенно важно было правильно определить национальные интересы РФ и угрозы и вызовы безопасности страны.

Во-вторых, Москве предстояло избавиться от комплекса супердержавы и по-новому оценить свои место и роль в системе международных отношений. Нужно было время для того, чтобы понять, какие задачи по плечу стране и какими ресурсами она обладает для достижения своих внешнеполитических целей.

В-третьих, распад СССР и прекращение глобальной военно-политической конфронтации между социализмом и капитализмом резко изменили соотношение между военными и невоенными аспектами национальной и международной безопасности. Для России на передний план вышли так называемые «мягкие» (невоенные) факторы безопасности. Поскольку реальной военной угрозы извне для России не существовало, то вопросы «жесткой» (военной) безопасности потеряли свою былую значимость. Российское руководство оказалось перед совершенно новым для него спектром проблем, требовавших настоящего решения, — незащищенность новых границ РФ, незаконная миграция, терроризм,

наркоторговля, контрабанда, религиозный, национальный и политический экстремизм, сепаратизм, притеснения русскоязычных в бывших советских республиках, массовые заболевания и эпидемии (СПИД, мультирезистентный туберкулез, дифтерия, гепатит и пр.).

Прошло немало времени прежде, чем Москва отрешилась от традиционного подхода к вопросам безопасности, и пришло понимание первоочередной важности именно «мягкой», а не «жесткой» безопасности, внутренних, а не внешних угроз России. В военной доктрине РФ 1993 г. внешние источники угрозы российской безопасности еще стоят на первом месте (упоминаются локальные конфликты вблизи российских границ, территориальные претензии к РФ со стороны иностранных держав, расширение военных альянсов и т.д.) (Известия, 1993) Лишь в концепции национальной безопасности 1997 г. впервые была четко сформулирована мысль о том, что наиболее серьезные угрозы безопасности страны проистекают не извне, а изнутри самой России, и к их числу относятся такие факторы, как системный экономический кризис, социально-политическая напряженность, национализм, религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм и пр. (Российская газета, 1997, 26 декабря, с. 4-5.)

В-четвертых, России пришлось фактически заново создавать механизм национальной безопасности, ибо унаследованный от СССР аппарат не соответствовал новым реалиям и был не в состоянии справиться со стоявшими перед страной задачами. Потребовалась радикальная реорганизация (не завершенная и по сей день) вооруженных сил, спецслужб и других «силовых» структур, чтобы придать этому механизму более или менее адекватную форму.

В-пятых, России пришлось считаться со сложившейся после окончания «холодной» войны новой геополитической ситуацией. На европейском континенте резко усилились интеграционные процессы, и в лице ЕС возник новый полюс силы, обладающий не только экономическим, но и военно-политическим измерением. Одновременно НАТО постаралась укрепить свои позиции за счет приема новых членов и

расширения сферы своего влияния. Более того, НАТО стала претендовать на роль основного гаранта европейской и трансатлантической безопасности, оттеснив в сторону другие организации — ОБСЕ, ООН и пр. В складывающейся новой конфигурации региональной безопасности России было нелегко найти свое место и отстоять свои интересы. Первоначально, по инерции, политическая и военная элиты России воспринимали «западное направление» (особенно расширение НАТО) как основной источник угроз своей национальной безопасности. Лишь со временем пришло понимание того, что России приходится сталкиваться с гораздо более серьезными угрозами по своему южному периметру — от Кавказа до Таджикистана и Афганистана. На Дальнем Востоке России тоже нужно было балансировать между такими гигантами, как Китай, Япония и США, развернувшими борьбу за влияние в регионе.

Наконец, в-шестых, распад СССР и формирование новой российской идентичности совпали по времени со всемирным процессом глобализации, который не мог не сказаться на национальной безопасности России. Наряду с позитивными изменениями (прекращение состояния конфронтации и гонки вооружений, рост взаимного доверия, процесс разоружения, сокращение вооруженных сил и военных расходов, конверсия оборонной промышленности), глобализация сделала все страны мира более уязвимыми в таких сферах, как экономика и финансы (глобальный финансово-экономический кризис 1997-1998 гг.), экология, международный терроризм и наркобизнес, нелегальная миграция, массовые заболевания, информационная безопасность, национально-культурная самобытность и пр. Характерная для эпохи глобализации тенденция к универсализации и унификации не могла не породить вызов национальным традициям и ценностям, а также суверенитету различных государств. Россия (в числе прочих стран) должна была определить свое отношение к глобализации и найти адекватный ответ на те вызовы, которые она с собой несет.

Все эти тенденции и процессы сформировали принципиально новую повестку дня в сфере безопасности для российс-

ких исследователей. В России «чистой», академической дисциплины безопасности пока не существует; наука и политика в данном случае тесно переплетены. Это объясняется, с одной стороны, тем, что сама проблематика, будучи тесно связанной с сиюминутными политическими интересами России, заставляет специалистов писать «на злобу дня». С другой стороны, в силу разных причин (исторических, идеологических, материальных и пр.) российские ученые часто сочетают академическую карьеру с политической деятельностью. В постсоветской России имеются все четыре основные парадигмы ТМО — реализм (и во многом родственная ему школа геополитики), идеализм-либерализм, глобализм и постпозитивизм, хотя и с «местной спецификой». (См. Подробнее первый раздел данной книги, а также : Malhotra, Sergounin, 1998, pp. 329-420; Сергунин внешнеполитическая мысль и война на Балканах, 2000, с. 159-173. Российская внешнеполитическая мысль и война на Балканах, 2000, с. 159-173.)

4. Природа и компоненты международной безопасности

Как уже отмечалось, большинство российских школ ТМО отошло от понимания международной безопасности как феномена, принадлежащего исключительно к военно-политической сфере. Вместо этого устаревшего, узкого подхода укоренилось многомерное, комплексное понимание международной безопасности, включающее не только «жесткие» (военные), но и «мягкие» (невоенные) факторы — экономические, социальные, демографические, экологические, культурные, информационные и прочие вызовы. Причем, такое широкое понимание категории «международная безопасность» свойственно не только для академической среды, но и зафиксировано в официальных документах. Подобный подход к проблеме безопасности содержится, например, в Законе о безопасности РФ 1992 г., (Закон Российской Федерации о безопасности, с. 5.) а также обоих вариантах Концепции национальной безопасности (КНБ) РФ, принятых в 1997 и 2000

гг. (Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997 г.), с. 4-5; Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000 г.), с. 1, 6-7)

Россия на официальном уровне заявила, что в настоящее время не существует угрозы полномасштабной войны, и вообще главным источником опасности для страны являются не внешние, а внутренние угрозы (прежде всего, финансово-экономический кризис, а также национализм и сепаратизм). Лишь с началом второй чеченской войны международный терроризм был упомянут в качестве серьезной внешней угрозы. События 11 сентября 2001 г. подтвердили эту оценку.

Научно-политические элиты России отмечают снижение роли военных и возрастание значимости невоенных факторов обеспечения международной безопасности. Так, при определении контуров формирующейся североευропейской системы безопасности российская дипломатия безусловно отдает приоритет «мягкой» безопасности. По словам российского министра иностранных дел И.С. Иванова, первостепенное внимание должно быть уделено экологии, социальным проблемам, правам человека и национальным меньшинств (Ivanov, 1999. A Compilation of Speeches, 2000, p. 8.) Российское восприятие международной безопасности в данном регионе разделяется и Евросоюзом. Принятый в июне 2000 г. План действий в рамках Северного измерения общей внешней и оборонной политики ЕС перечисляет следующие приоритеты:

- экология (особенно выбросы в водную и воздушную среды);
- ядерная безопасность;
- энергетическая безопасность;
- необходимость развития человеческих и научных ресурсов;
- здравоохранение и уровень жизни;
- препятствия на пути торговли и инвестиций;
- организованная преступность; и
- Калининград (Action Plan for the Northern Dimension in the external and cross-border policies of the European Union 2000-2003, 2000. Brussels: Commission of the European Communities, 2000, pp. 3-4)

В то же время различные школы по-разному оценивают роль военной силы в современных международных отношениях. Российские официальные документы, включая КНБ и военную доктрину 2000 г., подчеркивают, что при решении международных споров предпочтительны политические и правовые инструменты, военная же сила — этой крайнее средство, которое может применяться только в том случае, если другие методы исчерпаны (Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997 г.), с. 4-5; Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000 г.), с. 6; Военная доктрина Российской Федерации, 2000, с. 5-6.) Однако ряд российских реалистов и геополитиков считает, что военная сила или угроза ее применения остается важным средством обеспечения национальной и международной безопасности. Причем, как показали события последних лет, военная сила может быть использована и в тех случаях, когда нет непосредственной угрозы безопасности западных стран (Босния, Гаити, Ирак, Косово, Панама, Сомали).

В отличие от периода «холодной войны», когда отечественные ученые считали, что безопасность того ли иного субрегиона или региона можно обеспечить только в контексте более широкой системы безопасности — соответственно, региональной или глобальной, ныне все больше укореняется мнение о том, что в современных условиях возможно создание более или менее автономных систем безопасности и на субрегиональном, и региональном уровнях. Например, Северо-восточная Европа, где отсутствуют ярко выраженные военные угрозы, вполне может стать такой зоной безопасности. По словам министра иностранных дел РФ И.С. Иванова, «на севере континента был приобретен уникальный опыт в процессе широкомасштабного и равноправного сотрудничества между странами, которые объединены такими факторами, как география, история, взаимное стремление к укреплению этих отношений и необходимость совместного поиска ответов на вызовы времени. Пример нашего региона должен убедить всех европейцев в возможности укрепления безопасности и стабильности, а также процветания на основе серъ-

езного и равноправного международного сотрудничества. В этом мы видим главную политическую цель концепции Северного измерения». (Ivanov I.S, p. 7)

Как видим, российские эксперты в области внешней политики, несмотря на отдельные разногласия, во многом сходятся в понимании характера и законов функционирования современной системы международной безопасности.

5. Модели международной безопасности

В данном исследовании мы рассмотрим два типа моделей. Модели международной безопасности, относящиеся к первому типу, конструируются в зависимости от количества субъектов системы безопасности. Модели второго типа строятся в зависимости от характера отношений участников.

5.1. Субъекты безопасности

Выделяются четыре основных модели, конкурирующих между собой:

- *Однополярная система безопасности.* После распада Советского Союза США остались единственной сверхдержавой, которая, по мнению сторонников подобной модели, пытается нести «бремя» мирового лидерства, дабы не допустить «вакуума силы» в международных отношениях и обеспечить распространение демократии по всему миру. Интересно отметить, что не только реалисты, но и неолибералы не отвергают тезис об оправданности американской гегемонии после окончания «холодной войны». Так, ряд российских либералов ссылается на мнение известного американского политолога Дж. Ная, который считает, что отсутствие лидерства со стороны сверхдержавы плохо и для других стран, ибо в одиночку они не в состоянии справиться со сложными проблемами эпохи глобальной взаимозависимости. (Nye J., 1991, p. 239.)

Однополярная модель предполагает усиление системы военно-политических союзов, ведомых США. Так, НАТО, по мне-

нию либеральных аналитиков, должна обеспечивать стабильность в трансатлантической подсистеме международных отношений, гармонизировать отношения между США и европейскими государствами в стратегической области, обеспечивать американское военное присутствие в Европе и гарантировать недопущение конфликтов на этом континенте. (Тренин; Макаров)

США ясно дали понять (и продемонстрировали это на деле в ходе войны на Балканах 1999 г.), что именно НАТО должно стать главным гарантом европейской безопасности. Другие региональные организации — ЕС, ЗЕС, ОБСЕ и пр. — могут лишь играть второстепенную роль в архитектуре европейской безопасности XXI в. В соответствии с новой стратегической концепцией НАТО, принятой весной 1999 г., зона ответственности этого блока расширяется за счет включения в нее сопредельных регионов. Любопытно, что, с точки зрения ряда либеральных экспертов, НАТО не только выполняет задачи военно-политического союза, но и все больше приобретает идентификационно-цивилизационные функции. Членство в НАТО служит своего рода индикатором принадлежности к западной, «демократической» цивилизации. Те же, кто не являются членами НАТО и не имеют шансов войти в эту организацию, относятся к «чужим» и даже враждебным цивилизациям. По выражению одного скандинавского аналитика, по границам НАТО пролегает рубеж между Космосом и Хаосом (Tunander, 1996, pp. 48-62.) Российские либералы, по-прежнему считают, что присоединение к НАТО является для России важнейшей задачей в сфере международной безопасности.

Необходимо, однако, отметить, что однополярная модель международной безопасности подвергается обоснованной критике как в России, так и в самих США. Российские критики однополюсной модели ссылаются на мнение ряда американских специалистов, которые полагают, что США просто не имеют необходимых ресурсов для выполнения функций мирового лидера. (Андрусенко, Тропкина, 2002, с 1-2.) Они также обращают внимание на то, что американское общественное мнение также весьма сдержанно относится к этой идее, ибо осознает, что подобная роль требует существенных финансовых затрат.

Другие центры силы — ЕС, Япония, Россия, Китай — также высказывают свое неприятие американской гегемонии (в открытой или завуалированной форме). Кроме того, основным инструментом осуществления американского лидерства — военно-политические альянсы — плохо приспособлен для решения современных проблем. Эти союзы были созданы в период «холодной войны», и их главным предназначением было предотвращение военных угроз. Многие аналитики — российские и зарубежные — считают, что для адекватного ответа на вызовы из области «мягкой безопасности» (финансово-экономические кризисы, экологические катастрофы, терроризм, наркобизнес, незаконная миграция, информационные войны и пр.) военная машина, унаследованная из прошлого, просто не годится. (Николаев, 2003, с 9; Sergounin, 2002, pp. 11-30; Rotfeld, pp. 380-395)

- *«Концерт держав»*. Некоторые специалисты предлагают в качестве наилучшей модели международной безопасности союз нескольких великих держав (по образцу Священного союза, определявшего устройство Европы после завершения наполеоновских войн), которые могли бы взять на себя ответственность как за поддержание стабильности в мире, так и за предотвращение и урегулирование локальных конфликтов. Достоинство «концерта держав», по мнению сторонников этой концепции, заключается в его лучшей управляемости и, соответственно, большей эффективности, ибо в рамках такой конструкции легче согласовать позиции и принять решение, чем в организациях, насчитывающих десятки или даже сотни (ООН) членов.

Правда, между российскими экспертами существуют разногласия по поводу состава такого «концерта». Если одни специалисты предлагают сформировать этот союз на базе «восемь-ки» высокоразвитых индустриальных держав» (особенно влиятельной эта точка зрения стала после окончания войны в Ираке), то другие настаивают на обязательном участии Китая и Индии. (См, например, Баусин 2003, с. 2; Rogov, 1995, p. 37.)

Однако критики данной модели указывают, что она дис-

криминационна по отношению к малым и средним государствам. Система же безопасности, созданная на основе диктата нескольких сильных государств, не будет легитимной и не будет пользоваться поддержкой большинства членов мирового сообщества. Кроме того, эффективность этой модели может быть подорвана соперничеством между великими державами или выходом из союза одного или нескольких его членов. (Camilleri, pp. 88-89)

- *Многополярная модель*. Ряд ученых, по своим убеждениям близких к реализму, считает, что в период после окончания «холодной войны» на деле сложилась не одно-, а многополярная система международных отношений. Лидерство США во многом является мифическим, иллюзорным, ибо такие акторы, как ЕС, Япония, Китай, Индия, АСЕАН, Россия, признавая мощь США, все же проводят свой курс в международных делах, часто несовпадающий с американскими интересами. Росту влияния этих центров силы способствует тот факт, что меняется сама природа силы в международных отношениях. На передний план выдвигаются не военные, а экономические, научно-технические, информационные и культурные составляющие этого феномена. А по этим показателям США не всегда являются лидером. Так, по экономическому и научно-техническому потенциалу ЕС, Япония и АСЕАН вполне сопоставимы с США. Например, по объему помощи развивающимся странам Япония сравнялась с США (10 млрд. долл. ежегодно). (*Foreign assistance legislation for fiscal year 1994*, p. 359.) В военной сфере ЕС также проявляет все большую строптивость, приняв концепцию общей и оборонной политики, превратив ЗЕС в свой военный инструмент и начав формирование европейской армии. Китай, осуществляющий широкомасштабную программу модернизации своих вооруженных сил, по оценкам специалистов, превратится к 2020 г. в одну из ведущих военных держав не только АТР, но и всего мира. (Tow, 1994, p. 20; Bain, 1994, P. 131-147; Ding, 1995, P. 9-10; Kim, 1994. P. 19).

Сторонники многополярности настаивают на том, чтобы США признали необоснованность своих претензий на мировое лидерство и начали партнерский диалог с другими центрами силы. Идеи многополярности особенно популярны в российском политическом и академическом истеблишменте и даже возведены в ранг официальной внешнеполитической доктрины в обоих вариантах КНБ.

Оппоненты многополярности (в основном из лагеря либералов и глобалистов) подчеркивают, что подобная модель не принесет стабильности в международных отношениях. Ведь она исходит из видения системы международных отношений как поля вечной конкуренции между «центрами силы». А это, в свою очередь, неизбежно приведет к конфликтам между последними и постоянным переделам сфер влияния. (Коликов; Тренин.)

- *Глобальная (универсальная) модель.* Сторонники этой концепции исходят из тезиса о том, что международная безопасность может быть по-настоящему обеспечена лишь только на глобальном уровне, когда все члены мирового сообщества принимают участие в ее создании. По одной версии, создание этой модели возможно только тогда, когда все страны и народы будут разделять некий минимум общечеловеческих ценностей и возникнет глобальное гражданское общество с единой системой управления. (Шахназаров; Плимак)

Менее радикальные варианты данной концепции сводятся к тому, что подобная модель явится результатом постепенной эволюции уже существующей системы режимов международной безопасности и организаций при ведущей роли ООН. (Уткин)

Подобная концепция популярна в основном среди различных школ российских глобалистов, но на уровне политических элит она не пользовалась особым влиянием. Противники этой модели в основном критикуют ее за «наивность», «романтизм», «нереалистичность», отсутствие продуманного

механизма создания подобной системы безопасности. (Поздняков; Андрусенко, Тропкина; Маргелов, 2002, с 2..)

Из описанных выше четырех моделей в российском внешнеполитическом мышлении доминирует многополярная модель.

5.2. Отношения субъектов безопасности

Второй тип моделей международной безопасности определяется характером отношений между участниками подобных систем безопасности. Дискуссии шли в основном вокруг трех моделей — коллективной, всеобщей и кооперационной.

- *Коллективная безопасность* — понятие, появившееся в мировом политическом лексиконе и укоренившееся в дипломатической практике еще в 1920-30-е гг., когда предпринимались попытки создать механизм предотвращения новой мировой войны (в основном на базе Лиги Наций).

Главными элементами коллективной безопасности является наличие группы государств, объединенных общей целью (защита своей безопасности), и система военно-политических мер, направленных против потенциального противника или агрессора. (Richardson, 1993, p. 49.) В свою очередь могут быть различные виды коллективной безопасности, отличающиеся друг от друга тем, какой тип межгосударственной коалиции положен в ее основание и какие цели ставят перед собой участники системы коллективной безопасности. Это может быть организация государств, имеющих сходное общественно-политическое устройство, общие ценности и историю (например, НАТО, Организация Варшавского договора, Европейский Союз, СНГ и пр.). Коалиция может возникнуть и по причине внешней опасности, угрожающей безопасности группе совершенно разнотипных государств, но заинтересованных в коллективной защите от общего врага.

В целом же коллективная безопасность фокусирует внимание на военно-стратегических проблемах и не нацелена на решение других аспектов международной безопасности (эко-

номического, общественного, экологического и других изменений). Это ограничивает возможности использования данной модели в современных условиях. Тем не менее в 1990-е гг. наблюдался подъем интереса к этой модели среди российских ученых и политиков, обусловленный динамикой развития СНГ, а также внешними угрозами (расширение НАТО, исламский фундаментализм, локальные конфликты в сопредельных регионах и пр.). (Sergounin, Subbotin, 1998, pp. 146-176.) Неслучайно, Ташкентский договор 1992 г был назван Договором о коллективной безопасности.

- *Всеобщая безопасность* — понятие, впервые появившееся в докладе Комиссии Пальме 1982 г. и ставшее популярным в нашей стране еще в советский период (особенно в рамках НПМ). Ряд глобалистских школ придерживается этой концепции до сих пор.

Эта концепция призвана подчеркнуть многомерный характер международной безопасности (включая не только традиционную «жесткую», но и «мягкую» безопасность), (Misra, 1995, p. 28. О российских взглядах на эту концепцию см.: Плимак; Белкин, Стороженко; Burlak) а также необходимость учета законных интересов не только узкой группы государств, но и всех членов мирового сообщества. Институциональную основу всеобщей безопасности должны составлять не только и не столько военно-политические альянсы (как в случае с коллективной безопасностью), сколько глобальные организации типа ООН. Несмотря на то, что в эвристическом смысле концепция всеобщей безопасности представляет значительный шаг вперед по сравнению с коллективной безопасностью, ей присущ ряд недостатков: некоторая расплывчатость определения международной безопасности (понятие безопасности стало синонимом общественного блага), отсутствие приоритетов, техническая непроработанность, слабое институциональное подкрепление и связанная с этим трудность воплощения на практике.

- *Кооперационная безопасность* — модель, ставшая популярной с середины 1990-х гг. (Цыганков)

Эта модель, по мнению ее сторонников, сочетает в себе лучшие стороны двух предыдущих концепций. С одной стороны, она признает многомерный характер международной безопасности, а с другой — устанавливает определенную иерархию приоритетов и нацеливает субъектов международной деятельности на решение первоочередных задач. Модель кооперационной безопасности отдает предпочтение мирным, политическим средствам решения спорных вопросов, но в то же время не исключает применения военной силы (не только как последнее средство, но и как инструмент превентивной дипломатии и миротворчества). (Зимин, 2002 <<http://www.russ.ru/politics/20020212>>; Fetherston, 1996, p. 96.) Она поощряет сотрудничество и контакты между государствами, принадлежащими к разным типам общественного и цивилизационного устройства, и вместе с тем может опираться на существующую систему военно-политических союзов при решении конкретных вопросов. Наконец, признавая государство-нацию в качестве основного субъекта международной деятельности, эта концепция, тем не менее, большое внимание уделяет использованию потенциала международных и транснациональных организаций. (Зимин; Evans, 1993, p. 16.)

В то же время разработка модели кооперационной безопасности еще далека от своего завершения. Не до конца ясны ее многие конкретные параметры: какие институты должны стать ядром новой системы международной безопасности, каковы природа силы и границы ее использования в современных международных отношениях, каковы перспективы национального суверенитета, как сложится судьба существующих военно-политических альянсов, как предотвратить возрождение блоковой политики и скатывание нынешней системы международных отношений к хаосу и т.д.? Внушают опасение и попытки некоторых государств и коалиций (США и НАТО) интерпретировать понятие кооперационной безопасности в выгодном для себя смысле и построить не равноправную, а иерархичную систему международных отношений.

Оценивая популярность этих трех моделей, отметим, что российская внешнеполитическая мысль склонялась поочередно к концепциям коллективной и всеобщей безопасности. Однако после событий 11 сентября 2001 г. появились признаки того, что российские внешнеполитические и интеллектуальные элиты проявляют склонность к кооперационной модели.

6. Заключение

В случае с концепциями национальной и международной безопасности российская внешнеполитическая мысль претерпела серьезные изменения за последние десять-пятнадцать лет. От идеологического унитаризма (основанного на господстве марксизма-ленинизма) она перешла к мировоззренческому многообразию и интеллектуальной свободе. Ныне в России представлены все основные парадигмы ТМО, каждая из которых имеет свою точку зрения на вопросы национальной и международной безопасности. Несмотря на очевидное господство политического реализма и геополитики, другие школы тоже имеют возможность свободно излагать свои взгляды и бороться за влияние на внешнеполитическую элиту и механизм принятия решений.

Вместе с тем, необходимо отметить, что постсоветская дискуссия по вопросам безопасности не приобрела деструктивного или национал-шовинистического характера. Наоборот, она имеет вполне конструктивную направленность, и даже наметилась тенденция к определенному консенсусу между различными школами. Так, все они исходят из многомерного и многоуровневого понимания как национальной, так и международной безопасности. Согласны они между собой и в отношении возрастающей роли факторов «мягкой» (невоенной безопасности). В противоположность советскому периоду для большинства российских школ ТМО защита национальных интересов в сфере безопасности является важным приоритетом. Они также не приемлют однополярную структуру международной безопасности, считая, что Россия

могла бы внести свой достойный вклад в создание более стабильного и предсказуемого мира.

В то же время между этими школами существуют серьезные противоречия в таких вопросах, как природа и оптимальная модель международной безопасности, роль военной силы в международных отношениях, оценка различных режимов международной безопасности и поведения различных держав и международных организаций, приоритеты российской политики в области безопасности и пр. Такая полифония является нормальной для демократического дискурса и, видимо, сохранится и в будущем (хотя различные школы могут меняться местами по степени влияния).

Необходимо отметить, что российская ТМО пока не преодолела переходный период и, соответственно, характерные для него явления. Так, российские исследователи во многом продолжают быть зависимыми от западных методологических подходов и концепций международной безопасности, им по-прежнему не хватает своего «лица» в этой сфере. Сохраняется определенная изолированность российских специалистов-международников (особенно работающих на периферии) от самых передовых течений современной зарубежной политической мысли. В свою очередь это приводит к господству так называемой модели «догоняющего роста», обрекающей российскую ТМО на следование в кильватере западной науки. Недостаточна степень координации и институционализации действий исследователей в области международной безопасности. (Об институционализации см. подробнее главу И. Тюлина в данной книге.) Представляется, что именно по этим направлениям (для решения этих проблем) и пойдет дальнейшая работа отечественных специалистов-международников.

Литература

- Андрусенко Л., Тропкина О. Мезальянс с Америкой // Независимая газет, 2002, 11 сентября.
 Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988
 Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.

- Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970
- Барсегов Ю.Г. Мировой океан: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1983
- Баусин А. Дружбы с Вашингтоном Москве не избежать // Независимая газета, 2003, 29 мая
- Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991
- В поисках равновесия. Экология в системе социальных и политических приоритетов. М.: Международные отношения, 1992
- Внешняя политика капиталистических стран М., 1983
- Внешняя политика СССР. Проблемы теории и практики. Под ред. С.Л.Тихвинского. М., 1986
- Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 25 апреля 2000.
- Глобальные проблемы современности и сотрудничества в ходе их решения. Берлин: МИСОН, 1987
- Горбачев М.С. Перестройка для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1987
- Громыко А.А., Ломейко В.Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984; Горбачев М.С. Перестройка для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1987.
- Громыко А.А., Ломейко В.Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984
- Закон Российской Федерации о безопасности, с. 5.
- Зимин П. Вызов глобализации // Русский журнал, 2002 <<http://www.russ.ru/politics/20020212>>
- Зимин П. Вызов глобализации; Evans G. Cooperating for Peace: The Global Agenda for the 1990s and Beyond. St. Leonards: Allen & Unwin, 1993.
- Иванченко Н.С. Природоохранный аспект международно-правовой проблемы разоружения. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983.
- Иванченко Н.С. Природоохранный аспект международно-правовой проблемы разоружения. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983
- Известия, 1993
- Карпец И. Преступления международного характера. М.: Прогресс, 1983
- Ковалев Э.В., Малышев В.В. Террор: вдохновители и исполнители. М.: Политиздат, 1984
- Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М.: Международные отношения, 1982; Экология: политика и право. М.: Прогресс, 1983
- Коликов Н. Россия в контексте глобальных перемен; Тренин Д.В. Realpolitik и реальная политика.
- Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Н.Новгород, 1992
- Колосов Ю.М., Сташевский С.Г. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1984

- Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997 г.); Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000 г.).
- Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997 г.)
- Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000 г.);
- Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений. М., 1980
- Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений. М., 1980.
- Маргелов М. Год после 11 сентября // Независимая газета, 2002, 9 сентября.
- Маркушина В.И. ООН и международное научно-техническое сотрудничество. М.: Наука, 1983
- Международная безопасность и Мировой океан. Под ред. Л.А.Иванченко и Ю.М.Колосова. М.: Наука, 1982
- Международно-правовые проблемы освоения космоса. М.: ИНИОН АН СССР, 1983
- Международный порядок: политико-правовые аспекты. М., 1986
- Международный терроризм и ЦРУ. М.: Прогресс, 1982
- Механизм формирования внешней политики США. М., 1986
- Механизм формирования и осуществления внешней политики империалистических государств в XX в. Под ред. О.А.Колобова. Горький, 1988
- Милитаризм и разоружение. Справочник. М.: Политиздат, 1984
- Милитаризм и разоружение. Справочник. М.: Политиздат, 1984
- Мир и разоружение. Под ред. П.Н.Федосеева. М.: Наука, 1986
- Мир и разоружение. Под ред. П.Н.Федосеева. М.: Наука, 1986
- Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988
- Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988.
- Николаев А. Старая стратегия на новый лад. Милитаризация международных отношений достигла опасных пределов // Независимая газета, 2003, 12 мая
- Петровский В.Ф. Разоружение: концепция, проблемы, механизм. М.: Прогресс, 1982
- Петровский В.Ф. Разоружение: концепция, проблемы, механизм. М.: Прогресс, 1982
- Плимак Ю. Главные альтернативы современности; Белкин В., Стороженко В. От выживания к устойчивому развитию; Burlak V. Humankind Needs a Programme for Survival.
- Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986
- Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.
- Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976
- Поздняков Э.А. Философия политики, т. 2
- Политика силы или сила разума? Гонка вооружений и международные отношения. М., 1989
- Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1981.

- Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1981
- Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1981
- Разоружение. Справочник. М.: Политиздат, 1979
- Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. Справочник. М., 1993
- Родионов К.С. Интерпол: миф и действительность. М.: Международные отношения, 1982
- Российская газета, 1997, 26 декабря.
- Санакоев Ш.П., Капченко Н.И. О теории внешней политики социализма. М., 1978.
- Санакоев Ш.П., Капченко Н.И. О теории внешней политики социализма. М., 1978
- Сергеев А.В. Наука и внешняя политика. М., 1967
- Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль и война на Балканах // Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы / Под ред. В.С. Павлова. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2000.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1984
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1984
- Современная внешняя политика США. М., 1984; Фарамазян Р. Разоружение и экономика. М.: Прогресс, 1982
- Современные буржуазные теории международных отношений. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1976.
- Современные буржуазные теории международных отношений. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1976
- Современные буржуазные теории международных отношений. Под ред. В.И.Гантмана. М., 1976
- Социально-философские аспекты современных международных отношений. Под ред. В.В.Мшвениерадзе М., 1987
- США и проблемы сокращения вооружений. Ядерно-космический аспект: 80-е годы. М.: Наука, 1988.
- США: политическая мысль и история. Под ред Н.Н.Яковлева. М., 1976
- США: политическая мысль и история. Под ред. Н.Н.Яковлева. М., 1976.
- Тренин Д.В. Realpolitik и реальная политика; Макаров Д. Расширение НАТО подтолкнет Россию к реформам.
- Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988
- Уткин А. Россия и Запад: проблемы взаимного восприятия и перспективы строительства отношений.
- Фарамазян Р. Разоружение и экономика. М.: Прогресс, 1982.
- Хозин Г.С. Могущество и бессилие. Научно-техническая революция и политика империализма. М.: Международные отношения, 1986; США: космос и политика. М.: Наука, 1987.
- Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная?
- Шахназаров Г.Х. Восток и Запад: самоидентификация на переломе веков; Плимак Ю. Главные альтернативы современности.
- A Compilation of Speeches // Ed. by M. Nissinen. Helsinki: Unit for the Northern Dimension in the Ministry for Foreign Affairs, 2000.

- Action Plan for the Northern Dimension in the external and cross-border policies of the European Union 2000-2003. Commission Working Document: Draft, 28 February 2000. Brussels: Commission of the European Communities, 2000.
- Bain W. Sino-Indian military modernization: the potential for destabilization // Asian Affairs: An American Review, Fall 1994, Vol. 21, N 3.
- Camilleri J. Alliances and the Emerging Post-Cold War Security System.
- Ding A. The PRC's military modernization and a security mechanism for the Asia-Pacific // Issues and Studies, August 1995, Vol. 31, N 8
- Fetherston A.B. Peacekeeping as Peacebuilding: Towards a Transformative Agenda // Issues in Peace Research, 1995-96. Ed. by Lee-Anne Broadhead. Bradford: University of Bradford, 1996.
- Foreign assistance legislation for fiscal year 1994.
- Ivanov I.S. Co-operation between the EU and Russia in the European North // Foreign Ministers' Conference on the Northern Dimension, Helsinki, 11-12 November 1999
- Ivanov I.S. Co-operation between the EU and Russia in the European North.
- Kim T. The dynamics of Sino-Russian military relations: an Asian perspective. Taipei: Chinese Council of Advanced Policy Studies, 1994. P. 19 (CAPS Papers; N 6).
- Malhotra V.K., Sergounin A.A. Theories and approaches to international relations. New Delhi: Anmol Publications, 1998
- Misra K.P. Non-military Dimensions of Security: Development and Pluralistic Aspects // Peace and War: Social and Cultural Aspects. / Ed. by H. Wiberg. Warsaw: Bel Corp, 1995
- Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
- Richardson J.L. The End of Geopolitics? // The Post-Cold War Order: Diagnoses and Prognoses. Ed. by Richard Leaver and James L. Richardson. Canberra: Allen & Unwin and Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- Rogov S. The Elements of a North-South Security System // Goodby J. (ed.). Regional Conflicts: The Challenge to US-Russian Co-operation. New York: Oxford University Press, 1995.
- Rotfeld A.D. Europe: Toward New Security Arrangements // Visions of European Security — Focal Point Sweden and Northern Europe.
- Sergounin A. The Russian post-Communist Discourse on Northern Europe: a chance for region-building? Gunna Lassinantti (ed.), Focal Point North-West Russia — the future of the Barents Euro-Arctic Region and the Northern Dimension. Lulea, 2002
- Sergounin A., Subbotin S. Military-technical co-operation between the CIS member states // Ian Anthony (ed.), Russia and the arms trade. New York: Oxford University Press, 1998.
- Tow W. Changing US force levels and regional security // Contemporary Security Policy, vol.15, no.2 (August 1994)
- Tunander O. Norway's Post-Cold War Security: The Nordic Region Between Friend and Foe, or Between Cosmos and Chaos // Visions of European Security — Focal Point Sweden and Northern Europe. Stockholm: The Olof Palme International Center, 1996.

Глава 10

Геополитика как профессия и как научная дисциплина: направления эволюции геополитической мысли современной России

1. Введение

За последнее десятилетие геополитика в нашей стране эволюционировала от почти полного непризнания и неприятия до широкой популярности в самых разных сферах деятельности (от академической науки до политики). Однако думается именно сегодня настало время оглянуться назад и попытаться определить, как, каким путем развивалось в нашей стране геополитическое знание, был ли он оптимальным и что же представляет собой на сегодняшний день наша геополитика как научная дисциплина и геополитики как профессиональное сообщество.

Понятие профессия является достаточно многозначным и потому определение «профессиональное сообщество» уже требует дополнительных пояснений. Профессия, как определял ее, например, А.Вилдавски представляет собой род искусства, «ремесло», предполагающее овладение определенными навыками работы (неким мастерством) и получение соответствующего результата (См. об этом Wildavsky, 1979). Именно в этих смыслах — обладания определенными профессиональными навыками (мастерством, искусством) и соответствующим этим навыкам статусным капиталом — толкуется у нас понятие «профессиональное сообщество». Между тем во многих европейских языках глагол *profess*, *professor* обладает гораздо более широким набором значений и смыслов. И один из вариантов его перевода на русский язык можно было бы обозначить как «исповедание» чего-либо —

веры, убеждений и т.д. В самом общем виде «исповедание» отнюдь не противоречит «профессии». В конце концов любая профессиональная деятельность предполагает научение чему-либо неофитов, вступающих в рамки того или иного профессионального сообщества. Так что профессия безусловно предполагает определенные профессиональные традиции, являющиеся предметом «исповедания». Однако профессионализм в смысле «мастерства» недостижим без нечто иного — дисциплины, которая как в академическом, так и в более широком смысле этого слова, предполагает наличие определенных правил и механизмов самоограничения. Причем в академическом смысле «дисциплинирование» исследователей происходит на уровне усвоения ими определенных кодексов профессионального поведения и методологических приемов исследования, в некоторых отношениях, возможно, и редуцирующих общую картину мира, но способствующих в конечном счете повышению эффективности работы и получению верифицируемых результатов.

Основная проблема отечественной геополитики на современном этапе ее развития в этой связи видится в том, что геополитика как отрасль знания, достигшая определенной степени институционализации (наличие огромного количества учебников, учебных программ, возникновение таких институций как Секция геополитики и безопасности Российской академии естественных наук, Центр геополитических исследований Института Европы РАН и т.д.), сформировавшая уже определенное профессиональное сообщество, активно «исповедующая» и транслирующая в ряды неофитов (и вообще в массы населения) собственные представления и выводы, так и не стала в полной мере *научной дисциплиной*. Иными словами вокруг геополитики в нашей стране сформировалось профессиональное сообщество (пусть и специфическое в некоторых отношениях), возник культ «седобородых», но до сих пор не сложилось совокупности дисциплинарных норм и ограничений, которые собственно и превращают ту или иную отрасль знания из подобия «искусства» и «ремесла» в *научную дисциплину*. В отечественной геополитике по сей день отсутствует то,

что определяет любую научную дисциплину — понятия «минимальной профессиональной компетентности», «ролевой ответственности» геополитиков как представителей определенного академического сообщества. Практически любое самостоятельное геополитическое исследование стоит почти особняком не только от политической теории (это было бы как раз понятно), но и от прочих геополитических построений. Методологические принципы исследований артикулируются недостаточно внятно и последовательно. Одним словом в геополитическом анализе остается слишком много от «искусства», причем в том его виде, когда личный опыт, талант и мировоззрение автора явно доминируют, а то и вовсе подменяют наличие «школы». Попытке анализа того, как и почему это произошло и посвящена данная глава.

2. Телеология пространства и проблемы национальной безопасности

Впервые разговоры о необходимости разработки «советской теории геополитики» (приписываемые Г.Шахназарову) прозвучали в нашей стране еще в далекие 70-е гг. Однако дальше разговоров дело не пошло. Проблема состояла в том, что геополитика слишком прочно ассоциировалась в советском общественном сознании с именами К.Хаусхофера, А.Грабовски, Э.Обста, О.Мауля, В.Зиверта, К.Вовинкеля и тем статусом (части официальной доктрины «Третьего рейха»), который она приобрела в нацистской Германии. Кроме того, неоднозначность восприятия геополитики обуславливалась представлением о ней как о разновидности идеологического дискурса («реакционной доктрине» империализма), призванной оправдать колониальную и в целом экспансионистскую внешнюю политику стран Запада. В 70-е-80-е гг. появлялись отдельные в целом весьма содержательные работы, посвященные развитию геополитических сюжетов на Западе или элементам современной геостратегии США и написанные в формате «критики буржуазных геополитических концепций»

(См., напр., Лукин, 1983; Пономарева Смирнова, 1986 и др.). Задачи развития собственно *советской геополитической теории* были окончательно сняты с повестки дня.

Настоящий ренессанс геополитическое знание у нас в стране пережило уже по окончании перестройки и в связи с распадом СССР. Не развивавшаяся у нас долгие годы дисциплина, оказалась как бы непричастной к тому кризису гуманитарных наук, кризису в осмыслении драматических изменений в мировой политике и системе международных отношений, который разразился на рубеже 80-х — 90-х гг. Способность дать более или менее ясные, развернутые, обоснованные и относительно непротиворечивые (в рамках географического детерминизма) ответы на весьма сложные вопросы современности, безусловно, привлекла к геополитике пристальное внимание как в научных и околonaучных кругах, так и в среде политических элит. Под пером целого ряда отечественных авторов геополитика приобрела контуры некоего сокровенного знания, дающего ключ к пониманию основных закономерностей, тенденций, факторов и движущих сил революционных перемен на международной арене, позволяющего решать проблемы современности путем раскрытия таинственных законов и первопричин происходящих и грядущих событий, скрывающихся в пространственной первооснове мира. В основу этого знания была положена концепция контролируемого пространства как основы мирового порядка.

Геополитика в этом качестве выступала своего рода антиподом одновременно политического идеализма эпохи М.Горбачева и ельцинско-kozyревской политики идеологизированного сервизма. При этом правда было бы ошибкой воспринимать геополитику как некий «российский аналог» реализма или неореализма, поскольку по преимуществу (за исключением буквально нескольких авторов) к таковым она не имела никакого отношения.

Другой аспект популярности геополитики в современных условиях связан с ее практической востребованностью и актуальностью. Редукционизм географического детерминизма, как ни парадоксально, создал возможность использования

геополитики в качестве средства идеологической мотивации внешней политики и обоснования приоритетов в данной области. Эта сторона geopolitics неожиданно выявила ее идеологичность, мобилизационный потенциал, способность воздействовать на широкую аудиторию. Геополитика в этом смысле переросла тесные теоретические рамки и превращалась в нечто большее — «научно обоснованную» доктрину, «целостное» мировоззрение. В условиях парадигматического кризиса на постсоветском пространстве, когда ниша «единственно верного» и «научно обоснованного» мировоззрения, долгое время официально закреплённая за марксизмом, оказалась пуста, это придало geopolitics дополнительный вес и значение в глазах довольно значительных фракций отечественной политической элиты, обусловило пристальный интерес к ней самых разных политических сил. Геополитическую терминологию охотно используют как представители оппозиции, так и политики, находящиеся у руля власти. Геополитическая аргументация присутствует ныне в объяснениях «невключения» России в европейские институты, неизменно возникает при истолковании реальных противоречий в отношениях с США. Геополитические составляющие активно акцентируются в последнее время при рассмотрении взаимоотношений России и НАТО, конфигурации и перспектив СНГ, сотрудничества и противоречий с Китаем, отношений с Индией, проблематики России как полюса «многополярного мира», региональной (или мировой) державы и т.д. Геополитические построения прямо или косвенно оказывают воздействие на разработку, принятие и реализацию внешнеполитической стратегии.

Наконец, привлекательность geopolitics для право- и леворадикального спектра обуславливалась еще и тем обстоятельством, что описанный в geopolitics терминах исторический процесс выявлял ряд якобы присущих ему принципиальных структурных и фундаментальных политических констант, одновременно прекрасно коррелировавшихся с целым набором базисных для отечественного право-консервативного и праворадикального сознания стереотипов — от идей

об извечном противостоянии России и Запада (как противостоянии двух противоположных цивилизационно-культурных начал), до необходимости укрепления военно-политической мощи российского государства как гаранта существования русской нации в борьбе с четко локализуемыми во времени и пространстве изначально враждебными внешними силами.

Наиболее широкое распространение у нас в стране в начале-середине 90-х получают теоретические построения и политические доктрины, формируемые на основе синтеза основных положений традиционной geopolitics (прямо воспроизводившей основные положения ряда работ Мэхена, Макиндера, Спайкмена, Хаусхофера и др.) и основных положений евразийства. Наличие евразийской риторики делало подобного рода построения весьма популярными в самых разных фракциях отечественной политической элиты, а geopolitics составляющая придавала рассуждениям идеологов неоевразийства налет научности и фундированности рекомендаций и выводов.

Традиционная geopolitics занималась изучением государств как пространственного феномена. При этом преследовалась цель понять основы и факторы усиления их мощи, исследовать природу их взаимодействия друг с другом. В основе политического процесса лежал постулат о контроле над пространством. Именно расширение территориального контроля, в конечном счете, способствовало увеличению военного, экономического, демографического, иного ресурсного потенциала того или иного государства. Таким образом, вопрос об определении мощи того или иного государства напрямую связывался с размером и характером территории, которую оно занимает. Климат, ландшафт, растительность, почвы, геология, особенности транспортных коммуникаций, и главное пространственное местоположение определяли в этом случае основные цели внешней политики государств и возможности их осуществления. Государство рассматривалось в качестве своего рода географического или пространственно-территориального организма, обладающего особыми физико-географическими, климатическими, ресурсными и иными параметрами и свойствами и руководствующегося

собственной волей и интересами. Поэтому естественно, что первоначально любая осуществляемая государством *геостратегия* понималась всецело в терминах завоевания прямого (военного и политического) контроля над соответствующими территориями. Другими словами, основные параметры традиционной геополитики были сформулированы в рамках популярного в конце XIX в. географического детерминизма, и префикс «гео-» в самом понятии имел в виду изучение географического, пространственно-территориального фактора детерминации поведения государств на международной арене.

Что касается идеологии евразийства, то в официальных кругах РФ ее рассматривали в качестве инструмента, способного скрепить еще весьма неустойчивую конструкцию федеративного государства. Российскую политическую элиту привлекала декларируемая в рамках идеологии евразийства идея о существовании в границах РФ особой исторической и цивилизационной общности — «евразийской общности». Эта мысль оказалась весьма своевременной в период, когда власть была занята поисками подходящей идеологической конструкции, способной стимулировать интеграционные процессы на постсоветском пространстве, содействовать сохранению единства русских и национальных меньшинств (по большей части этнических тюрков и/или мусульман) в составе РФ.

Версию «прагматического», скорее экономического нежели духовного и политического евразийства активно эксплуатировало в собственных политических целях руководство Казахстана. Президент этой страны Н.Назарбаев выдвинул ряд проектов, призванных воссоздать и усилить экономическую интеграцию бывших республик СССР. Так что евразийству не были чужды и представители политических элит стран СНГ.

Однако наиболее разработанный и, одновременно, наиболее геополитический вариант концепции представлен школами «неоевразийства». Построения «неоевразийцев» во многом основываются на традиционных постулатах евразийской доктрины, сформулированной в трудах П.Савицкого, Г.Вернадского, Н.Трубецкого и развитой впоследствии (в 60-70-е гг.) в исторических работах Л.Гумилева (См. Гумилев, 1994; Он же,

1993 и др.). Рупором современного неоевразийства выступили журнал «Элементы» и газета «Завтра» (ранее — «День»), а основным теоретиком направления стал, прежде всего, А.Дугин. Между тем альтернативные концепции неоевразийства независимо и параллельно развивались А.С.Панариным.

В интерпретации теоретиков неоевразийства геополитика рассматривается в качестве универсальной науки, открывающей законы развития международных отношений и вскрывающая тайные пружины развития сложных международных систем, отдельных культур и цивилизаций. Очевидно, для того, чтобы сделать свои методологические изыскания более доступными и понятными широкой аудитории у нас в стране, идеологи неоевразийства нередко прибегают к не вполне очевидным аналогиям, пытаются оперировать стандартными для архетипов постсоветского мышления понятиями и представлениями. Так, например, А.Дугин отмечал в своей программной работе «Основы геополитики», что наиболее удачной аналогией геополитики с точки зрения универсальности и всеобщности методологии анализа мог бы выступать марксизм. «Метод может быть заимствован и освоен разными полюсами. Марксистский анализ одинаково важен и для представителей Капитала и для борцов за освобождение Труда. Так же и геополитика: представителей больших государств (империй) она инструктирует в том, как лучше сохранить территориальное господство и осуществить экспансию, а их противники в ней же находят концептуальные принципы «национального освобождения» (Дугин, 1998, с.7.). Геополитика рассматривается А.Дугиным в качестве «синтетической» научной дисциплины, включающей в свои рамки предметы исследования географии, истории, демографии, стратегии, этнографии, религиоведения, экологии, социологии, политологии и т.д., т.е. не просто науки, а системы наук и мировоззрения (в качестве аналогов рассматриваются марксизм, либерализм и др.). Оформленные в геополитических терминах концепции предстают в совершенно новом качестве — не субъективных теоретических построений кабинетных философов или упорядоченных и артикули-

рованных политическими деятелями стереотипов и фобий, но всеобъемлющих теорий, осмысливающих политическую историю и перспективы политического процесса в категориях континентов и тысячелетий.

«Если продолжать параллель с марксизмом и классической буржуазной политэкономией, можно сказать, что, подобно экономическим идеологиям, утверждающим особую категорию — «человек экономический» (*homo economicus*), — геополитика говорит о «человеке пространственном», предопределенным пространством, сформированном и обусловленным его специфическим качеством — рельефом, ландшафтом». Отличие от марксизма и экономической теории состоит главным образом в том, что экономические взаимосвязи и взаимозависимости очевидны для каждого индивида как на микро- так и на макроуровне. Иначе обстоит дело с геополитическими закономерностями. Проблема в том, что геополитические обусловленности проявляются лишь на большом масштабе. Единицами анализа и основными геополитическими акторами выступают в этом случае государства, этносы, культуры, цивилизации. Иными словами — зависимость человека от ландшафта носит опосредованный некими органическими образованиями характер, видится лишь при методологическом дистанцировании от конкретного индивида. Поэтому-то геополитика не получила широкого распространения, была неспособна подобно марксизму или либерализму осуществлять массовую мобилизацию, оказалась «внятна лишь тем социальным инстанциям, которые занимаются крупномасштабными проблемами — стратегическим планированием, осмыслением глобальных социальных и исторических закономерностей и т.д.» (Дугин с.13.). Нынешняя эпоха тектонических геополитических сдвигов, крушение ряда политических блоков и государств, трансформации структуры международных отношений стала восприниматься идеологами неоевразийства как время, когда настала пора, что называется, снять завесу секретности с «тайного знания» и открыть общественности глаза на истинную подоплеку событий (тем более, что эта самая общественность как никог-

да подготовлена сегодня к восприятию соответствующей картины мира).

Вслед за ортодоксальными приверженцами классической геополитики неоевразийцы по сей день склоняются к мысли, что конфигурация системы международных отношений в конечном счете определяется неким фундаментальным дуализмом, противостоянием существенно отличных друг от друга геополитически детерминируемых сил, вполне четко локализуемых при этом чисто географически (теллури- и талассократии, сухопутные и морские державы и т.п.). «Сухопутное могущество» при этом напрямую связывается с фиксированностью пространства, стабильностью его основных качественных характеристик. В цивилизационном плане это находит выражение в склонности соответствующих цивилизаций и культур к оседлости, консерватизму, строгости и незыблемости юридических и этических норм, устойчивости традиций и т.д. Народам суши приписываются коллективизм и иерархичность, при этом чуждыми им объявляются индивидуализм и предпринимательство. «Морское могущество» представляет собой обратный вышеописанному культурно-цивилизационный тип. «Морские» цивилизации более адаптивны, динамичны, склонны к социальным и технологическим инновациям. Приоритетными направлениями деятельности в рамках этого культурно-цивилизационного типа выступают мореплавание, торговля, социальным коррелятом которых становится индивидуализм (в т.ч. превращение индивида в самодовлеющую ценность) и т.н. «дух предпринимательства». Данный тип противостояния явно или имплицитно носит предельно антагонистический характер, хотя степень антагонистичности и соотношение сил могут варьироваться в различные исторические периоды, смягчаться или обостряться введением в общую картину нового действующего лица и т.д.

Построения А.Дугина, исходящие из подобных предположений, с самого начала отличала при этом предельная идеологизированность. Не случайно, начав как публицист и консультант ряда правительственных и околоправительственных инстанций, А.Дугин ныне возглавляет Общероссийское по-

литическое общественное движение (ОПОД) «Евразия». С его точки зрения особая миссия России (как хартленда, ядра Евразии) состоит в собирании евразийского континентального пространства. В отличие от классического евразийства А.Дугин и его последователи активно заимствуют те или иные элементы европейских континенталистских проектов, расширяя горизонты евразийства на всю Европу и даже Евразию. Тезис о необходимости создания «национальной идеократии имперского континентального масштаба» выступает ключевым в дугинской версии неоевразийства. Телеологичность и универсальное значение российской истории, особая миссия России безапелляционно выводятся из ее континентального «теллуократического» призвания.

Существенно лучше фундированной в философском плане представляется прочтение неоевразийской проблематики, предложенное в работах А.С.Панарина (См. Панарин, 2000; Панарин, 1999 и др.). Под пером А.С.Панарина совокупность неоевразийских концептуальных построений в конечном счете приобретает черты цивилизационно-культурного анализа проблем, нежели собственно геополитического теоретизирования. В формулировке А.Панарина, «Евразийский проект предполагает решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление духовного тонуса нации» (Панарин, 1995, с.66). С крахом «второго мира» перед Россией, по его мнению, встала чрезвычайно жесткая дилемма: восстановить утраченное «большое пространство» причем в новом духовном, моральном и экономико-технологическом качестве или скатиться в «третий мир», окончательно утратив всякие перспективы. Естественно, что при такой постановке проблемы восстановление Союза виделось единственно возможным рецептом выхода из крайне неблагоприятной внешнеполитической ситуации.

Между тем дуализм суши и моря является определяющим и для его концептуальных построений. При этом суша становится средоточием всего «настоящего» (почти в буквальном смысле слова — «земная твердь мира — прибежище всего реального и обеспеченного наличностью, в отличие от океани-

ческих хлябей, породивших виртуальную экономику и прочие виртуальные псевдореальности» (Панарин, 2000, с.326.), в то время как морские цивилизации и державы определяются не иначе «как глобальные пираты» (Там же, с.376.). Архетип моря содержит в себе интенцию, направленную на то, чтобы «поменять местами центральные и маргинальные элементы мира: маргинализировать Сушу (Континент), а Море превратить в оплот новой мироустроительной системы. Но различие Моря и Суши остается кардинальным: если порядок Суши несет черты чего-то предзаданного, корнящегося в наличностях природы, то Море в самом себе никаких наличностей не содержит. Это пустая и волюнтаристская стихия, где все появившееся обязано своим происхождением изобретательной субъективности, умыслы и тактики которой могут мгновенно меняться» (Панарин, 2000, с.402-403.). Ключевым сюжетом для А.Панарина становится однако не борьба за восстановление целостности России или фантазмагорическая цель объединения под ее руководством всего евразийского пространства. Главное, с его точки зрения, — это трансформация возникшего на руинах биполярного мира однополярного миропорядка в нечто иное — в торжество многополярности, в новую биполярную структуру мира, не суть важно. Принципиальным является восстановление системы сдержек и противовесов в мировом масштабе, недопущение выстраивания откровенно гегемонистской модели мироустройства.

А.Панарин далек от почти мистического восприятия Евразии, исповедуемого А.Дугиным. Однако и он декларирует свою способность не просто объяснить геополитическую логику исторического процесса, но и выработать «связный футурологический проект». Суть проекта для России состоит в развитии всесторонних контактов с Индией, Китаем, мусульманскими странами. Только в единении и сотрудничестве с ними Россия сможет создать подобие альтернативного полюса притяжения, способна будет противостоять проiscaм Запада. Только в равновесии с мусульманским миром сможет поддержать свою целостность (Панарин, 2002, с.45-51.).

Работы А.С.Панарина безусловно полны чрезвычайно

актуальных и выдающихся по своей точности и метафоричности наблюдений реальных проблем и противоречий общества постмодерна. Собственно на страницах его книг постоянно происходит сопоставление того, сформированного протестантской этикой, универсальными истинами Просвещения идеального образа Запада, который существовал в воображении русского и советского интеллигента доперестроечной поры, и реалий сегодняшнего общества постмодерна. Разумеется, грубая реальность проигрывает в столкновении с идеалом. При этом автору удается достаточно выпукло продемонстрировать те черты общества постмодерна, которые действительно способны привести его к тяжелейшему кризису (в их числе, например, безудержный релятивизм). Однако применительно к геополитической проблематике именно предлагаемый А.Панариным футурологический проект отнюдь не является сильной стороной его творчества.

Праворадикальной политической мыслью за истекшее десятилетие были разработаны и иные варианты геополитического осмысления прошлого, настоящего и будущего России, а вместе с ней и всего мира, помимо неоевразийских. Достаточно широкое распространение в праворадикальных кругах получили т.н. популистские интерпретации геополитики. Они оказались наиболее влиятельны в политическом плане (способны мобилизовать достаточно широкие социальные слои и зарезервировать заметную часть электорального поля РФ) и представляли собой весьма эклектическое, ситуативно обусловленное сочетание элементов традиционной геополитики, неоевразийства, этноцентризма, а также весьма непоследовательной предвыборной риторики тех или иных политических лидеров. В частности, наиболее яркий примером геополитического популизма продемонстрировал лидер ЛДПР В.Жириновский, то видевший основное направление противостояния на современном этапе развития человечества по линии Север — Юг (и, соответственно предлагавший «меридианальную» структуру передела мира (Жириновский, 1997, с.20–21), то отмечавший в качестве основы геополитического процесса позаимствованную у

С.Хантингтона идею борьбы основных цивилизаций (Жириновский, 1996, 231–236.).

Не отставали от отечественных правых и наши левые. В частности, существенное внимание геополитическим сюжетам уделялось в работах лидера КПРФ Г.Зюганова («За горизонтом», «Россия и современный мир» и т.д.). В принципе российские коммунисты начали с простого эпигонства, с попыток переложить на понятный для их собственного электората язык основные положения предложенной А.Дугиным версии евразийства. В принципе из геополитического наследия коммунисты позаимствовали архаичные положения традиционной геополитики. Основной постулат геополитики виделся им в том, что для выработки оптимальной политической стратегии того или иного государства первостепенное значение должны иметь не политические и идеологические пристрастия (элемент покаяния и камушек в огород правящих либерально-демократических кругов), неизбежно нестабильные, переменчивые, а «стабильные факторы пространственно-географического положения страны. К таковым геополитика относит прежде всего размещение государства (континентальное, островное, прибрежное), размеры его территории, господствующий тип коммуникаций (морской или сухопутный), преобладающие ландшафты и тому подобные параметры» (Зюганов, 1995, с.37–38.).

«География победы» впервые представила собственный и во многом самостоятельный геополитический проект КПРФ, наметив переход от массированных заимствований из неоевразийства к попыткам самостоятельного интеллектуального синтеза и конструирования образа России в мире. В принципе геополитические рассуждения Г.Зюганова представляли собой достаточно причудливую смесь традиционных для коммунистов риторических фигур, обрывков идей русской философии и фрагментов неоевразийского истолкования реальности. В центре коммунистической геополитики оказываются понятия «державности», «социализма» и «российской государственности», позволяющие восстановить утраченную «связь времен» и выстроить четкую линию преемственности

от русских царей-собирателей русской земли до современной КПРФ, возглавляющей борьбу с «оккупационным режимом» и зовущей массы на битву за восстановление СССР. Одновременно вся история международных отношений вполне укладывается в схему смены геополитических эпох — от Вестфальской до «Беловежской». «Лучший и наименее конфликтный сценарий развития ситуации в современных условиях — это многополярный мир с несколькими центрами силы, которые юридически закрепляют существующий баланс сил и принимают общие правила игры, обязательные для всех» (Там же, с.77.).

Взаимоотношения России и Запада рассматриваются в книге как изначально конфликтные, причем естественно не по вине первой. «Каждый раз, когда Россия пыталась отстаивать собственные национальные интересы, она сталкивалась с враждебной коалицией европейских держав, забывавших ради противодействия «русской экспансии» о своих внутренних спорах» (Там же, с.91.). При этом особое коварство Запада заключалось в том, что как только возникала угроза его собственному благополучию, он вступал в союз с Россией. Но как только угроза была ликвидирована, «штыки снова обращались на Россию».

Провозглашаемый «естественным геополитическим пре-емником» Российской империи СССР пережил три периода «геополитической диверсии» со стороны Запада. Первый из них начался сразу после смерти Сталина под лозунгами «де-сталинизации» и «хрущевской оттепели». «Сталину не хватило каких-нибудь пяти-семи лет жизни, чтобы сделать свою «идеологическую перестройку» необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции» (Там же, с.109.). В результате в эпоху «застоя» под аплодисменты Запада была консервирована «ортодоксальная» марксистская идеология, приведшая СССР к преждевременному глобализму и геополитически неграмотным или правильным в геополитическом плане, но абсолютно необоснованным по форме шагам (типа «радикально-милитаристских» действий в Афганистане). Третий завершающий этап «глобальной геополитической ди-

версии» — это, разумеется, эпоха беловежских соглашений и распада СССР.

Что касается перспектив посбиополярного мира, то, как отмечалось в книге, «политика России должна быть нацелена на упрочение многополюсной структуры мира, на противодействие формированию однополярности, т.е. фактической диктатуры США и НАТО» (Зюганов, с.243.).

Помимо прочего, предложенные коммунистами интерпретации геополитики открывали возможности для осуществления столь политически актуального на начало 90-х гг. «право-левого синтеза», объединения «красных» и «белых» на платформе неприятия происходивших в стране преобразований. Геополитический анализ проблем современных МО в работах и правых, и левых в конечном счете подменялся некой «мистикой биполярности» и своеобразной «геополитической эсхатологией».

Фигуры подобные В.Жириновскому или Г.Зюганову вообще не заслуживали бы упоминания здесь, если бы не одно «но». Дело в том, что, как ни парадоксально, именно квазигеополитические построения А.Дугина, предвыборная геополитика Г.Зюганова и насыщенные «геополитической» риторикой политические программы В.Жириновского подтолкнули процессы эволюции современной российской геополитики, так как вполне заслуженно вызвали шквал критических откликов и наглядно продемонстрировали, насколько отстали от реалий современного мира и от уровня развития прочих гуманитарных дисциплин традиционные геополитические теории и концепции. Стало очевидным, что продолжение разглагольствований в духе традиционной геополитики окончательно заводит ситуацию в тупик. В настоящее время мировые реальности изменились настолько кардинально, что их просто невозможно анализировать методами, разработанными в рамках представлений давно минувшей эпохи (См. об этом Гаджиев, 1998; Сорокин, 1996; Смирнов, 1999; Соловьев, 2001, и др.). Разумеется, геополитика как дисциплина, в центре внимания которой находятся основополагающие проблемы современного мирового сообщества, не может абстрагироваться от про-

блем территории, месторасположения, конкретной страны или этноса. Но всю совокупность геополитических аспектов той или иной проблемы необходимо анализировать в контексте происходящих на мировой арене качественных трансформаций. Уже в 80-х годах, по мере ослабления жесткой структурированности биполярного мира и выдвижения на политическую авансцену новых акторов в лице новых стран и регионов возникло осознание того, что традиционные модели устарели и нуждаются в серьезной корректировке. Развитие военных технологий, крушение биполярности и формирование нового миропорядка означает не просто утверждение новой геополитической реальности, обусловленной изменением баланса сил, сложившегося в предшествующие годы, не просто усложнение мировой геополитической структуры, связанное с усилением и увеличением числа региональных центров силы. Ныне взаимоотношения центров силы, регионов и отдельных стран становятся более сложными и многомерными. Исчезают четкие конфронтационные границы. С одной стороны, возрастает количество факторов, определяющих мировую политику, причем очевидно менее выражено доминирование тех или иных ее аспектов (экономических, военных, пространственно-географических и т.п.). Происходит диверсификация интересов государств и негосударственных акторов мировой политики. Сверхдержавы постепенно теряют монополию на «мировое господство». В современном мире происходит активное переосмысление параметров гегемонии и державности. При этом теоретизирующие в традиционном «геополитическом» ключе аналитики сами не замечая того постепенно превращаются в старомодных и оторванных от реальности «заклинателей пространства».

Кроме того, долгое время если не в исследовательских кругах, то среди «широкой общественности» бытовало мнение о том, что геополитическое знание действительно базируется на совершенно фундаментальных и неизменных в определенном смысле основаниях. В конце концов ландшафт, месторасположение и тому подобные категории казалось бы совершенно однозначно связаны с реальностью и, вероятно, способны оказывать на социальные и политические процес-

сы столь же однозначное, чуть ли не детерминирующее воздействие. В этом смысле активное манипулирование неоевразийцами, правыми радикалами, коммунистами и др. геополитической терминологией, причем каждым на свой манер, не могло не натолкнуть на размышления о природе геополитического знания. В конце концов любому стороннему наблюдателю становилось ясно, что геополитика имеет дело не с константными величинами, не с «реальностью как таковой», а, как впрочем и любая социальная и гуманитарная дисциплина, с теоретическими конструктами, исходящими из определенных предпосылок, которые могут быть по-разному интерпретированы и реинтерпретированы различными исследователями. Осознание всех этих проблем неизбежно подталкивало к ревизионизму и пересмотру традиционных геополитических концепций.

3. Эволюция геополитической мысли в современной России: основные направления и тенденции

Наряду с выявившейся несостоятельностью на отечественной почве традиционного геополитического анализа, существенное влияние на интеллектуальную атмосферу, в которой разворачивались дискуссии по геополитической проблематике у нас в стране, оказала трансформация геополитических исследований на Западе. Геополитическая мысль переживает там период своего рода «смены парадигм» — отказа от географического детерминизма классической геополитики начала века и перехода к некоему новому качеству осмысления реальности. Причем совокупность происходящих поныне качественных трансформаций геополитики идет сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, выявляются факторы, постепенно утрачивающие свое былое значение. И прежде всего это относится к комплексу географических характеристик — например, роли и месту особенностей ландшафта (больших пространств, про-

тяженности и конфигурации границ, лесов, горных цепей, рек, морей) в обеспечении военно-политической безопасности («естественные рубежи» обороны), осуществлении демографической экспансии, хозяйственно-экономической деятельности и т.д. Очевидной становится в современных условиях неадекватность абсолютизации традиционной геополитикой роли и места отдельных видов коммуникаций — железных дорог для «хартленда» и морских путей для «океанических» держав. Последнее происходит как в силу естественной диверсификации хозяйственной деятельности и быстрого роста международных контактов, так и в результате возникновения и развития новых видов транспорта — авиации, магистральных трубопроводов и т.д. (Паркер, 1993; Grey, 1977; Lacoste, 1988; Parker, 1988; Senarclens, 1990.)

Во-вторых, предпринимаются попытки обогащения предмета геополитики за счет включения в рамки геополитического анализа целого ряда новых факторов и стремления уйти от чисто количественного и описательного способа осмысления реальности. В частности, все более существенное внимание уделяется влиянию на эволюцию геополитической ситуации экономических процессов. Данное обстоятельство очевидно связано с повышением роли экономики в жизни как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, с растущим воздействием экономических процессов на неэкономические сферы международной жизни. Кроме того, целый ряд исследователей выступает с утверждениями о том, что экономические конфликты в новых условиях выдвигаются на первое место среди групп потенциальных международных противоречий. Кое-кто даже прогнозирует в этой связи наступление эры «реалэкономики», т.е. периода истории, суть и основное содержание которого составят жесткие (возможно конфронтационные) экономические действия, направленные на достижение государствами и иными центрами силы собственных, в том числе политических, интересов (Жан, Савона, 1997; Luttwack, 1990 и др.).

В поле зрения современной геополитики все в большей степени оказываются военно-технические и технологические достижения и прорывы последнего времени. По крайней

мере, совершенно очевидно, что состояние дел в военной области на настоящий момент лишает смысла один из основных тезисов классической геополитики — о принципиальной неуязвимости основных держав «внешнего полумесяца» и «осевого региона». Теперь они достигаемы не только друг для друга (причем с помощью как атомного, так и обычного вооружения), но и для «третьих», периферийных в рамках данной схемы стран (Gallois, 1990; Grey, 1977.).

Существенные трансформации в рамках геополитического анализа претерпевает роль и место демографического фактора. Если в традиционных геополитических схемах акцент делался на количественных параметрах (демографический потенциал страны как численность и темпы роста населения), то ныне предпринимаются попытки оценить культурно-образовательное и физическое качество, адаптивность человеческих ресурсов к высокой динамике социальных, политических и экономических процессов, от чего не в последнюю очередь зависит развитие науки и экономики, способность к модернизации вооруженных сил и т.д.

Очевидно под воздействием С.Хантингтона «неоевразийство» и современная геополитика в целом отводит значимое место в своих построениях культурно-цивилизационным и конфессиональным факторам. Концепция С.Хантингтона о столкновении цивилизаций неоднозначно оценивается большей частью отечественных и зарубежных авторов, пишущих в геополитическом ключе, прежде всего в силу того простого обстоятельства, что большинство современных конфликтов протекают внутри отдельных цивилизаций, а всевозможные «дуги нестабильности» выстраиваются не столько на спорной, «лимитрофной» по отношению к нескольким цивилизациям территории, сколько внутри соответствующих цивилизаций и социокультурных ареалов. Впрочем, это направление исследований остается одним из наиболее спорных, а подчас и откровенно спекулятивных (см., напр.: Wallerstein, 1992 и др.).

Первые шаги в направлении трансформации предмета исследований были сделаны отечественными авторами уже в начале-середине 90-х гг. Важной стороной перемен в геополитике

литическом мышлении становятся попытки уточнения и обновления категориального аппарата традиционной геополитики (понятий национальный интерес, государственный суверенитет, новые аспекты и измерения понятия «безопасность» и т.п.). Наиболее активно в этом направлении работал К.Сорокин, предложивший окончательно отойти от «политико-географического уклона» в развитии геополитической мысли, от понимания государства как пространственно-географического организма. К.Сорокин неоднократно подчеркивал, что традиционная западная геополитика оказалась неспособна пересмотреть устоявшиеся каноны, ответить на брошенный ей меняющейся реальностью вызов. При этом абсурдными выглядели, с его точки зрения, попытки импорта на отечественную почву очевидно устаревших геополитических концептов и теоретических построений, явно маргинализированных на Западе за полным исчерпанием рефлексивной и практической полезности. Воспрепятствовать закату геополитики К.Сорокин предполагал за счет радикального расширения предмета ее исследований. В конечном счете в результате такой трансформации предполагалось получить «комплексную дисциплину о современной и перспективной «многослойной» и многоуровневой глобальной политике, многомерном и многополярном мире» (Сорокин, 1996, с.16.). Признавая, что геополитика нуждается в качественном реформировании, пересмотре научных оснований для приближения ее к реальности, акцентируя внимание на том, что прикладное использование ее методов и достижений в нашей стране требует внесения «национально-цивилизационных» поправок, К.Э.Сорокин тем не менее полагал, что реформированная и обогащенная геополитика в принципе способна стать «системным обеспечением» внешне- и внутривнутриполитической стратегий России, при дать им ту гибкость, которая позволит оперировать при необходимости сразу не сколькими продуманными вариантами» (Сорокин, 1995). Вариант своего рода «интегративной» концептуализации геополитики, предложенный К.Э.Сорокиным исходил из того, что на основе некоего теоретического синтеза возможно достижение нового качества выводов.

Один из ведущих специалистов в области геополитической мысли современной России К.С.Гаджиев предложил пойти еще дальше. К.С.Гаджиев предпочитает рассматривать геополитику в качестве научной дисциплины, исследующей особенности эволюции и трансформации миропорядка, в т.ч. и прежде всего, современного миропорядка (См. Гаджиев, 1997; Его же, 2000.). К числу основных проблем современного геополитического анализа им относятся прежде всего исследование структуры формирующегося миропорядка (униполярность или мультиполярность), параметров распределения мощи и степени формирования на глобальном уровне единого мирового сообщества. Префикс гео- в данном случае призван обозначить не традиционное территориально-географическое ядро данной дисциплины (на самом деле имеет место как раз отказ от традиции), а ее общепланетарные притязания. Объединение всех стран в некое замкнутое геополитическое пространство, в котором как бы не осталось «свободных» территорий, породило, по мнению К.С.Гаджиева, новый глобальный геополитический расклад. Разделение на регионы, региональные союзы и объединения носит при этом во многом условный характер, поскольку в современном мире взаимодействие и взаимозависимость государств приобрели не только региональный или даже макрорегиональный, но и всеземной характер. В результате важной сущностной характеристикой современного мирового сообщества стало наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального и глобального начал. Если раньше геополитику можно было охарактеризовать, говоря словами Р.Гаркави, как «картографическое представление отношений между главными борющимися нациями», то в наши дни, когда появилась императивная необходимость совместных действий всех (во всяком случае большинства) членов международного сообщества по выработке и реализации общепланетарной политики, призванной обеспечить жизнеспособность и преемственность цивилизации, такая трактовка не соответствует реальному содержанию и предназначению геополитики. «Гео» в понятии «геополитика» теперь не просто указывает на геогра-

фический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства или группы государств, а призвано обозначить всепланетарные масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения в целом, а также в международной политике отдельных государств, союзов, блоков. «В этом смысле геополитика призвана исследовать, как, с помощью каких механизмов и на основе каких принципов эта система живет и функционирует. Геополитику можно рассматривать как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества» (Гаджиев, 1995).

Геополитика в данной интерпретации обретает новые перспективы, существует как бы на стыке целого ряда дисциплин (международных отношений, международного права, политологии, культурологии и т.д.) и потому не искусственно, а вполне естественным образом интегрирует в своих рамках самые разные отрасли социального и гуманитарного знания.

Однако на этом пути очень скоро выявились серьезные проблемы и ограничения. Казалось бы, на фоне происходящих изменений в определении предмета геополитики и переопределении основных понятий и терминов есть все основания для констатации о создании «комплексной дисциплины», способной отслеживать современные тенденции международного развития. Однако именно это повышение «комплексности» исследований ставит перед геополитикой новые проблемы. Согласно теории систем, по достижении системой определенного уровня сложности она практически не поддается всестороннему анализу. Любой исследователь становится перед выбором: либо резко упростить ситуацию и принимать в расчет только *некоторые* сопоставимые факторы и величины (прекрасно отдавая себе при этом отчет в редукции всей сложности реальных феноменов международных отношений и известной ограниченности «горизонта» видения проблем), либо наращивать комплексность в ущерб достаточно четкой очерченности дисциплинарных границ и убедительности, а то и

просто обоснованности выводов. Дисциплина, по Р.Гудину и Х.-Д.Клингеману, как в академическом, так и в более широком смысле этого понятия, представляет собой классический пример механизма самоограничения. Однако подчинение дисциплине дисциплины, в конечном счете, существенно повышает эффективность деятельности ученого (См. об этом Политическая наука: Новые направления, 1999, с.30-31.). В этой связи погоня за комплексностью и «осовремениванием» предмета геополитики выглядит далеко не однозначно.

К.Э.Сорокиным и другими сторонниками ревизионистских концепций совершенно справедливо отмечается, что картина нового миропорядка мозаична. В ней традиционные для геополитического осмысления конфликты и противоречия сосуществуют с координацией действий и сотрудничеством. Имеют место как противоречия, так и кооперация, как широкое совпадение позиций и интересов, так и противостояние. Однако представляется отнюдь не очевидным, что пересмотра требует принципиальное положение геополитики о «глубоко разделенном мире, для которого постоянные изменения и конфликты более характерны, чем стабильность и сотрудничество» (Паркер Дж. Указ. соч., с.25.). Избыточная комплексность оказывается способной размыть и без того недостаточно четко очерченные дисциплинарные рамки, не давая, в конечном счете, нового качества выводов. Дело не только и не столько в опасности превращения на этом пути геополитики в некий «когнитивный конгломерат», как отмечали критики геополитического ревизионизма (каждая из социальных наук на современном этапе по-своему конгломеративна). Проблема в том, что массированное вторжение в поле этнополитики, политологии, международных отношений и т.д. не столько приводит к обогащению инструментария геополитики новыми методами и приемами исследования, сколько перегружает ее не свойственными для нее проблемами, приводит к далеко не однозначным и чрезмерно широким обобщениям. Фактически, если называть вещи своими именами, то современная геополитика, стремясь сохранить и упрочить онтологический статус научной дисципли-

лины, на самом деле тяготеет к трансформации в своего рода разновидность политической философии (если угодно философии международных отношений или философии внешней политики), которая оказывается либо перегруженной нормативными суждениями (вариант санации геополитики и превращения ее в «комплексную дисциплину о современной и перспективной «многослойной» и многоуровневой глобальной политике, многомерном и многополярном мире» (К.Э.-Сорокин)), либо очевидно страдает неким «наивным макиавеллизмом» (в более традиционных вариантах). По большому счету, все разговоры о создании принципиально новой комплексной научной дисциплины пока так и остаются разговорами. Различные авторы зачастую независимо друг от друга подходят к постановке проблемы, но пока оказываются неспособны найти релевантные пути ее решения.

В несколько ином ключе работал в 90-х гг. другой российский исследователь К.Плешаков. Он не игнорировал глубочайших изменений, происходящих в мире в эпоху глобализации, однако полагал, что выход для геополитики как отрасли знания состоит в адаптации к изменениям без коренного изменения и значительного расширения предмета геополитики. В его интерпретации геополитика оставалась наукой о контроле над пространством, но формы этого контроля (наряду с военным и политическим — цивилизационный, коммуникационный, демографический и т.д.) претерпели в современном мире существенные трансформации, изменились вес и значение каждой этих форм (См. Плешаков, 1994, с.30–39.). Развивая собственную концепцию он предложил вариант рассмотрения проблем геополитики в увязке с характером и эволюцией политических идеологий (Плешаков, 1994.). Эта концептуальная схема неплохо работала при ретроспективном анализе (в частности развития ситуации в период «холодной войны» и биполярного противостояния), однако мало что давала в прогностическом плане.

Своеобразный вариант «геополитики России» был предложен в начале 90-х гг. В.Цымбурским, артикулировавшим концепцию «острова Россия». Суть ее состоит в том, что при

всех приливах и отливах в или из т.н. «лимитрофной зоны» территория собственно России на протяжении столетий оставалась достаточно стабильной в территориальном смысле. Прекращение циклов «наползания» России на Европу и наоборот, движения Европы к границам России может быть осуществлено в том числе и путем переноса центра тяжести, географической оси страны из Москвы и европейской части страны на Урал и в Сибирь (отсюда и приверженность В.Цымбурского экстравагантным проектам перенесения столицы РФ в Новосибирск). Приверженность В.Цымбурского к исследованию больших исторических циклов привела к тому, что наряду с А.Панариным, он стал основоположником традиции построения циклов в российской геополитике, не получившей впрочем широкого распространения. А.Панарин в свое время попытался вписать Россию в контекст циклических колебаний мировой истории (См. Панарин, 1999.). В.Цымбурский предложил вариант длинных (150-летних) военных циклов, оказывающих определяющее влияние на судьбы мира (Цымбурский, 1996).

Другой интересный момент теоретизирования был связан с попытками аналитического расчленения общей геополитической ситуации на несколько относительно независимых областей с последующим выявлением распределения сил в рамках каждой из них¹. В.Цымбурский акцентировал внимание на том обстоятельстве, что современный миропорядок существенно отличается от идеала традиционной геополитики. И основное отличие состоит в том, что в Северном полушарии в силу ряда исторических оснований произошло формирование не единого, а «многосоставного» баланса мощи и влияния. Фактически к концу XX в. возникли и оформились два относительно независимых друг от друга расклада мощи и влияния — военно-политического и хозяйственного. «Сей-

¹ Один из первых примеров теоретизирования подобного рода см.: Griffith W.E. The World and the Great Power Triangles. Cambridge, 1974, где была сформулирована концепция формирования нескольких независимых друг от друга раскладов мощи — экономического и военно-политического.

час можно говорить об оборонных и хозяйственных Больших пространствах, но комплексные гроссраумы пребывают пока только в наметках, навеянных классической геополитикой» (Цымбурский, 1999, с.147.). Северная Атлантика со Средиземноморьем — единое оборонное пространство под эгидой НАТО, — разделено геоэкономическими барьерами, ограждающими ЕС и зону НАФТА. На Тихом же океане, пусть еще и в недостаточной степени, но все же интегрированное кольцо экономик стран АТР расчленено военно-силовым балансом, на весах которого силы американо-японского военно-политического союза уравнивают потенциал КНР, а в перспективе «Большого Китая». При этом и геоэкономическое, и военно-политическое пространства в обоих мегарегионах воздействуют друг на друга, а подвижки в рамках каждого из них способствуют возникновению эффектов «рикошета». Как, например, Балканская кампания НАТО оказала влияние на курс евро и косвенно на геоэкономический расклад сил в атлантическом регионе. Это обстоятельство создает совершенно новую ситуацию, вообще не предусмотренную традиционной геополитикой. Думается на самом деле есть все основания для вычленения гораздо большего количества пространств с собственным частным распределением мощи центров силы по каждому из них. Побочным следствием подобной аналитической процедуры может оказаться и некоторая корректировка таких базовых категорий геополитического анализа как «национальный интерес» или «центр силы», например.

Надо сказать, что определенные шаги в направлении концентрации усилий на исследованиях региональной геополитической проблематики уже предпринимаются (См. Гаджиев, 2001.). Однако методологические аспекты геополитического анализа по-прежнему во многом остаются маргинальными.

Наконец, все более существенное внимание уделяется влиянию на эволюцию геополитической ситуации экономических процессов. Данное обстоятельство очевидно связано с повышением роли экономики в жизни как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, с растущим воздействием экономических процессов на неэкономические сферы, на

распределение сил в международном масштабе. Глобализация финансов и информационная революция способствуют выделению геоэкономики в особую, едва ли не наиболее значимую отрасль геополитического проектирования (Сорокин, 1996; см. также Кочетов, 1997; Кочетов, 1999.). Экономические конфликты в новых условиях выдвигаются на первое место среди групп потенциальных международных противоречий. Кое-кто даже прогнозирует в этой связи наступление эры «реалэкономики», т.е. периода истории, суть и основное содержание которого составят жесткие (возможно конфронтационные) экономические действия, направленные на достижение государствами и иными центрами силы собственных, в том числе политических, интересов (См. об этом Кочетов Luttwack, 1990, №20, p.1-24; Luttwack, 1993, p.28-69 и др.). В этой связи нередко голоса сторонников постепенного отказа от теоретизирования в геополитических терминах и перехода, если угодно, в новую эпоху — когда в условиях «закрытия ойкумены» и прекращения биполярной конфронтации префикс *geo-* и первенствующее положение в анализе текущих международных явлений и процессов перейдет к экономике, а собственно геополитика станет достоянием истории.

Своеобразную интерпретацию геополитики как части политической географии (наряду с электоральной географией, анализом центр-периферийных отношений и т.п.) предложил ряд исследователей складывающейся на протяжении 90-х гг. стоящей несколько особняком географической школы (См. Туровский, 1999; отчасти Колосов, Мироненко, 2001.). Однако вне среды профессиональных географов эта точка зрения по сей день остается маргинальной.

Недостатки геополитического анализа проблем современности достаточно очевидны. Пожалуй, наиболее уязвимым местом современного геополитического анализа является его абсолютный государствоцентризм. Государство по-прежнему фигурирует в качестве практически единственного действующего на мировой арене легитимного политического актора, обладающего всей полнотой суверенитета.

На самом деле ситуация представляется куда менее одно-

значной. По меньшей мере со времени появления работ Дж.Ная и Р.Коheyна стала общепризнанной точка зрения о том, что урбанизация и модернизация политических сообществ, развитие коммуникаций и контактов с внешним миром способствуют существенному перераспределению власти от правительств к частным субъектам. Сегодня не менее очевидно, что и процессы демодернизации способны, как ни парадоксально, поддерживать эту тенденцию. Думается ныне есть все основания для констатации того факта, что по окончании процесса деколонизации и особенно после слабо контролируемого распада СССР и ряда стран Восточного блока система межгосударственных отношений вступила в пору значительных перемен. Она стала включать в себя слабо структурированные и непрочные образования («несостоявшиеся» и «новые» независимые государства), чей суверенитет проблематичен, чьи территориальные границы недостаточно четко определены (в целом ряде случаев просто не делимитированы или активно оспариваются соседями), и чья «мощь» фактически раздроблена между конкурирующими кланами или частными субъектами. В результате геополитический анализ пробуксовывает там, где всегда претендовал на свою значимость — при изучении конфликтов современного мира. Действия акторов без суверенитета, всевозможных национальных и международных организаций, ассоциаций, фирм, трансграничных группировок и т.п. просто невозможно адекватно оценить в рамках доминирующей парадигмы. За спиной этих акторов всегда ведется поиск некоего «центра силы» или государственного образования, заинтересованного в таком, а не ином ходе и исходе конфликта. И дело здесь не в идеологизированности авторов, а в общих методологических изъянах присущих геополитическому анализу ситуации.

Еще более очевидна неадекватность концентрации только на государстве в рамках геоэкономики. Как неоднократно и вполне обоснованно отмечалось целым рядом отечественных и зарубежных авторов глобализация финансов и информационная революция способствуют выделению геоэкономики в особую, едва ли не наиболее значимую отрасль

геополитического проектирования (См. об этом Сорокин, 1996; Кочетов, 1997; Жан, Савона, 1997.). Эта отрасль геополитики имеет дело с разного рода ресурсными потоками, обеспечивая их регулирование и управляемость. В рамках геоэкономики существенное внимание уделяется формированию т.н. ИВЯ (интернационализированного воспроизводственного ядра) мирового хозяйства, взаимозависимости стран и центров силы (а также тому, как манипулировать асимметричной взаимозависимостью для достижения поставленных целей). Однако на практике геоэкономический подход, в конечном счете, вновь концентрируется на стратегии обеспечения национальных интересов государства в условиях хозяйственной глобализации (См. Кочетов, 1999.). При этом ситуация, когда США, например, лоббируют интересы японских компаний в Европе, поскольку те производят свои автомобили на заводах в Америке, равно как и возникающие и множась коллизии и конфликты подобного рода практически остаются вне сферы анализа современной геоэкономики.

Проблема усугубляется одной специфической особенностью геополитического анализа. Она заключается в том, что геополитика никогда и нигде не ориентировалась на то, чтобы существовать в рамках чистой теории. Практикующие геополитики вне зависимости от исторического контекста неизменно обнаруживали вкус к формированию стратегии поведения государства на международной арене. В нынешней ситуации, по-видимому, наиболее разумным было бы отказаться от попыток создания эффектных «геостратегических» конструкций и попытаться разобраться с тем, что такое геополитика — система приемов и методов анализа борьбы держав за преобладание и власть и влияние в мире (или на региональном уровне), род философского дискурса, призванного обосновать некие достаточно широко распространенные представления о доминирующем или становящемся миропорядке и месте в нем того или иного государства, или «что-то иное». В последнем случае необходимо более четкое определение границ применимости геополитического анализа, самого предмета и методов геополитики. И, как представ-

ляется, существенным подспорьем здесь могут стать исследования «конкретных случаев» современных конфликтов. Переход от чрезмерно общих рассуждений на темы глобального противостояния или достаточно умозрительных построений в духе поисков оптимальной геостратегии США, Китая или России к исследованию конкретных конфликтных ситуаций, микро-геополитический анализ возможно позволил бы более четко определиться с дисциплинарными рамками, так сказать, «дисциплинировать» дисциплину.

Думается сегодня в рамках геополитического теоретизирования имеет смысл переставить акценты — с глобальной картины (исследований миропорядка) на, если так можно выразиться, подобие теорий «среднего уровня». Оптимальной единицей анализа в данной ситуации мог бы стать геополитический регион как некая *геополитическая, геокультурная и геоэкономическая* целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе (трансграничный характер, изменчивость контуров, смена доминантных региональных держав, культурные, этнические и демографические трансформации, в отдельных случаях — фактически полное исчезновение, что наглядно демонстрирует пример с таким общепризнанным геополитическим регионом начала-середины XX в. как, скажем, Mitteleuropa). С этой точки зрения не лишены определенного смысла и попытки регионального геополитического анализа Европы или постсоветского пространства, например (См. об этом Lacoste, 1993; Смирнов, 1999, с.45-61).

Кроме того, российской геополитике пора бы избавиться от одного очевидного изъяна. Дело в том, что она, если так можно выразиться, чересчур «россиецентрична». Как справедливо отмечали В.А.Колосов и Р.Ф.Туровский, «некритическое восприятие теории хартленда... привело к появлению ряда штампов в российской геополитике. Прежде всего возникло представление о России как ключе глобальной стабильности, как о географическом центре мировой политики... Российские геополитические работы в значительной степени были основаны на идеализированном представлении о геополитической миссии России как «держателя равнове-

сия между Западом и Востоком» (См. Геополитическое положение России: представления и реальность. 2000, с.22.). Вместе с тем, стереотипные представления о России как об осевом регионе Евразии оспариваются некоторыми авторами, рассматривающих современную РФ не как геополитическую ось, а как геополитический тупик (См., например, Туровский, 1994, с.31-36; Туровский, 1995.).

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что в зависимости от того, как расшифровывается префикс «гео» понимание геополитики варьирует в широком диапазоне определений, приобретая черты либо своего рода философии мировой политики, либо конкретного страноведения, когда основным объектом изучения становятся представления политических и интеллектуальных элит тех или иных стран о мире и о собственном месте в нем. Дальнейшие перспективы развития геополитики в нашей стране связаны с развитием двух-трех формирующихся геополитических школ. Одна из них рассматривает геополитику как комплексную научную дисциплину. При этом по форме и методам анализа эта школа тяготеет к философии внешней политики или международных отношений (отдельных стран или мира в целом). Другая школа склонна интерпретировать геополитику в качестве части более значимого целого — политической географии. Наконец, третья полагает необходимым с прежним упорством отстаивать проблематику фундаментального дуализма политических сообществ (варианты неоевразийства). Доселе ни одна из школ не проявляла особой готовности или желания к проведению открытой широкой дискуссии по всему ряду геополитических проблем. Однако именно в заочном споре этих школ, по-видимому, и будет решаться будущее отечественной геополитики как профессии и как научной дисциплины.

Литература

- Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.
 Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997; Его же. Введение в геополитику. М., 2000.
 Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1998

- Гаджиев К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины. // Полис, 1995, №4.
- Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000.
- Гумилев Л. От Руси к России. М., 1994; Ритмы Евразии. М., 1993
- Дугин А. Основы геополитики. М., 1998.
- Жан К., Савона П. Геоэкономика. М., 1997
- Жан К., Савона П. Геоэкономика. М., 1997.
- Жириновский В.В. Последний бросок на Юг // Жириновский В.В. Политическая классика. Т.6, М., 1997.
- Жириновский В.В. Геополитика // Политическая классика. М., 1996.
- Зюганов Г. География победы.
- Зюганов Г.А. За горизонтом. М., 1995.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
- Кочетов Э. Геоэкономика и стратегия России. М., 1997
- Кочетов Э. Геоэкономика и стратегия России. М., 1997
- Кочетов Э. Геоэкономика. М., 1999.
- Кочетов Э.Г. Геоэкономика. М., 1999.
- Лукин В.П. «Центры сил»: концепции и реальность. М., 1983
- Панарин А.С. Восстановление прерогатив континента как программа будущего // Панарин А.С. Политология. М., 2000.
- Панарин А.С. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток, 1995, №2.
- Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000
- Панарин А.С. Онтология террора // Геополитика террора. М., 2002.
- Панарин А.С. Разработка сценариев в парадигме синтетического прогнозирования // Панарин А.С. Политология. М., 2000.
- Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
- Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
- Паркер Дж. Преемственность и изменения в геополитической мысли Запада // Международный журнал социальных наук, 1993, №3
- Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма. М., 1994.
- Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь, 1994, №10.
- Политическая наука: Новые направления. М.: Вече, 1999.
- Пономарева И.Б. Смирнова Н.А. Геополитика империализма США: атлантическое направление. М., 1986
- Смирнов А.Н. Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // Вестник МГУ. Сер.12, Политические науки, 1999, №3
- Смирнов А.Н. Уровни геополитического восприятия действительности в современной России // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки, 1999, №3.
- Соловьев Э.Г. Геополитический анализ международных проблем современности: Pro et Contra // Полис, 2001, №6 и др.
- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996
- Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия // Полис, 1995, №1.

- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996
- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996
- Туровский Р.Ф. Политико-географическое положение России и интересы государства // Кентавр, 1994, №3
- Туровский Р.Ф. Политическая география. Смоленск, 1999
- Туровский Р.Ф. Ядро Евразии или ее тупик? // Россия на новом рубеже. М., 1995.
- Цымбурский В. Геополитика для евразийской Атлантиды // Pro et Contra, Т.4, 1999, №4.
- Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы нового и новейшего времени // Полис, 1996, №3
- Gallois P.M. Geopolitique. Les voies de la puissance. P., 1990
- Grey C. Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.Y., 1977
- Grey C. Geopolitics of the Nuclear Era: Hartland, Rimlands, and the Technological Revolution. N.Y., 1977.
- Griffith W.E. The World and the Great Power Triangles. Cambridge, 1974
- Griffith W.E. The World and the Great Power Triangles. Cambridge, 1974
- Lacoste Y. Dictionnaire de geopolitique. P., 1993
- Lacoste Y. Questions de la Geopolitique. P., 1988
- Luttwack E. From Geopolitics to Geo-Economics // National interest, 1990, №20.
- Luttwack E. From Geopolitics to Geo-Economics // National interest, 1990, №20
- Luttwack E. The Coming Global War for Economic Power // The International Economy, 1993, №5.
- Parker G. The Geopolitics of Domination. L.-N.Y., 1988
- Senarclens P., de. La politique internationale. P., 1990.
- Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: Essays in changing world system. Cambridge, 1992.
- Wildavsky A. Speaking the Truth to Power: The Art and Craft of Political Analysis. Boston, 1979

Этнический фактор в постсоветских исследованиях МО

Своеобразие российских подходов к изучению этничности в МО формируется под воздействием множества обстоятельств — драматических событий новейшей истории страны (включая кардинальные изменения ее внешнеполитического статуса), болезненно-критический характер этнополитических факторов при распаде Союза ССР и в последующей политической динамике на всем постсоветском пространстве, запутанный клубок противоречий, которые принято обозначать как «кризис идентичности». Наконец, включение тематического круга этнонационального (прежде всего — этнополитического) в дискуссии по поводу международных отношений и внешней политики происходит в сегодняшней России на фоне крайне фрагментированного, калейдоскопичного, если не сказать — глубоко расколото, дискурсивного «фона». Используются «языки», подчас исключающие всякий обмен мнениями. Кроме того, проблема крайне политизирована, и аазмежевания происходят не просто на уровне претензий на знание или адекватные теоретические позиции, на профессиональную компетенцию.

Однако даже в столь непростых условиях теоретическая мысль в среде российских специалистов, разумеется, ни в коем случае не стоит на месте, включаясь в активный поиск — пусть и крайне разнонаправленный — путей к продуктивным решениям. Предпринимаемый здесь обзор ориентирован исключительно на обозначение доминирующих тенденций и тематических контуров, но никак на исчерпывающий науковедческий анализ. Автор рассматривает неко-

торые новые теоретические позиции к осмыслению этичности ее роли в формировании мирового порядка после Холодной Войны. Третья и четвертая части очерка анализируют вопросы формирования этнической идентичности и этнических конфликтов в работах российских исследователей.

1. Основные теоретические подходы к проблеме этничности в МО

Обсуждение тем этнонационального в связи с международными отношениями и внешней политики в среде российских исследователей демонстрирует одно, пожалуй, главенствующее свойство. Оно заключается в отсутствии достаточно четко рефлекслируемых позиций в собственно теоретико-методологическом смысле. Тем не менее, представляется возможным выделить две основные позиции в отношении роли этнонационального в мировом порядке, которые можно обозначить как субстанциональное и инструментально-реляционное направления.

В рамках *субстанционализма* этнонациональное (этнополитическое) рассматривается как неотъемлемый атрибут всей системы международных отношений и внешней политики, а соответствующая мотивация неизменно присутствует в этой сфере как движущая сила принятия решений и практических действий. Причем, сторонники этой точки зрения часто занимают вполне государствоцентричные позиции, полагая, что поведение государств — главных и, возможно, единственно значимых акторов в международных делах — руководствуется в своем поведении на арене мировой политики, прежде всего, соображениями этнонационального плана. Такое видение очень напоминает классовый редукционизм с той разницей, что *этноты* (как правило, именно *этноты*, а не этнические общности, группы или какие-то подобные им образования) выступают в замещающей роли по отношению к *классам*. Иное дело, что при этом сами этноты могут рассматриваться в роли самостоятельных международно-политических субъектов, а могут и не рассматриваться.

Другое направление, основывающееся на субстанциональном видении роли этнонационального в международных отношениях, исходит из того, что этносы — суть не просто акторы, периодически появляющиеся на арене мировой политики, но полноправные субъекты международных отношений и международного права. Это направление в философско-историческом плане наследует гердеровской традиции восприятия наций как индивидов — действующих лиц истории. У них есть характер, душа, миссия, воля и «жизненные циклы, включающие рождение, периоды расцвета и увядания и боязнь смерти; в качестве своего материального референта они имеют территории, ограниченные, подобно человеческому телу»¹.

Разумеется, в каких-то ракурсах на переднем плане могут оказываться отличия между этими направлениями, а в каких-то — множество сходных черт. Различия подчас оставляют впечатление полной политико-идеологической несовместимости, а маломальское совпадение — казаться немыслимым. Что общего может быть, в самом деле, между сторонниками этнонационального сепаратизма и державного унитаризма, отвергающего саму возможность какой-либо субъектности за миноритарными группами? С рассматриваемой точки зрения сходство заключается именно в признании за этнонациональным роли фундаментального начала всей системы общественных отношений, включая международно-политические отношения.

Общей чертой и тех, и других, кстати, выглядит неизменно испытываемый ими пиетет по отношению к фигуре Л.Н.Гумилева. Именно ссылаясь на его незыблемый авторитет, Ю.П.Платонов в монографии «Этнический фактор. Геополитика и психология» перелагает взгляды «гуру»: «Основным действующим лицом истории являются этносы, поскольку они представляют собой наиболее устойчивые и активные человеческие общности, охватывающие всех людей; поскольку нет человека вне этноса и каждый человек принадлежит только к одному этносу»².

¹ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // Нации и национализм. М., 2002. С. 300.

² Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб.: «Речь», 2002. С. 11.

Для представителей субстанционального подхода характерно стремление к увязке геополитики и этнополитики в единый концептуальный комплекс. Пионером в деле переосмысления геополитики в этнонациональных терминах, по видимому, следует считать Ю.М.Бородаю.

«Представление о национальной геополитике, — пишет этот автор, — ...имеет мало общего с рядом известных доктрин, призванных формулировать и обосновывать принципы государственной внешней политики, способы и направления государственно-имперской экспансии. Эта становящаяся ныне модной у нас «классическая геополитика, развитие которой на Западе связано с именами основателя политической географии Ратцеля, английского географа Маккиндера, немца Хаусхофера, американского географа Спиксмана и т. д., практически совершенно не принимает в расчет проблему *этнической совместимости*. Я полагаю, что в отличие от такого рода популярных имперских доктрин, базирующихся на географии, фундаментом национальной геополитики должна быть *этногеография*».

Предлагая рассматривать проблему границ не только в территориально-политическом, межгосударственном аспекте (который не всегда совпадает с аспектом национальным), Ю.М.Бородай акцентирует внимание на духовно-этической совместимости этносов, на их комплиментарности — потребности уживаться друг с другом и действовать сообща, разделяя некие единые моральные доминанты. «Национальные границы призваны разъединять искрящиеся контакты, объединяя то, что совместимо, — хотя бы в обозримой перспективе. В этом суть *этногеополитического* (выделено — Н.М.) подхода»¹.

Сегодня можно констатировать наличие достаточно распространенного в литературе — этногеополитического — направления. В цитированной выше книге Ю.П.Платонова «этнический субъект» наделяется такими свойствами, как целенаправленность, мотивированность, структурированность, согласованность и интегративность, организованность,

¹ Бородай Ю. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1. С. 130, 131.

«пространственно-временное пребывание», результативность. Интегрирующим фактором в этническом коллективном взаимодействии здесь выступает *социальная направленность этнического субъекта*¹. Соответствующий «выход» приведенной логики в область теории международных отношений и внешнеполитических рекомендаций также имеет место. Автор определяет геополитику как науку «о географической детерминации этнополитических процессов в государстве и межгосударственных отношениях»². В качестве же идеологического обеспечения геополитических планов — геополитических ориентиров «народов России в XXI веке» — предлагается концепция *российского этноцентризма*. Автор настаивает на том, эта концепция должна «по мнению большинства российских геополитиков, использовать не только государственную, но и культурно-этническую терминологию с особым ударением на такие категории как «державность», «народность», «духовность», и «этническую комплиментарность»³.

Анализируя проблемы «безопасности вообще и национальной (этнической) безопасности в особенности», известный политик нео-коммунистической направленности В.И.Илюхин настаивает, что сердцевиной концепции национальной безопасности должно быть признание нации в качестве субъекта исторического процесса. Антиисторичность же и антинациональный характер законотворческих инициатив и политической практики власти («президентская» концепция национальной безопасности) автор связывает с «игнорированием этничности»⁴. Таким образом, основа субстанционального подхода — соединение этнополитического и геополитического субъектов исторического процесса.

¹ См. Платонов Ю.П. Указ. соч. С. 399.

² Там же. С. 492.

³ Там же. С. 241.

⁴ См.: Илюхин В.И. Нация — государство — безопасность (Вопросы теории и практики). М.: Изд-во ООО «ЦентрКнига», 1999. С. 28, 66. См. также: Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России. М.: РАГС—ЗАО «Издательство «Русь», 1998; Чернов П.В. Россия: этногеополитические основы государственности. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999.

Альтернативной субстанциализму является попытка соединить в концепции этничности субстанциональное и деятельностное начала. Такую интерпретацию предлагает О.А.Бельков. Он подчеркивает, что этничность — это качество не только содержательное (субстанциональное), но и деятельностное (функциональное), поскольку она выступает активным фактором и движущей силой истории¹. Размышляя об «этнизации политики и политизации этничности», автор заключает: «То или иное решение связанных с этим этнополитических проблем, а равно и отказ от какого бы то ни было их решения оказывает существенное, порою определяющее влияние на все стороны жизни отдельных стран и мирового сообщества в целом, непосредственно отражается на международных отношениях, мировой политике в целом»².

В российском контексте развиваются и *инструментально-реляционные* подходы, отвергающие сам принцип субстанционализма. С самого начала этот конфликт был инициирован идейным и методологическим плюрализмом, пришедшим в отечественное обществознание вместе с радикальными переменами конца 80-х — 90-х годов прошедшего столетия. Начать с того, что стали раздаваться призывы к отказу от восприятия истории в субстанциональном духе, ибо субстанциональность, по словам Ю.С.Пивоварова, «в конечном счете — означает, что *последняя ответственность* остается за некой — исторической, надисторической необходимостью. Человек (личность) в рамках таких подходов остается всего лишь индивидуальным проявлением какой-то высшей ценности — в конечном счете — частью какого-то иерархически организованного целого»³.

На смену былой ориентации на безоговорочную политическую субъектность наций (народов, масс, классов и проч.) как в советском официально-идеологическом обиходе, так и в профессионально академическом дискурсе пришло что-то

¹ Теоретические основы внешнеполитической деятельности России. М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 291.

² Там же. С. 292.

³ Пивоваров Ю.С. Историософия или антропология? // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002. С. 92.

противоположное. В рассматриваемом здесь контексте это означало принципиальный *отказ от самой политической онтологии этничности*. «По природе своей этнос — не субъект политики, но тип человека-созидателя и носителя определенной культуры», — вот тезис, который был призван деэтнизировать национально-государственное устройство и деполитизировать национальные отношения¹.

В методологическом смысле область этнологического знания стала предметом экспансии со стороны идей социологического конструктивизма. Наиболее последовательное воплощение они получили в «историко-ситуативном» методе, предложенном В.Тишковым в противоположность эссенциалистской традиции или органицистской логике восприятия этничности (этноты — аналог живых существ). Этничность — плод социального конструирования. Она имеет «релятивистскую природу». Основным для понимания феномена этничности выступает понятие идентичности, которая в свою очередь имеет составительную и множественную природу, обладает «процессуальностью», выстраивается «в итоге диалога и властных отношений между группами, между группой и государством, или *между государствами* (выделено — Н.М.)»².

Таким образом, этнополитическая проблематика в области международных отношений также обнаруживает себя в ракурсах реляционного понимания. Это — не результат взаимодействия онтологически заданных политических субъектов (движущих сил или действующих лиц истории), но эффект, возникающий в сложном взаимодействии множества акторов — элит, государственной бюрократии, агентов массовой коммуникации, «городских интеллектуальных активистов». Своего рода квинтэссенцией методологического инструментаризма в понимании этничности выглядит тезис В.Тишкова: «Гораздо чаще этнический фактор служит лидером. А не лидеры служат этнической общности»³.

¹ Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев С., Цымбурский В. Этнос и политическая власть // Век XX и мир. 1990. № 4. С. 17.

² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 63.

³ Там же. С. 71.

2. Этнический фактор и мировой порядок

Отмеченное различие подходов к пониманию этничности получает свое яркое воплощение в осмыслении формирующейся структуры международных отношений. При этом, исследователи подчеркивают две фундаментальные тенденции мирового развития — глобализация международных отношений и создании интегрированных объединений на региональном уровне, с одной стороны, и фрагментации и появление все более многочисленных моноэтнических и слабо жизнеспособных государств¹. Исследователи, близкие субстанциализму, подчеркивают усиление роли этнонационального в сопротивлении процессам глобализации, в то время как реляционисты говорят о гибкой адаптации этно-идентичности к глобализации. И те, и другие, независимо от идейно-оценочных позиций, признают исключительно сильные риски, связанные с этнополитическими процессами и мире.

Исследователи, близкие реляционизму, согласны с рисками роста этнического сознания, но считают возможным соединение этого процесса с глобализацией. Так, Ю.И.Рубинский исходит из императива мирного сочетания и даже взаимного усиления двух описанных тенденций: унификации, захватывающей экономику, науку, технику, быт и стремления каждого народа отстоять национальную, культурно-цивилизационную идентичность. «Выход из этого противоречия, лежащего в основе большинства внутренних и международных локальных конфликтов после окончания «холодной войны», — пишет Рубинский, — может быть найден только путем признания самоценности, взаимозависимости и солидарности всех цивилизационных центров многополярного мира перед лицом общих рисков и шансов третьего тысячелетия»².

Многие, однако, гораздо более пессимистичны и воспри-

¹ См.: Рубинский Ю.И. Европейская цивилизация в меняющемся мире // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002. С. 161; Введение в теорию международных отношений. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 307-308.

² Рубинский Ю.С. Указ. соч. С. 161.

нимают две тенденции как антиномию мнимого (глобализация) и действительного (этнизация). Как пишет В.Максименко, «происходит не «глобализация», а нечто противоположное ей — регионализация и фрагментация общественных отношений, усугубляемая демографическим давлением, а также бурной прогрессирующей тенденцией *этнизации сознания* в ответ на разрушительные для национальных суверенитетов влияния глобалистских стратегий»¹. С позиций близких субстанционализму, А.Уткин также характеризует современные международные отношения как усиление традиционализма и этнонационализма. Повторяя аргументацию Самуэля Хантингтона², Уткин считает, что «переход конфликта в тотальный из-за задеирования традиционной и религиозной сути этносов — вот знамение конца века»³. На всех континентах, разъясняет А.Уткин, заметно усиление традиционализма — на Ближнем Востоке, в Африке, части Южной Азии и Латинской Америке — обращение к исходным родовым и религиозным ценностям повсеместно⁴. Иными словами, мир, еще пять лет тому назад поделенный на первый, второй и третий, оказался разделенным на шесть цивилизационных комплексов.

Как барьер на пути глобализации, рассматривает этническое многообразие мира и М.В. Ильин. «При всем «объективном» единстве мира его фрагментация — от экологической и этнической до цивилизационной и социально-классовой, — пишет М.В.Ильин, — все еще сохраняется, а порой даже обостряется из-за включения в глобальный контекст»⁵. Структуры «фрагментированных порядков» — этнокультур, кланов, цивилизаций, корпораций, наций, классов и т. п. — под воздействием структур «глобального порядка» не устраниваются и не утрачивают силы. В действительности «новые морфологи-

¹ Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Осень. Т. 4. № 4. С. 88.

² Huntington, S. Clash of Civilizations.

³ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Алгоритм, 2002. С. 415, 418, 421.

⁴ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 171.

⁵ Ильин М.В. Стабилизация развития // Мегатренды мирового развития. М., 2001. С. 188.

ческие особенности отнюдь не подавляют и не заменяют старые, а дополняют их, причем очень незаметно, и чем незаметнее, тем эффективнее».

Наконец, в рамках резко критики глобализма в связи с ролью этнонациональных начал выделяются концептуальные разработки А.С.Панарина. Эти разработки не укладываются ни в субстанциональное, ни в реляционное направления. Панарин критикует американский «дегуманизирующий» глобализма, обвиняя его не только в тотальном пренебрежении национальными ценностями большинства человечества, но и в манипулировании этими ценностями в эгоистических целях. Он рассматривает американский проект как этноцентричный, продолжающий и одновременно искажающий проект Просвещения, с характерным для него масштабным *субъектом действия* и «мироустроительными амбициями»¹. Этот субъект Просвещения «ни в коем случае не может быть замкнут в каких-либо узко-этнических рамках или племенной морали... Его этническая, расовая, классовая и проч. специфика — ничто по сравнению с универсалиями, выражающими его единую разумную природу». Однако, этот важнейший принцип Просвещения — единое социальное пространство, нейтральное по отношению к этноконфессиональным различиям людей — современным либерализмом предан, ибо навязывает ценности отной культуры. Это навязывание осуществляется вопреки национальному суверенитету (культура-проект, устремленный в будущее) и ценой этнический сепаратизма (культура-память, ориентированный в прошлое). Вердикт Панарина; на место автономии индивида возникает племенная автономия, растворяющая в себе личность. «Глобализм парадоксально сомкнулся с триализмом»².

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 219.

² Там же. С. 257.

3. Осмысление этнической идентичности

Обозначенный методологический раскол очевиден в российских исследованиях идентичности. Как и ранее в споре примордиалистов и инструменталистов, камнем преткновения служит вопрос о политической *субъектности* этнических групп. Узловой вопрос формулируется так: выступают ли этнические общности как таковые в роли субъектов, участников или акторов международных отношений непосредственным образом? То есть, является ли этническая общность политически значимой субстанцией (включая международные и внешнеполитические измерения ее активности) или это — один из многих, причем, достаточно относительный с точки зрения реального веса фактор? Именно в этой точке расхождения приобретают наиболее принципиальный характер, выглядят как самые принципиальные и служат в роли самых очевидных и надежных индикаторов теоретико-методологической идентификации позиций.

Представители субстанционального подхода наделяют этнос таким статусом, который ставит его в центр политического универсума. При этом идентичность этноса воспринимается как данность и не является предметом исследовательского интереса. Иное дело — реляционная парадигма этничности, ставящая концепт «идентичности» в самый центр своего внимания. Многие российские авторы убеждены, что «главный вопрос современности» состоит в том, удержат ли существующие цивилизации свою идентичность или придут к некоему единому миру, в основе своей западочентричному. Переосмысление цивилизационной идентичности и национального культурного наследия в ряде случаев (например, в Латинской Америке или в России), как пишут Е.Б. Рашковский и В.Г. Хорос становится необходимым условием «преодоления серьезных кризисных тенденций, переживаемых этими обществами»¹.

¹ См.: Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток — Запад — Россия. М., 2002. С. 38, 60.

В отличие от субстанциалистов, реляционисты рассматривают групповые идентичности либо как онтологически многообразные, либо как сводимые к идентичности индивидуальной.

«Так, начиная с середины 80-х гг. в политологии стало общепринятым говорить о субъектах международных отношений как о конкурирующих друг с другом «идентичностях» («исламской», «христианской», «западной», «восточной», «евразийской» и т.д.), — пишет В.С. Малахов. — Однако на деле такие образования не представляют собой устойчивых единств, а распадаются на множество более мелких — в конечном счете, на индивидов, которые только и могут идентифицировать себя в качестве членов той или иной группы»¹.

Этническая идентичность также рассматривается Малаховым как самоопределение индивида, а не столько внешнее предписывание. Этническая идентичность имеет, с точки зрения В.С. Малахова процессуальную и ситуативную природу, и решающую роль при этом выполняют не сами «вещественные» признаки, а то значение, которым эти признаки наделяются в процессе социальной коммуникации².

Российские ученые подчеркивают сложности осмысление природы идентичности. Во-первых, это связано с многообразием проявлений идентичностей: от микро-уровня (индивидов) до макро-уровня (национальное государство) до мега- и гига-уровней (цивилизационные комплексы, конфессии). Во-вторых, многообразие проявления идентичностей предполагает многообразие исследовательских методов и дисциплин их изучения, включая психологические (психоаналитические), социологические, историко-культурные, исторические, политологические, политологические, геополитические и др. Вопрос, который занимает исследователей множественного характера идентичностей в современном обществе, формулируется следующим образом: распростра-

¹ Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 78.

² Там же. См., также: Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.

няется ли эта множественность, присущая индивидуальной идентичности на микро-уровне, также и на макро-уровень (к примеру, уровень территориально-политической общности)?

В этой связи вызывает интерес категория «конгломеративной идентичности», которую использует американский ученый Д. Лейтин для анализа диаспор:

«Конгломеративная» идентичность — категория членства, являющаяся общим знаменателем для множества идентифицирующихся групп, обладающих некоторыми характеристиками, которые отличаются от доминирующих характеристик общества их проживания... Конгломеративные идентичности часто образуются, когда члены доминантного общества воспринимают отличающиеся группы сходным образом..., но группы с конгломеративной идентичностью могут возникать и тех случаях, когда социальные границы, разделяющие все соответствующие группы, проживающие на заграничной почве (как в случае с украинцами и русскими, живущими сегодня в Казахстане) относительно слабы»¹.

Развивая эту концепцию, российские ученые рассматривают идентичность в связи с процессами модернизации, которые обуславливают длительное и устойчивое сосуществование различных социальных групп в рамках общества-конгломерата. В результате могут возникать различные конгломеративные типы — русско-чеченско-ингушский, например, или еврейско-арабско-палестинский, русско-эстонский, русско-латышский. Анклавы традиционного, как поясняют авторы, могут играть важную регулирующую роль, что видно на примере родо-племенных или клановых отношений в Закавказье, Юго-Восточной Европе, исламских республиках России². Конгломеративность интерпретируется при этом не как нечто ущербное, а как способ самоорганизации адаптации общества к индустриальным и постиндустриальным реалиям.

¹ *Latin D.* Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca, London, 1998. P. 31.

² См.: *Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия. С. 112, 115, 116.

Другой вопрос, занимающий исследователей идентичности — разграничение геополитической идентичности и идентичности цивилизационной. Первая — суть атрибут государства с точки зрения его географических признаков, определяющих основные особенности его внутренних и внешних связей. Вторая указывает на принадлежность индивида, этноса или государства к определенной цивилизации. При этом цивилизационные и геополитические идентичности переплетаются друг с другом. Проблема осложняется и наличием так называемых цивилизационно-периферийных и междоцивилизационных народов (напр., восточноевропейских, кавказских, тюркских, а также монгольских и иных, обитающих в Восточной Азии по краям платформ Китая и России). Не принадлежа к ядровым сообществам соседних цивилизаций (исламской, китайской, индийской, японской, российской, североатлантической), такие народы вынуждены культурно, политически и хозяйственно самоопределяться по отношению к этим сообществам, при этом либо чувствуют свою ущербность от «окраинности» и «промежуточности» своего положения, либо открывают для себя в этом статусе шансы стратегического самоутверждения»¹.

Важно, наконец, отметить, что усиление интереса к проблемам идентичности связано с активизацией феминистского направления гуманитарно-политических исследований. Феминисты привлекли наше внимание к множественности феномена идентичности, подвергнув критике основные парадигмы в теории международных отношений — реализма, плюрализма, структурализма/глобализма — за игнорирование проблем идентичности и узость методологически-позитивистских подходов². Проблема идентичности в международных отношениях сегодня выглядит чрезвычайно сложной, включающим не только этнические, расовые, конфессиональные, языковые, но и гендерные, сексуальные, социаль-

¹ *Цымбурский В.Л.* Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. Т. 2. С. 80.

² *Залевски М., Энло С.* Вопросы идентичности в международных отношениях // теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002. С. 309.

но-стратификационные, социально-профессиональные параметры. В интересах изучения такой — сложносоставной, включающей как этно-национальные, так и территориальные компоненты — идентичности некоторые ученые использовали опыт факторного анализа. Например, стремясь исследовать многоуровневую структуру идентичности, Р.Петрелла выделяет следующие факторы:

- 1) культурная идентичность или набора данных, который воспринимается как признак нации;
- 2) специфические языковые особенности, прежде всего стандартизированного языка, продолжающего выполнять какую-либо социальную функцию (коммуникации) и исчезновение которого воспринимается как серьезный ущерб индивидуальной и коллективной идентичности;
- 3) политико-конституционный статус региона до и после его включения в состав нации-государства;
- 4) относительный уровень экономического развития и потенциал;
- 5) автономный или гетерономный характер экономического развития.

«При всей кажущейся очевидности, — пишет при этом Р.Петрелла, — весьма трудно определить наличие или отсутствие культурной идентичности или набора признаков, присущих нации. Главный вопрос не в том, что такое нация, а в том, насколько она является субъектом символического представительства, значимости и идентификации, воспринимаемым в качестве такового самими жителями регионов, а также посторонними»¹.

Исходя из этой аналитической перспективы, носителями территориальной национальной идентичности в условиях Западной Европы выступают Шотландия, Уэльс, Страна басков, Каталония и Фландрия. В стадии формирования, как полагает автор, к началу 80-х годов находились Валлония и Канарские острова. Собственно территориальная идентич-

¹ *Петрелла Р.* Националистические и региональные движения в Западной Европе // *Этнос и политика*. М., 2000. С. 236.

ность присуща, например, активным меньшинствам в Галисии, Бретани, на Корсике и в Сардинии. С точки зрения третьей переменной независимым или суверенным статусом в прошлом обладали Шотландия, Уэльс, Каталония, Бретань. Автономией — отдельные части (но не этнорегионы в целом) Страны басков, Фландрии, Валлонии, Фриули, Фрисландии, Окситании, Юры и Эльзаса¹.

4. Этнические конфликты

Наконец, в российских международных исследованиях активно разрабатывается проблематика этнических конфликтов, что напрямую связано с перспективами решения сложного комплекса практических задач. Этот круг включает в себя внутренние и локальные конфликты, столь бурно распространившиеся после демонтажа биполярного мира. Это и проблематика защиты прав меньшинств — этнических, расовых, религиозных, языковых, культурных. Это и комплекс угроз со стороны экстремизма и терроризма, которые также часто бывают окрашенными в этнические тона. Этот перечень, разумеется, включает весьма болезненные противоречия, связанные с этнополитическим самоопределением, сепаратизмом, сецессией, движениями ирредентистского типа и проч.

В российской науке быстро сложилась исследовательская дисциплина, изучающая этот круг вопросов — *этнополитическая конфликтология*. Возникновение этнических конфликтов исследователи связывают с окончанием безраздельного господства Вестфальской модели мира и превалированием государственных форм идентичности.

«Поэтому новая обстановка в мире (ее можно считать переходной в том числе для сознания человека) вызывает проблемы с идентичностью: появлением множественной либо

¹ Несколько иной факторный анализ предпринял В. Каганский для анализа постсоветской регионализации (*Каганский В.* Советское пространство: конструкция и деконструкция // *Иное*. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. М., 1995. С. 109-110).

неотчетливой самоидентификации, как следствие — попытками самоотождествления на этнической, религиозной или какой-то иной почве, что зачастую ведет к конфликтам»¹.

Специалисты констатируют: этнополитические напряжения стали одним из определяющих атрибутов сегодняшнего миропорядка². На планете, по некоторым подсчетам, имеется приблизительно 160 зон, характеризующихся подобными напряжениями³. И, несмотря на трудности теоретического освоения феномена этнополитической конфликтности, соответствующий опыт концептуализации в России накапливается. Заметное место здесь принадлежит работам М.М. Лебедевой, Э.А. Паина, А.А. Попова⁴. Охарактеризуем их основные моменты.

Один из водоразделов в данной литературе — роль факторов структурного и процессуального свойства в возникновении и разрешении этнических конфликтов. Так, Лебедева и Паин отдают должное и тем, и другим факторам, в то время как Попов склонен акцентировать роль факторов процессуального порядка.

Лебедева связывает мирное урегулирование конфликтов с параллельным анализом двух онтологических пластов: 1) структурные факторы или независимых переменных (структура общества, уровень экономического развития и т.п.); 2) процедурные факторы или зависимых переменных (политика, проводимая как участниками конфликта, так и третьей стороной)⁵. Анализируя конфликтные ситуации в Северной

¹ Категории политической науки. М., 2002. С. 623.

² Лебедева М.М. Мировая политика. М.:Аспект Пресс, 2003. С. 190.

³ Неклесса А. Конец эпохи Большого Модерна // Мировпорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. С. 63.

⁴ Накопившаяся литература об этнических конфликтах весьма обширна (См. подробнее: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 229-260). Большинство публикаций посвящены анализу причин, динамики, перспектив урегулирования конфликтов на пост-советском пространстве, преимущественно в России и ближнем зарубежье, и в бывшей Югославии. Стали появляться публикации, содержащие сравнительный анализ, например, косовского и чеченского конфликтов (Мировпорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: «Добросвет», 2000. С. 162-221).

⁵ См.: Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков (методологический аспект) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 31-39.

Ирландии, Бельгии, бывшей Югославии и бывшей Чехословакии, в Чечне и в Татарстане, Лебедева выделяет следующие структурные факторы — наличие различных этнических групп и/или конфессий с достаточно четким административным делением на принципах национальных территорий; значительная региональная дифференциация; существенные социально-политические изменения и появление новых элит; неразвитость институтов и механизмов урегулирования конфликтов; недостаточное развитие культуры согласия. Чем больше количество таких факторов, тем острее конфликтная ситуация. При рассмотрении же процедурных факторов за единицу анализа автор предлагает избрать ориентацию на совместные действия или ориентацию на односторонние действия. Так, в конфликтах, которые удалось урегулировать мирными средствами (Бельгия, Чехословакия, Татарстан), односторонние шаги не стали доминантой политического действия. Там где развитие пошло по пути использования оружия (в частности, в бывшей Югославии и Чечне) односторонние действия стали доминирующими.

С методологией Лебедевой связано ее осмысление динамики конфликтов. В первой фазе конфликта его порог и потенциал задаются структурными переменными. Вторая — кульминационная — фаза конфликта демонстрирует особую роль преимущественно процедурных факторов. Третья фаза наступает после кульминации, когда конфликт разрешен. Весь методологический каркас венчает вывод: структурные факторы формируют по преимуществу конфликтную ситуацию, а процедурные — определяют форму ее разрешения¹. Сопоставимы со структурно-процессуальным подходом Лебедевой и работы Э.Паина. По его мнению, росту экстремизма и терроризма способствуют три фактора — незавершенная модернизация, неадекватная политика государств и появление идеологов и организаторов экстремизма, следовательно, им необходимо противопоставить три симметричных процес-

¹ Там же. С. 38.

са в сфере модернизации общества, становления новой политики и появления идеологии антиэкстремизма¹.

Несколько иной подход — у сторонников преимущественно процессуального подхода. Определение этнического конфликта Тишкова не оставляет роли факторам структурного порядка: «Под этническим конфликтом понимается любая форма гражданского противостояния на внутригосударственном и интрагосударственном уровнях, при которой, по крайней мере, одна из сторон организуется по этническому принципу или действует от имени этнической группы»². Развивая этот подход, А.А. Прусаускас считает, что структурная несовместимость интересов этнических групп — «явление нетипичное и даже редкое. В конфликтах, обычно называемых межэтническими, принимает непосредственное участие, как правило, относительно незначительная часть одной или обеих противостоящих групп, в лучшем случае пользующаяся пассивной поддержкой большинства»³. Оба автора обращают особое внимание на символические, во многом иррациональные компоненты конфликтов. Социально-психологические комплексы, гипертрофированное чувство опасности, экзальтации, территория и национальный язык в символическом восприятии (В.А. Тишков), коллективная историческая память (А.А. Прусаускас) — вот то, что делает этнические конфликты более глубокими, чем столкновения на социально-классовой почве. Поэтому же не следует ожидать, что в ближайшее время может появиться какая-то общепринятая теория этнических или межэтнических конфликтов⁴.

А.А. Попов также делает упор на факторах процессуального и манипулятивного порядка, подчеркивая роль этнических и религиозных элит в консолидации групп, участвующих в кон-

³⁸ На основе анализа урегулирования конфликтов в зонах этнической нестабильности (Чечня, Сомали, Афганистан), Паин формулирует ряд практических установок для сохранения контроля за ситуациями этнической напряженности (Паин Э. О природе этнического и религиозно-экстремизма // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 1. С. 36-48).

³⁹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 309.

⁴⁰ Там же. С. 220, 221.

⁴¹ Там же. С. 222.

фликте. В рассматриваемом процессе он выделяет три стадии. Первая — «эмоциональная актуализация ксенофобий» как совокупность приемов целенаправленного обострения ментальных травм этнического самосознания. Вторая стадия — «политическая ориентация групп», заключающаяся в том, чтобы при помощи соответствующего программирования и целеполагания добиться этнополитической мобилизации. Третья — «моральная легитимация насилия», оправдывающая потенциальное кровопролитие высшими интересами нации или конфессии¹.

В завершение скажем, что несмотря на свою относительную молодость, российские исследования этничности развиваются относительно активно и уже отмечены достижениями. Исследователи не всегда осознают связей между теоретическими спорами о роли этноса в формировании нового мирового порядка и эмпирическими исследованиями конфликтов и идентичностей. Тем не менее, постепенно такая связь будет осознана в полной мере, что придаст новый импульс развитию этнополитической субдисциплины российских международных исследований. Новые научные направления уже начинают связывать друг с другом и с западными исследованиями. Результат может быть весьма плодотворным.

Литература

- Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // Нации и национализм. М., 2002.
 Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб.: «Речь», 2002.
 Бородай Ю. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1.
 Илюхин В.И. Нация — государство — безопасность (Вопросы теории и практики). М.: Изд-во ООО «Центр книги», 1999.
 Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России. М.: РАГС — ЗАО «Издательство «Русь», 1998.
 Чернов П.В. Россия: этногеополитические основы государственности. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999.
 Теоретические основы внешнеполитической деятельности России. М.: Изд-во РАГС, 2001.
 Пивоваров Ю.С. Историософия или антропология? // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.

¹ См.: Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 273-297.

- Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев С., Цымбурский В. Этнос и политическая власть // Век XX и мир. 1990. № 4.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Рубинский Ю.И. Европейская цивилизация в меняющемся мире // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.
- Введение в теорию международных отношений. / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Осень. Т. 4. № 4.
- Huntington, S. Clash of Civilizations.
- Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М.: Алгоритм, 2002.
- Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
- Ильин М.В. Стабилизация развития // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
- Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Рашковский Б.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток — Запад — Россия. М., 2002.
- Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Т. «. М., 2001.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.
- Latin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca, London, 1998.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия.
- Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. Т. 2.
- Залевски М., Эгло С. Вопросы идентичности в международных отношениях // теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002.
- Петрелла Р. Националистические и региональные движения в Западной Европе // Этнос и политика. М., 2000.
- Каганский В. Советское пространство: конструкция и деконструкция // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. М., 1995.
- Категории политической науки. М., 2002
- Лебедева М.М. Мировая политика. М.:Аспект Пресс, 2003.
- Некlessа А. Конец эпохи Большого Модерна //Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. М.: «Добросвет», 2000.
- Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков (методологический аспект) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.
- Паин Э. О природе этнического и религиозного экстремизма //Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып 1.
- Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Глава 12

Проблематика международных переговоров: от популярности к упадку

1. Введение. Переговоры и их исследования

Переговоры пронизывают все области человеческой жизни и деятельности — политическую и экономическую сферы, межличностные отношения, быт. Они являются мощнейшим инструментом, изобретенным человечеством, для урегулирования конфликтов, решения спорных вопросов, организации совместной деятельности. Не случайно, переговоры оказались объектом изучения различных дисциплин — психологии, социологии, экономики, права, международных исследований, политологии — и везде им отводится одно из ведущих мест. Например, Дж. Аткинсон называет переговоры «острием экономических отношений» (G. Atkinson, 1980.), а Д. Хелд, говоря об основных формах политики, наряду конфликтом и сотрудничеством указывает переговоры (Held, 1989.). Причем, переговоры в этой триаде служат своеобразным «мостом» между конфликтом и сотрудничеством, позволяя разрешать первое и реализовывать второе и, тем самым, обеспечивая переход от конфликта к сотрудничеству.

Первоначально в политологии и международных исследованиях наиболее интенсивно переговорная проблематика разрабатывается, пожалуй, как средство урегулирования конфликтов. Несколько позднее при усложнении переговорной реальности, появлении и интенсивном использовании многосторонних, многоуровневых и многоаспектных переговоров интерес исследователей все больше обращается и на пе-

реговорах в условиях сотрудничества (например, при обсуждении проблем в рамках ЕС, решении экологических вопросов и т.п.).

Изучение проблем переговоров стало своеобразной лакмусовой бумажкой, показывающий не только научный уровень, но состояние самого общества, а также человека в нем. Особенно четко эта роль переговоров и их изучения проявляется в политике. Если в демократических странах переговоры затрагивают все сферы, то в политике тоталитарных государств они практически отсутствуют, или подменяются квази-переговорами, т.е. некоей имитационной деятельностью лишь внешне, по своей форме напоминающей согласование интересов.

В России переговорная проблематика является, пожалуй, одной из тех областей, в которых наиболее полно нашли отражение, с одной стороны, тенденции политического развития страны на протяжении второй половины XX — начала XXI столетий, с другой — научной мысли в области международных отношений и политологии.

В советский период исследований по переговорам в политической сфере не было, впрочем, как и самих переговоров, а также и исследований в области политики. борьба, битва, сражение были символами революции. Предполагалось, что при построении социализма противоречия разрешаются через классовую борьбу, т.е. конфликт фактически виделся как конфликт с нулевой суммой, который не может и не должен быть урегулирован переговорными методами. И действительно, на практике любой социальный и политический конфликт в то время разрешался, согласно данной логике, с помощью силовых мер. Особенно четко данный подход проявился в сталинский период, когда все, кто был не согласен с официальной точкой зрения, объявлялись «врагами народа». В итоге миллионы людей были репрессированы и оказались в тюрьмах и лагерях.

Позднее стали исходить из того, что в условиях, т.н. «победившего социализма» конфликты исчезают вовсе, т.к. нет более основы для непримиримых противоречий. Считалось,

что в социалистическом обществе вообще не должно быть внутренних конфликтов, поскольку рабочий класс одержал «полную и окончательную победу в СССР» и построил социализм — новую социальную систему без враждующих классов. Явления, которые выходили за рамки данного концептуального подхода, попадали в засекреченную статистику и рассматривались как нетипичные, или ненормальные. При описании внутренних событий в бывшем СССР избегали использовать даже сам термин «конфликт». В области же этнических отношений было введено даже специальное понятие «новая историческая общность — советский народ», которое было призвано продемонстрировать отсутствие национальных противоречий. Предполагалось, что идеологическая и политическая общность советских людей является наиболее значимой, и она полностью стирает этнические различия и противоречия. Сам по себе конфликт рассматривался, как признак плохого управления, и руководители различного уровня старались скрыть его наличие или, по крайней мере, преуменьшить его масштабы.

Иными словами, в послевоенный период все отчетливее стал проявляться подход, ориентированный на бездействие в конфликтной ситуации. С психологической точки зрения такие перемены, пожалуй, понятны: они были обусловлены своеобразной реакцией на тотальный конфликт в стране в предыдущий период, стоивший обществу миллионы жизней.

Сложнее обстояли дела в международной сфере. При общей риторике о необходимости сохранения мира на Земле интерес к исследованиям по переговорной тематике возрастал в периоды улучшения отношений с Западом, а в период ухудшения — резко падал. Переговоры привлекали внимание именно тогда, когда на политическом уровне предполагалось разрешать возникающие споры и противоречия несиловыми методами.

В целом же в советских/российских исследованиях по переговорам можно выделить следующие периоды:

- Появление интереса к проблемам процесса ведения переговоров и первых работ по данной тематике на русском языке (1940-е — начало 1970-х годов).

- Начало развитие отечественных исследований по переговорам (середина 1970-х годов — 1980-е годы).
- Расцвет исследований по переговорам (конец 1980-х — первая половина 1990-х годов) в СССР/России.
- Спад интереса к проблемам ведения переговоров (вторая половина 1990-х — начало 2000-х годов).

Очевидно, что названные периоды обозначаются лишь условно, по наиболее характерным работам того или иного времени. Четких же границ, абсолютно разделяющих названные периоды, конечно, не существуют.

2. Советский опыт изучения переговоров

Изначально работы по переговорам принадлежали историкам. Они описывали конкретные переговоры, проводимые сначала царской Россией, затем СССР, или другими странами. Первые исследования по переговорам, в которых рассматривался именно процесс их ведения, а не только позиции сторон на тех или иных конкретных переговорах, обмен уступками и результаты, (что характерно для исторических исследований), появились в отечественной научной литературе в 1940-е годы и были связаны с интересом к вопросам дипломатии. Это переводные, классические работы, Г. Никольсона, Э. Сатоу, Ж. Камбона (Никольсон, 1941, Сатоу, 1944. Камбон, 1946. — С.16.), в которых переговоры выступали как основной метод ведения межгосударственных дел. Внимание к проблемам дипломатии, и к практике ведения переговоров, в частности, тогда было обусловлено прежде всего необходимостью подготовки собственных дипломатических кадров. Не случайно, в предисловии к «Дипломатии» Г. Никольсона А.А. Трояновский пишет, что «изучение истории дипломатии, знание дипломатической практики и международных отношений является насущной задачей наших кадров» (Трояновский, 1941.).

Примерно в это же время в СССР появляются исследования, связанные с изучением особенностей ведения много-

сторонних переговоров, а также с переговорами, проводимыми в рамках международных организаций. Исследователи сосредотачивают свое внимание на процедурных вопросах (порядок ведения многосторонних переговоров и конференций, председательствование на них и т.п.). В этом плане показательна глава Н.П. Колчановского «Организационные формы, международно-правовые основы и техника современной дипломатии» (История дипломатии, 1945, С.765-816.) в трехтомнике по истории дипломатии, который стал базовым учебником для многих поколений дипломатов. В ней наряду с такими вопросами как, «дипломатический иммунитет», «дипломатическая переписка» и т.п. освещаются и вопросы порядка открытия конференции, языка проведения переговоров. В этом же русле анализируются переговоры в этот период, ведущиеся в международных организациях, в частности ООН (См., напр., Морозов, 1962).

В 1950-х — начале 1970-х годах, прежде всего, в рамках правовых дисциплин появились, хотя и в небольшом количестве, первые отечественные исследования, относящиеся непосредственно к процессу ведения переговоров и осуществлению посредничества (Богданов — 1957, С. 75-80; Ладыженский., Блищенко, 1963; Пушмин, 1970; Пушмин, 1974.). Важным здесь оказалось то, что переговоры становятся непосредственно предметом изучения, хотя в центре их анализа остаются в значительной степени процедурные вопросы их ведения. Другая черта данного периода—отсутствие интереса к широко развиваемым на Западе экспериментальным подходам и математическим методам анализа переговоров. (Нейман, Моргенштерн, 1970)

Во второй половине 1970-х годов, прежде всего, в связи с разрядкой международной напряженности, интерес к работам по переговорам резко возрастает. По понятным причинам он сосредотачивается во внешнеполитической сфере. Инициаторами развития исследований по переговорам в значительной степени стали тогда заместитель министра иностранных дел СССР А.Г. Ковалев, а также начальник управления МИД СССР В.Ф. Петровский.

А.Г. Ковалев в книге «Азбука дипломатии» (Ковалев, 1977.), которая выдержала несколько изданий и по которой обучалось не одно поколение дипломатов, пожалуй, одним из первых обратил внимание на то, что делается на Западе именно в области изучения переговоров. Он ставит вопрос о необходимости междисциплинарного и одновременно прикладного исследования переговорной проблематики в стране. В этот же период появляется целый ряд и других работ, в которых анализируются западные концептуальные подходы к международным отношениям вообще и, отчасти к переговорам (См., напр., Петровский, 1976. Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ 1976; Петров, 1979, С. 102-110).

Все это послужило стимулом для развития отечественных исследований. Они сосредотачиваются в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), отчасти и в Дипломатической Академии — учебных заведениях МИД СССР, которые занимаются подготовкой и переподготовкой дипломатических кадров. Были и интересные работы, принадлежащие перу дипломатов, в которых анализировались теоретические подходы к анализу процесса ведения переговоров и одновременно практика их ведения. Среди них следует прежде всего назвать исследование Т.Ф. Дмитричева (Дмитричев, 1981.). Немного позднее исследования переговоров сосредотачиваются также в Академии наук СССР, а именно, в Институте США и Канады (ИСКАН) и Институте научной информации в области общественных наук (ИНИОН АН СССР). (Переговоры. 1981. С. 123-137.)

В МГИМО в Проблемной научно-исследовательской лаборатории под руководством И.Г. Тюлина формируется самостоятельное исследовательское направление по изучению переговоров при фактической поддержке отечественных дипломатов В.Ф. Петровского и Ан. Г. Ковалева. Исследования, проводимые в лаборатории, оказались крайне необычны для советской социальной науки того периода. Во-первых, они были ориентированными на довольно распространенные тогда в США модернистские методы анализа, во-вторых, несмотря на значи-

тельное влияние американской традиции, исследования МГИМО носили достаточно оригинальный характер — не копировали западные работы и не занимались их критикой.

По результатам исследований Проблемная научно-исследовательская лаборатория МГИМО выпустила несколько сборников, содержащих статьи по переговорной проблематике (Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров, 1981; Аналитические методы в исследовании международных отношений, 1982.; В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений, 1982.). В одной из них научными сотрудниками МГИМО В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым представлены результаты разработки компьютерной модели оценки позиций сторон-участниц переговоров. Сама позиция определяется ими как система, составными элементами которой являются цели участников, выдвинутые ими предложения, а также оценки этих предложений другими участниками (Луков, Сергеев, 1981. С. 48-70.). Модель, предложенная этими авторами, содержала основные положения позиций сторон-участниц СБСЕ и позволяла проследить эволюцию этих позиций, а также зоны совпадения, или — напротив расхождения позиций. Данная работа получила высокую оценку зарубежных коллег (См., в частности, *Assumptions and Perceptions in Disarmament*, 1984.).

Другое направление исследований, развиваемое в Проблемной научно-исследовательской лаборатории МГИМО, связано с анализом переговорной тактики. В переговорном процессе выделены структурные элементы такие, как способы подачи позиции, этапы ведения переговоров, тактические приемы (Лебедева, 1981. С. 93-112). По характеру используемых структурных элементов предлагалось проводить мониторинг за ходом переговоров (Ковалева, Лебедева, 1981. С. 113-129.). Это направление исследований переговоров также получило высокую оценку зарубежных авторов. В частности, американский исследователь П. Бенетт, ссылаясь на работу Ан.В. Загорского и М.М. Лебедевой (Загорский, Лебедева, 1989.), заметил, что в области исследования тактических приемов советские исследования оказались даже более продви-

нутыми, чем американские (Bennet, 1997.) Одновременно в Дипломатической Академии предпринимаются попытки использования компьютерных технологий для исследования переговорных процессов. В целом же для малочисленных отечественных работ этого периода была характерна ориентация на введение математических методов анализа, моделирование, использование компьютерной техники.

В 1970-е — начале 1980-х годов в СССР продолжается работа по изучению зарубежного опыта анализа переговоров, а также проблемам, тесно связанным с переговорным процессом — конфликтам и сотрудничеству (Внешнеполитические конфликты и международные кризисы, 1979; Вопросы теории и практики дипломатических переговоров, 1981; Доронина, 1981.). Кроме того, проводятся исследования по переговорам в рамках исторической науки, в которых описывается опыт участия в конкретных переговорах (См., например, Белецкий, 1979).

Что касается учебных программ и курсов, затрагивающих переговорную тематику, то они в этот период ограничиваются лишь изучением истории тех или иных переговоров, а также правовых норм заключения и выполнения договоренностей. При этом считается, что технологической стороной переговорной деятельности, иными словами, навыками ведения переговоров, человек сам овладевает на практике. В этой связи никаких курсов по обучению процессу ведения переговоров с использованием игровых ситуаций, столь характерных для США, в СССР не практиковалось. Это относится даже к тем учебным заведениям, которые были призваны заниматься подготовкой кадров для практической деятельности. Впрочем, это отвечало общеевропейской тенденции подготовки кадров в те годы.

Подводя итоги первым двум периодам развития отечественных исследований по переговорам, следует отметить, что, несмотря на то, что некоторые отечественные работы по переговорам, получили признание не только в стране, но и за рубежом, переговорная проблематика в Советском Союзе продолжала оставаться скорее некоей «экзотической» областью, в которой были заняты очень незначительное число ав-

торов. Особенно это контрастно выглядело по сравнению с американским размахом работ по переговорам.

Развитие отечественных работ по переговорам в то время сдерживались целым рядом факторов. Прежде всего, сказывалось ограничение переговорных исследований самими рамками международной проблематики — единственной сферой, где СССР вел переговоры, что резко ограничивало сравнительный анализ, так необходимый для этой области. Не было и «социальных заказов» от соответствующих сфер практики, а значит и практического применения результатов анализа в различных сферах практики.

Международные отношения в данный период в этот период начинают рассматриваться в основном в рамках трех основных дисциплин: истории, права, экономики. И, хотя были отдельные попытки социологического, психологического и иных ракурсов рассмотрения международных отношений и, в частности переговоров (См., например, Бурлацкий, Галкин, 1974; Ермоленко, 1977 Егорова, 1988; Косолапов, 1983. Лебедева, 1981. С. 93-11; Лебедева, 1982. С. 131-138.), они все же не получили развития в СССР. При этом исследования, в лучшем случае, были междисциплинарными, но не междисциплинарными.

Еще одним ограничительным моментом исследований переговоров в СССР была общая марксистская ориентация, характерная для отечественной науки советского периода. Она проявлялась противоречиво и в международной практике, и в исследовательской области. Господствовавшая тогда в Советском Союзе концепция мирного сосуществования стран с различным общественным строем делала международные переговоры необходимым инструментом улаживания международных споров. Однако государство, его национальные интересы и суверенитет были ключевыми понятиями, а доктрина классового боя на международной арене рассматривала договоренности как временные явления. Переговоры, согласно данной логике, с точки зрения исторической перспективы, по сути, оказывались лишь тактическим маневром. Следование такой логике «временных уступок» подрывало доверие партнеров.

Постепенно в Советском Союзе идея классовой борьбы стала все более отходить на второй план, уступая место концепции разрядки и межгосударственного сотрудничества. Соответственно, возрастал интерес к проблемам сотрудничества и проведению переговоров. Разумеется, этот процесс шел далеко не гладко — периоды разрядки сменялись периодами «похолоданиями» в отношениях Востока и Запада, тем не менее, как общая тенденция ориентация на совместное решение международных проблем сохранялась.

3. Расцвет отечественных исследований по переговорам

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. в Советском Союзе ознаменовался снятием многих ограничений, существовавших ранее: отходом от марксистской догматики, проявлением активного интереса к западным исследованиям в области гуманитарных наук и т.п. Одновременно в теоретическом плане реализм стал отчасти уступать место либеральному подходу, выразившемуся, в частности в интенсивном развитии идеи общечеловеческих ценностей в конце 1980-х гг. К этому следует добавить бурное развитие предпринимательства в стране, которое немыслимо без проведения переговоров. В это же время появляются открытые внутренние конфликты на этнической и социальной почве в стране. Они требовали поиска мирных средств их урегулирования. В свою очередь, в международной сфере новый этап открытости и разрядки также придавал импульс развитию исследований по переговорам. Появление новых типов переговоров открыло возможности для развития сравнительных исследований. Сравнительный метод изучения переговоров начинает активно использоваться в отечественных работах. (См., напр., Lebedeva, 1994, p. 228-236.)

В отношении изучения внутригосударственных переговоров, пожалуй, первыми отреагировали на запросы практики те авторы, которые ранее работали в сфере международных отношений, поскольку тематика переговоров была для них все

же знакомой. Журналы, специализирующиеся по международной проблематике, прежде всего такие как «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «США: экономика, политика, идеология» стали публиковать статьи по анализу переговорного процесса. Это было значительным шагом вперед: работы по переговорам перешли рубеж изданий малыми тиражами, да еще часто под грифом «Для служебного пользования», и стали достоянием широкого круга читателей, причем находящихся не только в Москве.

Говоря об исследованиях этого периода, следует выделить некоторые их особенности. Во-первых, наблюдается отход от сциентистской ориентации, которая проявлялась в ряде немногочисленных публикаций конца 1970-х — начала 1980-х годов во многом под влиянием американской исследовательской традиции. Впрочем, такая тенденция скорее отражает общие тенденции в исследованиях переговоров, поскольку несколько ранее и сами американские авторы перестали уделять количественным методам того внимания, которое было ранее. На этом общем фоне вновь возрождаются исследования конкретных переговоров (См., напр., Дмитричев, 1988)

Во-вторых, все больше прослеживаются попытки оптимизации переговорного процесса. Так, В.А. Кременюк писал, что большинство лиц, причастных к ведению переговоров, а также к их исследованию, с полным основанием отмечают, что процесс международных переговоров оказывается слишком громоздким и потому трудным. Более того, переговорный процесс начинает отставать по времени от динамики развития тех проблем, решать которые призваны переговоры. И, наконец, достигнутые соглашения нередко рассматриваются практиками как несбалансированные или неустойчивые.

В-третьих, международные переговоры пытаются осмыслить в более широком контексте межгосударственных отношений, не ограничиваясь сугубо технологическими рамками подготовки позиции, а также стратегиями и тактиками ведения переговоров. Акцент делается на анализе тенденций развития мира, а в этой связи — на особенностях переговоров. Так, если ранее дипломатия и международные переговоры

рассматривались как продолжение борьбы на международной арене, но не военными, а политическими средствами, то в конце 1980-х гг. отношение к переговорам меняется. Об этом пишет В.Б. Луков, отмечая, что в прошлом «переговоры являлись частью военной стратегии... в послевоенный период наметилась тенденция к возрастанию роли переговоров как средства предотвращения вооруженных конфликтов» (с.118) (Луков, 1988. С. 117-127.). В то же время В.Б. Луков выделяет и ряд негативных моментов в переговорном процессе, связывая их, правда, в основном с поведением США на международной арене. К ним он относит растущую медлительность переговорного процесса, дискредитация партнера как средство давление на него и как способ укрепления внутриполитических позиций (Там же.).

В.А. Кременюк выдвигает идею формирования системы международных переговоров, которая, по его мнению, складывается к концу XX столетия, становится все более универсальной и объединяет в себе формальные и неформальные процедуры разрешения конфликтов (Кременюк, 1988. С. 127-142.). Эта система, согласно В.А. Кременюку, включает в себя определенные правила поведения, ориентированные на ненасилие, совместный поиск решения, сотрудничество, и характеризуется следующим:

- возникающая система международных переговоров обладает тенденцией отражать и по своей сути и по структуре существующую систему современных конфликтов и споров. Она становится все более универсальной, объединяющая в себе формальные и неформальные процедуры разрешения конфликтов и определенные правила поведения: ненасилие, ориентацию на совместный поиск решения, сотрудничество;
- она приобретает самостоятельность со своими закономерностями и правилами поведения, образуя часть более общей системы;
- будучи частью более общей, системы, международные переговоры вносят свой вклад в такие мировые процессы, как стабильность и развитие, уменьшая тем самым эн-

тропию не путем стагнации системы, а за счет ее эффективного функционирования, предусматривающего успешное разрешения конфликтов;

- исходя из перечисленных выше характеристик, участники современных переговоров становятся заинтересованными в реализации не только собственных интересов, но и интересов своих партнеров.

Примечательно, что примерно в это же время и американские авторы, в том числе и на страницах российских изданий стали высказывать идеи о необходимости упорядочить ведущиеся в мире переговоры для того, чтобы избежать дублирования и параллельности. В частности, Р. Фишер указывал на целесообразность создания иерархии переговоров и консультаций в зависимости от степени их важности (от неофициальных обменов мнениями между специалистами до официальных переговоров); совместной разработки экспертами разных стран моделей принятия решений; обеспечение перехода на переговорах от конфронтации к совместному анализу проблемы. (Интернационализация диалога и переговорных процессов. Гостинный двор «Международной жизни», 1989. С. 147-157)

Для конца 1980-х — 1990-х годов вообще характерно приглашения многих зарубежных исследователей по переговорам в СССР/Россию для выступления в научных семинарах и конференциях, посещения исследовательских центров. В отечественных изданиях печатаются статьи ведущих зарубежных авторов, прежде всего американских, по переговорам (Интернационализация диалога и переговорных процессов. Гостинный двор «Международной жизни», 1989. С. 147-157; Искусство дипломатических переговоров, 1989. С. 129-139; Рубин, Колб, 1990, С. 63-73; Рубин, Салакюз, 1990. С. 27-38.), переводятся их книги (См., напр., Мاستенбрук, 1993; Фишер, Юри, 1990; Фишер, Эртель, 1996; Ниренберг, 1996; Корнелиус, Фэйр, 1992.; Корэн, Гудмен, 1995; Каррас, 1997; Бройнинг, 1996.), среди которых особую известность приобретает работа Р. Фишера и У. Юри «Путь к согласию, или переговоры без поражения». Следует отметить, что перегово-

димые на русский язык книги и статьи публикуются не только в Москве, но и в других городах России и стран СНГ.

В этот период российские исследователи внимательно следят за работами своих зарубежных коллег. Анализируя их, отечественные авторы все больше внимания уделяют не столько описанию отдельных зарубежных работ по переговорам, сколько выявлению основных тенденций развития научных исследований в этой сфере (Кокошин, Кременюк, Сергеев, 1988. №10. С. 3-13; Лебедева, Хрусталева, 1989. С. 107-111.). Одновременно российские исследователи активно участвуют в международных проектах по переговорам. Свидетельством чему, в частности, является получившая широкую известность коллективная монография под редакцией В.А. Кременюка «Международные переговоры: анализ, подходы, проблемы» (International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues, 1991.), в которой есть и другие отечественные имена.

В начале 1990-х годов проблемы переговоров СССР и США продолжают находиться в центре внимания исследователей. Однако, в отличие от прошлого, когда эти переговоры рассматривались сквозь призму исторического знания, значимым становится теоретический компонент самого переговорного процесса (См., напр., Кременюк, 1991. С. 43-51; Кременюк, 1990. С. 47-52.). Кроме того, в связи с развитием новых информационных и коммуникационных технологий появляются и новые аспекты в исследованиях переговоров — использование этих средств для оптимизации переговорного диалога (Поттер, 1990. С. 23-31;).

Наконец, для этого периода важными были еще два момента: первое — появление отечественных монографий и учебных пособий по переговорам (Загорский, Лебедева, 1989; Израэлян, 1990; Лебедева, 1993.) и второе — выход исследовательского интереса за пределы изучения международных переговоров. Выпуск российских книг по переговорам явился одним из признаков того, что данная проблематика в стране оформляется в самостоятельную научную область. Включение же в учебные программы ВУЗов отдельных курсов по ведению переговоров (в частности, МГИМО, МГУ, а также в

ряде учебных заведений, в которых проводилось обучение лиц, имеющих высшее образование) превратило эту сферу не только в научную, но и в учебную дисциплину. Несколько позднее курс по переговорам был включен в качестве обязательного в образовательный стандарт России при подготовке специалиста по международным отношениям.

Важной характеристикой конца 1980-х — начала 1990-х гг. было появление исследований по процессу ведения переговоров в других (немеждународных) областях, прежде всего, в экономике и торговле (Эрнст, 1988; Корнелиус, Фэйер, 1992; Мاستенбрук, 1993.). Кроме того, наблюдалась попытка перенесения того опыта, который был накоплен отечественными авторами при изучении международных переговоров на более широкую сферу практики ведения переговоров (Израэлян, Лебедева, 1991, С. 48-55.). Интересно заметить, что подобная практика была характерна и для других стран, вступивших на путь демократизации. Например, в ЮАР также шло «распространение» практического опыта и научных разработках из тех сфер, в которых переговоры были наиболее развиты (в ЮАР — это коммерческие переговоры), в те, которые только формировались. Для Южной Африки это была внутривластная область (См. Hirschsohn, 1996, P. 139-149.).

4. Постсоветский парадокс: необходимость переговоров и умирание переговорной проблематики

Казалось, изучение проблем переговоров в России набирает силу и здесь следует ожидать бурного развития этих исследований, подобно тому, как это произошло в США. Однако после середины 1990-х гг. начинает наблюдаться явный спад интереса к переговорам. Причин здесь несколько, как внутреннего характера, так и внешнего.

Если говорить о внешних причинах, то, прежде всего, следует отметить тот факт, что вообще в мире в середине 1990-х годов отмечается некоторая тенденция к сокращению публи-

каций по переговорам. После распада Советского Союза и Варшавского Договора проблема переговоров в области разоружения потеряла свою былую остроту. В то же время появилось много плохо управляемых конфликтов, в том числе на европейской территории. Все это заставило исследователей переключить свое внимание с чисто переговорных проблем на вопросы, связанные с предотвращением и урегулированием конфликтов. Многие исследователи, которые изучали переговоры, стали заниматься вопросами урегулирования конфликтов. В России на конфликтологическую проблематику в значительной степени переориентировались институты Академии наук и другие научные и образовательные центры.

Немаловажным фактором было и то, что переговорная проблематика в своем «технологическом» измерении, т.е. в том виде, в каком она долгое время развивалась в США, в значительной степени исчерпала себя. Нужны были новые идеи и области анализа. Они позднее появились в американской и европейской науке.

Другой причиной, побудившей исследователей различных стран заняться конфликтами, стало изменение специфики самих конфликтов и, главным образом то, что в конфликтах, возникших после окончания холодной войны, стали активно участвовать негосударственные акторы, в частности этнические группы, часто выступавшие за предоставление автономий или отделение. Конфликты приобрели в основе своей внутригосударственный характер (См., напр., Wallensteen, Sollenberg, 1995. Р. 345-360; Лебедева, 1998. — С. 240-262..) при активном вовлечении государств и межправительственных организаций в процесс их урегулирования. Как следствие в переговорах все более активно стали участвовать не только профессионалы-переговорщики, как это было ранее, когда в международной сфере явно преобладали дипломатические или иные межгосударственные переговоры, но и представители национальных меньшинств, неправительственных организаций и т.п. Это сделало использование переговорных моделей, разработанные ранее для межгосударственного взаимодействия, применимыми в новых условиях с целым рядом оговорок.

Эти общемировые тенденции повлияли на развитие исследований по переговорам и в России. Здесь в середине 1990-х годов наблюдается возрастание интереса к конфликтам, а не собственно к переговорам. Переговоры же начинают рассматриваться в большей степени как средство урегулирования внутренних конфликтов в стране (Лебедева, 1993; Лебедева, 1994. С. 84-88).

В то же время в России обнаруживается и целый ряд особенностей при изучении конфликтов и, соответственно переговоров, как метода их урегулирования. Так, в российской конфликтологии упор делается не столько на урегулирование конфликтов (хотя и в этой области были работы, причем освещавшие разные аспекты — технологию урегулирования конфликтов (См.: Лебедева, 1997.), правовые аспекты конфликтов и опыт правовых решений (См.: Юридическая конфликтология, 1995 Международный опыт разрешения этнических конфликтов..), опыт миротворчества (См.: Никитин, Хлестов, Федоров, Демуренко, 1998.) и т.п.), сколько на выявление причин развития конфликтов, как в теоретическом плане, так и в плане анализа конкретных конфликтов (См.: Насиновский, Скакунов 1995; Паин, 1998, С.91-101; Попов, 1997, С.15-47; Райнер, 1995; Фельдман, 1997; Фельдман, 1998; Зеркин, 1998; Идентичность и конфликт, 1997; Арутюнян, Дробижева, Сусокова, 1998..). При этом особое внимание уделяется этническим конфликтам и причинам их возникновения, поскольку именно эти конфликты становятся наиболее распространенными и опасными в России.

Отчасти такой акцент на закономерностях развития конфликтов, а не на процессе их урегулирования обусловлен общей научной традицией в России. В отличие, например от американской науки, где сильна ориентация на прагматизм и где, поэтому столько много внимания уделялось технологии ведения переговоров и технологии урегулирования конфликтов, в Европе, и в России в частности, в большей степени изучались сами факторы, порождающие то или иное явление. В распространенной шутке относительно классических русских вопросах, пожалуй, именно «кто виноват?», но не «что делать?» относится к таковому.

Негативное влияние на развитие работ по изучению переговорных методов урегулирования конфликтов оказал и тот факт, что многие конфликты в России, а также в других государствах постсоветского пространства плохо поддавались переговорному урегулированию. Конфликтные ситуации обычно довольно быстро либо развивались в сторону эскалации и переходили в стадию открытого вооруженного противостояния, как, например, в Чечне в 1994 г., в Москве в 1993 г., либо превращались в «холодный мир», который поддерживался внешними средствами — введением миротворческих войск (например, в Абхазии, в Молдове). Случаи, когда договоренности достигались исключительно за столом переговоров, как это было, в частности, в Татарстане в 1994 г., где, похоже, большую роль сыграл личностный фактор президента М. Шаймиева, оказывались скорее нетипичными (См. Лебедева, 2000. С.31-39.).

Стремление разрешать конфликтные ситуации внепереговорными средствами во многом было также результатом недостаточного развития в стране переговорной культуры (см. Лебедева, 1994. С.84-88; Lebedeva, 1996. Р. 409-421.), которые обычно складываются десятилетиями, а то и столетиями. В СССР же, где в течение многих лет велись лишь межгосударственные переговоры (иные просто отсутствовали), недостаток в обществе положительного опыта урегулирования конфликтов путем переговоров повлек за собой скептицизм в отношении этого средства, а как следствие, и незначительное число исследований в этой области.

Наконец, еще одна причина того, что исследования по переговорам не получили в России должного развития. В 1990-е годы Россия оказалась слишком занята своими экономическими и внутриполитическими проблемами. Все это происходило на фоне резкого сокращения финансирования на научные разработки. В этих условиях исследования переговоров, как, впрочем, и многие другие научные области, отошли на второй план, уступив место комментариям, журналистским эссе и т.п.

5. Будущее переговорной проблематики

Каковы же перспективы развития переговорной проблематики вообще в мире, и в России в частности? Отвечая на этот вопрос, следует, прежде всего, иметь в виду два фактора:

- тенденции развития исследований по переговорам в мире;
- желание и возможности отечественных авторов разрабатывать переговорную тематику.

В начале XXI в. переговоры продолжают привлекать внимание авторов многих стран прежде всего американских. После некоторого переключения интереса на урегулирование конфликтов в середине 1990-х годов, переговорные исследования, похоже, возрождаются. Одновременно в них появляются новые ракурсы. Это специфика различных видов переговоров, проблема многосторонних переговоров и переговорах в условиях различия культур, особенности национальных стилей ведения переговоров, переговоры и посредничество неофициальных лиц, их взаимоотношения с официальными представителями, соотношение переговорных и правовых процедур разрешения конфликтов и т.п.

В России же единственной сферой, где переговорная тематика продолжает оставаться довольно популярной — это коммерческое обучение технологии ведения переговоров. В настоящее время существует немало программ, в рамках которых предлагаются курсы по ведению переговоров. Правда, их и научный, и педагогический уровень далеко не всегда отвечает даже минимальным стандартам. Продолжают выходить книги как российских, так и зарубежных авторов, в которых даются рекомендации, как себя вести на переговорах. (См., например, Шатин, 2002; Митрошенков, 2003; Мокшанцев, 2002; Дональдсон, Дональдсон, 2000; Белланже, 2002.). В целом эти работы не выходят за рамки общих рекомендаций, основанных на здравом смысле и знании основ психологии.

Сказанное не означает, разумеется, что публикации по переговорам российских авторов вообще не появляются в настоящее время. Анализируются, например, конкретные

переговоры, однако в отличие от западных работ такие исследования обычно не носят сравнительного характера, что значительно обедняет выводы.

Небольшая группа российских исследователей продолжает печататься в зарубежных изданиях, описывая различные типы переговоров (Kremenyuk, Sjostedt, Zartman). В этом плане пролисходит скорее формирование единой школы изучения переговоров представителями различных стран.

Пожалуй, наиболее интересны работы, связанные с поиском новых исследовательских областей. Разумеется, подобного рода исследования не только в России, но и в мире в целом носят единичный характер. Но именно они становятся затем родоначальниками целых направлений. К таким работам можно, пожалуй, отнести книгу В.М. Сергеева «Демократия как переговорный процесс» (Сергеев, 1999), вышедшую, правда, незначительным, менее 1000 экз., тиражом. В.М. Сергеев различает два типа организации и управления обществом: иерархический и демократический. Если первый тип предполагает соподчинение, то второй — постоянные согласования интересов посредством переговоров. Фактически, демократия, как показывает исследователь, невозможна без развития переговорных процессов, и в этом смысле можно поставить знак равенства между переговорами и демократией. Представляется, что такой подход может открыть широкие возможности, как для изучения самих переговоров, так и для анализа природы демократии и процессов демократизации. Продолжая эту логику рассуждения, можно посмотреть на процесс демократизации мира также с точки зрения все большего упрочения переговорного метода.

Более того, если говорить о наиболее перспективных областях исследования переговоров, то следует, по-видимому, ожидать, что в XXI тысячелетии «центр тяжести» будет смещаться в сторону «вписывания» переговоров в более широкий контекст мировых политических процессов. Парадоксально, но, если раньше системы международных отношений формировались на основании проведенных переговоров по окончании войн (так были сформирована Версальская/меж-

военная система межгосударственных отношений и Ялтинско-Потсдамская/послевоенная системы), то этого не произошло по итогам холодной войны. Причины, по которым переговоры не выполнили здесь свою традиционную роль, требует еще анализа. Современный мир характеризуется и более глубинными изменениями, не сводимыми только к изменениям в межгосударственных отношениях, а именно, формированием новой политической системой мира, ее отходом от Вестфальской. Все это ведет к тому, что переговорная тематика все теснее, скорее всего, будет переплетаться с другими проблемами, например, с процессами принятия политических решений, политического менеджмента, взаимодействия государственных и негосударственных акторов, глобального управления и другими. Появляется и еще одна область, связанная с определением пределов переговорных процедур. Например, возникает вопрос, насколько возможно подобное взаимодействие с террористами, представителями наркобизнеса, с крайне коррумпированными и тоталитарными режимами и т.п.

Вероятно, что вследствие развития практики многосторонних переговоров и переговоров на высшем уровне будут продолжаться и исследования таких переговоров. Кроме того, следует ожидать роста количества и значения многоуровневых переговоров, когда в переговорном процессе наряду с государствами будут участвовать негосударственные акторы — НПО, ТНК, представители внутригосударственных регионов и различных движений. В результате резко возрастет сложность переговорного процесса, как с содержательной, так с процедурной и процессуальной точек зрения, что потребует новых подходов к проведению переговоров и их анализу.

Расширение числа участников переговоров, вовлечение в них лиц, порой далеких от переговоров, делает актуальными вопросы обучения переговорному процессу, а также проблемы взаимодействия профессиональных и непрофессиональных участников переговоров. Есть необходимость и в анализе конкретных случаев проведения переговоров (case study), проясняющих специфику торговых, экологических

или иных переговоров и способствующих пониманию успехов и поражений переговорного процесса.

Таковы лишь некоторые из возможных направлений развития исследований по переговорам. К сожалению, все они пока не находят должного отражения в российских исследованиях. Даже, казалось бы изучение российского стиля ведения переговоров, где российские исследователи находятся в преимущественном положении, имея возможность проводить полевые исследования, изучается зарубежными, а не отечественными авторами.

Изменится ли положение в отечественной науке относительно исследования переговоров? Есть некоторые основания думать, что такое произойдет. Для России характерен высокий творческий потенциал. Кроме того, Россия болезненно переживает потерю былого международного статуса и явно заинтересована как можно лучше «вписаться» в новый, формирующийся мир, который будет строиться, главным образом, через согласования интересов и выработку новых «правил поведения», отвечающие вновь формирующейся политической системе мира.

Литература

- Аналитические методы в исследовании международных отношений / Под ред. И.Г.Тюлина, М.А.Хрусталева. М.: МГИМО, 1982.
- Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусокова А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Белецкий В.Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М.: Политиздат, 1979.
- Белланже Л. Переговоры. Нева, 2002.
- Богданов О.В. Переговоры — основное средство урегулирования международных разногласий // Советское государство и право. 1957. № 7.
- Бройнинг Г. Руководство по ведению переговоров. М.: ИНФРА-М, 1996.
- Бурлацкий А.В., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М.: Международные отношения, 1974.
- В.И.Ленин и диалектика современных международных отношений / Под ред. Г.К.Ашина и И.Г.Тюлина. М.: МГИМО, 1982.
- Внешнеполитические конфликты и международные кризисы. М.: ИНИОН АН СССР, 1979.
- Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / Под ред. И.Г.Тюлина, М.А.Хрусталева. М.: МГИМО, 1981

- Вопросы теории и практики дипломатических переговоров (реф. сборник). М.: ИНИОН АН СССР, 1981.
- Дмитричев Т.Ф. Женевские форумы переговоров по разоружению 1945-1987. М.: Международные отношения, 1988.
- Дмитричев Т.Ф. Многосторонняя дипломатия США. Теория и практика. М.: Международные отношения, 1981.
- Дональдсон М.К., Дональдсон М. Умение вести переговоры. М.: Диалектика, 2000.
- Доронина Н.И. Международный конфликт. М.: Международные отношения, 1981.
- Егорова Е.В. США в международных кризисах (политико-психологические аспекты). М.: Наука, 1988
- Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений. М.: Международные отношения, 1977
- Загорский Ан.В., Лебедева М.М. Теория и методология анализа международных переговоров. Учебное пособие. М.: МГИМО, 1989
- Загорский Ан.В., Лебедева М.М. Теория и методология ведения международных переговоров. М.: МГИМО, 1989.
- Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998
- Идентичность и конфликт // Под ред. М.Б.Олкотта, В.Тишкова, А.Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1997
- Интернационализация диалога и переговорных процессов. Гостинный двор «Международной жизни» // Международная жизнь. 1989. №1.
- Интернационализация диалога и переговорных процессов. Гостинный двор «Международной жизни» // Международная жизнь. 1989. №1
- Искусство дипломатических переговоров // Международная жизнь. 1989. №8.
- Израэлян В., Лебедева М. Переговоры — искусство для всех // Международная жизнь. 1991. №11.
- Израэлян В.Л. Дипломаты лицом к лицу. М.: Международные отношения, 1990
- История дипломатии. М.-Л.: Издательство политической литературы, 1945. Т.3.
- Камбон Ж. Дипломат. М.-Л.: Госполитиздат, 1946.
- Каррас Ч.Л. Искусство ведения переговоров / Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 1997
- Ковалев А.Г. Азбука дипломатии. 3-е изд., дополн. М.: Международные отношения, 1977.
- Ковалева О.М., Лебедева М.М. Методика оценки позиций участников международных переговоров на основе анализа выступлений (на примере выступлений представителей Франции на I и III этапах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров. М.: МГИМО, 1981.
- Кокошин А.А., Кременюк В.А., Сергеев В.М. Вопросы исследования международных переговоров // Мировая экономика и международные отношения. 1988. №10.
- Корнелиус Х., Фэйер Ш. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты. М., Стрингер, 1992
- Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый / Пер. с англ. М.: Стрингер, 1992.

- Корэн Л., Гудмен П. Искусство торговаться, или все о переговорах. Минск: Родны кут, 1995.
- Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М.: Наука, 1983.
- Кременюк В.А. На пути урегулирования конфликтов // США: экономика, политика, идеология. 1990. №12.
- Кременюк В.А. Проблемы переговоров в отношениях двух держав // США: экономика, политика, идеология. 1991. №3.
- Кременюк В.А. Формирование системы международного общения // Дипломатический вестник. Год 1987 / Под ред. О.Г.Пересыпкина. М.: Международные отношения, 1988.
- Ладыженский А.М., Блищенко И.П. Мирные средства разрешения споров между государствами. М.: Госюриздат, 1963.
- Лебедева М.М. Международные процессы // Международные отношения социологические подходы / Под ред. проф. П.А.. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.
- Лебедева М.М. Самоопределение регионов. Взгляд из Претории // Международная жизнь. 1994. №11.
- Лебедева М.М. Самоопределения регионов. Взгляд из Претории // Международная жизнь. 1994. № 11.
- Лебедева М.М. Вам предстоят переговоры. М.: Экономика, 1993.
- Лебедева М.М. Конфликты внутри и вокруг России: применять силу или вести переговоры? М.: МГИМО, 1993.
- Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.
- Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, технологии, решения. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Лебедева М.М. Психологические аспекты тактики ведения дипломатических переговоров // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / Под ред. И.Г.Тюлина, М.А.Хрусталева. М.: МГИМО, 1981.
- Лебедева М.М. Психологические аспекты тактики ведения дипломатических переговоров // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / Под ред. И.Г.Тюлина, М.А.Хрусталева. М.: МГИМО, 1981.
- Лебедева М.М. Социально-психологические методы исследования дипломатических переговоров // В.И.Ленин и диалектика современных международных отношений / Под ред. Г.К.Ашина и И.Г.Тюлина. М.: МГИМО, 1982.
- Лебедева М.М., Хрусталева М.А. Основные тенденции в зарубежных исследованиях международных переговоров // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №9.
- Луков В.Б. Современные дипломатические переговоры: проблемы развития // Дипломатический вестник. Год 1987 / Под ред. О.Г.Пересыпкина. М.: Международные отношения, 1988.
- Луков В.Б., Сергеев В.М. Методологические и методические основы информационно-логической системы «СБСЕ» // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / Под ред. И.Г.Тюлина, М.А.Хрусталева. М.: МГИМО, 1981.

- Мастенбрук В. Переговоры / Пер. с англ. Калуга: Калужский институт социологии, 1993.
- Мастенбрук В. Переговоры. Калуга: Калужский институт социологии, 1993.
- Международный опыт разрешения этнических конфликтов / Общ. ред., Б.Коппитерс, Э.Ремакль, А.Зверев.
- Митрошенков О.А. Эффективные переговоры. Практическое пособие для деловых людей, М.: Инфра-М., 2003.
- Мокишанцев Р.И. Психология переговоров. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2002ю
- Морозов Г.И. Организация Объединенных Наций (основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности). М.: Международные отношения, 1962
- Насиновский В.В., Скакунов З.И. Политические конфликты в современных условиях // США: ЭПИ. 1995. №4.
- Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. М.: Наука, 1970.
- Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Е.Ю., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ. Международно-правовые, политические, организационные аспекты. М.: МОНФ, Центр международных и политических решений, 1998.
- Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ, 1941.
- Ниренберг Дж. Маэстро переговоров / Пер. с англ. Минск, Парадокс, 1996.
- Паин Э. Чечня и другие конфликты в России // Международная жизнь. 1998. № 9.
- Переговоры. В 2-х томах. // Вопросы теории и практики дипломатических переговоров (реф. сб.). М.: ИНИОН АН СССР. 1981.
- Петров Вл. Поиски «новой» дипломатии в США // Международная жизнь. 1979. №5.
- Петровский В.Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М.: Международные отношения, 1976.
- Попов А.А. Причины возникновения и диалектика развития межнациональных конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б.Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко. М.: Моск.Центр Карнеги, 1997
- Поттер У. Моделирование американо-советских переговоров по контролю над вооружениями // США: экономика, политика, идеология. 1990. №9.
- Пушмин Э.А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). М.: Международные отношения, 1974.
- Пушмин Э.А. Посредничество в международном праве. М.: Международные отношения, 1970
- Райнер П. Теория конфликта // Полис. 1995. №5.
- Рубин Дж., Колб Д. Психологический подход к процессам международных переговоров // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №2.
- Рубин Дж., Салакюз Дж. Фактор силы в международных отношениях // Международная жизнь. 1990. №3.
- Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М.: ОГИЗ, 1944.
- Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999.
- Современные буржуазные теории международных отношений: крити-

- ческий анализ / Под ред. Гантмана В.И. М.: Международные отношения, 1976
- Трояновский А.А. Предисловие к книге Г.Никольсона «Дипломатия». М.: ОГИЗ, 1941.
- Фельдман Д.М. Конфликты в мировой политике. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления «Братья Карич», 1997.
- Фельдман Д.М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 1998.
- Фишер Р., Эртель Д. Подготовка к переговорам. М.: Филинь, 1996.
- Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения: Пер. с англ. М.: Наука, 1990.
- Шатин Ю.В. Искусство переговоров. М, Бератор-Пресс, 2002.
- Эрнст О. Слово предоставлено вам: (Практические рекомендации по ведению деловых бесед и переговоров): Сокр. пер. с нем. М.: Экономика, 1988
- Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Институт государства и права, РАН, 1995
- Assumptions and Perceptions in Disarmament / Ed. by D.Frei. — N.Y.: United Nations Publication, 1984
- Bennet P.R. Russian Negotiating Strategy: Analytic Case Studies from SALT and START. N.Y.: Nova Science Publishers, 1997.
- Atkinson G. The Effective Negotiator: A Practical Guide to the Strategies and Tactics of Conflict Bargaining. L., Quest, 3-d revised edition, 1980.
- Held D. Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy. Stanford (Cal.): University Press, 1989.
- Hirschsohn. Negotiating a Democratic Order in South Africa: Learning from Mediation and Industrial Relations // Negotiation Journal. 1996. V. 12. №2.
- International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues / Ed. by V.A. Kremen'yuk. San Francisco, Oxford: Jossey-Bass, 1991.
- Kremen'yuk V., Sjostedt G., Zartman W. International Economic Negotiation: Research Tasks and Approaches
- Lebedeva M. Why Conflicts in the Former Soviet Union Are So Difficult to Negotiate and Mediate // International Negotiation: A Journal of Theory and Practice. 1996. Vol. 1. №3.
- Lebedeva Marina M. Conflict Management in Changing Society: Reflections from the Russian Experience // Multicultural Conflict Management in Changing Societies / Ed. by Louise Niewmeijer and Renee du Toit. Pretoria: HSRC, 1994.
- Wallenstein P., Sollenberg M. After the Cold War: Emerging Patterns of Armed Conflict, 1989-1994 / J. of Conflict Resolution. 1995. V.32.

Международная политэкономия: состояние и перспективы

1. Международная политическая экономика: западные и российские корни

МПЭ — направление в МО, анализирующее взаимоотношения частных экономических авторов и государств. (см. Gilpin 1987)¹ Сравнительно новое в западных условиях, МПЭ только лишь формируется в России, обладая при этом рядом своих собственных особенностей и характеристик. Интерес к данному направлению в России связан с освобождением от догм изоляционистского марксизма и возникновением перед Россией ряда проблем, хорошо изученных в западной политэкономии. Вот эти вопросы. Чем система свободной торговли более привлекательна по сравнению с меркантилизмом или автаркией? Является ли рыночная экономика наиболее важным условием для быстрого экономического развития государства? Какова связь между рыночной экономикой и желанием государств жить в мире со своими соседями? Почему некоторые страны на протяжении столетий остаются в числе лидеров в области развития промышленности в то время как другие остаются развивающимися, даже если они обладают богатейшими природными ресурсами? Все эти вопросы сегодня находятся в числе наиболее важных и для россий-

¹ Относительно трактовки термина «международная политическая экономика» среди ученых Европы и Северной Америки отсутствует консенсус. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что всякое определение не может быть свободным от определенных ценностей и идей, которыми руководствуется автор определения.

ских обществоведов, что создает объективно благоприятные условия для обращения внимания к данной отрасли теории международных отношений.

1.1. Западная МПЭ

На Западе, Международная политическая экономия утвердилась как часть общей теории международных отношений, когда потребовалось осмысление новых данных в развитии мировой экономики в их связи с политическими и государственными связями. Произошло это на рубеже 1960-1970-х гг., когда среди политологов и экономистов стран Северной Америки и Западной Европы окрепло убеждение, что раздельное существование представляемых ими наук препятствует более полному пониманию важнейших процессов в мировой политике и экономике. Используя достижения реализма (и разработанных в его рамках концепций власти, силы, конфликта) и либерализма (справедливость, международное право, солидарность), Международная политическая экономия позволила выйти за пределы традиционных теорий международных отношений. На базе новых данных, ученые смогли осмыслить ряд новых явлений в межгосударственных отношениях, как например процесс экономической интеграции в Европе, дополнив уже существовавшие теории (например, неофункционализм) и развив ряд новых.

Произошел, с одной стороны, выход за пределы экономики в анализ политических связей и взаимодействий поскольку они связаны с ролью государств в международной экономике. С другой стороны, политическая экономия означала больший интерес к истории и исторической динамике, что еще дальше отодвинуло политическую экономию от неоклассической экономической традиции. Этот процесс верно суммировал Чарльз Дж. Вален, заметивший, что политическая экономия учитывает фактор времени, т.е. помещает события политической жизни в исторический контекст взаимодействия индивидуумов и социальных институтов. Политическая экономия признает, что они (индивидуумы, институты, а также знания и ценности) подвержены изменениям. (Political

Economy for the XXI century: Contemporary Views on the Trend of Economics., 1996. p. 3.)

1.2. Российские корни

МПЭ в России развивается иначе, поскольку сами предшествовавшие ее возникновению условия принципиально отличаются.

Во-первых, марксистская изоляция страны и ее науки от остального мира привела к гипертрофированной роли государства в жизни общества. Конечно, в рамках советского марксизма существовало немало споров и разногласий, ведущих своей отсчет к спорам Бухарина и Сталина по вопросам темпов индустриализации и коллективизации страны. Существовали и важные различия в послевоенном развитии марксистской политэкономии, ярко проявившиеся, например, в разногласиях Евгения Варги, с одной стороны, и Жданова со Сталиным, с другой. В то время как Варга полагал, что капитализм в Европе и США относительно стабилизировался, его оппоненты продолжали настаивать на неизбежности империалистических противоречий и упадка капитализма. Эти различия получили свое развитие после смерти Сталина, когда сталинисты сплотились вокруг главного редактора журнала «Коммунист» члена ЦК партии Ричарда Косолапова, а марксисты-«социал-демократы» сгруппировались вокруг Института Мировой Экономики и МО, изначально возглавлявшегося Варгой.

Следует отметить, однако, что и те, и другие работали в рамках одной марксистской парадигмы, допускавшей лишь относительную свободу мысли и не допускавшей подлинно творческого подхода к осмыслению роли государства внутри СССР. (Цыганков, 2002. С. 7.)¹ Парадокс, следовательно, заключается в том, в рамках марксистской политэкономии международная политэкономия в обозначенном нами смысле развивалась весьма плохо и односторонне. Оставляя за

¹ Как справедливо отмечает П.А.Цыганков, анализируя развитие международных отношений в СССР: «В течение советского периода они развивались в условиях одной методологической парадигмы, связанной с марксизмом».

скобками то, насколько добровольно советские ученые обращались к использованию марксизма, отметим, что это значительно сужало возможности исследователей, особенно занимавшихся изучением комплексных взаимосвязей между процессами в мировой экономике и на политической арене планеты. Не случайно, что на фоне развития иных дисциплин в пост-советской России, таких как геополитика, публикаций по международной политэкономии по-прежнему весьма мало.

Во-вторых, марксистская изоляция означала, что в общественных науках приоритетное развитие получило мышление в категориях безопасности и с точки зрения безопасности, поскольку капиталистическое окружение рассматривалось руководством прежде всего как представлявшее угрозу самому существованию СССР. Собственно политэкономические связи в мире разрабатывались слабее, а мир все виделся обществоведами преимущественно как игра с нулевой суммой между «миром капитализма» и «миром социализма».

2. Советский разрыв и болезненное рождение постсоветской МПЭ

2.1. Новый контекст

После распада СССР, социальный контекст развития обществоведения в России принципиально изменился. Не смену марксистской изоляции пришла адаптация к реальностям мирового рынка. На смену административно-социалистическому регулированию пришел переход к капиталистической рыночной экономике. Россия оказалась в новом международном окружении и должна была приспосабливаться к новым условиям экономического сотрудничества со своими ближайшими соседями (СНГ) и окружающим миром.

Наряду с этим, выяснилось, что в современной мировой экономике Россия занимает крайне малозаметное место. От суммарного мирового уровня валовый внутренний продукт (ВВП) США составляет около 21%, Европейского Союза — также примерно 21%, Японии — 8%, Китая — 7%, а Российс-

кой Федерации — 1,7%. Даже по самым благоприятным для России расчетам в 2015 г. Россия сможет увеличить свою долю до 2%. (Ткаченко, 2000, с. 54.) Кроме слаборазвитости, Россия остается весьма изолированной от мировой экономики, в то время как отличительной чертой глобального развития является углубление региональной экономической интеграции. В случае даже частичной реализации провозглашенных в ноябре 1999 г. планов по экономической интеграции в Восточной Азии с участием Японии, Южной Кореи, Китая, стран АСЕАН и других государств, ЕС уже через одно поколение переместится на третье место среди регионов планеты по своему экономическому потенциалу. Таким образом, заметное качественное отставание ЕС от стран Восточной Азии в области промышленного производства, финансов и т. п. может дополниться вскоре отставанием в абсолютных цифрах.

В результате перед исследовательской мыслью возник комплекс новых проблем: На каких принципах развивать сотрудничество в СНГ и со странами бывшего СССР? Вступать ли в ВТО и если да, то на каких принципах? Как строить отношения с ЕС, крупнейшим региональным объединением к западу от России? Какими темпами включаться в экономические связи в Азиатско-Тихоокеанском регионе? Как стимулировать экономическое развитие? За счет чего привлекать внешнюю экономическую помощь и инвестиции? (См., например, Смирнов, 2001. С. 354-377.)

2.2. Школы и дебаты

В России возникло и развивается несколько школ политико-экономического мышления по осмыслению возникших перед страной проблем. А. Дынкин выделяет, например, две группы убеждений относительно современной стратегии интеграции в глобальную экономику: представителей либерально-институциональной школы, сторонников дирижистских подходов. Наряду с ними выделяются и разработки сторонников мир-системного подхода. Эмистемологически это разделение близко характерному для западной МПЭ делению на либералов, реалистов и марксистов. (Gilpin, 1987. Chapter 1.)

Либерал-институционалисты делают акцент на развитии институциональной среды, продолжении политики реформ сокращения доли нерыночных секторов экономики, поддержке малого и среднего бизнеса, повышения эффективности бюджетных расходов, снижение бюджетной нагрузки и недопущения увеличения соотношения между бюджетными расходами и ВВП. (Дынкин 2002. С. 42-67.) Отчасти те же рецепты предлагает странам, ставшим на путь социально-экономических реформ либеральные теории дуалистической экономики. Эта группа выступает за активное углубление российской интеграции в мировую экономику, вступление в ВТО и энергичное развитие связей с ЕС, поскольку такая интеграция будет способствовать созданию необходимой для экономического развития институциональной среды. Только на этих рыночно-институциональных принципах следует развивать и отношения в бывшем СССР. (См. подробнее: Ткаченко; Tkachenko, 2003.)

Дирижисты настаивают на необходимости взимания специальной ренты из экспортных секторов и централизованное перераспределение ресурсов в пользу обрабатывающей промышленности. Идеальной моделью эта группа видит мобилизационную экономику со значительной ролью государства. Из логики дирижизма, больше свойственной реалистическому подходу в западной МПЭ, исходят и те, кто связывает выживание и процветание России с ее способностью регулировать иностранные инвестиционные потоки и созданием своих собственных мощных российских компаний. Предполагается, что такие компании будут инвестировать за рубежом, помогая государству в осуществлении внешней политики. (Мовсисян, Огневцев, 1999; Кочетов, 1994.)

Взглядам дирижистов, как нам представляется, близки и убеждения неомарксистской теории современной мировой системы, предлагающей сходные рецепты для перемещения стран периферии ближе к центру мирового экономического развития. Так, А. Неклесса, один из авторов фундаментального исследования под названием «Постиндустриальный мир и Россия» солидаризируется с основным убеждением теории

современной мировой системы И.Валлерстайна¹, когда отмечает, что Россия относится к глубокому Югу — «задворкам цивилизации», где «социальные организмы не выдерживают прессинга новой глобальной пирамиды». (Постиндустриальный мир и Россия, 2001. С. 52.) Во многом близок этой позиции А.И.Фурсов, рассматривающий Россию в роли «противоцентра» западной экономической модели, что по форме очень напоминает «полупериферию» или даже «периферию» в модели И.Валлерстайна. (Фурсов, 1996) При этом важно подчеркнуть, что сторонники этих взглядов за рубежом предпочитают именовать себя неомарксистами, в то время, как отечественные исследователи значительно меньшее внимание уделяют традиционным для марксизма экономическим проблемам. Их взгляды скорее близки положениям геополитики.

И дирижисты, и мир-системщики критично относятся к предлагаемым либерал-институционалистами рецептам российского экономического развития и интеграции в мировую экономику. И те, и другие считают принципиально-важным сохранение значительной экономической самодостаточности, политической автономии и особых отношений со странами бывшего СССР. Среди дирижистов тон нередко задают «чистые экономисты». Опираясь экономическими теориями и статистическими данными, российские экономисты очень активно стараются показать, что деятельность международных экономических организаций не решает проблемы разрыва между странами Севера и Юга (т.е. между богатыми и бедными государствами). Эта группа находится под влиянием отечественного бизнеса, опасаящегося открытия российского рынка международной конкуренции и объединившегося в рамках Российской торгово-промышленной палаты, возглавляемой бывшим премьер-министром-«государственным» Е. Примаковым. Не возражая против вступления в ВТО

¹ Отметим как безусловно важное научное событие недавнюю публикацию книги И.Валлерстайна, дающую достаточно полное представление о его взглядах: Валлерстайн, Иммануэль. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001.

в принципе, дирижисты настаивают, что поспешность в этом крайне опасна для российской экономики, и процесс требует подготовки и времени. (См. напр.: Ливенцев, Лисоволик 2002. С. 3, 340-341)¹

3. Будущее российской МПЭ: Проблемы и возможные решения

3.1. Проблема I: Разделение политической науки и экономики

В советских условиях традиционно отводилось внимание предмете, называемом *Международной экономикой*. «Международная экономика» изучает экономические отношения в форме торговли и инвестиций между отдельными государствами, а также формы взаимоотношений между негосударственными акторами (транснациональными корпорациями), и интегрированной экономикой в области промышленного производства и в сфере услуг. Уровень изучения международной экономики в институтах Российской Академии наук, и преподавания этой дисциплины в университетах еще со времен Советского Союза достаточно высок. Но основная заслуга в этом принадлежит «чистым» экономистам, лишь изредка использующим в своих работах помимо экономических теорий и данных статистики исторические факты и методы исторического анализа.

После распада СССР и устранения идеологических ограничений на изучение международных отношений основной интерес значительной части российских исследователей-международников вызвало изучение проблем международной безопасности, а в качестве наиболее популярного подхода стала фигурировать геополитика. В первое постсоветское десятилетие лишь единицы российских исследователей вышли

¹ При этом, тотальная критика ВТО и созданного ею режима международной торговли в научной литературе России отсутствует, и любое серьезное исследование российских ученых завершается признанием, что в целом вступление в ВТО есть шаг позитивный

за рамки этих подходов и тем. Практически никаких публикаций по международной политической экономии в России не появилось. Российские ученые в 1990-е гг. повторили ошибку, которой их западные коллеги переболели еще в 1960-е гг. Она состояла в том, что существовала пропасть между тем, что и как изучали международники-политологи и международники-экономисты. Для первых главным предметом изучения стали межгосударственные политические отношения, а также политические подходы к рассмотрению межгосударственных экономических связей. Для вторых фактор того, что они рассматривают не только внутрироссийские, но и межгосударственные экономические отношения редко играл определяющую роль. Используя традиционные для экономистов методы математического анализа, они не включали в свой исследовательский инструментарий подходы, заимствованные из политэкономии. Как нам представляется, вплоть до настоящего времени такой разрыв не только не преодолен, но даже четко не осознан в сообществе российских международников.

Ярким подтверждением этого, в частности, являются ежегодные конгрессы РАМИ — Российской ассоциации международных исследований. На последнем конгрессе, состоявшемся в июне 2002 г. в Москве, теме международной политической экономии было посвящено всего одно секционное заседание. При этом на данном заседании под названием «Новые подходы к изучению международной политической экономии», выступили ученые из Финляндии (Heikki Patomäki), Швеции (Anna Leander) и Румынии (Paul Dragos Aligica). Председательствовал на заседании вышеназванный исследователь из Румынии, а в роли комментатора был Bastiaan van Apeldoorn из амстердамского Vrije Universiteit. Ни одного российского ученого в программе данного заседания не названо, да и само появление в повестке дня конгресса темы МПЭ представляется данью вежливости организаторов конгресса иностранным участникам, работающим в этой области теории международных отношений. Думается, что этим картина интереса российских исследователей к МПЭ харак-

теризуется вполне красноречиво. Отсутствие интереса к МПЭ в России тем более заметно, что популярность этого подхода в США и Западной Европе по-прежнему чрезвычайно велика. Так, в преимущественно американской Ассоциации международных исследований секция МПЭ является одной из крупнейших, а на ежегодных конвентах эта секция формирует едва ли не больше всех пленарных заседаний.

В Европе также велик интерес к объединенному изучению сфер политики и экономики. Так, на Шестнадцатом Ежегодном конгрессе Европейской экономической ассоциации, состоявшемся в августе-сентябре 2001 г. в Лозанне, секция «Политическая экономия» рассматривала такие вполне «международные» темы, которые являются предметом изучения специалистов по МПЭ, как влияют конституции развитых демократических государств Европы на процесс формирования правительств и их стабильность в процессе европейской интеграции, (Diermeier, Daniel, Hulya Eraslan, Antoinio Merlo. P. 893-907.) или как закрепленные в конституциях ведущих стран Запада избирательные процедуры влияют на размеры правительств и их эффективность деятельности. (Persson, Torsten, and Guido Tabellini. P. 908-918.) Представить подобные исследования, осуществленные отечественными международниками или экономистами пока не представляется возможным. Хотя сами эти темы, безусловно, важны для понимания современной ситуации и перспектив развития России и возможностей ее органов исполнительной власти эффективно осуществлять свои полномочия.

Ситуация, однако, не безнадежна и начинает меняться к лучшему. Безусловно, важным этапом в распространении в России сведений о МПЭ стало включение П.А.Цыганковым в свой учебник по теории международных отношений подраздела, посвященного МПЭ. Думается, что с этого момента интерес к данной теории среди студентов России, а также преподавателей теории международных отношений увеличится. П.А.Цыганков поместил сюжет о МПЭ в главу под названием «Международная политическая экономия и неомарксизм». (Цыганков, 2002. С. 140-155.) Возможно, это справедливо с

учетом унаследованной со времен СССР традиции рассмотрения экономических аспектов международных процессов. Все же отметим, что с нашей точки зрения, неомарксистское направление в МПЭ, даже будучи достаточно детально разработанным среди других школ внутри МПЭ, не является влиятельным в дискуссии по актуальным проблемам изучения теории международных отношений. Увязывание генезиса, а тем более — основных достижений МПЭ с марксистской школой представляется неверным. Тем более, что сама марксистская традиция облекала свой вклад в МПЭ названием «Теория современной мировой системы». Отметим, что в учебнике П.А.Цыганкова кратко представлены и другие подходы к МПЭ, что делает данную публикацию исключительно важной. (Теория международных отношений, 2002. С. 34)¹.

Остается только надеяться, что в ближайшем будущем разрыв между исследованиями российских экономистов и политологов будет сокращен, что приведет к повышению качества анализа многих сложных процессов на международной арене, имеющих для нашей страны, а также для других государств как политическое, так и экономическое значение.

3.2. Дефицит теоретических обобщений

В работах российских исследователей, обращающихся к анализу проблем мировой экономики или внешнеэкономической политики России, явно ощущается острый недостаток теоретического обобщения. Как правило, авторы ограничиваются упоминанием двух «крайностей» — либерализма, ассоциируемого с монетаризмом в теории и деятельностью М.Тэтчер на практике; и того, что условно можно назвать «государствоцентричный» или «государственно-ориентиро-

¹ В другой публикации по теории международных отношений П.А.Цыганков вновь затрагивает вопрос о роли международной политической экономии в развитии теории международных отношений. Обращаясь к работам Сьюзан Стрендж, одной из основательниц МПЭ, он отмечает: «Главный вопрос международной политэкономии — вопрос о соотношении государства и рынка — одна из основателей этого направления С.Стрендж рассматривает именно через структурное понимание власти».

ванный» подход, (См. напр.: Мегатренды мирового развития, 2001. С. 81; Бычкова, Указ. соч. С. 163.) который на практике вбирает в себя всю сумму рекомендаций об активизации роли государства в экономической политике от Дж.М.Кейнса до модели мобилизационной экономики, под которой без труда угадывается модель социалистического хозяйствования эпохи И.В.Сталина. (См. Ткаченко, 2000. С. 16-22, 182.)¹ Причем если неолиберальный подход в целом соответствует толкованию «либерализма» международной политической экономией, то «государственный» подход нередко содержит как положения националистического подхода (и теории гегемонистической стабильности), так и марксизма (и теории современной мировой системы).

Отмечается отсутствие теоретических обобщений в статьях по проблемам международных экономических отношений и в рецензиях серьезных отечественных научных журналов на опубликованные работы. Так, анализируя работу по проблемам глобализации, подготовленную Центром исследования постиндустриального общества, (Мегатренды мирового развития, 2001.) А. Кустарев отмечает, что «книга нуждалась в тематически более богатой вводной статье с какими-то претензиями на систематику трендов». (Кустарев 2002 г. С. 179.) Но данную систематизацию практически невозможно сделать, если не принять на вооружение инструментарий международной политической экономии!

В одной из немногих статей, опубликованных в журнале «Политические исследования» автор объявляет об использовании политэкономических концепций, а по существу ссылается на публикации экономистов — сторонников прежде всего либеральной концепции (Дж.Сакс, А.Ослунд, Дж.Стиглиц) (Бычкова, 2001. С. 156-166.). При этом, попыток учесть особенности российского опыта при «вписывании» в мир не осуществляется. Даже в этой, одной из немногих статей с по-

¹ В качестве исключения назовем нашу монографию, где мы обращаемся в вопросу об эффективности использования положений международной политической экономии для изучения экономической истории планеты начала двадцатого столетия.

пыткой политэкономического исследования, собственно политэкономии недостаточно. Вместо гибкого политэкономического исследования перед нами весьма механическая со-единение экономического анализа и некоторых подходов, заимствованных из политической науки. В целом передовой российской журнал «Политические исследования» оставил пока тематику МПЭ вне сферы своего внимания.

3.3. Слабости учебных планов

Наконец, еще одной проблемой в развитии российской МПЭ является слабость преподавательской и образовательной базы. Если следы использования некоторых заимствованных из международной политической экономии концепций в российской исследовательской литературе найти все же можно, то в области преподавания МПЭ успехов практически нет.

Отметим в качестве исключения читаемый нами с 1997 г. лекционный курс для магистрантов факультета международных отношений СПбГУ, разработанного в 1996 г. при активной помощи американских коллег Джонатана Аронсона, Джона Оделла и Стива Лами из Университета Южной Калифорнии¹. Название курса — «Политические аспекты международных экономических отношений». Помимо лекционного курса на факультете международных отношений СПбГУ нам известен всего один подобный курс, который читается магистрантам направления «Международная экономика» в МГИМО. Думается, данная ситуация является для России совершенно неприемлемой. Несмотря на обилие учебников по мировой экономике, которые частично могут использоваться в учебном процессе, в целом сейчас остро стоит проблема подготовки серии учебников по данной дисциплине. Поскольку изучение МПЭ требует хорошего знания основных теорий международных отношений, читаться данный курс должен либо на старших курсах бакалавриата по международным отношениям и регионоведению, либо (на наш взгляд более эффективно) — в течение первого года обучения

¹ Познакомиться с программой курса можно в сети Интернет по адресу: <http://www.dip.pu.ru/russian/education/program/prog15.htm>

в магистратуре по тем же специальностям. Думается, подготовить такой учебник по силам коллективу российских авторов уже в ближайшее время.

3.4. Возможные решения

Ситуация с развитием российской МПЭ удручает, но не безнадежна. Улучшение ситуации будет связано с тремя обстоятельствами: 1) растущей интеграцией России в мировую экономику; 2) активным освоением западных концепций и теорий МПЭ и 3) развитием общеобразовательной базы в области преподавания этого предмета.

Современные *внутри*-российские реальности пока занимают экономистов и международных в гораздо большей степени. Это следует воспринимать как слабость отечественной науки о международных отношениях, поскольку вне связи с общемировыми экономическими процессами понять политику России, а тем более предугадать ее будущие характеристики не представляется возможным. Основная масса российских исследователей-теоретиков все еще озабочена геополитическими исследованиями, что не дает возможности оценить место своей страны в терминах уже сформировавшихся менее «общепланетарных» концепций, одной из которых, несомненно, и является международная политическая экономия. Растущая интеграция России в мировую экономику неизбежно увеличит интерес к изучению МПЭ.

Наиболее важным нам представляется освоение знаний, накопленных западными основателями этого направления за три с небольшим десятилетия его существования. При этом можно уверенно прогнозировать то, что имеющиеся за рубежом знания лягут на хорошо подготовленную почву. Так, марксизм хотя и неуклонно теряет число своих активных приверженцев в России, тем не менее, оставил глубокий след в большинстве существующих школ, изучающих международные политические и экономические отношения в ведущих университетских центрах России. Особый интерес российских исследователей к вопросам архитектуры международной безопасности делает их подготовленными к тому, чтобы использовать опыт теории ге-

гемонистической стабильности для изучения места США в современном мире, (Рассмотрению некоторых из этих проблем посвящена следующая монография: Ткаченко, Петерманн, 2002)¹ а также проблем отношений России и ЕС, а также потенциала России при изучении перспектив интеграционных процессов на пост-советском пространстве.

В завершении статьи отметим, что до тех пор, пока российских международных (политологов и экономистов) внутренние проблемы России будут интересовать больше, чем ее место на международной арене, роль в международных экономических организациях, эффективность использования существующих международных режимов и т.д., международная политическая экономия останется пасынком в кругу теорий международных отношений, используемых в исследованиях и учебном процессе. Таким образом, важным условием зарождения интереса к этой дисциплине является расширение исследовательской повестки дня отечественными международниками, а также выход за рамки исторического подхода в изучении важнейших международных процессов.

Литература

- Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
 Бычкова О.В. Постсоветское рыночное реформирование: политэкономические концепции//Полис. 2001. № 6.
 Дынкин А. Есть ли у России шанс в глобальной экономике//Pro et Contra. Т. 7. Весна, 2002.
 Кочетов Э. Геоэкономика и внешнеэкономическая стратегия России. //Мировая экономика и международные отношения. 1994. №11.
 Кустарев А. Рецензия на коллективную монографию «Мегатренды мирового развития...»// Pro et Contra. Т. 7. Весна, 2002.

⁸ Разделяя в целом опасения П.А.Цыганкова в том, что некоторые составляющие ядро этой теории части (например, теория гегемонистической стабильности), «...с трудом воспринимаются, а нередко и вызывают протест вне Запада (Цыганков П.А. Теория международных отношений. Хрестоматия... С. 24.) все же отметим, что с нашей точки зрения именно теория гегемонистической стабильности может быть с успехом использована при оценке нынешнего и будущего места России на пост-советском пространстве, а также экономических возможностей России в восстановлении своего лидерства в кругу стран СНГ.

- Ливенцев Н.Н., Лисоволик Я.Д. Актуальные проблемы присоединения России к ВТО. М.: Экономика. 2002.
- Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева / Центр исследований постиндустриального общества. М.: Экономика, 2001.
- Мовсисян А., Огнiewicz С. Транснациональный капитал и национальные государства. //Мировая экономика и международные отношения. 1999. №6.
- Смирнов П.С. Национальная безопасность: Вопросы торговой политики. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001.
- Постиндустриальный мир и Россия/Под ред. В.Хороса, В.Красильщикова. ИММО РАН. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Теория международных отношений. Хрестоматия/Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.
- Ткаченко С.Л. Расширение ЕС и вопросы безопасности России; *Tkachenko S.* Russia's Membership in WTO: Implications for Economic Security of the Post-Soviet Countries. Paper presented at the International Studies Association, Portland, March 2003.
- Ткаченко С.Л. Валютное регулирование при переходе от золотого стандарта к плавающему курсу национальной валюты. СПб., 2000.
- Ткаченко С.Л., Петерманн С. Сотрудничество стран СНГ в военной сфере и фактор НАТО. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2002
- Ткаченко С. Расширение ЕС и вопросы безопасности России//Россия и основные институты безопасности в Европе/ Под ред. Д. Тренина. М: Центр Карнеги, 2000.
- Фурсов А. И. Колокола Истории. М.: ИНИОН, 1996.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений. Хрестоматия. М., 2002.
- Diermeier D., Hulya E., Merlo A.* Coalition governments and comparative constitutional design. In: *European Economic Review*. Vol. 46, Nos. 4/5. Ed. by Charles J. Whallen. Political Economy for the XXI century: Contemporary Views on the Trend of Economics. M.E.Sharpe: New York. 1996.
- Gilpin 1987
- Gilpin, R. The Political Economy of International Relations. Princeton University Press, 1987.
- Persson, Torsten, and Guido Tabellini. Do constitutions cause large governments? Quasi-experimental evidence. In: *European Economic Review*. Vol. 46, Nos. 4/5.

Глава 14

Современность и постсовременность в изучении МО

1. Введение

Не будет преувеличением сказать, что вторая половина XX века прошла под знаком постмодернизма, по крайней мере, на Западе. Это, почти мистическое, эклектичное и крайне неоднородное течение, получало самые разные определения и интерпретации, начиная от комплекса философских, эпистемологических, научно-технических и эмоционально-этических подходов, кончая специфическим способом мировосприятия, мироощущения, менталитета и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места в окружающем мире. (О разных значениях понятия «постмодернизм» см.: Ильин 2001. С. 206; Ильин, 1998. С. 6.) По масштабам охвата множества областей человеческого бытия и знания, по накалу страстей и остроте научных дискуссий приход постмодернизма можно сравнить, разве что, с позитивистской революцией предшествующих десятилетий. Весьма вероятно, что интеллектуальный маятник сдвинулся в противоположную сторону и постмодернизм с его неверием в знание, отказом от идейного наследия Просвещения и чуть ли не любых теоретических конструкций стал своего рода «ответом» на относительно долгое господство позитивизма, по крайней мере, в общественных науках. Вопреки словам Ж. Бодрийяра о том, что постмодернизм — это «пустота, вакуум, пустой термин, чтобы обозначить то, что в действительности не существует» (Цит. по: Капустин, 2001. С. 4.), скорее это, своего рода «*infant terrible*» нашего времени — времени «*fin de siècle*»

(«конца веков»), ибо ни одно другое течение не смогло в такой мере воплотить в себя «духовную составляющую эпохи» (Умберто Эко) (Цит. по: Затонский, 1996 С. 15.).

Рождение постмодернизма связано с кризисом Современности. Глубокое разочарование в ценностях «проекта Просвещения», падение любых авторитетов сопровождается, по крайней мере, в западных обществах, параллельным процессом нового «околдовывания» общества идолообразующей, гедонистической культурой потребления. Критическая оценка Модерна выросла из неудовлетворенности тем, что было описано Лиотаром, как длительная тенденция обособлять и легитимировать знание по отношению к Великой нарративности¹, т.е. универсализацией рамок, стремящейся освободить индивида от формирования условий собственной жизни. (Lyotard, Jean-Francois, 1989. Р. 7-9.). Эта оценка объективизирует определенные интерпретации и политические программы, тем самым, исключая все, что не вписывается в определенный взгляд на мир. Отсюда столь свойственный постмодернизму пессимизм, стирание всяких границ между формами, структурами, институтами. Постмодернисты бросают «вызов» тому способу, которым научные дискурсы, вытекающие из картезианского разделения на субъект и объект, маскирует определенные черты жизни. Это, если можно так выразиться, философствование без субъекта. Изменилась сама природа познания. Принципиальной становится проблема перевода знания в информацию.

Результатом этих противоречивых тенденций в современном обществе становится «постмодернистская чувствительность», то есть «специфическая форма восприятия мира и соответствующий тип рефлексии — восприятие реальности как хаоса, лишённого смысла и ценностей» (Ильин 2001. С. 223.). Постмодернизм не признает ни рационализм, ни исто-

¹ *Нарративность* — проблема взаимоотношения между рассказом-нарративом и жизнью, рассматриваемая как выявление специфически нарративных способов осмысления мира и, более того, как особая форма существования человека, как присущий только ему модус бытия — *Ильин И.* Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: Intrada. 2001. С. 143-144.

ризм. Его больше уже не интересует, что сделано — это интерес модернизма, он весь сосредоточен на том, *как* сделано, он больше уже не хочет переделывать, создавать «новый смелый мир», он скорее склонен к его деконструкции, археологии знания, генеалогическим изысканиям в поисках истоков фрагментированной реальности. Если мир сопротивляется нашим попыткам преобразования, нужно дистанцироваться от него, отбросить всякую позитивную онтологию, всякое желание теоретизировать по поводу процессов, закономерностей и тенденций. Событие отныне становится самым важным и главным, оно опережает и преодолевает историю. Оно самодостаточно и предполагает выход из контекста смысла.

Постмодернизм признает, что все формы мышления являются метафоричными. Они не могут быть ничем иным, поскольку язык представляет собой серию метафор, посредством которых мы постигаем окружающий мир. А поскольку язык нужен нам не только для коммуникации, но также и для формирования нашего взгляда на социальные феномены, мы, в конце концов, начинаем мыслить, жить, и заниматься политикой через метафоры, или иначе, через формы концептуализации, содержащие неизбежные разрывы между репрезентацией событий и самим событием.

Апофеоз плюрализма выражается в отказе от любых критериев, различения знания и незнания, культуры и антикультуры. Реальность предстает для познающего субъекта (более уже не отдельного человека, а коллективного «Я», «социального и политического бессознательного») как нескончаемый текст, калейдоскоп метафор и аллюзий, цитат и коллажей, повторяющихся смыслов и образов, весьма далеких от модернистской репрезентации реальности. «Я» и «Другой» более уже не различаются, происходит соединение субъекта и объекта. Отсюда вытекает антииерархичность и культурный релятивизм постмодернизма, ниспровержение власти до микроуровня, повседневности, выражающееся в бесконечном осмыслении методов манипулирования человеком в контексте социальности.

Постмодернизм, помимо всего прочего, — это радикальный разрыв с доминирующей культурой и эстетикой, с типом

социально-политической и экономической организации, по отношению к которым и измеряются его инновации. Это новый социально-экономический момент, который называют «обществом масс-медиа», «государством-спектаклем», обществом потребления, бюрократическим обществом контролируемого потребления, или «постиндустриальным обществом». Но в любом случае — это война тотальности во всех ее проявлениях от единства чувственного и умозрительного восприятия до политики, более уже несводимой ни к государству, ни к его институтам, а превратившейся в диффузную власть манипулятивных технологий.

2. Современна ли Россия?

Постмодернизм пришел в Россию в 70-80-е годы, то есть почти одновременно с «бумом» вокруг него на Западе, хотя и, как во многих других случаях в силу идеологического контроля, под видом «критики буржуазных теорий» или «критики буржуазного искусства (культуры)», и в значительной степени там и остался. Несколько сложнее происходило проникновение постмодернизма в сферу политических и международных исследований. В целом, в России постмодернизм вызвал двойственную реакцию в академической среде. С одной стороны, довольно быстро выявились специалисты, воспринявшие его с симпатией и даже начавшие экспериментировать в этом духе (Бусыгина, 1995, с. 5-9.; Визгин, 1995. С. 116-126; Макарычев, Сергунин, 1996 С. 151-168; Макарычев, Сергунин, 1996, С. 151-161; Панарин, 1997. с.93-123; 172-180; Фененко, 2001. С. 9-19.). Другие исследователи заняли резко критическую позицию, отличаясь неприятием постмодернизма как своего рода «интеллектуального жульничества», или деградации науки и философии (Ильин; Жук. 1995. с. 162-166; Чешков, 1995. С. 24-34.). Более того, можно даже сказать, что отношение к постмодернизму явилось линией идейного размежевания в академической среде.

Спор о постмодернизме неотделим от спора о модернизме. Безусловно знаковым стал выход первого (и единствен-

ного) номера журнала «Стратегия» в 1998 году («Стратегия» (Москва). 1998, С. 15 — 150), в который был включен «журнал в журнале» целиком посвященный спорам вокруг проблемы Современности и пост-Современности. В дискуссии приняли участие ведущие отечественные политические философы — Борис Капустин, вскоре после этого выпустивший книгу «Современность как проблема политической теории», Александр Филлиппов, Михаил Ильин, Леонид Поляков, а также было помещено весьма органично вошедшее в рисунок спора, интервью итальянского мыслителя-постмодерниста Джанни Ваттимо, подготовленное Дмитрием Новиковым.

Что же такое Современность и, соответственно, пост-Современность глазами отечественных политических теоретиков? Борис Капустин начинает свое эссе с утверждения, что россиянам идеологически постоянно не везло с современностью. 70 лет Советской власти они жили в образцовом будущем для всего человечества, оставив современность далеко позади. К концу «перестройки» обнаружилось, что, наоборот, мы живем в далеком прошлом, и нам еще только предстоит «осовремениться». Вследствие такой великой путаницы «современность» долгое время у нас вообще не получала теоретического осмысления и продолжала употребляться как слово в значении «сейчасности», то есть со-присутствия в данной единице астрономического времени. В зависимости от той или иной идеологической перспективы оно в лучшем случае трактовалось как капитализм, секуляризм, индустриальное производство, представительная демократия, массовое образование и массовые коммуникации. Или та или иная комбинация этих характеристик. Но обладает ли Современность своим собственным политическим и культурным содержанием, не сводимым ко всему перечисленному?

Это не праздный вопрос. В самом деле, спрашивает Капустин, считать ли современной Россию, освободившуюся от коммунистического деспотизма, но скатившуюся по важнейшим показателям «качества жизни» (средняя продолжительность жизни, детская смертность, социальное обеспечение и т.д.) к уровню «досовременных», причем явно неблагополуч-

ных обществ? Замерять ли продвижение России по стезе модернизации формированием «рыночной инфраструктуры», закрывая глаза на деградацию и даже «архаизацию» других сторон и сфер общественной жизни? Да, если современность отождествлять (в первую очередь) с рынком. Ну, а если с наукой, уровнем технологии, или, наконец, вообще не отождествлять ни с чем, пытаясь определить ее собственное содержание?

И дает на этот вопрос вполне постмодернистский ответ: «Мы должны остерегаться отвечать на поставленный вопрос «истинами», верными «объективно» и «окончательно» и не зависящими от того, *что* думают о предмете наших суждений (то есть о современности) сами люди, которых этот предмет затрагивает. В XX веке и без того слишком много единственно правильных «истин» (коммунистическая — лишь одна из них) внедряли и осуществляли в целях осчастливливания людей, отвлекаясь от их собственных «неистинных» представлений о счастье. Сказать, что «современность есть то-то и то-то», значит, дать предписание, к каким целям стремиться (или чего избегать) и что для их достижения делать (или что необходимо предотвратить)». (Капустин, 1998. Там же. С. 16.) Поэтому Капустин ищет *неавторитарное*, никому не навязываемое определение современности.

Но проблема в том, что представления о современности сущностно конфликтны. В результате возможен не синтез представлений, а лишь представление о *проблеме*, которая не поддается решению, а также знание об опытах обращения с этой проблемой в разных историко-культурных контекстах.

Капустин рассматривает современность как *жизненную проблему*, оттолкнувшись от виттгенштейновского различения научных и жизненных проблем, когда под последней понимается проблема «переживания» мира, его смыслонаполнения и смыслообразования, в предельно сгущенном виде представляется вопросом «как жить?», а в ее трагическом развороте — «зачем жить?». Понятно, что жизненная проблема не может быть прояснена так же как научная проблема, поскольку она ориентирована не на факт, а на «видение» мира.

Таким образом, и предмет рассмотрения — жизненная проблема, и метод — понимание, а не познание, будут отличаться от принятых в науке.

Такая проблема может *изживаться*, но она не может быть решена (в смысле — устранена). Она не является также и идеалом, к которому нужно стремиться. Она обнаруживает себя как *сила негативного*, как вызов не только тем — бесконечно разнообразным по своему содержанию — порядкам, которые мы можем объединить под рубрикой «традиционности», имеющей одно назначение — передать их разрушаемость силой Современности. Она есть постоянно возобновляющийся вызов ее собственной посттрадиционной стабилизации, негативная сила, подрывающая любые нормативные основания, на которых может зиждиться общественный порядок. Если мы перейдем с уровня индивидуального переживания Современности, относительно которого, соглашаясь с Витгенштейном, мы действительно не можем поставить общезначимые вопросы, на уровень рассмотрения *типа сообщества*, захваченного проблемой Современности, то она предстанет совершенно в ином свете, во всем своем великолепии и драматизме.

Современность — это, конечно, не только Запад. Создателям несчетных концепций «модернизации-как-вестернизации», присуще то, что А. Тойнби саркастически назвал «взглядом на историю...на «до-Васко-да-Гамовском уровне». *Его* (Запада — АТ) проблема Современности есть все же *частная провинциальная проблема*, хотя бы потому, что в современном мире нет Столицы и потому что свершенное Западом всемирно-историческое дело оказалось слишком крупным для него. Он так и не смог решить нравственно-политическую задачу Современности.

Политическая стабилизация западной Современности (в виде формирования вначале олигархической либеральной системы, затем — ограниченной либеральной демократии, позднее — «массовой демократии») происходила не столько благодаря кантовскому «законодательству» нравственного разума, сколько вследствие выработки политических технологий манипуляций и взаимных сдержек, которая осуществ-

лялась инструментальным разумом, подменявшим нравственно-политический и становящимся им. Но фондовая биржа — слабая замена «священному Граалю», подчеркивал в свое время еще Й.Шумпетер.

Отказ от возможности дать Современности определение в виде авторитарного истинного суждения, а также утверждение равного права всех судить о ней, что было бы чистейшей демагогией, если бы не признание равноценности каждого из этих суждений, очевидно, направлены против экспертного знания о Современности. Поэтому Капустин низводит свою роль до уровня рассказчика об опытах Современности, не претендуя на звание эксперта. Но почему смысл экспертизы оказывается подорванным? Для Капустина, это связано с величайшим событием Современности — событием «смерти Бога». Это то, что делает невозможным апеллировать к безусловному авторитету, существующему как бы над людьми, помимо них и, в конечном счете, их направляющих. А это значит, что то, как жить дальше, зависит от всех и каждого в отдельности. Если нет той независимой от суждений людей авторитетной реальности (божественной, моральной, экономической, политической), ссылка на которую открывала бы им истину их существования, то каждый имеет равное право на свою «истину», и эти «истины» равноценны, так как у нас нет мерила, чтобы измерить их относительную ценность. Важно понимать то, что знание политического теоретика может быть *больше* знания любого практика общественной жизни, но оно не может быть *качественно иным*, если теоретик — такой же участник Современности, как и мы. Если так, то все, чем он может быть нам полезен, — это выразить, артикулировать наше сознание, возможно даже и предпочтительнее — критикуя его непоследовательность, замкнутость, затемненность, с тем чтобы мы лучше понимали самих себе и были тем самым дееспособнее. Но если это не объяснение Современности с позиций постмодернизма, то тогда, что же это такое? Автор как будто бы этого не замечает.

Впрочем, Капустин все же попытался как-то выразить свое отношение к постмодернизму в следующей цитате:

«Вопреки ныне популярным разговорам о «постмодерне» у меня нет ощущения, что проблема Современности сейчас изживается или уже изжита. Это заявление отнюдь не подразумевает, будто рассуждения о «постмодерне» вовсе лишены смысла и содержания. Напротив, они весьма ценны *как симптоматика* нынешнего состояния Современности, то есть в том же смысле, в каком Э. Дюркгейм в свое время признавал ценность социализма — как «стона больного» (Там же. С. 18.). Это, по-видимому, и есть раскрытие *проблемы* Современности, как ее видит современник, переживающий, в том числе, и постмодернистский опыт.

Александр Филиппов в своем блестящем эссе, посвященном проблеме рациональности, нашел возможность также дать оценку современному и постсовременному. Разум на стороне современности, и современность — на стороне разума. Именно так эта проблема воспринимается в обыденной жизни. Современный человек менее бездумен в своих поступках, чем предшествующее поколение, — так кажется каждому следующему поколению современных людей. Впрочем, не успевают они освоиться с ролью новых (и теперь уже *подлинных*) носителей прогресса, как на смену им спешат еще более современные, не ведающие ни уважения, ни снисхождения к предшественникам.

Сколь бы расплывчатой ни была эта характеристика понятия современности, она позволяет зафиксировать несколько очень важных моментов: во-первых, неприятие современности на обыденном уровне обходится без обоснований, в отличие от позитивного отношения к ней; во-вторых, именно мерой разумного отношения к себе и миру определяется современность современного; в-третьих, чтобы отчетливо осознавать себя современным, надо отличать себя и свое поколение от предыдущих, то есть осмысливать, по меньшей мере, характеристики двух поколений. (Филиппов 1998, С. 33-34.) Приятие современности объединяет философа и обычного человека: оба они становятся на сторону разума. Именно это объявляется «современным в современном». Но как же тогда обстоит дело с постсовременностью?

Разумеется, в одно и то же время живут самые разные люди — те, кто считают себя современными, кто эту современность не приемлет, мечтая либо о возврате к прошлому, либо о лучшем будущем, и, наконец, те, кто объявляет о «конце современности» (так называемые постмодернисты). А. Филиппову кажется, что последние наиболее безобидны, так как «постмодернизм (отвлекаясь от собственно содержательного аспекта относящихся к нему концепций) представляет собой, в общем, вполне рациональную стратегию поведения, направленного на завоевание господствующих позиций в науке и культуре. Поэтому постмодернисты правы, утверждая свое превосходство над теми, кто еще держится за «проект модерна» (Там же. С. 34.). Во-первых, указание на превосходство является важным способом завоевания превосходства. Во-вторых, реальное вытеснение «модернистов» под флагом борьбы с «законодательствующим разумом», показывает, кто, в самом деле, более рационален, расчетлив и успешен.

3. Россия: постмодернистская страна?

Умберто Эко однажды сказал, что «постмодернизм — не фиксированное хронологическое явление, а некое духовное состояние... у любой эпохи есть собственный постмодернизм». (Затонский, 1996.) У любой эпохи, или, возможно, у любой страны?

Размытость принципов и отвержение теории позволяет трактовать постмодернизм настолько широко, что он практически теряет собственную содержательную значимость. Это ярко видно на Российском примере. Конечно, можно назвать модным словом постмодернизм традиционную российскую безответственность, проистекающую, прежде всего, из несостоявшейся Реформации. Но даже простая интуиция подсказывает, что это все же никак не постмодернизм, а именно безответственность, наплеватьство и вера в «авось». То же можно сказать и о неуважении к старости, якобы проистекающей из постмодернистского культа молодости. Но и это не

столько постмодернизм, сколько следствие вполне традиционалистского неуважения к чужой жизни и вновь обретенной агрессивной алчности эпохи «первоначального накопления». Скорее — это «кривое зеркало» запоздавшего модернизма.

Как известно, в политике постмодернизм определяет себя как развитие на базе собственных культурных оснований. Обычно приводят примеры Японии и Таиланда. Успех обеспечивается отказом от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся препятствием развитию. Достаточно вспомнить слова Ричарда Рорти:

«... Мечта аналитических философов о научности построена на вере, а именно вере в возможность обоснования знания. Можно сказать, что она составляет стержень, сердцевину идеологии фундаментализма, по-другому, идеологии верификационизма и оправдательности. Ее динамика — поиск ясных и четких критериев знания, демаркации истинного от ложного. Провал верификационной стратегии неопозитивистов не был частичной неудачей одной из частных теорий. Он свидетельствовал о невозможности обоснования знания вообще, о том, что платоновско-декартовско-кантианская традиция руководствовалась мифом — верила в Истину /.../ Человеку нужно посмотреть на себя и понять, что он представляет собой не что иное, как поэтическое существо, творящее свой мир с помощью метафор для ориентации в среде и обретения смысла в том историческом сообществе, в котором он живет» (Цит. по: Юлина, 1998. С. 15, 37.). В этой логике, некомпетентность многих представителей власти и традиционно плохие дороги могут сыграть важную роль информационных сетей в инфраструктуре страны, а пресловутый российский алкоголизм создает предпосылки для расцвета экспериментальной психологии. Но всякому здравомыслящему человеку ясно, что никакой это не постмодернизм, а просто провалы и искажения модернизации.

Леонид Поляков в своей статье (Поляков, 1998. С. 103-116.) сконцентрировался на трех вопросах: был ли СССР «современным»? является ли «современной» Россия как государство, возникшее в конце 1991 года? каково отношение «России» к постсовременности?

По мнению Л. Полякова, с самого начала, с ленинских проектов в «Государстве и революции» и вплоть до фантазий поздней перестройки о «плановой рыночной экономике» и «социалистическом правовом государстве» большевистский эксперимент представлял собой сознательную и сколь возможно последовательно осуществленную альтернативу модернизации по западному образцу. Большевистский проект базировался на марксовой теории неизбежности самоуничтожения капитализма и призван был не просто перевести отсталую Россию в передовую современность, а создать условия своего рода постсовременности — коммунизма как начала подлинно человеческой истории.

Приходится признать, считает Поляков, что общество, возникшее на обломках Российской империи, так или иначе, находилось в некотором отношении к Современности. За фасадом надрывно пропагандирующей «инаковости» скрывалась реальность общества, находящегося в определенной точке модернизационного процесса и вынужденного с целью собственного выживания имитировать структуру основных институтов Современности. Если воспользоваться схемой Э. Гидденса (Giddens, 1990. Р. 59.), то, очевидно, что большевистский проект обеспечивал СССР два из четырех институциональных измерения Современности: индустриализм и вооруженные силы при отсутствии капитализма и национального государства.

Другое дело, что провал в «третий мир» начался не в результате распада СССР, а в результате его естественной эволюции на стадии перехода от жестко тоталитарного режима к его ослабленному варианту. На основе этой посылки логично заключить, что именно «третьемиризация» СССР и привела к его распаду.

На вопрос — является ли «современной» современная Россия? — Л. Поляков отвечает отрицательно. Он считает, что Россия еще не пересекла порог Современности.

В своей книге «Путь России в современность: модернизация как деархаизация» (Поляков, 1998.) Л. Поляков предложил общий очерк и методологические основания теории модерни-

зации как де-архаизации, нацеленной на выявление механизмов самоперевода традиционного социума в состояние современного. Центральная идея этой теории заключается в том, что всякая новизна в обществе и в конечном счете его качественно новое состояние могут возникнуть только за счет переработки его наличной структуры. И пионер модернизации — западный социум тогда когда-то был нормально традиционным. То, что ему удалось осовремениться собственными силами, говорит в пользу гипотезы де-архаизации.

Самоопределение России по отношению к Современности в рамках такой теории модернизации достаточно очевидно. Страна прошла процесс де-архаизации, проделала процедуру последовательного отключения механизмов воспроизводства традиционного социума и в этом смысле — осовременилась. Однако Л. Поляков выражает сомнение в том, что Современность в России структурно устоялась и выработала алгоритм самодвижения. И дело не только в том, что институциональные измерения Современности (по Э. Гидденсу) здесь еще почти в зачаточном состоянии. Ментальные структуры, навыки поведения, унаследованные от двух последних фаз модернизации, приспособленные к ситуации перехода при отсутствии стабильных институциональных опор Современности могут оказаться блокирующими механизмами особого рода, удерживающими Россию на этот раз не от изживания архаики, а от самобытия в Современности, обрекая на прозябание и промежуточности, говоря словами Сергей Хрущева, «архо-модерна». (Sergei Khrushchev, 1997)

У этой ситуации, обращает внимание Л. Поляков, есть и иная, не столько оптимизирующая, сколько легитимизирующая трактовка, и он обращается к другому российскому автору — Александру Рубцову. (Рубцов, 1997.) Речь идет о его определении России в качестве «постсовременного мира в очень большой миниатюре». Логика этой трактовки, считает Поляков, — превращение нужды в добродетель. Рубцов пишет: «Мы парадоксальным образом опять попали на острие цивилизационного процесса. Точнее, на острие его проблем. Россия сейчас представляет собой сжатый, а оттого ка-

жушийся уже утрированным, слепок глобальной макрокультурной ситуации рубежа XX-XXI веков» (Там же. С. 267.) Этот изоморфизм заключается в том, что Россия, как и мир в целом, живет по принципу коллажа Совместимости (прежде) несовместимого, в режиме отказа от «тотальных мегапроектов», отказа от истории как прогрессивного развития.

«Россия, поэтому, — резюмирует А. Рубцов, — есть своеобразная крайность самого постмодерна, ибо последний — это постоянно необходимый «закапыватель» социально-политического модернизма, а Россия — именно такая, какова она сейчас — «забивает последний гвоздь в крышку его гроба». (Там же. С. 268.)

Но Л. Поляков вовсе не считает это единственно возможной точкой зрения на ситуацию. Для него, сегодняшняя Россия — потенциальная соучастница того миропорядка, который, согласно Э. Гидденсу представляет собой не постсовременность, а «радикализованную современность», т.е. современность, пришедшую к осознанию самой себя и не имеющую другой альтернативы, кроме реализации принципов гидденсовского «утопического реализма».

Но есть и более мрачная перспектива соучастия России в постсовременности в качестве Четвертого мира, наглядно обрисованная Ж. Бодрийяром. Она может оказаться катализатором инициированного самим Западом постсовременного Апокалипсиса «здесь и теперь», правда, что утешает, — не в смысле «конца истории», а в смысле его абсолютного «минования» (Поляков, С. 113).

Иной взгляд на российскую ситуацию был обоснован Борисом Капустиним в докладе, представленном в Иельском университете (США) и позднее положенного в основу статьи для журнала «Dissent» (Kapustin, 2000.). Позиция автора сводится к тому, что посткоммунизм в России может быть рассмотрен в качестве версии постмодернизма, поскольку он явился результатом коллапса определенной версии модернизма.

Анализируя российский посткоммунизм, нам следует заменить уводящий в сторону вопрос «Что не получилось в России?» на другой — «Что бывает в ситуации дезинтеграции

Модерна?». Последний вопрос предполагает наличие множества модернов, взаимодействующих друг с другом на уровне глобальной взаимозависимости. Не существует никакой априорности, predetermined результата этого взаимодействия исторических траекторий индивидуальных модернов. Кроме того, подчеркивает Капустин, Советский модерн принадлежал к иному типу, по сравнению с западным. Он соскользнул в постмодерн через серию событий, мало чем напоминающих те, которые всем хорошо известны из истории модернизации Запада, как, например, «революции снизу», «реформы сверху», освободительных войн, завоевания иностранными государствами и т.д. По-видимому, наиболее адекватной метафорой, нужной для понимания природы постсоветского сползания в постмодернизм, является «имплозия» Бодрийяра. Современные структуры, подверженные «имплозии», утрачивают свой смысл, логику функционирования, узнаваемость, как со стороны участников, так и извне, а в ряде случаев и распадаются в физическом смысле. Они начинают пародировать сами себя, более того, эта пародия, маска становится способом их существования. Именно такими и были события в России — вехи сползания к постмодернизму, начиная с «путча» 1991 года, формирования «симулакра» Российской Федерации и кончая приватизацией, и «рыночно ориентированными реформами».

Исчезновение любых альтернатив избранному курсу — важнейшая черта посмодернистских условий в современной России, — подчеркивает автор. Отчасти неспособность любых оппозиционных сил выдвинуть политическую программу, направленную на выход из условий постмодернизма, связана с беспрецедентной новизной задачи. Ни один из методов сопротивления, известный из истории и практики Модерна, как представляется, в условиях постмодернизма «не работает». Ибо оппозиция участвует в том же карнавале, скрываясь за масками, уже утратившими свое первоначальное содержание.

«Посмодернистская политика может иметь критическую направленность, когда она относится к преимущественно модернистской реальности, как это имеет место на Западе. В

самом деле, несмотря на распространение всевозможных «пост-», вряд ли кто-либо всерьез говорит об «имплозии» капитализма, США или даже ЦРУ... Но «постмодернистская политика» полностью теряет свой критический угол зрения в реальной среде постмодернизма. Возможно, это самое главное различие между Россией и Западом (вспоминая наблюдение Крейга Калхоуна о том, что на Западе модерн (все еще) столь разнообразен, что то, что называют постмодернизмом, становится подтипом модернизма), в России, считает Капустин, верно противоположное.

Из сказанного Капустин делает некоторые достаточно жесткие и нелестные выводы.

Развитие России, будучи пущенным на самотек, никогда не сможет привести к трансформации нынешнего криминального капитализма в производительный капитализм. Дело не в том, что Россия находится на другой стадии капиталистического развития, чем Запад. В ней имеет место процесс становления иного типа капитализма. Трансформация может быть осуществлена только благодаря политической воле, способной на конкретные революционные действия.

Процедурная демократия, даже доведенная до совершенства, не сможет решить проблемы России. «Выход» процедурной демократии не может быть иным, нежели «вход», а если на «входе» присутствуют «ироничная безучастность», апатия, коррупция и фрустрация, то и «выход» будет соответствующим. До тех пор, пока «электорат» не превратится в «народ», не возникнет способность к политическим действиям, выборы в России вряд ли будут иметь значение, за исключением личных карьер представителей политического класса.

Сколь долгим ни был бы хаос в России, возврат к коммунизму вряд ли возможен. Но то же можно сказать и обо всех иных альтернативах нынешнему положению. Это никак не связано ни с законами истории, ни с императивами модернизации, а является следствием отсутствия политического субъекта, способного желать таких альтернатив. Дилемма «демократы или коммунисты» уже давно стала фикцией. Но

эти силы взаимно дополняют друг друга как стимуляторы российского постмодернизма.

Выход из этой трагической ситуации Капустин видит в сопротивлении проявлениям постмодернизма, пробуждении способности граждан к неповиновению, то есть возвращении «актера» (действующего лица).

Сопоставление только двух точек зрения Леонида Полякова и Бориса Капустина на ситуацию в России со всей очевидностью показывает разрыв, даже раскол во взглядах российских интеллектуалов. Не трудно проследить и политические последствия выводов, в зависимости от признаваемых крайностей (от несостоявшегося Модерна до «чистого» Постмодерна, аналога которого нет на Западе и по-видимому еще никогда не было), разумеется, с множеством промежуточных позиций и мнений. Но именно «полярности» как представляется, дают возможность понять смысл происходящего в России и перцепцию ее роли в мировой политике.

4. Постмодернистский взгляд во внешний мир

Как известно, в теории международных отношений постмодернизм занимает совершенно особое место: он существенно потеснил политический реализм и идеализм, в разных вариантах господствовавших на протяжении длительного периода времени, предложив альтернативу изучению закономерностей международных отношений. Тем не менее, в российской науке постмодернистский подход к рассмотрению международных отношений все еще находится в зачаточном состоянии. В отличие от работ «классиков» постмодернистской мысли, если вообще можно так выразиться, книги постмодернистских теоретиков международных отношений за немногими исключениями (См, например, Лиотар, 1998.) на русский язык все еще не переведены. Несколько больше «повезло» статьям и выступлениям постмодернистов по поводу актуальных международных событий последнего времени, в

частности, террористической акции в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года (Бодрийяр, Жан, www.inosmi.ru, 2001; Умберто Эко, www.inosmi.ru, 2001; Умберто Эко, www.inosmi.ru, 2001.). Кроме того, в большинстве отечественных исследований постмодернизм рассматривается с исторической, экономической, философской или эстетической точек зрения, в «критическом» или описательном ключе, с, как правило, крайне робкими попытками авторов сделать хотя бы небольшой самостоятельный шаг в развитие имеющихся зарубежных идей, или предложить им какую-то альтернативу¹.

Следует признать, что состояние теории международных отношений в целом в России нельзя назвать вполне удовлетворительным. Она весьма существенно отстает от западной ТМО. Такое отставание вызвано как неблагоприятной конъюнктурой — в то время как на Западе ТМО интенсивно развивалась, в Советском Союзе ее развитие было крайне лимитировано², так и институциональными причинами — разрывом между политической философией, занимающей главным образом внутривнутри-

¹ Счастливыми исключениями из этого являются работы И.П. Ильина, Б.Г. Капустина, В.А. Подороги, Е.П. Петровской, М. Рыклина и некоторых других авторов.

² Международные отношения как предмет длительное время преподавались только полужакрытых ведомственных институтах, например, в МГИМО, но и там введение курсов по теории международных отношений было связано с целым рядом идеологических трудностей. В 70-е годы попытки профессоров МГИМО М.А. Хрусталева, А.А. Злобина и ряда других начать разработку теоретических проблем международных отношений были крайне агрессивно восприняты ортодоксально-коммунистической профессурой как «попытка протаскивания буржуазной науки»; позднее, впрочем, некоторый «прорыв» произошел благодаря созданию в рамках МГИМО Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений под руководством Тихомирова В.Б., позднее Тюлина И.Г., М.А. Хрусталева, В.М. Сергеева. Почти одновременно соответствующие сектора были открыты в Институте мировой экономики и международных отношений (проф. Гантман В.И.), Институте США и Канады, Дипломатической академии МИД и других научных центрах. В 1976 году вышли фундаментальные монографии под ред. Гантмана В.И. «Современные буржуазные теории международных отношений», Э.А. Позднякова «Системный подход к международным отношениям» и т.д. Начали защищаться диссертации.

ческими проблемами, и изучением международных отношений, до последнего времени проходивших в рамках исторических наук и лишь в самые последние годы, распространившиеся на область политологии¹. В 90-е годы положение существенно улучшилось, появился целый ряд интересных работ в Москве и других регионах. Тем не менее, постмодернизму обычно уделяется лишь несколько страниц в весьма объемных монографиях, да и то в контексте некоего почти «экзотического» явления на Западе.

Как же постмодернизм в международных отношениях раскрывается в учебных пособиях и учебниках, вышедших в последнее время?

В Нижнем Новгороде вышло учебное пособие А.А. Сергунина и А.С. Макарычева «Современная западная политическая мысль: «постпозитивистская революция» (1999) (Сергунин, Макарычев, 1999.). По мнению авторов, многие постмодернисты (на Западе — АТ) являются по своим научным интересам учеными-международниками, постольку именно в данной сфере они оставили особенно заметный след. Причем, наследие постмодернистов включает в себя как работы, выдержанные в духе «деконструктивизма» и зачастую откровенно направленные на эпатаж научной общественности, так и труды действительно представляющие научный интерес и ценность. К последним авторы относят работы Дж. Дер Дериана, М. Шапиро, Р. Эшли, Дж. Уокера, Б. Бузана, К. Стэббейла и других.

Особое внимание Сергунин и Макарычев уделяют постмодернистской трактовке проблемы безопасности, сделав акцент, прежде всего, на критической составляющей в мышлении постмодернистов. Так, некоторые из постмодернистов считают, причина агрессивности Запада заключается в том, что он пытается весь мир унифицировать по своему образцу. Более того, понятие безопасности становится синонимом воинствующего национализма, ибо защита «своих» означает

¹ В 1999 году в МГИМО (у) МИД России на факультете Политологии была открыта кафедра Мировых политических процессов под руководством профессора Лебедевой М.М.

неприятие «чужих». Всеобщая безопасность, в такой оптике, может быть достигнута только тогда, когда ее субъектом станут просто люди, а не граждане какого-либо государства. Выразителем подобного подхода к безопасности являются социальные движения, не признающие границ и озабоченные проблемами мира, демократии, экологии, прав человека, а не военно-политической безопасностью тех государств, в которых им довелось родиться и жить.

В начале 90-х гг., считают Сергунин и Макарычев, постмодернисты отходят от экстремистских позиций и наравне с другими школами политической мысли начинают участвовать в разработке позитивных концепций. Подхватив идею о возникновении «глобального гражданского общества», они принялись активно развивать тему об исчезновении суверенного, территориально определенного государства и передаче его функций транснациональным институтам, регионам и общественным движениям. В свою очередь изучение этой проблемы стимулировало обсуждение таких важных вопросов как «новый мировой порядок», федерализм и регионализм, национальное самосознание и национализм, новые типы гражданства и т.д.

Постмодернисты, подчеркивают авторы учебного пособия, во многом справедливо утверждают, что большая часть теоретических дискуссий в области международных отношений строится вокруг дихотомии между «плюралистическим» и «универсалистским» видением будущего мироустройства. Было бы упрощением утверждать, что здесь постмодернисты придерживаются какой-то единой точки зрения. Они в известной мере тяготеют к универсализму и «выработке нового взгляда на всеобщность». Однако у многих представителей постмодерна возникает сомнение: примут ли грядущие мировые перемены форму «аутентичного универсального сообщества человечества» или они будут означать «гегемонистское навязывание избранных ценностей в виде мировой империи».

В области теории международных отношений постмодернизм сыграл в целом позитивную роль, стимулировав сначала теоретическую дискуссию по важнейшим проблемам меж-

дународной безопасности, а затем обеспечив сдвиг политической мысли и официальных доктрин Запада в сторону неконфронтационного, «диалогового» мышления», — делают вывод Сергунин и Макарычев.

На мой взгляд, хотя данное учебное пособие и заполняет во многом имеющуюся лакуну в осмыслении опыта постмодернизма в теории международных отношений, авторы все же несколько недооценивают разрушительный потенциал постмодернизма и, соответственно, переоценивают его возможности превратиться просто в еще одно вполне respectable течение политической мысли. Кроме того, как представляется, в учебном пособии недостаточно ясно проведены демаркационные линии между постмодернизмом, с одной стороны, и критической теорией, феминизмом и другими постпозитивистскими течениями.

В фундаментальном учебнике «Теория международных отношений» П.А. Цыганкова, к сожалению, постмодернизму уделено всего несколько строк. Автор пишет: «*Постмодернистский* вариант (R. Ashley, Der Derian, R. Walker...), в свою очередь, включает в себя *феминистские* (J. Elstein, A. Tickner...) и *постпозитивистские* (J. George, Y. Lapid) теории». (Цыганков, 2002. С. 161.) Легко заметить, что происходит как бы смена точек отсчета: если у Сергунина и Макарычева постмодернизм рассматривается как одно из течений в постпозитивизме, то у Цыганкова дело обстоит как раз наоборот — постпозитивизм превращается в часть постмодернизма.

Е.А. Степанова в главе «Современные концепции изучения международных отношений (конец 1970-1990-е гг.)» учебного пособия «Введение в теорию международных отношений» (*Введение в теорию международных отношений*, 2002. С. 93-113.) вообще «прошла мимо» постмодернистской мысли в теории международных отношений, видимо, считая это течение недостаточно значимым и в зарубежной, и в отечественной международно-политической мысли.

Значительно более полно постмодернизм представлен в учебнике М.М. Лебедевой «Мировая политика». (Лебедева, 2003. С. 41-45.) Постмодернистский подход в теории между-

народных отношений, пишет М.М. Лебедева, возник в 1980-е годы: с одной стороны как реакция на классические теории (неолиберализм и прежде всего неореализм), с другой — под влиянием неомарксизма в поисках иной теоретической альтернативы. В целом своей задачей постмодернисты считали уменьшение пропасти: с одной стороны, между философскими представлениями, с другой — наблюдениями и данными из социальной практики, с третьей — социальной практики как таковой. Они пытались также выйти за пределы противопоставления теории международных отношений и политологии путем обращения к таким более общим философским категориям, как справедливость, ценности и т.п.

Лебедева М.М. обращает внимание на то, что постмодернисты критикуют политический реализм, заявляя, что невозможно неким объективным образом выявить государственные интересы. Более того, не существует универсальных интересов. Вообще, они склонны к тому, что государство является, скорее, «фикцией». Это некое понятие, используемое исследователями для обозначения группы людей, что порой и приводит к заблуждениям. Так, в реалистической концепции, подчеркивают постмодернисты, Советский Союз рассматривался в качестве целостного участника международных отношений. На самом деле это не так. Именно поэтому реалисты и были так озабочены распадом СССР. Представители постмодернизма выступают с идеями «деконструкции» ключевых понятий в международных отношениях (таких как «государство», «международная система» и др.) через анализ текстов и выявление скрытого там содержания.

«Критика классических подходов, по мнению Лебедевой, — вообще одно из важнейших направлений в постмодернизме (оно получило название *критической теории*), но не счерпывают его». (Там же. С. 43.) Одним из течений в постмодернизме она считает также конструктивизм, представленный, например, А. Вендтом. Попутно отметим, что уже упомянутая нами А. Степанова, утверждает, что конструктивизм сформировался в рамках критической теории (Степанова. Указ. Соч. С. 98.).

Все эти разногласия — свидетельство того, что серьезной дискуссии о постмодернизме в теории международных отношений в нашей стране все еще не было, поэтому представления не устоялись, что находит свое отражение, в том числе, и в учебниках и учебных пособиях.

Обратимся теперь к научным дискуссиям по международным отношениям. В качестве иллюстрации мышления тех, кто критически оценивает постмодернистские подходы, еще раз вернемся к уже упоминавшейся выше дискуссии в журнале «Стратегия». Михаил Ильин обратился к хронополитической критике концепции постмодерна. Первый вопрос, поставленный Ильиным, касается природы и характера модернизации, понимаемого как становление современных политических систем. Если верно предположение, что мы уже вступили в постмодерн, то для большинства стран модернизация должна была бы быть уже делом вчерашнего, если не позавчерашнего дня. Однако, даже в западноевропейском очаге первоначальной модернизации немало признаков того, что модернизация перешла в иные фазы, но отнюдь не получила определенного завершения. Всякого рода претензии характеризовать что-либо как постмодерн, представляются довольно сомнительными. Отдельные яркие приметы постмодерна (информатизация общества и политики, релятивизация «жизненных миров» и т.д.) можно гораздо проще и убедительнее объяснить приближением к зрелой современности, чем постулированием некой таинственной «постсовременной» эры. Но к этой эпохе в какой-то мере приближаются только западноевропейцы, североамериканцы и японцы. Не исключено, считает Ильин, что вопреки евро-центристским предрассудкам известные нам полиархии являются в большей степени аномалиями, чем выражением кардинальных свойств идеального типа.

Гораздо более реальными в этом контексте выглядит возможность и необходимость многократной ремодернизации как сознательного завершения фазы современности. Может быть даже поставлен вопрос о формировании новых идеальных типов, по крайней мере, об их существенном развитии и модификации. Для иллюстрации этого положения М. Иль-

ин приводит известный принцип противопоставления и асимметрии «центра и периферии». По его мнению, уже сегодня есть признаки того, что этот принцип может быть либо «снят» диалектическим отрицанием, либо замещен альтернативным принципом организации от периферии к центру и снизу вверх.

Отчасти, хотя и очень неявно, этот принцип имплицитно присутствует уже при возникновении границ национальных государств. Именно границы становятся важным следствием самоопределения политий, а не центр. Однако дело до поры тем и ограничивается, обратная версия асимметрии центр/периферия развития не получает. Только в последние годы был поставлен вопрос о внедрении в политическую практику объединенной Европы принципа субсидиарности.

В последние годы получает более глубокое осмысление и федерализм. Опыт последнего времени показал, что федерализм не столько архаичен, сколько слишком современен. Регионализация объединенной Европы, развитие региональных структур во многих Европейских странах ясно указывает на то, что принципы федерализма станут, вероятно, уже в ближайшие десятилетия источником развития внутригосударственных институтов и функциональных связей.

Новую роль, по мнению Ильина, могут обрести международная и региональная система. В процессе возникновения наций значение международной системы было ограниченным. Она способствовала созданию среды для новых политий. Для этих целей годилась простая система баланса центров мощи типа Вестфальской. Постепенное выяснение издержек такой системы и создание сначала ее более развитых версий, затем Венской системы и, наконец, Версальско-Вашингтонской с инфраструктурой Лиги Наций может показаться не просто явным излишеством, но подрывов чистоты суверенитета. Однако последующая эволюция — создание Ялтинской системы, формирование ООН и ее специализированных учреждений, а главное, явное ощущение дефицита возможностей целедостижения и рациональной организации

в условиях международного кризиса показали, что международная система имеет не только значение среды. Можно, например, предположить, что закрытость квазизамкнутых структур национальных государств компенсируется открытостью не только за счет проницаемых границ и дипломатических представительств, но и за счет развития двусторонних и многосторонних структур взаимного включения на уровнях государств, гражданских обществ и, в случае успешной и прогрессивной федерализации и субсидиаризации, на уровнях внутринациональных регионов и местных общин.

«...В целом, — подчеркивает М. Ильин, — действительно зрелые современные политии, в отличие от ранних, ориентированы не столько на преодоление пережитков, сколько на конструктивное усвоение всего наличного хронополитического наследия (в перспективе также и аналитически конструируемых моделей» (Ильин, 1998. С. 99). Отсюда, по мнению автора, вытекает возможность характеристики эона современности как последовательного и неслучайного соединения наций с постурбанистическими мутациями цивилизаций и с возрожденными заново культурами сначала в виде территориальных политий, использующих массовые коммуникации, а затем транстерриториальными глобальными политическими системами на базе телекоммуникаций и возрождения политической риторики в новом качестве («мировые деревни», или хоритики). Многомерность и многослойность хоритик могла бы позволить сознательно, а не случайно использовать полезные в данный момент качества культур, цивилизаций или наций, равно как и выносить за скобки, деактивизировать нежелательные или неэффективные свойства политий. Конкретные организационные механизмы такого регулирования пока еще сложно представить. Однако уже сейчас ясно, что хоритики предполагают не территориальное размежевание, а взаимоналожение при сохранении территориальных ядер-метрополий. Возможность такого развития связана с преодолением жесткости оппозиции центр/периферия в процессе глобализации, когда горизонтально фрагментированное пространство при свертывании в сферу дает возможность любую точ-

ку замкнутой сферической поверхности принимать за свой центр и периферию другого центра, или наоборот. Центр и периферия становятся относительными и даже взаимодополняемыми. Однако это скорее возможные ориентиры хронополитического развития. С позиций сегодняшнего дня Ильин признает, что степень зрелости как современных политий в целом, так и демократических конституций весьма невысока.

Проблема зрелости модерна предстает еще более грустно, считает М. Ильин, в общемировых параметрах. Много-слойное соединение в идеальном типе в одной политике характеристик культур, цивилизаций и наций — как признак зрелости, а возможно, и завершения модерна, выглядит на деле неполным. Слои не интегрированы, наличествуют далеко не везде и развиты крайне неравномерно.

Нижний пласт, своего рода основу, образует геополитическая подстилка: пространственно организованные качества среды. Ее основными единицами являются геополитические ниши (геоморфологические, бассейновые, зональные, ландшафтные и т.д.) разных масштабов и уровня сложности. Этому уровню соответствует дополитическое состояние первобытности.

Второй пласт составляют культуры. Здесь действует по природе своей дописьменная, доисторическая организация, даже если она реализуется вполне овладевшими письменностью людьми. Здесь под культурой понимается этнолингвистический состав, представленный племенными и квазиплеменными (например, патримониальными, трайбалистскими, клановыми политиями), нередко отягощенными властными, квазирежимными структурами, действующими по принципам клик, мафий, и в лучшем случае, клиентел.

Третий пласт является цивилизационным, образуемый историческими империями, вселенской церковью и мироэкономией.

Наконец, четвертый слой — квазизакрытые территориальные системы, обеспечивающие интеграцию культурной субстанции и цивилизационной структуры и устойчивые целостные образования, двуединства наций-государств и гражданских обществ. Эти новые целостности наиболее жестко фрагменти-

руют мировое пространство и, особенно поначалу, достаточно активно противостоят пережиткам нижних слоев. Фактически для образования действительного слоя наций требуется надращивание международной системы, рационально объединяющей нации. На деле же тот факт, что во многих областях, например, экваториального пояса наличествуют только два пласта (геополитические ниши и культуры), что на многих других территориях можно говорить о трех пластах и лишь в наиболее благоприятных в геохронополитическом отношении зонах развились все четыре пласта, заставляет отождествлять международную систему с прихотливым узором, образованным довольно неровной, со множеством перепадов конфигурацией напояющих друг на друга и прерывающихся слоев. При этом слои эти достаточно отчетливо разъединены. «Только достаточно далеко зашедшая модернизация может обеспечить их глубокий ретроспективный синтез, а такая модернизация все еще, вероятно, не достигнута даже в масштабе отдельных наций», — заключает М. Ильин (Там же. С. 101.). И в другом месте: «Неясной остается синтезирующая фаза Зрелого Модерна. Можно только предполагать, что она так или иначе окажется связанной с процессами глобализации. С созданием мировой системы политического регулирования, или управляемости, способной к поддерживаемому (устойчивому) развитию. Возникновение такой системы, возможно, позволит осуществить своего рода эволюционное «выравнивание» уровней политического развития. Все это, однако, остается пока всего лишь предметом умозрительных спекуляций теоретиков политики. Для граждан и властей России куда актуальнее иные аспекты модернизации, прежде всего, исходные, недостаточно нами освоенные и проработанные». (Там же. С. 96.)

Другой ракурс международного взаимодействия стал предметом интереса К. Шербицкого в статье «Миграция и границы постмодернизма», представленную в Интернете. (Шербицкий) По мнению Шербицкого, постмодернистская стратегия предполагает снятие фундаментальных оппозиций, обладающих регулирующей силой в отношении культурного развития и одновременно обрисовывающих культуры на

осях пространства, времени и собственности. В отношении *пространства* выделяют оппозиции «центр-периферия» (столица — провинция), предполагающие наличие некоего «ядра» культуры и возможности классификации по степени близости или удаления от него. В отношении *времени* на первый план выходят пары «устаревшее — актуальное», «известное (банальное) — новое, «исчерпанное — перспективное»; в отношении *собственности* — «свое — чужое», «элитарное (сакральное) — массовое (профанное), «оригинальное — заимствованное» (цитата). Разумеется, все три списка можно продолжить. Очевидно, что ни по одному из указанных направлений постмодернизму не удалось сколько-нибудь заметно изменить предшествующую ситуацию. Причиной этому вряд ли стал недостаток усилия; дело скорее всего в том, что принцип *модернизма*, и подлежащие, собственно, пересмотру его оппозиции, легли в основу системы производства и потребления культуры в рамках того, что Т. Адорно назвал «управляемым миром». Селективный тип построения культуры, считает Щербицкий, остается доминирующим, что и позволяет модернизму (предельно селективной стратегии) задавать тон, эффективно отвергая все попытки переписать себя как post.

К. Щербицкий обращает внимание на параллельное развитие дискурсу постмодернизма дискурса постколониализма, а также делает акцент на отношениях дополненности и взаимообусловленности, связующих два эти направления. Постколониализм и постмодернизм могут быть поняты как различные стороны одной медали.

Исследование «внутренних» границ культуры в постмодернизме и постструктурализме происходило в то время, когда западная культура стала подвергаться исследованиям с внешних по отношению к себе площадок. Появление интеллектуалов, не идентифицирующих себя с европейской или американской доминантой, открыло дополнительные измерения исследования и политического выбора. Эффект соприкосновения с чем-то внешним по отношению к деконструируемой системе поставил вопрос о культуре, как живой

границе между доминирующими локусами, точнее, о культуре как системе механизмов, впервые актуализированных и артикулированных именно на этих границах.

Там же, где постмодернизм был воспринят вне связи с постколониальным мышлением возможность осознать доминантно-репрессивный характер *собственной* культуры, как один из стимулов ее анализа, не могла реализоваться в полной мере. В условиях культурной самоизоляции поиск *другого*, считает Щербицкий, закономерное тяготение культуры к своим границам приводит, к сожалению, к традиционному для модернизма «пересмотру моральных ценностей» и, в конечном итоге, к попаданию в область ортодоксального фундаментализма или национализма. Национальная идентификация как репрессивный механизм остается неотрефлексированной, а представленные в обществе постколониальные элементы (мигранты, беженцы, иностранцы третьего мира) остаются за границами господствующей культуры, включая также ее собственные «маргиналии». Вынесение постколониальной проблематики за пределы интересов культурного сообщества существенно затрудняет разработку антиимпериалистического и антинационалистического дискурса, обладающего сколько-нибудь значительной деконструирующей силой.

Простраственный аспект («центр-периферия», «столица-провинция» и т.д.) оказывается пересмотренным самим фактом выдвинутости носителей культуры в пограничную область, находящуюся вне поля зрения властного авторитета культурно-регулирующего сообщества. Оппозиция «свое — чужое», «оригинальное- заимствованное» оказывается также снята в международном взаимодействии. Можно предположить, делает вывод Щербицкий, что ситуации миграции, диаспоры, перемещенности создают необходимые предпосылки для осуществления постмодернистского проекта.

* * *

Какой вывод можно сделать из всего сказанного? Постмодернизм в теории международных отношений сыграл важную роль, выявив слабые стороны более традиционных парадигм.

В России же в области международных исследований он делает пока еще свои первые, не вполне уверенные шаги, оставаясь своего рода «игрой в бисер» для крайне узкой группы интеллектуалов. В большинстве случаев, он «вторичен», остается непонятным и даже пугающим для международных более традиционной ориентации. И хотя уже сегодня некоторые исследователи, названные выше, сумели зафиксировать целый ряд интересных и новых моментов в понимании российской ситуации и роли России в мире, собственно, постмодернистских проектов в области международных исследований нет или почти нет. Общество с очень большим трудом подходит к собственной саморефлексии, поэтому прежде чем ниспровергать нечто, нужно как минимум это иметь.

Литература

- Бодрийяр, Жан. Дух терроризма. www.inosmi.ru, 2001.
- Бусыгина И.М. Постмодернизм в Москве // Полис. 1995. № 6
- Введение в теорию международных отношений. Под ред. А.С. Маныкина. Москва: Издательство Московского университета. 2002.
- Визгин В.П. Мишель Фуко — теоретик цивилизации знания // Вопросы философии. 1995. № 4.
- Затонский Д. Конец всего, конец тысячелетия. // Иностранная литература. 1996. № 2.
- Затонский Д. Постмодернизм: гипотезы возникновения // Иностранная литература. 1996. № 2.
- Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа; Жук С.И. Заметки о современной американской историографии // Вопросы истории. 1995. №10.
- Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Москва: Интрада. 1998.
- Ильин Илья. Постмодернизм: словарь терминов. Москва: Intrada. 2001
- Ильин М.В. Политическая модернизация: неоконченная драма в трех действиях // Стратегия. 1998. № 1.
- Капустин Б.Г. Как понимать вопрос «Что такое Современность?» // Стратегия. 1998. № 1.
- Капустин Б.Г. Посткоммунизм как постсовременность (Российский вариант) // Полис. 2001. № 5.
- Лебедева М.М. Мировая политика. Москва: Аспект-пресс. 2003.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва. Алетейя. 1998.
- Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и теория международных отношений // Вестник Киевского университета. Международные отношения. 1996. Вып.5
- Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная политическая наука // социально-политический журнал. 1996. №3

- Панарин А.С. Политология. Учебник. М.: Проспект. 1997
- Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М. 1998.
- Поляков, Леонид. Россия «без Современности» или Современность без «России»? // Стратегия. 1998.
- Поляков. Россия без «Современности» или Современность без «России»? Рубцов, Александр Универсализм без берегов и с берегами. // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М. 1997.
- Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная западная политическая мысль: «Постпозитивистская революция». Нижний Новгород. 1999.
- «Стратегия» (Москва). 1998. № 1.
- Умберто Эко. «Священные войны» — страсть и разум. www.inosmi.ru, 2001
- Умберто Эко. Несколько сценариев глобальной войны. www.inosmi.ru, 2001.
- Фененко А.В. «Постмодернистский вызов» и проблемы современного источниковедения // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов Воронежского государственного университета. Вып. 5. Воронеж. 2001.
- Филиппов, Александр. Современность и повседневная рациональность // Стратегия. 1998. № 1.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений. Москва: Гардарики. 2002.
- Чешков М.А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира // Вопросы философии. 1995. № 4.
- Щербицкий, Кирилл. Миграция и границы постмодернизма // <http://spintongues.Vladivostok.com/shcherbitsky.htm>
- Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный. 1998.
- Giddens, Anthony. The Consequences of Modernity. Stanford (CA). 1990.
- Kapustin, Boris. Russia as a Post-Modern Country. Yale University. Program in Ethics, Politics, and Economics. 2000.
- Lyotard, Jean-Francois. La Condition Postmoderne: Rapport sur le Savoir. Paris: Les Editions de Minuit. 1989. № 1.
- Sergei Khrushchev. Snatching Victory from Defeat: NATO Growth Can Be Russia's Gain // Asia Times. 1997. May, 30.

Глава 15

Глобальный мир и будущее российской теории международных отношений

(Вместо заключения)

1. Введение

Современное состояние и перспективы российской науки международных отношений (МО) все еще не стали предметом серьезного анализа академического сообщества. Отчасти это связано с тем, что международно-политические исследования в новой России имеют пока еще довольно короткую историю. Сказывается и повышенный интерес к драматическим развитиям в практической политике внутри страны и за ее пределами. И все же недостаток внимания к содержанию и путям приращения знания в рамках МО как академической дисциплины едва ли оправдан. В условиях ускорения мировых процессов, необходимо со всей серьезностью отнестись к развитию фундаментального знания о мировой политике. Без целенаправленных усилий академического сообщества международников, Россия вряд ли сможет стать полноправной частью мира и воспользоваться плодами глобализации, избежав при этом ее расставляемых ею ловушек.

В данной книге была сделана попытка оценить пройденный отечественной наукой МО путь. Положительно оценивая этот путь, мы вместе с тем считаем, что исследования МО в России уже начинают пробуксовывать и что существуют некоторые проблемы дальнейшего развития данной дисциплины — недостаток эмпирических исследований, почти полное отсутствие теорий среднего уровня и чрезмерная абстрактность общетеоретических разработок. Мы связываем такое пробуксовывание российской науки МО с общим кризисом

системы общественных наук в России, выражающемся в распаде центральной марксистской парадигмы общественных наук и отсутствии новой парадигмы, способной прийти на смену старой. Для развития новой парадигмы, российская наука МО нуждается в новом импульсе для своего развития. В поисках такого импульса, следует проанализировать пути интеллектуальной адаптации к условиям глобального мира, имея в виду, что такая адаптация не может быть успешной без мобилизации собственных традиций общественного мышления. У страны с многовековым опытом выживания в сложных геополитических условиях такие традиции есть. Связывая их прежде всего с классовым политико-экономическим анализом, геополитикой, культурно-историческими теориями и религиозно-философским мышлением, мы одновременно полагаем, что эти традиции могут и должны быть переосмыслены в соответствующем глобализации духе открытости.

В первой части данного раздела мы анализируем уже пройденный российской наукой МО путь, рассматривая как имеющиеся на сегодняшний день достижения, так и трудности дальнейшего роста. Вторая часть посвящена феномену глобализации и поискам ответа на ее вызовы. Предлагая свои ответы на проблемы российской науки МО, мы считаем, что эти проблемы нуждаются в безотлагательном решении, уже сегодня ориентируя молодежь на развитие национальной школы международников.

2. Современное состояние российской теории международных отношений

2.1. Предварительные достижения

За годы, прошедшие после отказа от официальной парадигмы советского марксизма российской наукой международных отношений (МО) пройден значительный путь. В обстановке ограниченных ресурсов и за сравнительно небольшой промежуток времени российские ученые сумели выдвинуть ряд оригинальных теоретических концепций и исследовательских

программ. Плюрализация социального знания, наметившаяся уже в советское время и особенно в горбачевский период, приобрела необычайную широту и выразилась в значительно возросшем многообразии взглядов внутри российской науки МО¹.

Прежде всего, плюрализацию претерпел сам марксизм. Наряду с социал-демократизацией марксистских идей, легитимизированной в свое время Горбачевым и отстаиваемой сегодня Горбачев-фондом², существенную модификацию претерпел марксизм фундаменталистского типа. Так, марксизм лидера российских коммунистов Г. Зюганова представляет собой причудливую смесь старых сталинистских идей, традиционной геополитики и российского имперского национализма³. Наряду с этим, в России пользуется растущим признанием мир-системный подход, связанный с именем американского исследователя Иммануила Валлерстайна⁴.

Возникло и множество подходов немарксистского направления, испытывающих значительное влияние западных идей. Вслед за соответствующими школами западной теории МО, в новой российской науке появляются свои собственные международники-либералы, реалисты и постструктуралисты. Либералы широко опираются на идеи глобализации и демократического мира⁵. Российский реализм появляется как

¹ В нашем обзоре современного состояния дисциплины мы опираемся, прежде всего, на результаты редактируемого нами коллективного проекта «Новые направления в российской теории международных отношений» (в печати). Постсоветское состояние дисциплины анализировалось также в: Внешняя политика и безопасность современной России/Сост. Т. Шаклеина. М., 2002. Т. 3, раздел 6. Подробнее о советских исследованиях МО см., в частности: *Zimmerman W. Soviet Perspectives on International Relations, 1956-67. Princeton, 1969; Kubalkova, V., Cruickshank A.A. Marxism and International Relations. Oxford, 1985; Lynch A. The Soviet Study of International Relations. Cambridge, 1987; Light M. Marxism and Soviet International Relations, London, 1988.*

² См. например: Грани глобализации / Под общей ред. М. Горбачева. М., 2002.

³ См., например: *Зюганов Г. География победы. Москва, 1998.*

⁴ *Валлерстайн И. Мир-система. СПб., 2001.*

⁵ См., например: *Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мироустройства. М. 2002; Кулагин В.М. Мир в XX веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica//Полис. 2000. № 1; Он же. Политические режимы и внешняя политика//Pro et Contra. 2003. № 1.*

сложное интеллектуальное движение, в котором историки, философы, социологи, и экономисты развивают свои школы и исследуют вопросы великодержавности и политической структуры мира¹. Российские ученые постепенно формируют свое отношение и к западному постструктуралистскому направлению².

Наряду с возникновением новых теоретических школ, российские международники развернули целый ряд исследовательских направлений. Среди этих направлений особенно заметны такие как геополитика, безопасность и внешняя политика³, национализм и этнические конфликты⁴, демократизация и глобализация⁵, современность и пост-современность⁶. Развиваются и другие направления, как например, международная политическая экономия и исследования международных переговоров⁷.

Помимо теоретической плюрализации и возникновения новых исследовательских направлений, важным следует признать и отход МО от их ранее узко-элитарного характера. Если в советский период международники существовали

¹ Споры российских реалистов суммированы в: *Шаклеина Т. Россия и США в новом мировом порядке. М., 2000.*

² *Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. 1998; Алексеева Т. Западная политическая теория? М., 1997; Панарин А. Реванш истории. М., 1998.*

³ См., например, критический обзор российской геополитической мысли в: *Цыганков А. Что для нас Евразия?//Вопросы философии. 2003. № 8. Собрание представительных статей о безопасности было опубликовано в: Внешняя политика и безопасность современной России/Сост. Т. Шаклеина. М., 2002. Том 2.*

⁴ *Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Этнические и региональные конфликты в Евразии/Под общей ред. А. Зверева, Б. Коппелерс, Д. Тренина. М.: 1997; Арутюнян Ю.В., Дробизева Л. М., Суколов А. А. Этносоциология. М., 1998.*

⁵ См., например, специальный выпуск журнала Pro et Contra. 1999. 4. 4; Грани глобализации/Под общей ред. М. Горбачева. М.: 2002.

⁶ *Некlessа А.И. Ordo Quadro — четвертый порядок: пришествие пост-современного мира//Полис. 2000. № 6; Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность//Полис. 2001. № 5.*

⁷ Мегатренды мирового развития/Под ред. М. В. Ильина и В. Л. Иноземцева. М., 2001; *Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997.*

лишь в рамках МГИМО и специализированных партийных учреждений, то сегодня МО преподаются в сотнях отечественных вузов. Создана специализированная ассоциация международных (РАМИ), проводятся многочисленные конференции. Был опубликован значительный ряд работ, в том числе специально предназначенных для целей образовательного процесса¹. Словом, МО сегодня несомненно институционализированы и представляют собой полноправную академическую и учебную дисциплину.

В целом, оценивая дальнейшие возможности российской науки достойно участвовать в развитии ТМО как глобальной дисциплины, представляется вполне уместным высказать осторожный оптимизм. Все больше российских ученых включаются в активное общение со своими зарубежными коллегами, что позволяет надеяться на будущее формирование своей собственной «российской школы» в глобальной науке МО.

2.2. Проблемы дальнейшего развития

Перейдем, однако, к более критичной части нашего обзора. Нельзя не отметить, что наряду с отмеченными выше воодушевляющими тенденциями, в российской теории МО имеются и серьезные проблемы или, выражаясь языком горбачевской эпохи, «механизмы торможения». Более того, нам представляется, что отечественная наука МО уже начинает пробуксовывать, и мы считаем необходимым своевременно указать на основные характеристики и причины такого пробуксовывания. Среди множества заслуживающих своего ос-

¹ См. в частности: Новиков Г. Теории международных отношений. Иркутск, 1996; Международные отношения: социологические подходы/Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998; Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002; Теория международных отношений. Хрестоматия/Под ред. и с комментариями П. Цыганкова. М., 2002; Хрусталев М. А., Богатуров А. Д., Н. А. Косолапов Н. А. Очерки теории политического анализа международных отношений. М., 2002; Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.

мысления проблем развития данной дисциплины, обратим внимание на три: недостаток эмпирических исследований, почти полное отсутствие теорий среднего уровня и чрезмерная абстрактность общетеоретических разработок.

Первая проблема связана с тем, что отечественная наука МО продолжает оставаться преимущественно общетеоретической дисциплиной, испытывая серьезный дефицит исследований прикладного характера. При этом мы ведем речь прежде всего об исследованиях сравнительного характера, ибо приращение академического знания невозможно без широких международных сопоставлений. В лучшем случае современные российские исследователи продолжают опираться на огромный задел западной эмпирической науки, подчас и тогда, когда речь идет о российской социальной реальности¹. На нынешнем этапе общественного и политического развития России остро необходимы собственный анализ различных аспектов реальности, учитывающий социокультурные особенности российской действительности и проводимый силами самих российских международных. Иначе отрыв теории от жизни будет продолжать увеличиваться, и может произойти так, что журналистика будет опережать международных в осмыслении отечественных реалий.

Вторую проблему мы обозначили выше как почти полное отсутствие теорий среднего уровня в анализе международных реальностей. Ее связь с недостатком исследований эмпирического характера очевидна, ведь первичные теоретические обобщения есть плод эмпирического анализа, и слабость вторых неизбежно ведет к пробуксовыванию первых. Теории среднего уровня и выступают в качестве первично теоретического инструментария, на основе которого здание международно-политической теории может успешно возводиться и

¹ Этот феномен российский исследователь А. Богатуров метко обозначил как «парадигму освоения» когда российские ученые, занявшись активным освоением западных теорий и методологического аппарата, пренебрегли осмыслением содержания и направленности собственно российских процессов (Богатуров А. Д. Десять лет парадигмы освоения//Pro et Contra. 6. 4. 2001).

далее. Без теорий среднего уровня, строго говоря, нет и не может быть социальной науки—«ползучий» или атеоретический эмпиризм не позволит двигаться дальше. Более абстрактные макротеоретические исследования также должны опираться на теории среднего уровня в формировании более широкого уровня обобщений и являются в этом смысле теориями теорий. В качестве примера можно привести известную теорию «демократического мира», ставшую сегодня одним из краеугольных камней западной либеральной теории МО. Сравнительные эмпирические исследования сегодня являются благодатной почвой для формирования теорий среднего уровня, служащими в свою очередь базой дальнейшего приращения теоретических знаний. Таким образом, теории среднего уровня принципиально необходимы, и без их развития российские эмпирические исследования (даже если их будет в достатке) окажутся неспособны к систематическому приращению социального знания.

Наконец, следует сказать и еще об одной тревожной тенденции, характерной для российских общетеоретических, или макротеоретических разработок. Пока эти исследования страдают чрезмерной абстрактностью и даже оторванностью от жизни. Это не новая проблема: известно, что марксизму в его советском исполнении также нередко были свойственны схоластика и абстрактное теоретизирование. Однако корни сегодняшнего абстрактного теоретизирования не в политической конъюнктуре и опасностях разойтись в выводах с установками недавних съездов партии и правительства. Они связаны с растерянностью перед лицом необъятного и ранее немыслимого разнообразия теоретических подходов и носят эпистемологический, а не политических характер. Современные макротеоретики нередко чрезмерно абстрактны, поскольку не обладают четким пониманием эпистемологических границ нового российского социального знания. В своих построениях макротеоретики не могут не опираться на уже имеющиеся теоретические построения, однако таковые либо пока отсутствуют, либо были созданы за пределами российской реальности, нередко вообще не учитывая опыт России.

Другая причина слабости общетеоретических исследований связана с начальным этапом развития преподавания МО в России, когда теоретики еще не вполне ощущают свою естественную аудиторию, которой является главным образом сообщество преподавателей и студентов. На Западе макротеоретические исследования — полноценная часть учебного процесса, и такие принципиальные для развития теории МО книги, как «Неореализм и его критики»¹ и «Неореализм и неолиберализм»² писались в расчете на университетскую аудиторию и активно реализовались именно в этой аудитории. Это не могло не наложить своего отпечатка на содержательную организацию данных работ, продиктовало необходимость проанализировать критически уже наработанное неореалистами и предложить пути его дальнейшего развития и пересмотра. В России же общетеоретические исследования все еще нередко являются плодом деятельности институтов, не связанных напрямую с преподавательским процессом. Такая узость и элитарность может вести к «окукливанию» и «за-теоретизации» мышления международников, формированию крайне специализированного абстрактно-теоретического инструментария, понятного лишь узкому кругу людей, а то и только самим авторам. С этим связана и другая опасная тенденция, распространенная в сообществе издателей обществоведческой литературы—ориентироваться только на учебники и учебные пособия, под которыми подразумеваются написанные доступным языком лекции для второ- и третьекурсников. До тех пор, пока издатели не поймут, что общетеоретические исследования фундаментального характера тоже «учебники», поскольку они способствуют развитию учебного процесса (пусть и для старшекурсников и аспирантов), МО в России будут продолжать пробуксовывать в области общетеоретических разработок.

В целом знание российской науки МО пока не отличается стройностью. Его главные составные части—эмпирические ис-

¹ Neorealism and Its Critics, edited by R. O. Keohane. New York, 1986.

² Neorealism and Neoliberalism: A Contemporary Debate, edited by D. Baldwin. New York, 1993.

следования, теории среднего уровня и общетеоретические исследования—пока еще плохо согласуются или даже совсем не соединены друг с другом. Обратимся к причинам такого положения.

2.3. Причины пробуксовывания

У описанных проблем сложные корни. К таким корням могут быть отнесены характерная для России склонность к философствованию, нередко осложняющая необходимость спуститься с неба абстракций на землю прикладных исследований. Недавнее и все еще памятное засилье догматизма, диктовавшего политическую конъюнктуру, продолжает препятствовать развитию молодой российской дисциплины. В немалой степени сказывается и молодость самой российской науки МО, ведь многие вопросы аналитического, эпистемологического и методологического характера весьма безотлагательны и требуют своего достаточно срочного решения для последующего успешного движения в намеченном направлении. Наконец, как уже говорилось выше, новая дисциплина испытывает серьезные материальные трудности. Многие российские ученые вынуждены работать в нескольких (иногда далеких от их призвания) местах, одновременно изыскивая возможности для получения грантов и стипендий для дальнейшего повышения своей квалификации.

И все же представляется, что главная причина пробуксовывания российской науки МО не в этом. Не умаляя значимости отмеченных трудностей, связанных как с историческим наследием, так и с причинами материального характера, мы хотели бы подчеркнуть значимость общего кризиса самой системы общественных наук в России. Главной причиной трудностей становления и дальнейшего развития МО является, на наш взгляд, факт распада центральной парадигмы общественных наук (марксизма) и отсутствие пока иной парадигмы развития. Упомянутая выше плюрализация МО не сопровождается пока формированием стержневой традиции мышления, без которой трудно представлять себе границы социального знания. Как отметил британский исследователь Уильям Кал-

лахан, для Соединенных Штатов Америки такой стержневой интеллектуальной традицией сегодня выступает либеральная идея «демократического мира», для Великобритании «международное общество», а для Китая «великая гармония»¹. В отличие от Соединенных Штатов, Великобритании, или Китая, Россия все еще не сформировала свой собственный теоретический «майнстрим» в международных исследованиях и продолжает оставаться полигоном идеологического и теоретического соперничества. Примерами такого соперничества являются непрекращающиеся дебаты между евразийцами и западниками, демократами и державниками, этнонационалистами и сторонниками гражданской идентичности.

Как и общество в целом, российская наука МО находится под влиянием все еще продолжающегося после распада СССР кризиса национальной идентичности. Сформулированная идеологическая и теоретическая неопределенность отечественной науки МО естественна, и до тех пор, пока Россия не определится в отношении своих постсоветских ценностей и международных ориентаций, теория МО не сможет перейти от стадии плюрализации к стадии своего дальнейшего структурирования и развития. Дело осложняется ускорением процессов мирового развития и потребностью для России выходить из кризиса идентичности в условиях продолжающихся социально-экономических трудностей и нарастания темпов глобализации.

3. Задачи на будущее

Сказанное отнюдь не означает, что ситуация безвыходна, и российская наука МО обречена на пробуксовывание. Ведь общественные науки не только отражают развитие общества в целом, но и активно участвуют в таком развитии. Пассивность обществоведов может быть не менее опасной, чем недостатки политического лидерства и трудности материально-

¹ Callahan W. A. Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics. A paper presented at International Studies Association, Portland, Oregon, February 2003.

го характера. Это в полной мере относится к международникам, в задачу которых входит непрерывный поиск формулы адаптации отечества к меняющимся мировым условиям. Представляется, что нахождение такой формулы невозможно без понимания существа и глубины процессов глобализации, с одной стороны, и умения востребовать для этого свой собственный интеллектуальный потенциал, с другой. Ответ на глобализацию может и должен соответствовать национальным традициям и политической культуре. Во-первых, потому, что ориентация в массиве зарубежных знаний и тенденций невозможна без четкого представления национальных возможностей такого освоения. Во-вторых, немало в сегодняшней глобализации является порождением уже известной истории тенденций развития, успешно анализировавшихся российской мыслью на протяжении последних двух столетий.

3.1. Глобальный мир и его вызовы

Современная адаптация России происходит в условиях ускорения мировых процессов. Технологический источник этого ускорения — центр развитого капитализма. Без соответствующей экономической политики государств и транснациональных компаний вообще трудно представить себе тот взрыв инвестиционной, инновационной и коммерческой активности, с которым прежде всего связывают процессы глобализации. Однако, ни технологические инновации, ни коммерческая экспансия не протекают в политическом вакууме и потому отнюдь не гарантированы, если отсутствуют определенные условия. В частности, экономическая глобализация невозможна без поддержки крупных государств, гарантирующих частному капиталу права собственности и свободу инвестирования. Например, предыдущие «глобализации» и коммерческие экспансии проходили в условиях политического доминирования империй—Британской в 19-м веке и Голландской в 17-м. Не секретом является и то, что за плечами современной глобализации находится единственная в мире Американская сверхдержава¹.

¹ См. подробнее: *Taylor P. J. The Way the Modern World Works: World Hegemony to World Impasse.* Chichester & New York, 1996.

Очевидно и другое: политическим является не только продвижение глобализации, но и приспособление к ней. Государства, регионы, общественные движения находили и будут находить формы выживания и приспособления в условиях глобализации, сохраняя при этом свои особенности и культурные ценности. Рассмотрим коротко некоторые из сложностей этого процесса адаптации применительно к четырем принципиально важным измерениям глобализации — экономическому, геополитическому, культурному и эпистемологическому.

Экономически глобализация, несмотря на предсказания таких ее либеральных пророков, как Фрэнсис Фукуяма и Томас Фридман¹, отнюдь не привела пока к большей гомогенности экономического поведения в мире. Вместо этого можно наблюдать новые линии социально-экономического размежевания и новые попытки переформулировать национальные и региональные экономические интересы, а также возникновение новых форм бедности и зависимости в мире². Новая эпоха отличается своей либерально-коммерческой ориентацией и принципиально отлична в этом от политической и идеологически расколотого мира холодной войны. Однако при этом новые интересы, как и прежде, определяются в соответствии с историческим прошлым и характером сформировавшихся ценностей. Новая экономическая политика служит таким образом укреплению локальных ценностей, а не способствует их отмене³.

Геополитически глобализация также отнюдь не сопровожда-

¹ *Fukuyama F. End of History? National Interest* 16, Summer, 1989; *Friedman T. L. The Lexus and the Olive Tree.* New York, 1999.

² См. например: *Murphy C. Presidential Address.* *International Studies Quarterly*, 4, 2001.

³ О региональной адаптации, см. например: *Stalling B. Global Change, Regional Response.* Cambridge, 1995; Mansfield E. and H. Millner, eds. 1997. *The Political Economy of Regionalism.* New York, 1997. О новом национализме государств, см: *Pickel A. and E. Helleiner, eds. Rethinking Economic Nationalism.* Ithaca, New York, 2004, forthcoming. Бывший СССР не является исключением. О влиянии национальной идентичности на экономическую политику постсоветских государств, см.: *Tsygankov A. P. Pathways after Empire: National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World.* Lanham, Boulder, 2001.

ется пока большей однородностью, не говоря уже об отмене локальных политических интересов. Гонки вооружений сохранились, хотя и изменили свою территориальную конфигурацию. Беззаконие и новые формы насилия похоронили имевшиеся в начале 1990-х надежды на возникновение эры всеобщего мира. Сентябрьские атаки на США в 2001 году стали мощной демонстрацией приватизации средств насилия и роста мирового терроризма. В бывшем СССР исчезновение империи в исторически нестабильном окружении незамедлительно создало вакуум безопасности и привело к возникновению целого ряда новых конфликтов. При всем своем разнообразии эти конфликты — этнические, энергетические, внутривнутриполитические и пограничные — оказались принципиально новым вызовом и стимулировали возрождение геополитического мышления как в России, так и за ее пределами. Горькая ирония заключается в том, что сверхдержавная мощь военной машины США сопровождалась и продолжает сопровождаться, вопреки предсказаниям апологетов однополярности¹, не укреплением мира и безопасности, а ростом конфликтности во всех уголках земного шара.

Наряду с экономическими и геополитическими переменами, глобализация привела к новым размежеваниям социокультурного характера. В различных регионах планеты западно-центричные проекты мирового порядка все чаще воспринимаются как неспособные установить справедливую и стабильную международную систему из-за их неспособности к пониманию других культур. По мнению некоторых ученых, подобные проекты не столько способствуют продвижению диалога, необходимого для формирования новой — более эффективной и более справедливой — международной системы, сколько способствуют дальнейшему росту изоляционизма и недоверия между субъектами мировой политики². В западных теориях МО необычайно

¹ См., например: *Brooks S. G. and W. C. Wohlforth. American Primacy in Perspective. Foreign Affairs, July/August, 2002.*

² Alker H. R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? Paper presented at the Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19, 1998.

возрос интерес к проблемам культурного самоопределения¹, вновь ставя под сомнение перспективы возникновения глобальной системы ценностей. Ряд исследователей, как например, Самуэль Хантингтон, прогнозировали «столкновение цивилизаций», или войну по культурно-религиозному признаку в качестве ближайшего будущего мировой политики². Вопросы культурного взаимопонимания и взаимодействия оказались в центре внимания международных отношений.

Наконец, глобализация по-новому поставила и проблему общественного познания. Сегодня даже оптимисты отнюдь не убеждены в универсальности получаемого международниками знания. Несмотря на постепенную транснационализацию и глобализацию МО как дисциплины, многие убеждены, что МО продолжает быть не чем иным, как изолированной идеологией и набором концептуальных инструментов, используемых для оправдания глобальной гегемонии Запада. Проблема этноцентризма как элемент теории познания все более внимательно анализируется международниками³, и исследователи заново осознают старую веберовскую мудрость, согласно которой у всякого знания имеются свои культурные границы. Трудно, но постепенно крепнет понимание того, что рост глобального социального знания — это необычайно сложный процесс, не отменяющий культурных различий в мире⁴.

¹ Lapid Y. and F. Kratochwil, eds. *The Return of Culture and Identity to IR Theory*. Boulder, 1996; Katzenstein P., ed. *The Culture of National Security*. New York, 1996.

² Huntington S. *The Clash of Civilizations and Remaking of World Order*. New York, 1997.

³ Об этноцентризме в международных отношениях, см. особенно: Hoffmann S. *An American Social Science: International Relations*. Daedalus 106, 3, 1977; Alker H. R. and T. J. Biersteker. *The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire*. *International Studies Quarterly* 28, 2, 1984; Waever O. *The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations*. *International Organization*, 52, 4, 1998; Crawford R. and D. Jarvis, eds. *International Relations — Still an American Social Science?* New York, 2001.

⁴ Callahan W. A. Op. Cit; Tsygankov, A. P. *Whose World Order? Russia's Perception of Western Ideas after the Cold War*. Notre Dame, 2004, forthcoming

3.2. В поисках национального ответа

Если не закрывать глаза на отмеченные выше трудности и противоречия глобализации, то становится очевидным, что без целенаправленных усилий Россия не сможет стать полноправной частью мира. Воспользоваться плодами глобализации, избежав при этом ее ударов и поражений, крайне сложно и потребует значительной мобилизации политических, социальных и интеллектуальных усилий. Российским международникам, если они не хотят остаться в стороне от этих усилий, необходимо как осваивать все лучшее в международно-политической мысли, так и мобилизовывать собственно российскую интеллектуальную энергию. Повернуть глобализацию вспять невозможно, как невозможно отказаться от уже происшедших в мире климатических изменений. Однако возможно и необходимо попытаться сделать глобализацию более пригодной и удобной для жизни. Можно и должно попытаться найти себя в новом мире, приспособив и переформулировав его в интересах широких социальных слоев и народов, включая Россию. Можно и должно выйти за пределы узко групповых интерпретаций глобализации, не отказываясь при этом от самой глобализации. В отношении четырех вышеотмеченных измерений глобализации, можно и должно добиваться того, чтобы глобализация отвечала более широким экономическим, политическим, культурным и идейным устремлениям. Думается, что российская общественная мысль способна внести свой вклад в такое развитие событий.

Российской науке МО есть на что опереться в поиске национального ответа на обозначенные выше дилеммы глобализации. Уже развитые и получившие известность традиции классового анализа политико-экономических процессов, российская геополитическая мысль, теории культурно-исторических типов и религиозно-философские достижения серебряного века должны быть сохранены и продолжены. Однако все эти направления несут на себе печать времени и должны быть переформулированы в духе нового времени. Этим направлениям и идеям их представителей необходимо придать принципиально иное звучание, благодаря которому они смогут вновь послужить на благо отечества. Ни к коей

мере не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее освещение этой объемной темы, попытаемся наметить общие контуры того, каким образом можно было бы продвинуться в данном направлении.

Во-первых, отвечая на вызов экономической глобализации, не следует поспешно отказываться от традиций классового и формационного анализа, в области которых в России советского и досоветского времен сложились оригинальные школы. Социально-классовый анализ не должен отождествляться с идеологической конфронтацией и может служить методологической основой глубоких научных исследований, как это успешно продемонстрировали многие ученые советского времени. Богатство проведенных в советский период (в особенности, в течение 1960–1980-х гг.) эмпирических исследований и разработанных на их основе описательных и причинно-следственных теорий среднего уровня вполне очевидно. В качестве лишь некоторых из примеров можно вспомнить концепции синтеза традиционного и современного, эшелонного или стадийного развития капитализма, разделения национальной буржуазии на национальную и компрадорскую, сращивания государства и компрадорской буржуазии под влиянием транснационального капитала¹. Многие из этих теорий отнюдь не утратили своей эвристической ценности и попрежнему способны служить инструментом эмпирического познания. Если добавить к длинному ряду таких теорий не в полной мере востребованное классическое наследие, связанное с именами В. Ленина, Н. Бухарина и других видных теоретиков марксизма, то начало для осмысления процессов глобализации можно было бы считать положенным.

Конечно, это было бы только началом. Очевидно, что теоретикам социально-классового анализа придется приложить

¹ См., например: Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс, под ред. В. Шейниса и В. Эльянова. М., 1983; Эволюция восточных обществ, под ред. Л. Рейснера и Н. Симония. М., 1984; Пантин И., Л. Плимак и В. Хорос. Революционная традиция в России. М., 1986; Широков Г. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987.

немало усилий для понимания сложностей развития политико-экономических отношений эпохи глобализации. В частности, одним из главных по-прежнему остается вопрос о степени и характере зависимости России и ряда других государств от центров мирового капитализма и возможности сохранения государственного суверенитета для осуществления национально-ориентированных реформ. Без ясного ответа на этот вопрос экономические реформы не могут быть успешными. Очевидно, однако, и то, что уже сегодня социально-классовый анализ способен предложить весьма логичную концепцию постсоветского развития России. Согласно этой концепции, СССР оказался взломан извне действием сил мирового капитализма и западной идеологии неолиберального экономического развития. Эти силы ответственны за уничтожение советского среднего класса и за возникновение собственно российской буржуазии с особенно мощным компрадорским классом сырьевой ориентации. Фактическое сращивание этого класса с государством в эпоху Ельцина вполне может быть интерпретировано как первоначальное накопление капитала и расчищение площадки для молодого и агрессивного крупного бизнеса, одновременно встраивающегося в структуры мировой экономики.

Словом, распад холодной войны и возникновение более глобального мирового порядка отнюдь не ведут, как нас нередко уверяют приверженцы идеологии свободных рыночных отношений, к распадению социально-классовых перегородок. Осознание и осмысление этих перегородок, если только его авторы не призывают к построению новой автаркии и железного занавеса, может и должно стать важной частью осмысления процессов глобализации. К счастью, недавние исследования глобализации свидетельствуют, что социально-классовый анализ продолжает быть составной частью осмысления международных процессов российскими учеными¹.

Подобным же образом, следует бережно отнестись и к

¹ См, например: Мегатренды мирового развития, под ред. М. В. Ильина и В. Л. Иноземцева. М., 2001; Володин А. и Г. Широков. Глобализация. М., 2002; Грани глобализации, под ред. М. Горбачева. М., 2002.

традиции российской геополитики. Эта традиция отнюдь не обречена служить целям противопоставления России западной или незападной части мира, но вполне может способствовать нашему пониманию политического измерения глобализации. В идеях российских географов-путешественников 19-го столетия, философов евразийского направления первой половины 20-го и ряда их современных сторонников можно и нужно прочесть не только склонность к политической изоляции России — на этом так любят концентрироваться геополитики КПРФ и партии «Евразия»¹ — но и глубокое понимание необходимости геополитического обустройства крайне опасного континента. Евразийцы не призывали отгораживаться от Запада, недвусмысленно указывая, что из их мировоззрения «не следует, что мы должны враждебно замыкаться в себя от Европы и что у нас нет с ней точек жизненного соприкосновения»². Но вслед за мыслителями 19-го столетия, они настаивали на необходимости стабилизации континентального пространства как единого политического целого. Перед лицом угрозы внутренней анархии и внешнего вмешательства, они приняли — хотя и с нелегким сердцем — СССР как форму такой стабилизации.

Сегодня, когда возрождение СССР невозможно и нецелесообразно, Россия, как и прежде, обязана вносить посильный вклад в политическую стабилизацию и мир в регионе. Вопреки убеждению некоторых российских западников³, глобализация не уничтожает геополитику, но лишь ставит страны и регионы в новые условия освоения пространства. А раз так, то и геополитические концепции «самостояния», «месторазвития», стабильности границ и сильного государства, находившиеся в центре внимания евразийцев, могут и должны найти свое продолжение в современных условиях глобализации. Современные политики, похоже, демонстрируют

¹ См, подробнее: Цыганков А. Что для нас Евразия? Вопросы философии, 2003, № 10.

² Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997, с. 65.

³ См, например: Trenin D. The End of Eurasia. Washington, DC, 2001.

понимание этой преемственности¹. Одним из примеров переформулирования традиционных геополитических принципов к условиям глобализации² может служить попытка К. Гаджиева заново определить понятие геополитического пространства для сохранения и упрочения присутствия России в регионе. Наряду с территориальным пространством с его фиксированными границами и физико-географическими характеристиками, Гаджиев предлагает говорить о «пространствах экономическом, культурно-цивилизационном, информационном и т.д.»³ и выдвигает в качестве средства стабилизации региона создание системы коллективной безопасности с участием всех крупных государств региона.

Третьим направлением интеллектуальной адаптации к условиям глобализации могло бы стать развитие российской наукой МО исследований и теорий культурно-исторических типов. Без осознания своей культурно-цивилизационной специфики Россия не сможет полноценно встроиться в глобальный мир и потому должна переосмыслить традицию своего культурологического мышления. У этой традиции богатые корни, связанные с «цветущей сложностью» К. Леонтьева, славянством Н. Данилевского, евразийством Н. Трубецкого, Л. Гумилева и других, а также диалогическим мышлением и анализом языка М. Бахтина. Новые международные условия

¹ Сравним, к примеру, высказывание восьмидесятилетней давности Л. Карсавина о необходимости сильного государства «государство в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия-Россия, может быть или только сильным, или совсем не быть» (Цит. по: Пашенко В. Я. Идеология евразийства. М., 2000, с. 414) с убежденностью Путина в том, что «такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой» (Послание Президента Государственному Собранию, Май 2003)

² Здесь нельзя не вспомнить еще об одной недостаточно актуализированной традиции советских международных исследований — глобалистике. Начиная с конца 1970-х, в России сложилась целая школа осмысления проблем человечества в их планетарном измерении, в значительной степени повлиявшая на мышление Горбачева (См, например: Загладин В., И. Фролов. Глобальные проблемы современности. М., 1981; Шахназаров Г. Грядущий миропорядок. М., 1981; Лейбин В. «Модели мира» и образ человека. М., 1982; Араб-Оглы Э. Обозримое будущее. М., 1986).

³ Гаджиев К. Введение в геополитику. М., 2000. с. 41-42.

по новому ставят проблему культурного взаимодействия, и новому поколению российских международных экспертов придется немало поработать над преодолением этноцентризма Данилевского, Гумилева и других философов культуры. Однако глобализация не уничтожает и не может уничтожить принципиальной многокультурности мирового сообщества. На разных стадиях своего развития глобальные начинания и идеи сами являются порождением определенных культурных ценностей и сообществ, а следовательно будут иначе восприниматься за их пределами¹. До тех пор пока это так, тематика социокультурного восприятия в мире будет оставаться остро актуальной. Россия, бывший СССР, были и остаются благодатной почвой для эмпирического и философского осмысления данной тематики.

Наконец, осмысление глобализации будет неполным без осмысления ее эпистемологических границ. Пока эпистемологические вопросы не только не обсуждаются, но даже и не ставятся в российской науке МО. Однако с преодолением «парадигмы освоения» их важность будет ощущаться все острее, а следовательно нужно уже сейчас ориентировать лучших студентов и аспирантов на то, чтобы «копать» и в данном направлении. Проблематика теории познания должна быть заново поставлена и переосмыслена российскими международниками. Обладает ли Россия интеллектуальным капиталом в данной области? Должна ли она пытаться перенести на свою почву достижения попперовского и нео-попперовского позитивизма Запада²? Достижения западного позитивизма несомненны, а возведенное на его фундаменте здание науки МО впечатляет своей масштабностью и структурной разветвленностью. Думается, что и здесь российским международникам следует учиться и заимствовать все лучшее у зарубежных ученых. У западного позитивизма можно и нужно учиться прагматизму в организации эмпирических исследо-

¹ См. подробнее: Tsygankov A. Whose World Order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War. Notre Dame, 2004, forthcoming.

² См. например: Criticism and the growth of knowledge, edited by I. Lakatos and A. Musgrave. Cambridge, 1970.

ваний и развитию теорий среднего уровня не «с потолка», а на строгом основании фактов. Следует заметить, что в России позитивизм Конта и Спенсера всегда обсуждался и имел своих последователей¹. Советский марксизм также содержал в себе элементы позитивистского мышления с его претензией на абсолютную истину и инженерным отношением к сложнейшим реальностям социального и природного мира («природу научим—свободу получим», как говорили большевики).

И все же это едва ли российский путь. Учиться у западного позитивизма необходимо, но делать это нужно творчески и с оглядкой на собственные достижения. На общетеоретическом уровне познавательного процесса, у России имеются глубоко оригинальные собственные традиции, а начало преодоления ограниченности позитивизма и материализма было положено еще в 19-м столетии философско-религиозной традицией В. Соловьева и его последователей. Уже в «Вехах» вопрос о синтезе рационального и религиозного был поставлен со всей остротой, когда ряд известных авторов выступили с резкой критикой социально безответственного знания интеллигенции. Этот путь должен быть продолжен. Знание эпохи глобализации не перестает быть адресным и социально ответственным, несмотря на все заверения в универсальности и космополитичности науки. Российским международникам и, шире, обществоведам следует продолжить поиск синтеза рационального знания и веры, а вместе с этим и поиск социокультурных границ социального познания в эпоху глобализации. Без осознания этих границ не может быть и осознанного приращения социального знания. Каким будет этот синтез рационального и нерационального, покажет время.

¹ При этом русский позитивизм обладал и своей спецификой (подробнее см., например: Русский позитивизм, под ред. А. Замалева и А. Новикова. С-Пб., 1995)

4. Вместо заключения: к глобальному многокультурному сообществу международныхников

Повторим основную мысль данного раздела: наука МО в России сформировалась и успешно становится на ноги как самостоятельная дисциплина. Вместе с тем, если всерьез ставить задачу интеграции в глобальное сообщество, вся основная работа у российских международныхников еще впереди. Нам представляется, что такая интеграция не будет успешной без решения вопросов национальной идентичности и осознания своего «Я» в мире. Мы также полагаем, что российский интеллектуальный потенциал значителен и вполне может способствовать преодолению обозначенного кризиса идентичности и дальнейшему развитию МО в России. Интеграция в глобальную общественную науку не может быть линейным или детерминистским процессом по причине сохраняющихся принципиальных отличий локальных культур друг от друга. Такие культуры различаются по своему историческому опыту, а также помещены в особые современные ситуации, что не может не воздействовать на их восприятие мира и их восприятие в мире. Развитие глобальной социальной науки не может и не должно быть односторонним процессом, в котором один (Запад) является учителем, а все остальные — его учениками. Единство мира, его целостность не отменяет его культурного многообразия, что предполагает взаимность обучения представителей разных культур при сохранении и развитии их особенностей.

Учитывая эти соображения, мы позволим себе сформулировать некоторые нормы для стремящихся к развитию глобального знания в условиях многокультурного мира. Работающим на Западе необходимо осознать, что знание не является культурно универсальным и воспринимается по-разному в различных культурных сообществах. Следует понимать, что развитие подлинно глобальных и международных исследований, укрепляющих доверие и уважение в мире, возможно только на основе признания плюрализма и разнообразия культур и ци-

визаций. Для работающих в России и в иных незападных контекстах это означает необходимость преодоления горизонтов культурного национализма. Имеющийся у России богатый интеллектуальный капитал, важной частью которого являются классовый политико-экономический анализ, геополитическое мышление, культурно-исторические теории и религиозно-философская познавательная традиция, должно пополняться и далее. Однако условием такого пополнения должно стать переосмысление этого интеллектуального капитала в соответствующем духе открытости. В глобализующемся мире, национализм не менее опасен, чем имперский этноцентризм Запада. В новых глобальных условиях международникам следует разрабатывать стратегии культурной адаптации, а не изоляционизма. Их миссия в том, чтобы объяснить нередко имперски настроенному Западу, что мы хотим интеграции в мировое общество, но не любой интеграции и не на любых условиях. Как сказал по этому случаю Эдвард Саид, миссия интеллектуалов состоит в том, чтобы вступать в диалог с имперским центром, «вовлекаться в имперский дискурс, преобразовывать его и заставлять его признать маргинализованные, репрессированные или забытые истории»¹.

¹ Said E. Culture and Imperialism. New York, 1993, с. 216.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

I. Современное состояние российской науки МО

Глава 1. Постсоветские исследования международных отношений в России: плюрализация, вестернизация, изоляционизм	11
---	----

1. Введение	11
2. Советский марксизм и наследие российской самоидентичности	17
3. Плюрализация и рождение новой самоидентичности	21
4. Кризис самоидентичности: вестернизация против изоляционизма	25
5. К лучшему пониманию российской (и западной) науки МО ..	30
6. Заключение	34

Глава 2. Институциональное измерение российской науки МО	39
--	----

Глава 3. Восприятие западных теорий в постсоветской России	58
--	----

1. Введение	58
2. Проблема восприятия западных теорий	60
3. Российский международный дискурс	64
4. Российское восприятие теории Фукуямы	67
5. Восприятие теории Хантингтона	72
6. Уроки «диалога» с Фукуямой и Хантингтоном	78

II. Споры и парадигмы

Глава 4. Российские дебаты по международным отношениям в посткоммунистический период	85
--	----

1. Введение	85
2. Атлантисты («Западники»)	86
3. Евразийцы	88
4. Реализм	92
5. Либеральная парадигма	96
6. Неомарксисты	99
7. Пост-модернизм в России?	103
Выводы	107

Глава 5. Место реализма в российских исследованиях МО	114
---	-----

1. Введение	114
2. Российский реализм: подходы и проблемы	115
3. Реализм и дебаты после распада Советского Союза	123
4. Основные положения современного реализма	127

5. Будущее российского реализма и вопрос о российской государственной идентичности	131
Глава 6. Дилеммы и обещания российского либерализма	138
1. Введение. Российский либерализм: между западничеством и национальной демократией	138
2. Распад СССР и российский либерализм	141
3. Дискуссии в лагере российских либералов	147
4. Будущее российского либерализма	160
Глава 7. Россия и новый миропорядок в отсутствие левой альтернативы	166
1. Левая альтернатива и мир XX века	166
2. Распад советской модели: крах или эволюция?	168
3. Становление постсоветского (глобального) миропорядка ..	173
4. Роль России	180
5. Будущее миропорядка и левая альтернатива	187
Глава 8. Вопросы глобализации и равенства в российской политологии	192
1. На грани глобализации и равенства: значение различий	192
2. Глобализация и равенство в российских исследованиях	195
3. Начало дебатов по глобализации и равенству в постсоветской России	198
4. Новые центры изучения глобализации в российской политологии	201
5. Основные подходы к изучению глобализации в российской политологии	205
6. Воздействие изучения глобализации на вопросы равенства в российской политологии	208
7. Области, требующие дальнейших исследований	211
III. Исследовательские направления	
Глава 9. Изучение проблем безопасности в России	219
1. Введение	219
2. Интеллектуальные корни	221
3. Распад СССР: новый контекст	226
4. Природа и компоненты международной безопасности ..	229
5. Модели международной безопасности	232
6. Заключение	240
Глава 10. Геополитика как профессия и как научная дисциплина: направления эволюции геополитической мысли современной России	246
1. Введение	246
2. Телеология пространства и проблемы национальной безопасности	248

3. Эволюция геополитической мысли в современной России: основные направления и тенденции	263
Глава 11. Этнический фактор в постсоветских исследованиях МО	280
1. Основные теоретические подходы к проблеме этничности в МО	281
2. Этнический фактор и мировой порядок	287
3. Осмысление этнической идентичности	290
4. Этнические конфликты	295
Глава 12. Проблематика международных переговоров: от популярности к упадку	301
1. Введение. Переговоры и их исследования	301
2. Советский опыт изучения переговоров	304
3. Расцвет отечественных исследований по переговорам ..	310
4. Постсоветский парадокс: необходимость переговоров и умирание переговорной проблематики	315
5. Будущее переговорной проблематики	319
Глава 13. Международная политэкономия: состояние и перспективы ...	327
1. Международная политическая экономия: западные и российские корни	327
2. Советский разрыв и болезненное рождение постсоветской МПЭ	330
3. Будущее российской МПЭ: Проблемы и возможные решения	334
Глава 14. Современность и постсовременность в изучении МО	343
1. Введение	343
2. Современна ли Россия?	346
3. Россия: постмодернистская страна?	352
4. Постмодернистский взгляд во внешний мир	359
Глава 15. Глобальный мир и будущее российской теории международных отношений (Вместо заключения)	374
1. Введение	374
2. Современное состояние российской теории международных отношений	375
2.2. Проблемы дальнейшего развития	378
2.3. Причины пробуксовывания	382
3. Задачи на будущее	383
4. Вместо заключения: к глобальному многокультурному сообществу международников	395